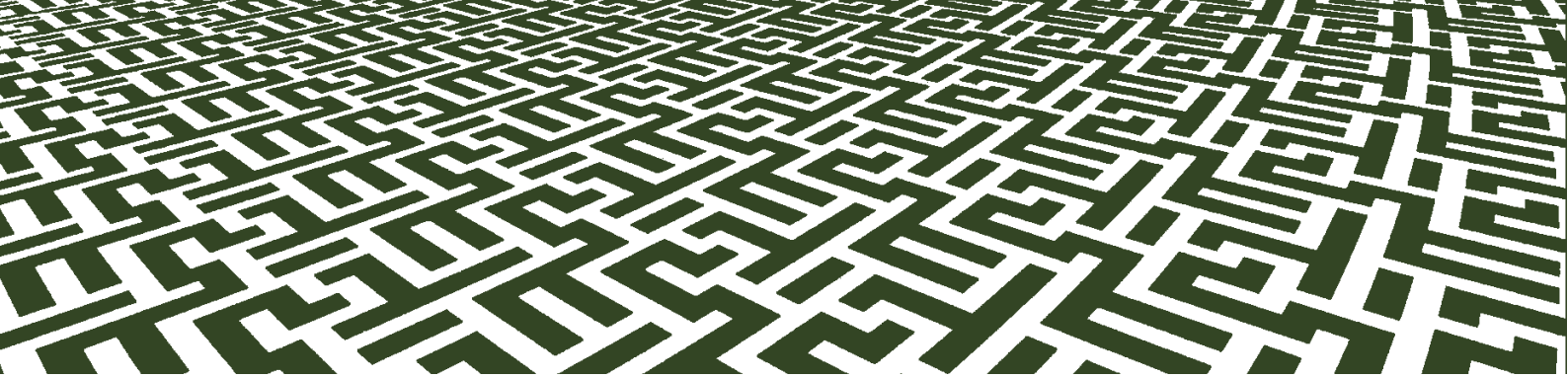

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история

№3
2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
научный журнал

№ 3/2024

дата публикации: 22.08.2024 г.

Является сетевым СМИ
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.
ISSN 2587-7666
Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:
Экономические: 5.2.1. Экономическая теория
Социологические: 5.4.2. Экономическая социология
Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

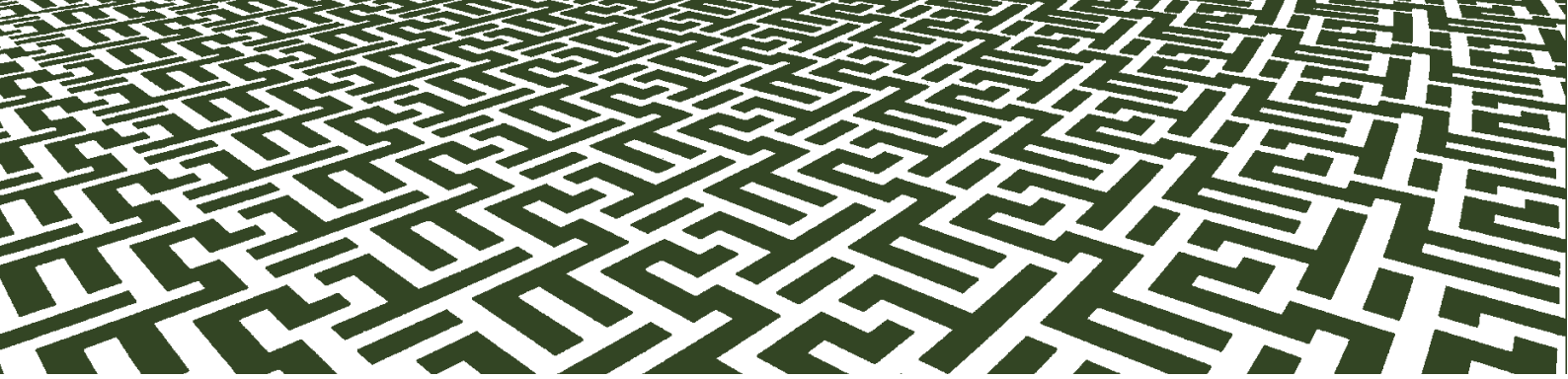
Редакционная коллегия

В.С. Автономов
О.И. Ананьин
М.Р. Байсингер (США)
А.Е. Варшавский
М.И. Воейков
зам. гл. редактора
Г.Д. Гловели
Р.С. Гринберг
В.Е. Дементьев
А.П. Заостровцев
зам. гл. редактора
Л.В. Зеленоборская
Р.И. Капелюшников
С.Г. Кирдина-Чэндлер
А.М. Либман (ФРГ)
В.И. Маевский
Н.А. Макашева
зам. гл. редактора
В.С. Мартьянов
В.Ю. Музычук
А.Н. Олейник (Канада)
Н.М. Плискевич
зам. гл. редактора
Л.И. Полищук
В.М. Полтерович
Т.Ф. Ремингтон (США)
А.Я. Рубинштейн
М.Е. Симон
Н.Е. Тихонова
М.Ю. Урнов
Б.А. Хейфец
Т.В. Чубарова
зам. гл. редактора

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@inecon.ru

© Вопросы теоретической экономики, 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- Economic Theory
- From Theory to Economic Policy
- History of thought
- Interdisciplinary Studies
- Economic History

№3
2024

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY
scientific journal

№ 3/2024

Publication Date: 22.08.2024

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov
O.I. Anan'in
M.R. Beissinger (USA)
A.E. Varshavskiy
M.I. Voyeikov
Deputy Chief Editor
G.D. Gloveli
R.S. Grinberg
V.E. Dementiev
A.P. Zaostrovtsev
Deputy Chief Editor
L.V. Zelenoborskaya
R.I. Kapelyushnikov
S.G. Kirdina-Chandler
A.M. Libman (FRG)
V.I. Mayevskiy
N.A. Makasheva
Deputy Chief Editor
V.S. Martyanov
V.U. Muzychuk
A.N. Oleinik (Canada)
N.M. Pliskevich
Deputy Chief Editor
L.I. Polishchuk
V.M. Polterovich
T.F. Remington (USA)
A.Y. Rubinshtein
M.E. Simon
N.E. Tikhonova
M.Y. Urnov
B.A. Kheyfets
T.V. Chubarova
Deputy Chief Editor

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@inecon.ru
© Issues of Economic Theory, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

М.Э. Дмитриев
Ход реализации и итоги реформ социальной сферы начала 2000-х в России: переосмысление в ретроспективе 7

К.С. Саблин, О.В. Валиева
Креативные индустрии в современной экономике: определение, подходы к измерению 31

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

О.А. Кислицына
Представления о неравенстве и отношение к политике перераспределения доходов в России 50

М.А. Юревич
Умная специализация и антикризисная устойчивость регионов России 60

А.Р. Авакян
Роль бюджетных правил и их эффективность в достижении макроэкономической стабильности 73

Т.Л. Клячко
Заработная плата профессорско-преподавательского состава и научных работников российских высших учебных заведений 93

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

А.В. Галеев, О.В. Черников
«Лекции по юриспруденции» в контексте развития экономической теории Адама Смита 122

О.Н. Борох
Экономическое учение Чан Кайши: политические оценки и академические интерпретации (Часть 1. Китайские и зарубежные отклики 1940-х годов) 139

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Э.А. Паин
Позитивное выравнивание в языковой политике: «за» и «против». Опыт СССР, современной России и других государств 151

А.Н. Медушевский
Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть I) 171

А.Н. Татарко, Е.В. Бушина, А.А. Миронова
Взаимосвязь институционального доверия и политической активности онлайн 186

А.В. Оболонский
Нематериальные детерминанты социально-экономического поведения, или «Не хлебом единым» (Статья первая) 200

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В.Л. Степанов
Таможенная охрана отечественной промышленности в трудах и политике Н.Х. Бунге 216

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

M. Dmitriev
Implementation and Outcomes of Social Policy Reforms of Early 2000s in Russia: Reassessment in Hindsight 7

K. Sablin, O. Valieva
Creative Industries in the Modern Economy: Definition, Approaches to Measurement 31

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

O. Kislitsyna
Perceptions of Inequality and Attitudes Towards Income Redistribution Policies in Russia 50

M. Yurevich
Smart Specialization and Anti-Crisis Stability of Russian Regions 60

A. Avakyan
The Role of Fiscal Rules and Their Effectiveness in Achievement of Macroeconomic Stability 73

T. Klyachko
Salary of Teaching Staff and Researchers of Russian Higher Educational Institutions 93

HISTORY OF THOUGHT

A. Galeev, O. Chernikov
«Lectures on Jurisprudence» in the Context of the Development of Adam Smith's Economic Theory 122

O. Borokh
Economic Teaching of Chiang Kai-Shek: Political Assessments and Academic Interpretations (Part 1. Chinese and Foreign Reactions of the 1940s) 139

INTERDISCIPLINARY STUDIES

E. Pain
Positive Alignment in Language Policy: Pros and Cons. The Experience of the USSR, Modern Russia and Other States 151

A. Medushevskiy
Post-Humanism: Academic Theory, Social Utopia or the New Ideology of Political Dominance? 171

A. Tatarko, E. Bushina, A. Mironova
The Relationship between Institutional Trust and Online Political Activity 186

A. Obolonsky
The Non Matherial Determinants of Socio Economical Behavior, Or «Not by the Bread Alone» (Part I) 200

ECONOMIC HISTORY

V. Stepanov
Customs Protection of Domestic Industry in the Works and Politics of N.H. Bunge 216

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

М.Э. Дмитриев
д.э.н., президент, Хозяйственное партнёрство «Новый экономический рост» (Москва)

ХОД РЕАЛИЗАЦИИ И ИТОГИ РЕФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НАЧАЛА 2000-х гг. В РОССИИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. В статье анализируются первоначальные планы, ход реализации и результаты реформ, инициированных в России в конце 1990-х — начале 2000-х гг. по четырём направлениям социальной политики: регулирование трудовых отношений, социальная защита, пенсионное обеспечение и здравоохранение. Автор рассматривает первоначальные цели реформ, уровень реализации и степень достижения целей, а также трансформацию дальнейшей долгосрочной повестки реформ по сравнению с первоначальной. Во всех рассмотренных реформах степень реализации ключевых мер, призванных обеспечить достижение поставленных целей, оказалась сравнительно невысокой. По этому критерию ни одну из рассмотренных реформ нельзя назвать вполне успешной. Однако поставленные цели социальной политики, как минимум по трём из четырёх направлений, оказались парадоксальным образом достигнуты в гораздо большей мере, чем можно было бы ожидать, исходя из процесса реализации реформ. Наибольший вклад в достижение поставленных целей внёс более высокий, чем ожидалось, экономический рост, который способствовал быстрому снижению безработицы и бедности, повышению пенсий и существенному улучшению финансирования здравоохранения. При этом с точки зрения дальнейших перспектив социальной политики нереализованные приоритетные меры из первоначального пакета реформ либо полностью утратили актуальность, как это произошло на рынке труда, либо всё больше вытесняются другими, более востребованными, долгосрочными задачами, как это происходит в сфере социальной защиты, пенсионного страхования и здравоохранения.

Ключевые слова: *рынок труда, социальная защита, пенсионная реформа, реформа здравоохранения, старение населения.*
JEL: J14, J22, J23, I38, I18
УДК: 338.2
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_7_30
© М.Э. Дмитриев, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Дмитриев М.Э.* Ход реализации и итоги реформ социальной сферы начала 2000-х гг. в России: переосмысление в ретроспективе // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 7–30. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_7_30.
FOR CITATION: *Dmitriev M.* Implementation and Outcomes of Social Policy Reforms of Early 2000s in Russia: Reassessment in Retrospect // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 7–30. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_ 2024_3_7_30.

Введение

Во второй половине 1990-х и начале 2000-х гг. я в качестве эксперта и заместителя министра[1] активно участвовал в разработке и реализации повестки реформ в социальной сфере. Больше всего в этот период мне пришлось заниматься вопросами рынка труда, социальной защиты, пенсионного и медицинского страхования.

Большая часть инициатив по этим направлениям была сформулирована ещё во второй половине 1990-х гг и, естественно, отражала экономические проблемы того времени в контексте существовавших тогда представлений о перспективах социально-экономического развития. Сейчас, по прошествии четверти века, многое из репертуара реформ той эпохи с высоты накопленного опыта видится в ином свете, чем непосредственно в период их разработки. Прежде всего это связано с тем, что траектория последующего долгосрочного развития страны оказалась во многом отличной от ожиданий, сложившихся к концу 1990-х гг.

В течение последующих двух с половиной десятилетий условия экономического развития России менялись неоднократно и не всегда предсказуемо. Особенно неожиданным оказался запуск специфической модели сверхбыстрого экономического роста нулевых годов, сложившейся под влиянием стремительного роста спроса мировой экономики на первичные ресурсы в условиях ускорившейся глобализации и форсированной индустриализации Китая. В контексте этих изменений расстановка приоритетов в социальной сфере тоже трансформировалась, причём подчас весьма неожиданно. Значимость некоторых проблем, казавшихся первостепенными в контексте 1990-х, на протяжении 2000-х гг. заметно ослабла. Некоторые из них утратили актуальность безотносительно к тому, насколько успешно были реализованы меры, предпринятые для их решения. Одновременно в социальной сфере появлялись как новые проблемы, так и новые возможности. В результате первоначальная повестка реформ в социальной сфере постепенно трансформировалась, порой до неузнаваемости. В трудовой сфере приоритеты вообще сменились на прямо противоположные.

Таким образом, в контексте накопленного опыта социально-экономического развития первой четверти XXI в., значимость многих мер и решений, осуществлявшихся в социальной сфере на рубеже веков, нуждается в переосмыслении. В данной публикации я рассмотрю четыре случая ретроспективной переоценки приоритетов социальной политики. Они относятся к тем направлениям социальной политики, которыми мне довелось непосредственно заниматься в конце 1990-х — начале 2000-х гг.

Но прежде чем перейти непосредственно к анализу эволюции приоритетов по этим направлениям, считаю необходимым сделать несколько оговорок. Во-первых, данную публикацию не следует рассматривать как попытку сформулировать альтернативную повестку социальной политики на дальнейшую перспективу. Для этого по каждому из рассматриваемых направлений необходимо было бы проделать огромную дополнительную работу по доказательному формулированию политики, что, за исключением, быть может, некоторых аспектов развития здравоохранения, выходит далеко за пределы возможностей данного небольшого исследования. Во-вторых, я, будучи одним из авторов и непосредственных участников реформ, хотел бы прежде всего отразить эволюцию моего личного профессионального восприятия этих процессов. Тем самым, я заведомо признаю субъективный характер некоторых оценок и допускаю, что возможны иные, в некоторых случаях даже прямо противоположные интерпретации. В-третьих, я не пытаюсь добиться строгой доказательности. Многие данные, характеризующие развитие социальной сферы, не обнов-

[1] В 1997–1998 гг. — первый заместитель министра труда и социального развития, в 2000–2004 гг. — первый заместитель министра экономического развития и торговли Российской Федерации.

лены до самых последних доступных значений в тех случаях, когда, на мой взгляд, более актуальная информация не меняет представленных выводов.

Наконец, если перефразировать известные слова о Великой французской революции, приписываемые Чжоу Эньлаю, несмотря на четверть века, отделяющие нас от рассматриваемых событий, всё ещё прошло недостаточно времени, чтобы давать им однозначные оценки. Поэтому сегодня при обсуждении реформ начала 2000-х гг. едва ли вообще возможно избежать фреймирующих оценочных суждений типа «стакан наполовину полон или наполовину пуст».

Цели реформ конца 1990-х — начала 2000-х

Регулирование трудовых отношений

Главной проблемой на рынке труда 1990-х гг. была высокая безработица. Её пиковые значения по определению Международной организации труда (МОТ) в конце 1990-х достигали 13%. Поэтому все реформы рынка труда были нацелены в первую очередь на повышение занятости. В их число входило совершенствование активной политики занятости (обучение, содействие трудоустройству, субсидирование рабочих мест) и реформирование трудового законодательства с целью повышения гибкости рынка труда, которое способствовало бы росту спроса на труд и созданию рабочих мест. Трудовое законодательство, унаследованное от советской эпохи, окончательно сложилось к концу 1970-х гг., когда ключевой проблемой был растущий дефицит рабочей силы, в то время как безработица официально вообще отсутствовала. Работодатели не нуждались в дополнительных стимулах для найма рабочей силы, поскольку экстенсивный характер экономического роста в большинстве случаев и так диктовал необходимость расширения занятости, в то время как ликвидация рабочих мест была нечастым явлением. Поэтому жёсткие барьеры для увольнения, существовавшие в советском законодательстве, не препятствовали увеличению занятости.

Но в условиях спада, стагнации и нестабильности выпуска, характерных для 1990-х гг., когда объёмы производства на конкретном предприятии могли неожиданно упасть в любой момент, правовые ограничения для увольнения избыточных работников и высокие налоги на фонд оплаты труда снижали заинтересованность работодателей в дополнительном найме. Поэтому на первый план в повестке реформ в сфере трудовых отношений и занятости выдвинулось снижение барьеров для занятости и создания рабочих мест. Для этого требовалось снижение прямых и косвенных издержек работодателей на рынке труда (включая налоги на фонд оплаты труда и издержки регулирования), а также более гибкие условия найма и увольнения. Такие изменения предполагали внесение многочисленных корректив в трудовое законодательство и законы о социальном страховании.

Социальная защита

Ключевой проблемой 1990-х гг. в этой сфере была очень высокая бедность, которая на пике достигала трети населения страны. Рост бедности был вызван глубоким падением реальных доходов населения в сочетании с резким скачком неравенства доходов. Между тем советская система социальной защиты в первые годы перехода к рынку не претерпела существенных изменений и не была рассчитана на высокий уровень неравенства. В ней преобладали категориальные трансферты, в виде льгот и дотаций на товары и услуги, не основанные на проверке нуждаемости. Расходы на социальное обеспечение и страхование выросли за первые три года перехода к рынку на 17% в реальном выражении, но растущая их доля попадала в высокодоходные семьи, в том числе потому, что такие семьи имели возможность приобретать больше льготируемых товаров и услуг. Это приводило

к перенапряжению бюджетной системы без какого-либо результата для бедных. Согласно оценкам (МОТ) эффективность программ социальной помощи в России, рассчитанная как удельный вес средств, поступающих семьям, живущим за чертой бедности, в суммарных социальных трансфертах составляла всего 19%. Аналогичный показатель в большинстве развитых стран и в некоторых странах Восточной Европы колебался в пределах 30–50%, достигая максимума 50% в Австралии. При этом доля населения, живущего за чертой бедности в России, была в несколько раз выше, чем в большинстве стран Центральной и Восточной Европы [*Дмитриев*, 1997. С. 24].

Соответственно, в подушевом выражении каждая бедная семья получала в России в несколько раз меньшую долю общих трансфертов, чем в этих странах. Поэтому в центре внимания оказался вопрос повышения эффективности расходов на социальную помощь путём перераспределения бюджетных ресурсов в пользу, как тогда считалось, более эффективного механизма единого адресного пособия, которое фактически должно было предоставляться с учётом доходов или иных критериев нуждаемости домохозяйства.

Пенсионное страхование

В результате кризиса 1990-х гг. не только упали реальные размеры пенсий, но и произошла почти полная компрессия пенсионной шкалы. Иными словами, соотношение между средней и минимальной пенсией сократилось до 1,3, т. е. настолько, что пенсионная выплата для большинства пенсионеров фактически превратилась в уравнительное пособие. При этом к 1999 г. средняя пенсия в реальном выражении упала до немногим более 30% от уровня 1990 г. и едва достигала 70% от прожиточного минимума пенсионера [*Синявская*, 2010]. Остро стояла проблема задолженности по выплате пенсий.

Пенсионная формула была устроена так, что обязательства не корреспондировались с доходами системы и Пенсионный фонд России (ПФР) находился в состоянии неуправляемого нарастания дефицита. Это создавало макроэкономические проблемы. В 1998 г. Правительству путём очень сложных манипуляций с пенсионным законодательством с трудом удалось предотвратить коллапс пенсионных финансов, который мог на несколько месяцев приблизить наступление дефолта.

Кроме того, текущий кризис пенсионной системы развивался на фоне неблагоприятных долгосрочных демографических тенденций, которые вели к старению населения и требовали заблаговременного принятия мер по предотвращению дестабилизации пенсионной системы в будущем, по мере ухудшения соотношения между работающим населением и пенсионерами. В этих условиях приоритетной целью пенсионной реформы было обеспечить среднесрочную устойчивость пенсионной системы, приведя в соответствие её текущие доходы и обязательства распределительного компонента, чтобы обязательства корректировались в соответствии с потоком ресурсов, который идет в систему.

Далее, речь шла о проблемах долгосрочного демографического старения населения, которые, как тогда считалось, более эффективно можно решать путём введения обязательного накопительного компонента при условии постепенного повышения возраста выхода на пенсию. Финансирование первоначальных пенсионных накоплений до начала массовых выплат накопительных пенсий облегчало временное улучшение соотношения между работниками и пенсионерами, которое ожидалось в начале XXI в. под влиянием демографических волн второй половины XX в.

Одновременно необходимо было решать проблему декомпрессии пенсионной шкалы, чтобы восстановить страховой характер пенсионной системы (связь между размером уплаченных пенсионных взносов и размером будущей пенсии). В рамках разрабатывавшейся в конце 1990-х гг. концепции пенсионной реформы предполагалось, что в долгосрочной перспективе введение накопительных пенсий будет способствовать росту дифференциации размеров пенсий в зависимости от заработка в период трудовой

деятельности. В распределительной составляющей пенсионной системы этого добиться труднее, поскольку в ней идёт масштабный переток средств в пользу пенсионеров с низкими прошлыми заработками. У таких пенсионеров индивидуальный коэффициент замещения может достигать свыше 250%. В результате на значительные пенсии для работников с зарплатами выше средних у ПФР просто не оставалось ресурсов (подробнее об этом: [*Гурвич, Сонина*, 2012]). Напротив, размер будущей накопительной пенсии каждого работника непосредственно связан с объёмом уплаченных за него взносов, что обеспечивает более высокую дифференциацию накопительных пенсий в зависимости от прошлого заработка.

Здравоохранение

Система здравоохранения к концу 1990-х гг. оказалась в глубоком кризисе, основной причиной которого стало недофинансирование обязательств. С 1991 по 1999 г. государственное финансирование здравоохранения в реальном выражении упало более чем на 40%. Особенно сократились средства на содержание, ремонт и обновление медицинского оборудования, зданий и автопарка. Снизилась доступность и качество медицинской помощи. Широко распространились формальные и неформальные платежи, в том числе за услуги, которые должны были предоставляться бесплатно, что усилило неравенство в доступе к медицинской помощи. Это происходило на фоне падения продолжительности жизни, роста младенческой смертности и инвалидности.

Однако ресурсы в системе здравоохранения использовались неэффективно. Организация медицинской помощи в 1990-е гг. практически не изменилась по сравнению с советским временем. Сохранился перекос в сторону более дорогой стационарной помощи в ущерб первичному звену. Обеспеченность врачами первичного звена на 1 000 человек населения была примерно в 2 раза ниже, чем в развитых странах [*Структурные изменения…*, 2022. С. 20]. В государственном здравоохранении отсутствовали стимулы для повышения эффективности использования бюджетных средств. Недостаточно внимания уделялось профилактике заболеваний. Ещё одной проблемой стала неравномерная бюджетная обеспеченность регионов. Если Москва и ряд нефтедобывающих регионов полностью и даже с избытком покрывали стоимость программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи (далее — программа госгарантий), то многие другие регионы сталкивались с катастрофической нехваткой средств.

Рост государственных расходов на здравоохранение в реальном выражении начался лишь в 2000-х гг., когда экономический рост резко ускорился. Но в конце 1990-х, когда формировалась обновлённая повестка реформы здравоохранения, на высокие темпы экономического роста ещё никто не рассчитывал. Предполагалось, что возможности для государственного финансирования здравоохранения будут прирастать умеренными темпами. В связи с этим первостепенное внимание уделялось повышению эффективности использования ресурсов, что позволило бы добиться более заметного улучшения доступности и качества медицинской помощи.

Ключевая роль в повышении эффективности отводилась системе обязательного медицинского страхования (ОМС). К концу 1990-х гг. эта система уже была создана, но работала плохо. Речь шла о том, чтобы активизировать страховые медицинские организации (СМО), усилив их заинтересованность и возможности по контролю за эффективным использованием средств и качеством медицинской помощи в интересах пациентов. Для государственных медицинских учреждений планировалось изменить систему финансирования, включая замещение сметного финансирования другими методами, ориентированными на результаты деятельности, а не на покрытие затрат. Также предполагалось расширить возможности для межрегионального выравнивания бюджетной обеспеченности системы здравоохранения.

Итоги реализации реформ

Некоторые отмеченные выше меры социальной политики были одобрены ещё в конце 1990-х гг. Однако основной пакет реформ в социальной сфере начал реализовываться после одобрения в 2000 г. «Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2010 г.» (далее — Стратегия-2010). К 2010 г. общий уровень реализации мер социальной политики в Стратегии-2010 составил 31% (табл. 1), что несколько ниже среднего по всем направлениям реформ (почти 40%). Но вариативность реализации внутри социального раздела была очень высокой. Наибольшим уровень реализации оказался пенсионной сфере, в то время как трудовые отношения стали наиболее конфликтной сферой, где уровень реализации составил всего 10%.

Причём особенностью этих преобразований было то, что уровень реализации мер слабо коррелировал с достижением заявленных целей реформ. Особенно наглядно это проявилось в сфере реформирования трудовых отношений и социальной защиты. Ниже мы более подробно рассмотрим эту проблему по каждому из направлений.

Таблица 1
Реализация мер реформ в социальной сфере по направлениям

Раздел / направления	Уровень реализации, %
Средний уровень реализации мер раздела, в том числе по направлениям:	31
пенсионное обеспечение	63
жилищно-коммунальная реформа	39
предоставление социальной помощи населению	31
образование	24
здравоохранение и социальное страхование	20
политика в области трудовых отношений и занятости населения	10

Источник: *Дмитриев М.Э., Юртаев А.С.* Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя. — М.: ЦСР, 2010. С. 23.

Реформирование трудовых отношений

Для реформирования трудовых отношений начиная с 1997 г. было подготовлено несколько вариантов дополнений и изменений в Трудовой Кодекс и другие законы. Первый вариант поправок, подготовленный ещё в середине 1997 г., наиболее последовательно проводил заявленные цели реформы. Но он встретил сильное сопротивление со стороны влиятельной коалиции сил, включая официальные профсоюзы (ФНПР), значительную часть депутатов Государственной думы и многих должностных лиц в министерствах социального блока и аппарата Правительства. В результате работа над поправками затянулась на многие годы. Компромиссные варианты поправок, готовившиеся в течение этого времени, всё более отдалялись от первоначального содержания реформ. В итоге был принят вариант поправок, содержавших лишь незначительную часть первоначально предложенных изменений. Наиболее значимые из оставшихся изменений касались дополнительных возможностей увольнения по инициативе работодателя в связи с экономическими причинами. Также был снят прямой запрет на массовые увольнения (однако эта мера впоследствии была опротестована в судебном порядке) и возникла возможность более широкого использования временного найма. С точки зрения уровня реализации первоначально намеченных мер реформу трудовых отношений можно было бы признать несостоявшейся. Наиболее

значимой для рынка труда реализованной мерой стало снижение налоговой нагрузки на фонд оплаты труда в результате введения плоской ставки подоходного налога и уменьшения ставок и налогооблагаемой базы платежей в фонды социального страхования (в табл. 1 эти меры не отражены, поскольку формально они относились к бюджетно-налоговой, а не социальной политике).

Но несмотря на низкий уровень реализации мер, последующие долгосрочные тенденции на рынке труда привели к тому, что, констатируя формальную неудачу реформы трудового законодательства, в конечном итоге её цели оказались достигнуты. Возможно, даже в большей мере, чем можно было ожидать.

Бурный экономический рост 2000-х гг. обеспечил к 2007 г. снижение безработицы по определению МОТ более чем в 2 раза — с 13 до 6% (рис. 1). В дальнейшем, по мере замедления роста численности экономически активного населения и начала её снижения, тенденция к сокращению безработицы продолжилась, пока она не упала еще в 2 раза — ниже 3%. Это сигнализировало о нарастающей нехватке рабочей силы, которая в большинстве случаев стала превалировать над её избытком. С 2018 г. дефицит на рынке труда начал обостряться. За 2018-2022 гг. доля незаполненных рабочих мест в секторе крупных и средних предприятий выросла более чем в 2 раза, приблизившись к отметке 6% [*Капелюшников*, 2023. С. 60]. На этом фоне начал ускоряться валовый оборот рабочей силы, в результате чего работодатели, особенно на непрерывных производствах, были вынуждены создавать дополнительные вакансии, чтобы придержать резервных работников. Таким образом, привлечение и удержание рабочей силы стало для работодателей гораздо важнее, чем возможность увольнения избыточных работников.

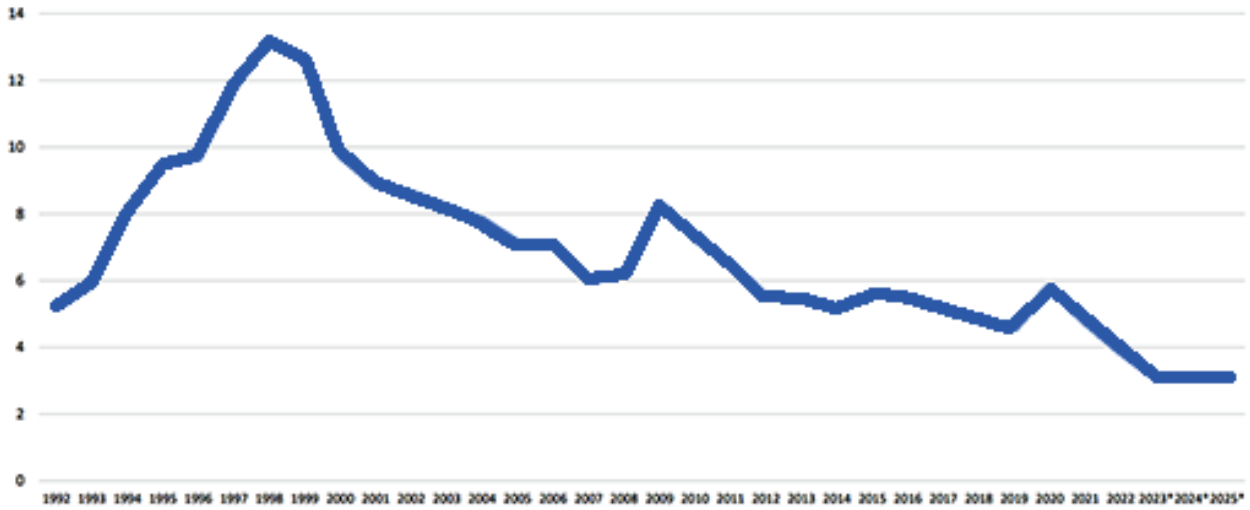

Рис. 1. Динамика безработицы по методологии МОТ в 1992–2025 гг., %; * – прогноз
Источники: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force, прогноз Минтруда на 2023–2025 гг. URL: https://mintrud.gov.ru/docs/2544. Построено автором.

При этом неформальная занятость в течение последних 10 лет практически не менялась [*Капелюшников*, 2023. С. 35] и не могла послужить причиной радикального изменения баланса на формальном рынке труда. В этих условиях компромиссный характер трудового законодательства перестал оказывать сколько-нибудь заметное сдерживающее влияние на динамику занятости. Главным препятствием для роста занятости стали не барьеры со стороны спроса, а недостаточное предложение на рынке труда.

Как справедливо отмечает Р.И. Капелюшников [*Капелюшников*, 2023], большинство долгосрочных изменений на рынке труда, включая предстоящую динамику трудоспособного населения и миграционных потоков, будут и дальше направлены на снижение

предложения. Исключение составляет лишь повышение пенсионного возраста, благодаря которому в период 2026–2027 гг. на рынке труда может появиться 1,2 млн дополнительных работников. Но в целом рынок труда надолго переходит в новый режим: из рынка работодателя в рынок работника, из рынка ограничения по спросу в рынок ограничения по предложению. В условиях глубокой структурной перестройки, в которую вступает российская экономика, когда возникает потребность быстрого перераспределения рабочей силы между разными работодателями, отраслями, сферами деятельности и профессиями, снижающееся предложение работников становится серьёзным барьером для предстоящих структурных изменений и связанных с ними инвестиций.

На этом фоне нереализованная повестка начала 2000-х гг. становится неактуальной. По сравнению с началом 2000-х гг. приоритеты на рынке труда меняются на прямо противоположные. Больше не требуется поощрять спрос на труд. Наоборот, необходимо стимулировать замещение труда капиталом. Этому может способствовать и увеличение налоговой нагрузки на заработную плату, которое фактически уже вошло в повестку налоговой реформы. Что касается мер по развитию предложения труда, то они должны быть направлены на его структурную адаптацию к перспективному спросу, включая развитие непрерывного образования, повышение территориальной мобильности и содействие удалённой занятости, которая снимает очень важные для России географические барьеры. Необходимо и устранение контрпродуктивных ограничений, дестимулирующих предложение, включая избыточные препятствия для найма мигрантов и запрет на индексацию пенсий работающим пенсионерам. Большую роль может сыграть и переход к проактивной миграционной политике, ориентированной на профессиональную подготовку и привлечение из развивающихся стран с растущим населением трудовых мигрантов, обладающих необходимой квалификацией.

Социальная защита

Внедрение адресных социальных выплат, основанных на проверке нуждаемости, и замещение ими безадресных форм социальной защиты до сих пор остаётся нереализованным. По-прежнему значительная часть социальных трансфертов, включая многие виды категориальных выплат и льгот, остаются безадресными. Попытка реформирования категориальных льгот вызвала широкое недовольство населения и была реализована непоследовательно. Универсального адресного пособия по нуждаемости так и не было создано. В итоге переориентация социальных трансфертов на наиболее бедные слои населения сильно затянулась и в этом смысле социальная эффективность выплат росла медленно, а реформы в основном можно было бы признать неудавшимися.

Тем не менее масштабы сокращения бедности превзошли самые оптимистические ожидания. Как и в случае со снижением безработицы, это произошло не столько благодаря мерам социальной политики, сколько вследствие неожиданно ускорившегося роста потребления населения, включая самые малообеспеченные слои.

Причина быстрого снижения бедности кроется не в социальной политике, а в специфической модели роста российской экономики в первые полтора десятилетия XXI в. Эта траектория роста стала неожиданностью для большинства экспертов. В конце 1990-х гг., после длительного спада нефтяных цен, на возможность реализации такой модели роста рассчитывать было трудно. Но в первые 15 лет XXI в. резкое повышение мировых цен на нефть и другие первичные экспортные товары обеспечило России приток экспортной выручки и международных инвестиций, что, в свою очередь, привело к росту реального эффективного курса рубля и расширению возможностей для импорта потребительских товаров. В долларовом выражении среднедушевые доходы населения выросли более чем в 3 раза [*Доклад*…, 2015. С. 85], что намного повысило доступность импортных товаров массового спроса, цены на которые в долларовом выражении в тот период почти не росли,

а в случае с одеждой и бытовой электроникой даже снижались. Именно благодаря доступному потребительскому импорту стал возможен беспрецедентный скачок благосостояния, наблюдавшийся в тот период. Эти улучшения затронули и большинство бедных семей. В 2000-х гг. бедность, оцениваемая по российской методологии, сократилась в 2,5 раза [*Дмитриев, Мисихина*, 2012]. Но, что особенно важно, абсолютная бедность, измеряемая по международным рекомендациям как доля населения с доходами ниже $2 в день на человека (в данном случае — в ценах 2005 г.), упала более чем в 100 (!) раз — с 5,97% в 2001 г. до статистически незначимых 0,05% в 2009 г. и оказалась ниже, чем в большинстве стран Центральной и Восточной Европы [*Дмитриев, Мисихина*, 2012].

Более детальный анализ уровня благосостояния бедных и небедных домохозяйств показал незначительный разрыв между этими двумя группами по потреблению основных продуктов питания, обеспеченности предметами длительного пользования и даже по обеспеченности жильём (подробные данные по всем этим позициям приводится в [*Дмитриев*, *Мисихина*, 2012]). Калорийность рациона питания бедных оказалась выше, чем у небедных. Что касается потребления разных видов продуктов, то структура питания у бедных намного улучшилась, и разница с небедными в большинстве случаев оказалась невелика. В отношении товаров длительного пользования, дорогостоящих по тогдашним российским меркам, разница в обеспеченности между бедными и небедными по многим позициям сошла на нет. В 2017 г. и у бедных, и у небедных (соответственно, 1-й и 5-й квинтили распределения домохозяйств по доходам) на 100 домохозяйств было значительно больше 100 телевизоров и холодильников/морозильников, а также практически одинаковое число стиральных машин и пылесосов. По числу мобильных телефонов бедные домохозяйства опережали небедные на 30%. Даже по персональным компьютерам, несмотря на отставание от небедных в 1,4 раза, обеспеченность у бедных превысила 100 компьютеров на 100 домохозяйств. Большой разрыв между бедными и небедными наблюдался только по посудомоечным машинам и кондиционерам (в 3 раза), которых, впрочем, и у небедных было немного, а также по автомобилям (почти в 2 раза).

Слабая дифференциация по предметам длительного пользования может отчасти объясняться тем, что в то время в бедных семьях ещё сохранилась часть бытовой техники с советских времён. Другой причиной могло быть то, что совокупность бедных домохозяйств не была статичной из-за сильных колебаний доходов бедных и небедных семей. Согласно исследованиям, сделанным на многолетних панельных данных обследований доходов домохозяйств, в 1990-е гг. активизировались перемещения домохозяйств из небедных в бедные (нисходящая мобильность) и обратно [*Богомолова, Тапилина, Ростовцев,* 2002]. При этом нисходящая мобильность в условиях падения средних реальных доходов преобладала. По этой причине категория бедных регулярно пополнялась небедными (в недавнем прошлом) домохозяйствами, которые, как правило, до этого успевали обзавестись основными предметами длительного пользования.

Неожиданным было и то, что различия в обеспеченности жильём тоже оказались довольно невелики. Почти все бедные и небедные жили в отдельных квартирах или домах, причём среднее число жилых комнат у бедных домохозяйств было больше, чем у небедных, а средний подушевой размер жилой площади у бедных лишь в 1,5 раза меньше, чем у небедных. Но причина небольших различий по жилью была иной, чем случае с предметами длительного пользования. Доступность жилья, в отличие от предметов длительного пользования, слабо зависит от импорта, а объёмы ввода жилья в 1990-е и 2000-е гг. сильно упали по сравнению с поздним советским периодом. Ипотека оставалась неразвитой, поэтому небедные домохозяйства имели ограниченные возможности для улучшения жилищных условий, в то время как многие бедные семьи успели улучшить жилищные условия ещё в советское время благодаря рекордным вводам жилья в период перестройки. Из-за ограниченных возможностей улучшения жилищных условий в первые два десятилетия

перехода к рынку многие небедные домохозяйства были вынуждены переключать спрос с жилья на дорогостоящие предметы длительного пользования, например, дорогие автомобили и электронику, а также на зарубежный туризм.

Таким образом, в целом, несмотря на ограниченный вклад адресных социальных выплат в преодоление бедности, уже к концу 2010-х гг. проблема бедности утратила первоначальную остроту, характерную для 1990-х гг., в основном благодаря отмеченным выше особенностям модели экономического роста, реализованной в нулевые и в первой половине 2010-х гг. Численность бедных неуклонно снижалась, а сближение благосостояния бедных и небедных было настолько значительным, что в пределах досягаемости оказалось обеспечение гарантированного базового дохода для всех.

Повестка преодоления бедности, особенно крайней бедности, была успешно реализована, несмотря на очевидную пробуксовку реформ по переходу на адресные социальные выплаты. В связи с этим возникает закономерный вопрос, насколько актуальной остаётся задача перехода на адресную помощь по сравнению с другими приоритетами в этой сфере?

Чтобы ответить на него, вернёмся к Стратегии-2010. Одним из новаторских положений её социального раздела было провозглашение идеи субсидиарного государства. Смысл её состоял в том, что в социальной сфере государству необходимо участвовать прежде всего в решении тех проблем, которые сами граждане, гражданское общество и частный сектор не в состоянии решить самостоятельно по объективным причинам. В реальной повестке социальных реформ эта идея в период реализации Стратегии-2010 почти не получила практического развития и во многом так и осталась декларацией. Но в свете достигнутых успехов по преодолению бедности актуальность принципа субсидиарности значительно возросла.

По мере снижения остроты проблемы бедности на первый план в сфере социальной защиты стали выходить проблемы, для решения которых поддержку необходимо оказывать отнюдь не только людям с доходами ниже прожиточного минимума, а размеры такой поддержки, в отличие от классических адресных пособий, не могут сводиться к доплатам до уровня прожиточного минимума. К подобным случаям относится прежде всего социальная поддержка в трудных жизненных ситуациях, которые, как правило, связаны не с тем, что доходы домохозяйств падают до прожиточного минимума, а с тем, что по объективным, (отчасти) не зависящим от них самих причинам у граждан возникает социально признанная потребность в больших дополнительных расходах, которые не покрываются доходами в пределах прожиточного минимума. Таких жизненных ситуаций очень много: инвалидность, дорогостоящий уход, сиротство, безнадзорность, наркотическая зависимость, внезапная потеря кормильца, последствия природных и техногенных катастроф и т.д. Во всех этих случаях соответствие доходов прожиточному минимуму не может служить критерием для оказания помощи. Прожиточный минимум при этом не является ориентиром ни для выбора бенефициара, ни для определения размера трансфертов, которые этому бенефициару необходимы. Важным условием помощи во многих трудных жизненных ситуациях является проактивный подход со стороны государства, в отличие от адресных пособий, которые часто предполагают инициативу обращения со стороны потенциального получателя. Многие граждане, попавшие в такие ситуации, не имеют возможности самостоятельно обратиться за помощью (например, тяжелобольные или жертвы катастроф). Людям в трудной жизненной ситуации часто необходима помощь не в денежном, а в натуральном виде (специализированные услуги, лекарства, временное жилье, предметы первой необходимости и др.).

Несмотря на развитие программ помощи в трудных жизненных ситуациях, в этой сфере всё ещё сохраняется немало пробелов и узких мест. По мере того, как снижается востребованность пособий по нуждаемости для бедных, возрастает приоритетность развития

программ поддержки в трудных жизненных ситуациях, непосредственно не связанных с бедностью. Всё это ведёт к необходимости комплексного пересмотра приоритетов дальнейшего развития системы социальной защиты по сравнению с повесткой начала 2000-х гг.

Пенсионное обеспечение

По итогам 10 лет реализации Стратегии-2010 уровень реализации мер пенсионной реформы оказался самым высоким среди других направлений социальной политики. В целом успешной оказалась параметрическая реформа распределительной составляющей пенсионной системы, если не считать отложенного на более поздний период повышения пенсионного возраста. Благодаря корректировке пенсионной формулы и механизма индексации пенсий динамика обязательств ПФР в целом была приведена в соответствие с динамикой поступлений. Не удалось реализовать только заявленную реформу досрочных пенсий с их частичным переводом в накопительный формат, но было начато формирование всеобщего обязательного накопительного компонента пенсионной системы.

В то же время запуск обязательной накопительной составляющей привёл к отвлечению части потенциальных поступлений в ПФР на пополнение долгосрочных накоплений, в то время как массовые выплаты накопительной пенсии должны были начаться гораздо позднее. В условиях, когда рост заработных плат существенно опережал рост ВВП, доходы ПФР позволяли одновременно финансировать пенсионные накопления и поддерживать повышение пенсий в реальном выражении. Однако рост пенсий намного отставал от роста зарплат. Это привело к быстрому снижению коэффициента замещения. С 2000 по 2008 г. коэффициент замещения упал на 7 процентных пунктов (п.п.) и впервые с 1992 г. опустился ниже 29%. Чтобы исправить положение, в 2009 г. было проведено масштабное увеличение пенсий, в том числе путём перерасчёта прошлых заработков для ранее назначенных пенсий и повышения минимальной пенсии до прожиточного минимума пенсионера (ПМП). Средний коэффициент замещения восстановился почти до 40%, и повысилась дифференциация пенсий в зависимости от прошлых заработков. Но это потребовало масштабных бюджетных вливаний в пенсионную систему, благодаря которым пенсионные расходы в России выросли на 3,3 п.п. ВВП — до 9% ВВП и приблизились к уровню ряда стран ОЭСР, от которых ранее они значительно отставали [*Соловьев*, 2021].

В результате всех изменений, проведённых с начала 2000-х гг., включая повышение пенсионного возраста, существующая распределительная пенсионная система может успешно справляться со своими обязательствами в пределах ожидаемых объёмов доходов, как минимум, до середины текущего столетия. Рост реальных доходов пенсионной системы по мере роста ВВП обеспечит повышение средней пенсии в реальном выражении и увеличение её в процентах к ПМП (табл. 2). Но из-за негативных последствий старения населения в сочетании с отказом от обязательной накопительной составляющей этот результат будет достигнут ценой постепенного снижения среднего коэффициента замещения, а также, вероятно, и за счёт компрессии пенсионной шкалы. В некотором смысле, предстоящая долгосрочная эволюция пенсионной системы обещает повторить в замедленном темпе её развитие в первой половине 2000-х гг., но без создания обязательного накопительного компонента.

Таким образом, при существующих демографических тенденциях и в отсутствие обязательного накопительного компонента, который в перспективе помог бы поддержать более высокую дифференциацию пенсий в зависимости от прошлого заработка пенсионеров, пенсия к середине века начнёт всё более тяготеть к уравнительному гарантированному пособию. Это будет означать очень низкие индивидуальные коэффициенты замещения при выходе на пенсию для работников с зарплатами выше средних. Тем самым, страховая пенсия в перспективе обещает стать суррогатом гарантированного базового дохода для пожилых.

Таблица 2

Прогноз соотношения среднего размера пенсии, прожиточного минимума пенсионера (ПМП) и среднего размера заработной платы, 2020–2040 гг.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2030	2035	2040
Прогноз соотношения пенсии и ПМП									
Численность получателей страховой пенсии, млн чел.	40,7	40,24	40,15	39,68	38,95	38,52	38,68	39,41	39,8
Среднегодовой размер страховой пенсии, руб.	15400	16175	16944	17695	18569	19391	25006	32308	42810
Соотношение с ПМП, %	169,5	170,3	172,2	173,6	175,2	175,9	186,0	198,0	216,0
Размер пенсии по старости неработающих пенсионеров, руб.	16400	17432	18357	19283	20202	21124	27630	35986	48124
Соотношение с ПМП, %	181,6	183,5	186,6	189,2	190,6	191,6	206,0	221,0	242,0
Прогноз соотношения среднего размера пенсии и среднего размера зарплаты									
Численность наёмных работников, млн чел.	43,70	43,86	44,16	44,40	44,40	44,23	44,44	44,83	45,05
Соотношение среднего размера страховой пенсии со средним размером зарплаты, %	32,3	31,6	31,3	30,6	30,1	29,5	27,4	25,5	24,4
То же для пенсии по старости неработающих пенсионеров, %	33,4	34,1	33,9	33,4	32,8	32,1	30,3	28,4	27,4

Источник: *Соловьев А.К.* Задачи повышения эффективности пенсионной системы в РФ для преодоления бедности пенсионеров // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2. С. 98–112.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: следует ли предпринимать дальнейшие реформы, чтобы вывести пенсионную систему из долгосрочной колеи, в которую она уже попала? В частности, сохраняет ли актуальность задача преодоления уравнительных тенденций в пенсионной системе и повышение дифференциации пенсий в зависимости от прошлого заработка, устойчивое решение которой не смогла обеспечить ни одна из предыдущих попыток реформ?

Моё мнение состоит в том, что по мере старения населения, которое уже сейчас ведёт к быстрому росту среди получателей пенсий доли пенсионеров более старших возрастов, приоритеты в пенсионной политике и в более широкой повестке будут всё более смещаться к удовлетворению растущих запросов пожилых людей, обусловленных экзистенциальными рисками. Эти изменения ассоциируются с началом так называемого второго эпидемиологического перехода, в ходе которого среди причин смертности, особенно в старших возрастах, возрастает роль злокачественных новообразований, болезней органов дыхания, диабета, нейродегенаративных и других тяжёлых заболеваний. Подобные заболевания часто ведут к инвалидизации и требуют дорогостоящего лечения и ухода. Для пенсионеров старших возрастов, которые с высокой вероятностью сталкиваются с подобными экзистенциальными рисками, потребности в дорогостоящем лечении и уходе выходят на первый план по сравнению с другими аспектами личного потребления, которые финансируются посредством пенсий.

Как будет показано далее при обсуждении реформы здравоохранения, ни бюджеты здравоохранения, ни система социальной защиты в широком понимании в настоящее

время не покрывают и малой доли подобных затрат. Что касается пенсионного страхования, то оно в принципе не рассчитано на покрытие рисков тяжёлых заболеваний. Удовлетворение растущих потребностей пожилых в дорогостоящем лечении и уходе в принципе не может финансироваться путём повышения пенсий. Потребности в расходах на дорогостоящее лечение и уход распределяются среди пенсионеров крайне неравномерно в зависимости от характера заболеваний, распространение которых носит вероятностный характер. Необходимые затраты на лечение и уход во многих, но далеко не во всех, случаях многократно превышают размеры пенсий. Для финансирования этих расходов наилучшим образом подходит система страхования дорогостоящего лечения и ухода при катастрофических заболеваниях. Но, как уже отмечалось, действующая система ОМС и социальной защиты не покрывает многие из данных расходов.

Таким образом, дальнейшие перспективы пенсионной политики необходимо рассматривать в контексте более широкого круга вопросов социальной сферы, где для пожилых людей на первый план выдвигаются нерешённые вопросы дорогостоящего лечения и ухода. Решение этих проблем потребует привлечения колоссальных дополнительных ресурсов в систему здравоохранения и социальной защиты, что неизбежно вступит в конкуренцию за ресурсы с задачей повышения пенсий и их дифференциации в зависимости от прошлых заработков. В связи с продолжающимся старением населения время будет работать на повышение приоритетности финансирования дорогостоящего лечения и ухода для пожилых, а запросы на дополнительное увеличение пенсий, чем дальше, тем больше будут уступать им по значимости. Поскольку эти дилеммы и их возможные решения выходят далеко за рамки пенсионной сферы, мы вернёмся к их обсуждению в следующем разделе, посвящённом реформам здравоохранения.

Здравоохранение

В системе здравоохранения было реализовано множество изменений. Формат данной статьи не позволяет рассмотреть их во всей полноте. Остановимся лишь на некоторых из них, непосредственно связанных с экономическими аспектами развития здравоохранения.

Реформа ОМС была реализована непоследовательно и не принесла желаемых результатов. СМО, вопреки ожиданиям, так и не превратились в агентов эффективности и ориентированности на пациента. Отчасти это связано с тем, что в целях экономии средств СМО были лишены возможности формировать собственные резервы на покрытие страховых рисков. Это свело роль СМО преимущественно к администрированию платежей из фондов ОМС, которые перенаправлялись организациям здравоохранения для оплаты медицинской помощи застрахованным в данной страховой организации гражданам. Покрытие издержек СМО происходит в рамках расходов на ведение дел застрахованных и не зависит от эффективности и результативности медицинской помощи. СМО не несут финансовой ответственности за покрытие сверхнормативных расходов на оказание медицинской помощи прикреплённому населению. Возмещение сверхнормативных расходов СМО на оплату медицинской помощи в конечном итоге идёт за счёт резервов системы фондов ОМС.

В этих условиях у СМО отсутствуют экономические стимулы более эффективного и результативного использования ресурсов ОМС, хотя на них и возложены функции независимого контроля качества медицинской помощи. В результате их роль в системе ОМС оказалась дискредитирована. Многие эксперты склонны считать СМО своего рода «пятым колесом», от которого следует отказаться.

Однако некоторые элементы реформы ОМС действительно усилили стимулы для эффективного использования ресурсов. В начале 2010-х гг. оплата стационарной помощи за случаи лечения стала проводиться по тарифам, устанавливаемым для клинико-статистических групп заболеваний. Это заинтересовало стационары в сокращении продолжитель-

ности госпитализаций, которая с советских времён была избыточной, оказании пациентам более комплексных услуг и повышении обоснованности госпитализаций.

Другим направлением реформ было преобразование части медицинских бюджетных учреждений в автономные. Эти изменения тоже были направлены на усиление стимулов для повышения эффективности и качества медицинской помощи и хорошо сочетались с новыми методами финансирования в рамках ОМС. Автономные медицинские учреждения приобрели больше возможностей для получения доходов и больше самостоятельности в их использовании. Правда, этой возможностью смогла воспользоваться лишь меньшая часть медицинских учреждений. К 2015 г. доля таких организаций по федеральным округам не превышала 20% [*Дорофеев, Стародубов*, 2015]. Поэтому решающего влияния на развитие здравоохранения в целом они не оказывали.

Гораздо более значимыми оказались административные усилия по реорганизации бюджетной сети. С 1998 г. федеральное правительство ежегодно утверждало программу госгарантий бесплатного оказания медицинской помощи. С самого начала в неё закладывались целевые показатели сокращения объёмов стационарной помощи при увеличении услуг первичного звена. Это способствовало уменьшению объёмов помощи в стационарах, но не за счёт снижения числа госпитализаций, а благодаря интенсификации лечения и сокращению его сроков (подробнее об этом см.: [*Структурные изменения*…, 2022]).

В частности, доля пациентов, пролеченных в дневных стационарах, выросла за 2000–2016 гг. почти в 3 раза, приблизившись к уровню некоторых развитых стран. За 2000–2014 гг. число стационаров сократилось более чем вдвое, как вследствие присоединения небольших организаций к более крупным, так и благодаря закрытию плохо оборудованных стационаров. В результате средний коечный фонд больницы вырос почти в полтора раза. Часть поликлиник вошла в состав больниц. Только пятая часть поликлиник осталась самостоятельной.

Ускорению структурных изменений в здравоохранении способствовала передача в 2006 г. основных полномочий по финансированию и управлению территориальными системами здравоохранения с муниципального на региональный уровень. Региональные власти провели сокращение коечного фонда, количества стационаров и амбулаторных учреждений, но без сокращения числа госпитализаций. Таким образом, эффективность использования коечного фонда возросла [*Структурные изменения*…, 2022].

Но все эти меры не могли бы дать желаемых результатов, если бы экономический рост не привёл к кардинальному улучшению возможностей финансирования здравоохранения. За 15 лет с 1999 г. государственные расходы на здравоохранение в постоянных ценах выросли в 2,2 раза и на треть превысили уровень 1991 г. Благодаря этому проводились реконструкция и переоснащение учреждений здравоохранения современным оборудованием, внедрение современных технологий, а также создавались новые федеральные центры высокотехнологичной медицинской помощи. Появилась возможность профинансировать масштабные федеральные программы, такие как приоритетный национальный проект «Здоровье» (2004–2012 гг.), программа диспансеризации (2008 г. — настоящее время), программа «Развитие здравоохранения» (2018–2024 гг.), национальный проект «Здравоохранение» (2018–2024 гг.), а также региональные программы модернизации здравоохранения (2011–2013 гг.).

Улучшение финансирования здравоохранения позволило в 2012 г. поставить задачу ускоренного повышения оплаты труда медицинских работников. Это послужило для региональных администраций дополнительным стимулом для сокращения коечного фонда, стационаров и фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов). Не всегда эти решения были достаточно обоснованы. В частности, в дальнейшем изменилось отношение к роли ФАПов. Новая модель ФАПов отводила им роль форпостов системы здравоохранения в удалённых и малонаселенных территориях.

Результаты всех этих преобразований не замедлили сказаться на показателях здоровья населений. Крайне важный для здравоохранения показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни вырос за два десятилетия почти на 7 лет (рис. 2). Младенческая смертность снизилась более чем в 3 раза, а смертность детей в возрасте до года — в 2,5 раза. Также с середины 2000-х гг. обозначилась устойчивая тенденция к снижению смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, которые были одной из основных причин смертности, а также от болезней органов дыхания, травм и отравлений.

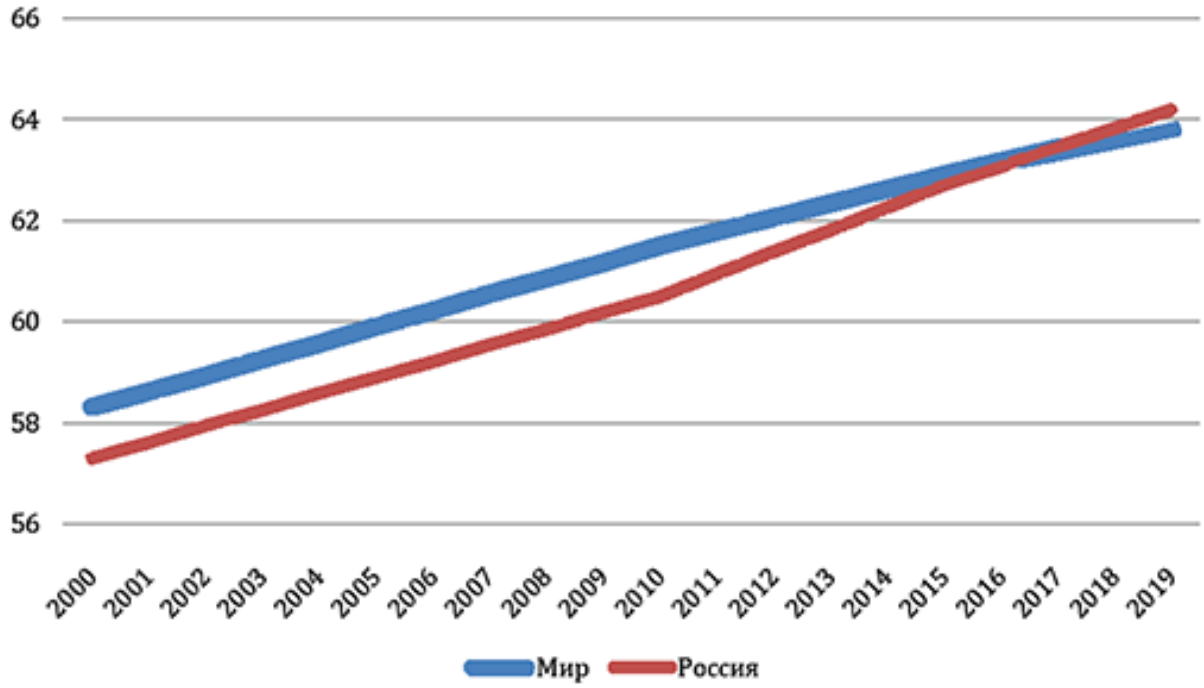

Рис. 2. Динамика ожидаемой продолжительности здоровой жизни в России и в мире, 2000–2019 гг.
Источник: WHO (Всемирная организация здравоохранения). URL: https://data.who.int/indicators/i/48D9B0C/C64284D.

При этом нельзя сказать, что дополнительные средства на финансирование здравоохранения расходовались неэффективно. Существенного улучшения доступности и качества медицинской помощи удалось добиться при относительно скромных подушевых расходах на здравоохранение по сравнению со странами БРИКС и странами Центральной и Восточной Европы, имеющими сопоставимый с Россией уровень среднедушевого ВВП (рис. 3).

Наибольший вклад в улучшение ситуации в здравоохранении внесло общее увеличение финансирования в сочетании с административными мерами по оптимизации структуры оказания медицинской помощи и улучшению мотивации. Вместе с тем не оправдались первоначальные надежды на то, что страховая медицина с участием СМО сыграет решающую роль в повышении доступности и качества медицинской помощи. Отчасти это связано с непоследовательностью реформы ОМС (сведением функций СМО к роли биллинговых компаний), а отчасти с тем, что административные методы развития здравоохранения в сочетании с улучшением ресурсной обеспеченности оказались более результативными, чем ожидалось.

В силу непоследовательности и незавершённости реформы ОМС, эта система во многом остаётся дисфункциональной. Вот как оценивают проблемы ОМС С.В. Шишкин и его коллеги из НИУ ВШЭ [*Шишкин, Шейман, Потапчик, Понкратова,* 2019]:

- недостаточность у участников системы ОМС мотивации для действий, обеспечивающих повышение её эффективности;

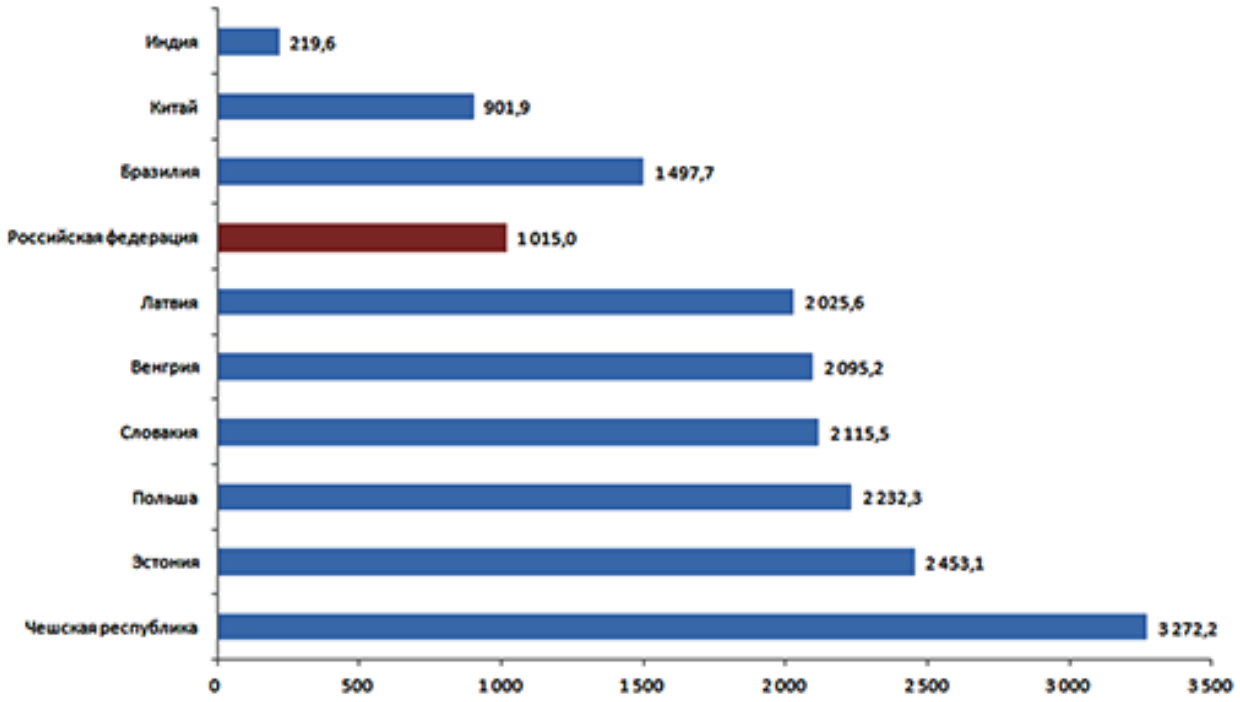

Рис. 3. Подушевые государственные расходы на здравоохранение в разных странах в 2019 г., долл. США по паритету покупательной способности

Источник: построено автором по данным OECD.Stat. URL: https://data-explorer.oecd.org/vis?df[ds]=DisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_SHA%40DF_SHA&df[ag]=OECD.ELS.HD&dq=.A.EXP_HEALTH.PT_B1GQ._T.._T.._T...&pd=2015%2C&to[TIME_PERIOD]=false

- нестабильность финансовых параметров деятельности СМО и медицинских организаций;
- слабая нацеленность планирования и распределения объёмов медицинской помощи на решение задач повышения качества медицинской помощи и эффективности использования ресурсов;
- незавершённость перехода на новые способы оплаты медицинской помощи;
- слабое обоснование тарифов на медицинскую помощь, их чрезмерная индивидуализация;
- сохранение препятствий для участия частных медицинских организаций в системе ОМС;
- недостаточные основания для конкуренции страховых медицинских организаций;
- незавершённость перехода на одноканальную систему финансирования.

Но следует ли в дальнейшем развитии здравоохранения делать ставку на продолжение реформы ОМС с целью устранения перечисленных недостатков? Лично я склоняюсь к асимметричному ответу на этот вопрос.

Первоначальные проблемы, для решения которых была предпринята реформа ОМС в начале 2000-х гг., как было показано выше, во многом оказались решены иными путями. В новых условиях продолжение реформы ОМС в направлении расширения функций СМО и наделения их необходимыми резервами потенциально может способствовать пациентоориентированности, но не обещает каких-либо кардинальных улучшений. В то же время эта реформа может отвлечь значительные административные и финансовые ресурсы от решения множества других, возможно, не менее значимых задач в системе здравоохранения, которые не имеют прямого отношения к работе СМО.

Между тем, повестка развития здравоохранения быстро расширяется, усложняется и охватывает такие разнообразные вопросы, как: обеспечение эпидемиологической безопасности, управление инновациями, цифровизация, развитие компетен-

ций, инвестиции в основные фонды, включая высокотехнологическое медицинское оборудование, улучшение менеджмента медицинских учреждений, формирование стандартов качества, юридическая и страховая защита в случае врачебных ошибок и злоупотреблений, обеспечение доступности лекарственных препаратов, повышение доступности медицинской помощи на удалённых и труднодоступных территориях и многое другое. На фоне этого чрезвычайно широкого спектра важных задач продолжение реформы страховой медицины в рамках ОМС едва ли может претендовать на роль первоочередного приоритета.

Но на следующем этапе развития для страховой медицины открывается перспектива новой масштабной области применения за рамками ОМС, которая может быть более востребована обществом, чем продолжение реформы ОМС в первоначальном формате. Это новое направление обусловлено продолжающимся старением населения на фоне роста продолжительности жизни в сочетании с растущим запросом на повышение доступности дорогостоящих лечения и ухода. Как уже отмечалось при обсуждении пенсионной реформы, по мере старения населения, усиливаются запросы, связанные с экзистенциальными рисками тяжёлых заболеваний и дорогостоящего ухода. Для системы здравоохранения эти тенденции сопряжены со значительным ростом расходов, в том числе по направлениям, которые сейчас в недостаточной степени включены в программу госгарантий.

В странах ОЭСР увеличение ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) на 10 лет сопровождалось ростом общих расходов на здравоохранение в процентах ВВП в 1,7 раза — в среднем с 5% ВВП при ОПЖ 70 лет до 8,6% ВВП при ОПЖ 80 лет (рис. 4, линия). Российское здравоохранение, судя по всему, уже следует этой тенденции. В России при ОПЖ 70 лет расходы на здравоохранение в процентах ВВП находились на среднем уровне ОЭСР при той же ОПЖ, а при увеличении ОПЖ на 3 года до 73 лет выросли на 0,6 п.п. ВВП (рис. 4, столбцы), лишь с незначительным отставанием от линии тренда ОЭСР. При сохранении этой динамики общие прогнозные расходы на здравоохранение при достижении в России ОПЖ 80 лет составят примерно 7,6% ВВП, т. е. будут лишь на 1 п.п. ВВП ниже, чем в ОЭСР.

Однако государственное финансирование здравоохранения в России (рис. 5) ещё при ОПЖ 73 года примерно на 1 п.п. отстало от линии тренда для ОЭСР, и если эта тенденция продолжится теми же темпами, то при достижении ОПЖ 80 лет отставание России от ОЭСР по государственным расходам достигнет почти 2,3% ВВП. В таком случае для достижения паритета с ОЭСР по общим расходам на здравоохранение при ОПЖ 80 лет частные расходы на здравоохранение в России должны будут удвоиться в % ВВП (с 2,2 до 4,4%).

По некоторым направлениям, связанным со старением населения, таким как долговременный уход, отставание России от стран ОЭСР ещё более серьёзно. По доле коек долговременного ухода Россия уже почти в 10 раз отстаёт от тренда по ОЭСР и отставание нарастает по мере роста ОПЖ (рис. 6).

Для доказательной проработки возможных решений, связанных с долгосрочными вызовами старения и роста ОПЖ по инициативе автора статьи в 2019–2020 гг. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы был реализован исследовательский проект [*Дмитриев, Нейштадт*, 2020], результаты которого коротко изложены далее.

Для оценки долгосрочного потенциала роста негосударственных расходов на дорогостоящее лечение и уход, не входящих в настоящее время в программу госгарантий, мы использовали методологию дискретного выбора, которая ранее была успешно применена в ряде развитых стран, включая Швейцарию, Нидерланды и США, для настройки моделей медицинского страхования (например, [*Becker, Zweifel,* 2008]).

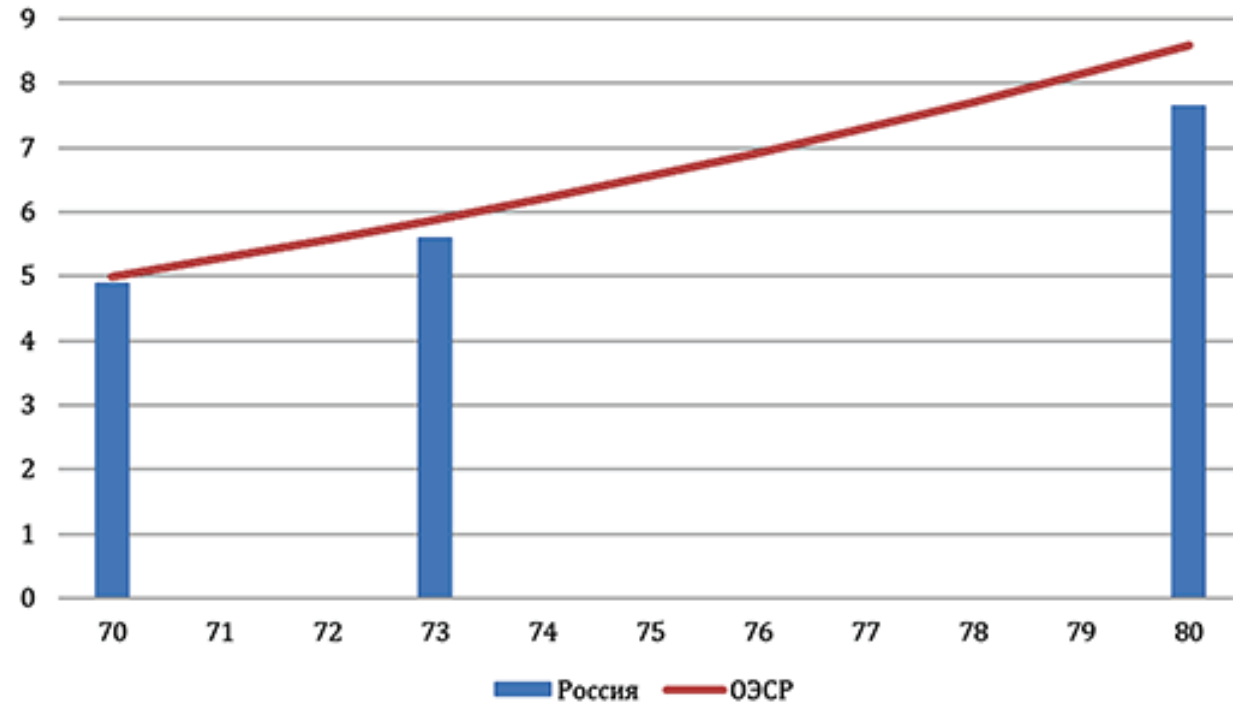

Рис. 4. Общие расходы на здравоохранение в среднем по странам ОЭСР и в России в годы достижения ожидаемой продолжительности жизни, % к ВВП

Источник: рассчитано и построено автором на основе: Структурные изменения в здравоохранении: тенденции и перспективы: Доклад / С.В. Шишкин (ред.). — М.: НИУ ВШЭ, 2022.

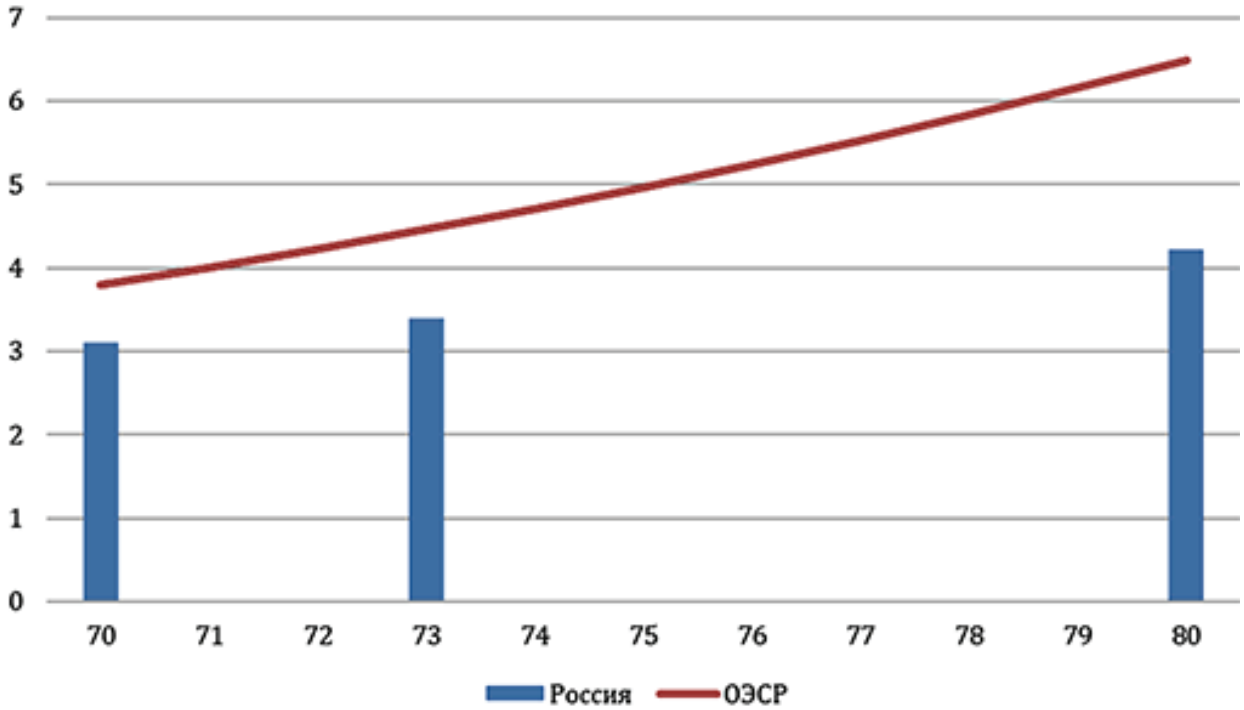

Рис. 5. Государственные расходы на здравоохранение в среднем по странам ОЭСР и в России в годы достижения ОПЖ, % к ВВП

Источник: Рассчитано и построено автором на основе: Структурные изменения в здравоохранении: тенденции и перспективы: Доклад НИУ ВШЭ / С.В. Шишкин (ред.). — М.: НИУ ВШЭ, 2022.

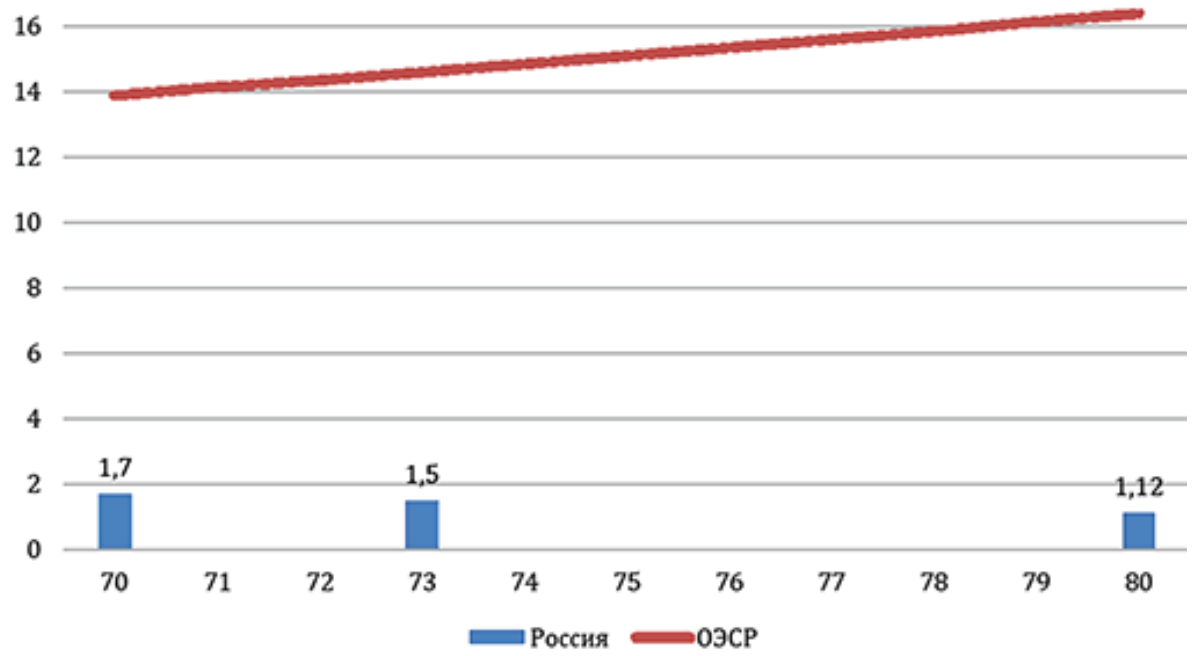

Рис. 6. Средняя доля в коечном фонде коек долговременного лечения по странам ОЭСР и коек сестринского ухода по России в годы достижения ожидаемой продолжительности жизни, %
Источник: расчёты автора на основе: Структурные изменения в здравоохранении: тенденции и перспективы: Доклад НИУ ВШЭ / С.В. Шишкин (ред.).– М.: НИУ ВШЭ, 2022.

Оценка результатов репрезентативного опроса жителей российских городов с населением свыше 500 тыс. человек по методу дискретного выбора показала высокую заинтересованность респондентов в софинансировании из личных доходов средств через дополнительное медицинское страхование (ДМС) высокотехнологической медицинской помощи, лекарств при амбулаторном лечении и дорогостоящего ухода для себя, членов семьи и родителей. Средние размеры приемлемых платежей по направлениям этих расходов варьировались от 0,3 до 4% дохода респондента. Также ⅔ респондентов были готовы при определённых условиях использовать механизм обратной ипотеки для финансирования расходов при катастрофических заболеваниях сверх программы госгарантий (подробнее о возможностях использования механизма обратной ипотеки в этих целях см.: [*Дмитриев, Оконишников*, 2019]).

С учётом полученных результатов мы оценили возможный сценарий поэтапного введения системы ДМС с добровольными взносами, поведенческими стимулами и государственным софинансированием в размере подоходного налога и страховых взносов, начисляемых на эти платежи. По полученным оценкам, при гипотетическом запуске этой модели с 2020 г. общий потенциал ежегодного привлечения дополнительных ресурсов в систему здравоохранения и дорогостоящего ухода из этих источников составил бы к 2038 г. 5,2% ВВП, из которых 2,8% пришлось бы на страховые взносы, а 2,4% — на обратную ипотеку. Даже если некоторая доля этих средств не приведёт к общему росту расходов на здравоохранение, а лишь заместит часть уже имеющихся негосударственных расходов лечение и уход, общий прирост финансирования здравоохранения к концу 2030-х гг. будет достаточен, чтобы достичь паритета с общими расходами на здравоохранение стран ОЭСР в процентах ВВП при ОПЖ 80 лет.

Мы также оценили стоимость возможных пакетов наиболее востребованных дорогостоящих медицинских услуг, не входящих в программу госгарантий. Согласно нашим оценкам, при гипотетическом запуске новой системы ДМС в 2020 г. уже примерно с 2025 г. потенциальная потребность в финансировании такого пакета услуг для всех участников ДМС окажется в пределах доступного в этой системе финансирования (рис. 7).

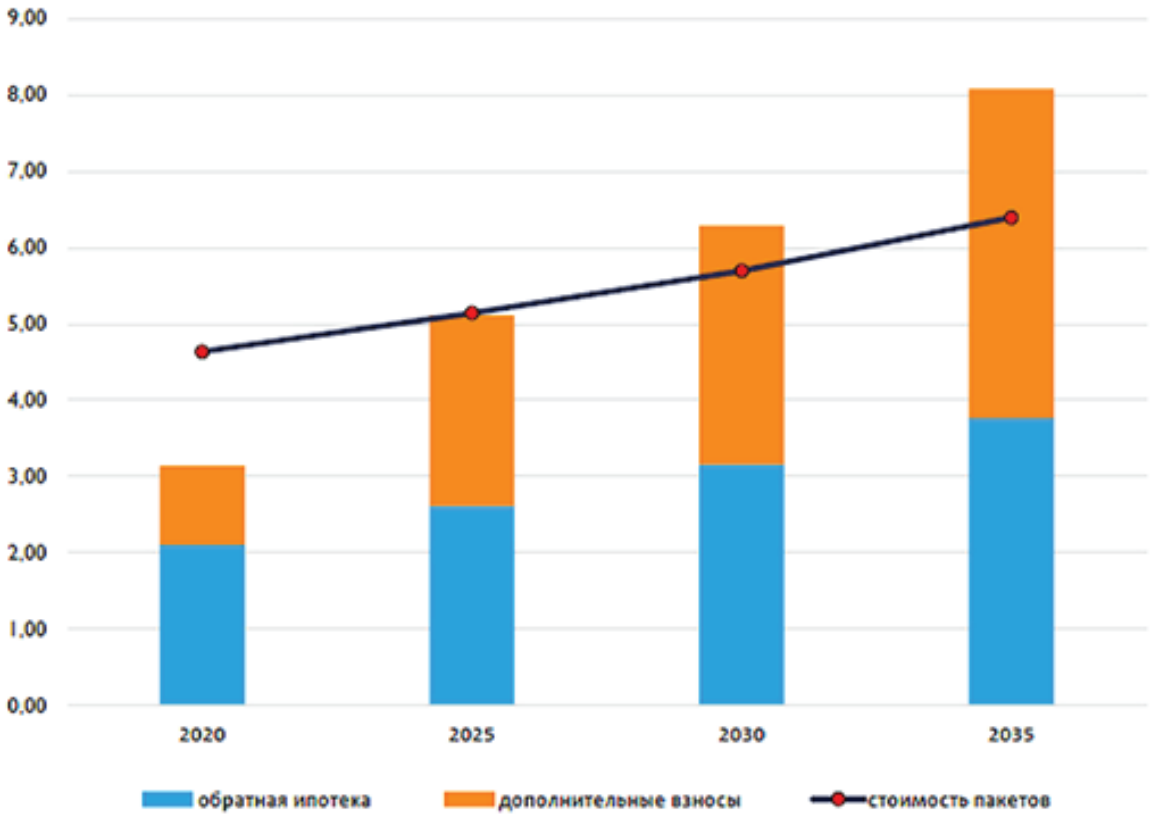

Рис. 7. Оценка ресурсной обеспеченности перспективных пакетов высокотехнологических услуг в гипотетической системе ДМС, трлн руб. в ценах 2018 г.
Источники: рассчитано и построено автором на основе: *Дмитриев М.Э., Нейштадт И.В.* Потенциал увеличения финансирования здравоохранения и дорогостоящего ухода с использованием ресурсов населения и государства // Финансы и бизнес. 2020. №1. С. 73–87.

Значительная часть этих средств — как минимум, те, которые поступят в виде добровольных страховых взносов в ДМС, — будут аккумулироваться в СМО, но уже без посредничества фондов ОМС. Это значит, что СМО будут выполнять весь спектр функций страховщиков, включая формирование резервов, контроль за качеством и эффективностью медицинской помощи и представительство интересов пациентов перед медицинскими организациями. Таким образом, данное исследование указывает на то, что в условиях продолжающегося старения населения и роста продолжительности жизни наиболее перспективным и востребованным может оказаться усиление роли СМО не внутри сложившейся системы ОМС, а за её пределами, в рамках новой системы ДМС и вне существующей программы госгарантий.

В свете полученных результатов имеет смысл вернуться к вопросу о возможных направлениях продолжения пенсионной реформы. Прежде всего это касается вопроса о возможности перезапуска всеобщей системы накопительного пенсионного страхования. Как уже было отмечено, в рамках пенсионной системы невозможно предложить приемлемые решения для финансирования растущих потребностей пенсионеров старших возрастов в дорогостоящем лечении и уходе. Эти решения потенциально существуют в рамках ДМС, но они могут потребовать привлечения значительных дополнительных объёмов финансирования за счёт средств населения. Эти расходы настолько значительны, что их едва ли будет возможно совместить с расходами на перезапуск обязательного накопительного пенсионного страхования. Скорее всего, придётся сделать выбор в пользу одного из этих направлений. Если судить по результатам социологических исследований, включая проведённое нами исследование по методологии дискретного выбора, готовность населе-

ния платить за дополнительную медицинскую помощь и уход намного превышает заинтересованность в отвлечении средств на формирование пенсионных накоплений. В дальнейшем, по мере старения населения и роста ОПЖ, значимость запроса на медицинскую помощь по сравнению с накопительными пенсиями будет только возрастать.

Заключение

Обзор первоначальных планов и целей реформ конца 1990-х — начала 2000-х гг. по четырём рассмотренным направлениям социальной политики, а также анализ хода реформ и их результатов позволяет сделать следующие выводы (табл. 3).

Во всех рассмотренных реформах степень реализации ключевых мер, призванных обеспечить достижение основных целей социальной политики, оказалась сравнительно невысокой. По этому критерию ни одну из рассмотренных реформ нельзя назвать вполне успешной.

Но несмотря на это, поставленные цели социальной политики, как минимум, по трём из четырёх направлений оказались парадоксальным образом достигнуты в гораздо большей мере, чем на это можно было бы рассчитывать, исходя из хода реализации реформ. Наибольший вклад в достижение поставленных целей внёс более высокий, чем ожидалось, экономический рост 2000-х гг., который способствовал быстрому снижению безработицы (в сочетании с замедлением роста населения трудоспособных возрастов) и бедности, а также повышению пенсий и существенному улучшению финансирования здравоохранения.

Некоторое исключение — пенсионная реформа, где степень реализации намеченных мер по итогам первых 10 лет реформы оказалась значительно выше, чем по другим рассмотренным направлениям. При этом удалось существенно приблизиться к достижению целей реформы: увеличить средний коэффициент замещения и дифференциацию пенсий в зависимости от предыдущего заработка, а также повысить финансовую устойчивость пенсионной системы. Но, в отличие от трёх других направлений, достижения первых 10 лет пенсионной реформы оказались недолговечными. Обязательный накопительный элемент системы был фактически упразднён, коэффициент замещения возобновил снижение без перспективы стабилизации на достигнутом уровне, а дифференциация пенсий вновь уменьшилась.

Но с точки зрения дальнейших перспектив социальной политики все четыре направления объединяет необходимость кардинальной смены приоритетов. Нереализованные приоритетные меры из первоначального пакета реформ либо утратили актуальность, как это произошло на рынке труда, либо вытесняются другими, более востребованными, долгосрочными задачами, как это произошло в сферах борьбы с бедностью, пенсионного страхования и здравоохранения.

На рынке труда цель снижения безработицы вытесняется необходимостью решения прямо противоположной проблемы — преодоления растущей нехватки рабочей силы. В сфере социальной защиты на фоне уменьшения бедности усиливается приоритетность помощи в трудных жизненных ситуациях, при которых потребность в помощи и её размеры не связаны напрямую с прожиточным минимумом и размером доходов домохозяйства. Аналогичным образом, в пенсионной сфере по мере старения населения и роста числа пенсионеров старших возрастов усиливается значение экзистенциальных рисков, которые невозможно компенсировать путём улучшения пенсионного обеспечения. Традиционные направления пенсионной реформы, включая развитие накопительных пенсий, не подходят для решения этих проблем. С этим связано и то, что в сфере здравоохранения по мере старения населения и роста ОПЖ нарастает потребность в финансировании дорогосто-

Таблица 3

Результаты реформ и изменение долгосрочных приоритетов по четырём направлениям социальной политики

№	Направления	Цели	Ключевые меры	Уровень реализации мер	Достижение целей	Что внесло наибольший вклад в достижение целей	Новые приоритеты политики
	1	2	3	4	6	7	8
1.	Регулирование трудовых отношений	Сокращение безработицы путём стимулирования спроса на труд	Повышение гибкости найма и увольнения, снижение налоговой нагрузки на оплату труда	Низкий	Полное	Быстрый экономический рост, прекращение роста численности трудоспособного населения	Стимулирование предложения труда при ограничении спроса на труд, в том числе за счёт роста производительности труда
2.	Социальная защита	Снижение бедности	Перераспределение средств от категориальных видов помощи к адресным пособиям с проверкой нуждаемости	Ниже среднего	Высокое	Быстрый экономический рост, обеспечивший рост потребления низкодоходных слоев	По мере снижения бедности возрастает приоритетность помощи в трудных жизненных ситуациях; в ней нуждаются не только бедные и она не привязана к прожиточному минимуму
3.	Пенсионное обеспечение	Повышение долгосрочной устойчивости, повышение коэффициента замещения, декомпрессия пенсионной шкалы	Параметрическая реформа страховых пенсий, введение обязательной накопительной составляющей, повышение пенсионного возраста	Высокий по итогам первых 10 лет, но с последующим упразднением обязательных накопительных пенсий	Высокое по итогам первых 10 лет, но позднее регресс в части накопительных пенсий	Параметрическая реформа в сочетании с увеличением финансирования на фоне быстрого экономического роста	По мере старения населения усиливается приоритетность дорогостоящего лечения и ухода, финансирование которых выходит за рамки пенсионной системы
4.	Здравоохранение	Повышение доступности и качества медицинской помощи за счёт улучшения мотивации, эффективного расходования средств и улучшения финансирования	Усиление роли СМО в ОМС для эффективного использования ресурсов, изменение статуса медицинских учреждений, перераспределение объёмов помощи из стационаров в первичное звено, сбалансированность финансирования и обязательств	Ниже среднего	Выше среднего	Рост финансирования благодаря экономическому росту, административные меры по оптимизации структуры медицинской помощи	По мере старения населения и роста ОПЖ нарастает потребность в финансировании дорогостоящего лечения и ухода за рамками ОМС и программы госгарантий. Эти проблемы могут решаться в том числе путём развития частно-государственного финансирования ДМС.

ящего лечения и ухода, выходящего за рамки программы госгарантий. Эти потребности невозможно удовлетворить путём продолжения незавершённых реформ в системе ОМС. Необходим поиск новых значительных источников финансирования здравоохранения, который возможен в рамках развития частно-государственного финансирования ДМС и иных механизмов, таких как обратная ипотека.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Богомолова Т.Ю., Тапилина Т.С., Ростовцев П.С. (2002). Влияние мобильности населения по доходам на изменение неравенства. [*Bogomolova T.Yu., Tapilina T.S., Rostovtsev P.S.* (2002). The influence of income mobility of the population on inequality change] // *Экономическая социология.* Т. 3. № 1. С. 72–86.

Гурвич Е., Сонина Ю. (2012). Микроанализ российской пенсионной системы [*Gurvich E., Sonina Yu.* (2012). Microanalysis of the Russian pension system] // *Вопросы экономики*. №2. С. 27–51.

Дмитриев М.Э. (1997). *Бюджетная политика в современной России.* [Dmitriev M.E. (1997). Budgetary policy in modern Russia]. — М.: Московский центр Карнеги[2].

Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г. (2012). *Прощай, нищета* [*Dmitriev M.E., Misikhina S.G.* (2012). A farewell to alms]. Гайдаровские чтения. URL: http://www.iep.ru/files/Gaidarovskie_chtenia/2012/Proschai_nischeta.pdf. (дата обращения: 12.10.2021).

Дмитриев М.Э., Нейштадт И.В. (2020). Потенциал увеличения финансирования здравоохранения и дорогостоящего ухода с использованием ресурсов населения и государства [*Dmitriev M.E., Neystadt I.V.* (2020). Assessment of potential for better financing of healthcare and expensive nursing care from public and private sources] // *Финансы и бизнес*. №1. С. 73–87.

Дмитриев М.Э., Оконишников А.А. (2019). Анализ возможностей использования обратной ипотеки для финансирования услуг здравоохранения и долгосрочного ухода [*Dmitriev M.E., Okonishnikov A.A.* (2019). Analysis of potential for reverse mortgage financing of healthcare and expensive nursing care] // *Карельский научный журнал*. Т. 8. № 4. С. 122–126.

Дмитриев М.Э., Юртаев А.С. (2010). *Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя.* [*Dmitriev M.E., Yurtaev A.S.* (2010). Strategy-2010: implementation outcomes]. — М.: ЦСР.

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год (2015). / Л.М. Григорьев, С.Н. Бобылев (ред.) [Human Development Report for the Russian Federation (2015). / L.M. Grigoriev, S.N. Bobylyov (eds.)]. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.

Дорофеев С.Д., Стародубов В.И. (2015). Автономные медицинские организации в здравоохранении РФ [*Dorofeev S.D., Starodubov V.I.* (2015). Autonomous medical organizations in Russia's healthcare] // *Электронный журнал «Здравоохранение»*. Сентябрь. http://www.zdrav.ru

Капелюшников Р. И. (2023). *Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов* [*Kapelyushnikov R.I.* (2023). Russian labor market: statistical portrait at the backdrop of the crises]: Препринт WP3/2023/02. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Синявская О.В. (2010). История пенсионной реформы в России [*Sinyavskaya O.V.* (2010). History of the pension reform in Russia] // *История новой России. Интернет-ресурс.* http://ru-90.ru/node/978 (дата обращения: 12.10.2021).

Соловьев А.К. (2021). Задачи повышения эффективности пенсионной системы в РФ для преодоления бедности пенсионеров [*Solovyov A.K.* (2021). The tasks of efficiency improvement of the pension system of the Russian Federation for poverty alleviation among pensioners] // *Проблемы прогнозирования.* № 2. С. 98–112.

Структурные изменения в здравоохранении: тенденции и перспективы (2022). Доклад / С.В. Шишкин (ред.). [Structural changes in healthcare: trends and perspectives (2022) / S.V. Shishkin (ed.)]. — М.: НИУ ВШЭ.

Шишкин С.В., Шейман И.М., Потапчик Е.Г., Понкратова О.Ф. (2019). *Анализ состояния страховой медицины в России и перспектив ее развития.* [*Shishkin S.V., Sheiman I.M., Potapchik E.G., Pankratova O.F.* (2019). Analysis of the state of healthcare insurance in Russia and its perspectives]. — М.: Высшая школа экономики.

Becker K., Zweifel P. (2008). Age and Choice in Health Insurance: Evidence from a Discrete Choice Experiment // *The Patient*. No. 1. Pp. 27–40.

[2] Московский центр Карнеги закрыт, американский фонд Карнеги по решению Министерства юстиции Российской Федерации признан иностранным агентом и находится в реестре нежелательных организаций

Дмитриев Михаил Эгонович
mikhaildm@mail.ru

Mikhail Dmitriev
Doctor of Economic Sciences, President, Business Partnership "New Economic Growth" (Moscow)
mikhaildm@mail.ru

IMPLEMENTATION AND OUTCOMES OF SOCIAL POLICY REFORMS OF EARLY 2000S IN RUSSIA: REASSESSMENT IN RETROSPECT

Abstract. The article considers the original plans, implementation and outcomes of social policy reforms initiated in late 1990s — early 2000s in the areas of labor market, social security, pensions, and health. For each of these areas the author regards the initial goals, implementation level and attainment of the goals, as well as a follow up transformation of policy agenda. In all the four areas implementation level of key policy measures was rather low. By this criterion, no one of the reforms could be regarded fully successful. However, the degree of attainment of initial goals, at least in 3 of these areas, proved to be much higher than the level of policy implementation suggests. Very high economic growth during 2000s was, perhaps, the most important contributor to the attainment of the goals. High economic growth led to accelerated poverty alleviation and reduction of unemployment, facilitated increases of pensions and public financing of health care. Nowadays, in the context of newly emerging opportunities and threats, such as population ageing, policy agenda in all of the four areas is shifting towards new priorities, whereas many of non-implemented policy measures from the repertoire of the early 2000s seem to be less important or even outdated.

Keywords: *labor market, social security, pension reform, health reform, ageing.*
JEL: J14, J22, J23, I38, I18.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

К.С. Саблин
к.э.н., доцент, Российский государственный институт сценических искусств (Санкт-Петербург)

О.В. Валиева
к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск), доцент кафедры менеджмента, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ

Аннотация. Статья посвящена обзору опыта развития креативных индустрий в зарубежных странах и России. Они относятся к видам экономической деятельности, которые связаны с созданием, использованием и коммерциализацией знаний и информации. Креативные индустрии становятся всё более важным фактором для обеспечения экономического благосостояния. Их функционирование сопряжено со значительными положительными внешними эффектами, и они вносят вклад в сокращение социального неравенства, защиту окружающей среды, распространение новых идей и инклюзивности в обществе. Первопроходцами в формализации креативных индустрий выступили страны с развитыми рынками (Австралия, Великобритания). В них сложилась целостная креативная экономика, ядром которой является устойчивая комплементарность между активным инвестированием в человеческий капитал, ростом инноваций и повышением производительности организаций. Креативные индустрии воплощают индивидуальные усилия и талант, которые приносят отдачу в форме генерирования богатства. В Китае концепция креативных индустрий была воспринята как чуждый элемент, несовместимый с традиционной культурой, которая занимает значимую позицию в обеспечении национального суверенитета. В странах Латинской Америки «оранжевая экономика», как симбиоз таланта, культуры, интеллектуальной собственности и связей, формирует основу для преодоления социальных разногласий и объединения разных групп населения вокруг общей цели. В России креативные индустрии находятся на начальном этапе своего становления. Государство прикладывает значимые усилия по созданию благоприятных условий для их «развёртывания». Происходит постепенное понимание важности связи между поддержкой дизайнеров, писателей и архитекторов, музеев, театров и кинопроизводства и экономическим ростом, основанным на творческих способностях и таланте. Креативные индустрии становятся ключевым фактором в формировании стратегии развития как страны, так и отдельных регионов.

Ключевые слова: *экономический рост, креативность, измерение креативности, креативные индустрии, «оранжевая экономика».*
JEL: B40; O15; O38; Z10
УДК: 303.022; 304.42; 332.012
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_31_49
© **К.С. Саблин, О.В. Валиева**, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Саблин К.С., Валиева О.В.* Креативные индустрии в современной экономике: определение, подходы к измерению // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 7–18. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_31_49.
FOR CITATION: *Sablin K., Valieva O.* Creative Industries in the Modern Economy: Definition, Approaches to Measurement // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 31–49. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_ 2024_3_31_49.

Постановка проблемы

Современный мир характеризуется динамичным развитием третичного сектора экономики, который всё в большей степени исполняет роль ключевого драйвера, обеспечивающего экономический рост и развитие. Экономическая политика, проводимая правительствами стран с разным уровнем социально-экономического развития в последнюю четверть века, демонстрирует, что именно инновации и креативность (творчество) стали нормативными составляющими национальных стратегий развития и иных программных документов [*Foord*, 2009; *Moore*, 2014].

При этом центральное место в них занимают именно «креативные индустрии»[1]. Данный термин начал широко использоваться для описания ряда видов деятельности, при этом часть из них является одними из старейших в истории человеческой цивилизации, а некоторые возникли только с появлением цифровых технологий. Многие из них имели глубокие культурные корни, и термин «культурные индустрии» уже использовался для описания театра, танца, музыки, кино, изобразительного искусства и сектора культурного наследия [*Лазарева*, 2017]. С течением времени данные виды деятельности приобретали всё большее значение для экономики стран и создавали новые рабочие места для значительного количества людей. Однако ни одно правительство прежде не пыталось измерить их экономический вклад или стратегически подумать об их значимости. Возможно, исключением являлось правительство США, которое на протяжении почти ста лет защищало и развивало свою киноиндустрию не только по причине её самоценности для экономики, но и потому что она проецировала культуру и влияние США по всему миру [*Jason*, 2013; *Артамонова*, 2020]. При этом искусство и культура являлись важной частью экономики Соединенных Штатов, и не только по причине вклада идей в инновационную экономику, но и как важная часть промышленного производства и ВВП страны. Хотя креативные индустрии не формируют отдельную отрасль экономики в том смысле, в котором к ним можно отнести, например, аэрокосмическую, фармацевтическую или автомобильную промышленность, однако все эти отрасли имеют одну общую черту — они зависят от творческого таланта и интеллектуальных способностей отдельных людей. Кроме того, рассмотрение их как сферы, каким бы произвольным ни было её определение, привлекло внимание исследователей и практиков к тому факту, что креативные индустрии являются неотъемлемой частью и вносят свой вклад в широкий спектр отраслей и профессий. Навыки и стили работы креативных индустрий влияют на другие сферы экономики, особенно — в использовании цифровых технологий.

Креативные индустрии относят к ряду видов экономической деятельности, которые связаны с созданием или использованием знаний и информации. В частности, Дж. Хоукинс включил в их состав рекламу, архитектуру, ремёсла, дизайн, моду, кино, музыку, исполнительское искусство, издательское дело, исследования и разработки, программное обеспечение, игрушки и игры, телевидение и радио, а также видеоигры [*Howkins*, 2001]. Он также ввёл в оборот термин «оранжевая экономика» для описания экономических моделей креативных индустрий. Оранжевой экономикой называют творческие сферы деятельности, где идеи трансформируются в культурные блага и услуги, т.е. «сырьём» выступают неисчерпаемые талант и креативность, а не истощаемые природно-минеральные ресурсы. Некоторые исследователи полагают, что сфера образования, включая государственные и частные

[1] См., например: Creative Industries Strategy 2020–2024. Northern Territory Government. Department of Territory Families, Housing and Communities. URL: https://tfhc.nt.gov.au/arts-and-culture/creative-industries-strategy-2020-2024 (access date: 21.02.2024); Creative Industries Sector Vision: A Joint Plan to Drive Growth, Build Talent and Develop Skills. Policy Paper UK Government. URL: https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-sector-vision/creative-industries-sector-vision-a-joint-plan-to-drive-growth-build-talent-and-develop-skills (access date: 21.02.2024).

услуги, также является частью креативных индустрий [*Banks*, *Hesmondhalgh*, 2009; *Šipikal*, *Madudova*, 2015]. Они становятся всё более важным фактором для обеспечения экономического благосостояния. Их сторонники предполагают, что человеческая креативность выступает основным экономическим ресурсом [*Florida*, 2002], и что отрасли XXI в. будут всё больше зависеть от генерации знаний посредством реализации творчества и появления инноваций. При этом творческое мышление, которое лежит в основе креативных индустрий, представляет собой «способ избавиться от жёстких предубеждений и открыться сложным явлениям, с которыми не всегда можно разобраться строго логически» [*Landry*, *Bianchini*, 1995. P. 17]. Каждый индивид потенциально креативен, но организационные структуры, образ мышления и методы работы могут вытеснить креативность. Подлинное творческое мышление предполагает следующие черты: новое обдумывание проблемы/ситуации (наличие «свежего взгляда»); экспериментирование; оригинальность; возможность переписывать «правила игры»; неконвенциональность; поиск общих черт среди несопоставимого; взгляд на ситуацию «со стороны» при демонстрации определённой гибкости. Такой образ мышления поощряет инновации и создаёт новые возможности. В этом смысле креативность является «модернистской» концепцией, поскольку она подчёркивает прогресс и постоянные изменения.

Здесь необходимо делать различие между креативностью и инновациями. «Креативность — это дивергентный мыслительный процесс, который генерирует идеи и не является оценочным, тогда как генерирование инноваций — это конвергентный процесс, связанный с выбором и реализацией идей»[2]. Другими словами, креативность — это процесс, посредством которого рождаются новые идеи, а инновации — это процесс, посредством которого они реализуются (внедряются). Креативность является необходимой предпосылкой для инноваций. Переход от креативности к инновациям предполагает оценку, которая сама по себе не является частью творческого процесса. Она связана с выявлением условий, при которых идея соответствует данной ситуации, её осуществимости, экономической эффективности и популярности. Креативность проявляется по-разному в каждой сфере человеческой деятельности. Например, некоторые исследователи выделяют такие сферы, как искусство, наука, реклама и коммуникация, организация и управление бизнесом, молодёжные субкультуры и коллективные движения[3].

В фундаментальной работе Аллена Скотта «География и экономика» даётся определение креативной среды, под которой следует понимать «сеть пространственных отношений, функционирующих как мощный стимул предпринимательства и инноваций» [*Scott*, 2006]. В этой работе Скотт креативную сферу рассматривает как «конфигурацию производственной деятельности и связанных с ней социальных явлений, образующих пространственно-дифференцированные сети взаимодействия, которые различными способами формируют предпринимательские и инновационные результаты» [*Scott*, 2006. P. 54]. Лучано Лаццеретти отмечала, что необходимо учитывать пространственные и социальные измерения творчества при измерении и оценке его влияния на инновационные процессы [*Creative Industries and Innovation…,* 2012].

В докладе ЮНКТАД за 2008 г. отмечалось, что креативные индустрии являются одними из самых динамично развивающихся секторов мировой торговли. За 2000–2005 гг. торговля креативными товарами и услугами росла беспрецедентными среднегодовыми темпами в 8,7%. Мировой экспорт креативных продуктов был оценен в 424,4 млрд долл. США в 2005 г. по сравнению с 227,5 млрд долл. в 1996 г. Эта положительная тенденция

---

[2] Creativity and innovation management: How to inspire original ideas. Stanford Online. URL: https://online.stanford.edu/creativity-and-innovation-management (дата обращения: 19.02.2024).

[3] *Kellerman G., Seligman M.* Cultivating the Four Kinds of Creativity. Harvard Business Review. URL: https://hbr.org/2023/01/cultivating-the-four-kinds-of-creativity (дата обращения: 21.03.2024).

произошла во всех регионах и группах стран[4]. В докладе ЮНЕСКО за 2021 г. отмечено, что «культурные и креативные отрасли, которые составляют суть креативной экономики, играют жизненно важную роль в устойчивом развитии общества»[5]. Там же указывается, что креативная экономика обеспечивает 3% мирового ВВП и определяет будущее культурной экосистемы как движущей силы и фактора экономического роста. Расширяя поддержку креативных индустрий, экономика получает долгосрочное развитие за счёт более широкого включения в цепочки создания стоимости креативных товаров и услуг. Поддержка становится наиболее актуальной в период кризисов, поскольку затрагивает широкие слои общества, особенно молодёжи. В 2021 г. компания Делойтт выпустила доклад[6], в котором рассмотрела креативные индустрии девяти крупнейших экономик мира. Согласно этому докладу, предполагается, что к 2030 г. креативная экономика может вырасти на 40%, добавив более 8 млн дополнительных рабочих мест. Уже сейчас в этом секторе занятость составляет 7% от общей численности занятых во всех отраслях, и эта сфера растёт быстрее, чем все остальные.

Так или иначе, в настоящее время креативные индустрии занимают лидирующие позиции в мире, являются двигателем экономического роста и лежат в основе всё более цифровизованного мира. При этом их важность выходит далеко за рамки экономики. Этот сектор является позитивной силой для общества, приносящей вдохновение и новые возможности в повседневную жизнь и формирующий новое качество человеческого капитала. Часть исследователей показывает как креативные индустрии, будучи продуктами культуры, могут являться «мягкой силой» и помогать странам встраиваться в глобальную экономику [*Routledge Handbook…*, 2019].

В целом в настоящее время концепция креативных индустрий и их важность признаются почти всеми правительствами мира. В некоторых странах определение креативных индустрий тесно связано с искусством и культурой (например, в странах Европейского союза). В других странах существуют более широкие определения, включающие, например, еду и гастрономию, поскольку еда и национальная кухня имеют как экономическое, так и культурное значение. В третьей группе стран существует определение креативных индустрий, которое включает зарекомендовавшие себя отрасли, такие как издательское дело, программное обеспечение, реклама и дизайн. Например, одной из центральных тем 11-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики была необходимость перейти от «сделано в Китае» (made in China) к «спроектировано в Китае» (design in China) — «классическое» выражение понимания того, что создание интеллектуальной собственности более ценно в экономике XXI в., чем производство продукции [*Keane*, 2006]. В любом случае креативные индустрии оказывают значительное влияние на процессы, связанные с поиском и открытием новых источников экономического роста и развития, которые не имеют отношения к «традиционным» факторам производства. Более того, они способны трансформировать образ жизни людей, сделать его более продуктивным с точки зрения раскрытия талантов и навыков, которые используются для производства продукции с высокой добавленной стоимостью. В этом смысле вклад в развитие стран вносят не только новые промышленные технологии и инновации,

---

[4] Creative Economy. Report 2008: The Challenge of Assessing the Creative Economy: Towards Inform Policy-Making UNCTAD/DITC. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditc20082cer_en.pdf (access date: 16.03.2024).

[5] Совместная деятельность в продолжение Международного года креативной экономики в целях устойчивого развития (2021 г.). Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379182_rus (дата обращения: 16.03.2024).

[6] The Future of the Creative Economy. A report by Deloitte. June 21. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/uk/Documents/technology-media-telecommunications/deloitte-uk-future-creative-economy-report-final.pdf (access date: 16.03.2024).

но и степень развития и интенсивности использования креатива в творческих и смежных с ними сферах.

Цель работы состоит в характеристике опыта зарубежных стран в развитии сферы креативных индустрий. Специальным предметом исследования выступает изучение специфики процесса «развёртывания» креативных индустрий в России.

Следующий раздел статьи посвящён рассмотрению существующих подходов к измерению креативности, поскольку исследователи и практики всё в большей степени приходят к выводу о том, что при оценке влияния креативных индустрий на экономический рост необходимо более фундаментальное осмысление причин их возникновения и дальнейшего функционирования. Например, слияние искусства и творческих индустрий с цифровыми технологиями породило новые отрасли и навыки, которые не были учтены международно-признанными способами измерения экономической активности, такими как международная стандартная отраслевая классификация (ISIC) и международная стандартная классификация профессий (ISCO). В свою очередь, это привело к тому, что новые области создания богатства стали фактически невидимыми для правительств и сделали международные сравнения практически невозможными.

Подходы к измерению креативности как основы креативных индустрий

Существует два подхода к оценке креативности. Первый — это подход, который рассматривает креативность в рамках культурных доменов и как ключевой фактор креативной экономики. Другой — креативность рассматривается в более широком контексте как социально-экономический феномен, встроенный в экономические отношения. Он формируется под влиянием культурного, человеческого, институционального и социального капиталов.

В руководстве Оксфорда по креативным индустриям авторы, агрегируя множество исследований, подчёркивают важность культурной составляющей, показывая, как креативные индустрии трансформируют культурные ландшафты. Авторы дают определение креативности как процесса создания чего-то нового путём объединения уже существующих элементов, который зависит от способности и желания отдельных лиц и организаций заниматься нестандартными задачами. В своем исследовании они подчёркивают, что в творческие индустрии вовлечены не только отдельные лица, фирмы и города, но также национальная и международная правительственная политика по поддержке и защите национальных культур и секторов экономики [*The Oxford Handbook…*, 2015].

Креативные индустрии относятся к ряду видов экономической деятельности, связанных с созданием и коммерциализацией творчества, идей, знаний. Они включают те «отрасли, которые берут начало в индивидуальном творчестве, навыках и таланте и которые имеют потенциал для генерирования богатства и рабочих мест за счёт создания и эксплуатации интеллектуальной собственности»[7]. Их отличительными чертами являются: товары и услуги имеют высокую добавленную стоимость; продукты креативной индустрии легко масштабируются; рынок креативных индустрий больше других подвержен «пиратству» и оппортунизму.

Одним из первых, кто поднял проблемы рынка искусства и взаимоотношений на этом рынке креаторов и арт-дилеров — «привратников», был Ричард Кейвз, он акцентиро-

[7] Creative Industries Sector Vision: A Joint Plan to Drive Growth, Build Talent and Develop Skills. Policy Paper UK Government. URL: https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-sector-vision/creative-industries-sector-vision-a-joint-plan-to-drive-growth-build-talent-and-develop-skills (access date: 21.02.2024).

вал внимание на роли крупных городов и влиянии агломераций на становление арт-среды. К креативным индустриям он относил весь мир искусства: от художников и писателей до музыкантов и сферы кинопроизводства. Описывая опыт взаимоотношений Пабло Пикассо с Полом Розенбергом, автор показал, как коммерческий посредник может влиять на художника через систему организации выставок и ограничения продаж, формируя спрос и предложение через административные барьеры, оппортунизм, неполноту контрактов и ценовые ограничения. В своей работе автор отмечает, что существует коллективная заинтересованность в том, чтобы в игре оставалось ограниченное количество артистов, чтобы обеспечить достаточное количество кандидатов для случайного успеха (феномен лотерейного приза) [*Caves*, 2000].

Тем не менее функционирование креативных индустрий в большой степени сопряжено со значительными положительными внешними эффектами. Они создают условия для развития человеческого капитала, роста экономики, увеличения количества высокооплачиваемых рабочих мест, а также делают вклад в сокращение неравенства, защиту окружающей среды, распространение идей и инклюзивности в обществе[8]. Рассматривая роль человеческого капитала и креативного класса в региональных заработных платах и доходах, авторы показали, что человеческий капитал и креативный класс по-разному влияют на региональное развитие [*Mellanderis, Florida, Asheimis*, 2014].

Ричард Флорида одним из первых отошёл от концепции культурного детерминизма в отношении креативных индустрий и предложил относить к креативному классу следующие основные профессиональные группы, в которых более интенсивно используются творческие способности: компьютерные и математические профессии; архитектуру и инженерию; науки о жизни, физические и социальные науки; образование, обучение и библиотечное дело; труд художников и дизайнеров; профессии в сфере развлечений, спорта и средств массовой информации, а также другой профессиональный и интеллектуальный труд, включая управленческие должности, труд, связанный с деловыми и финансовыми операциями, юридические направления, практикующих врачей, технические профессии, а также высококлассных менеджеров по управлению продажами [*Florida,* 2002].

Креативность — это намеренное сочетание символов, идей или объектов неожиданным для какой-либо аудитории способом [*Wohl*, 2022]. Её можно рассматривать в широком контексте как социально-экономический феномен, встроенный в экономические отношения. Подобный подход к рассмотрению креативности подразумевает, что она формируется под влиянием культурного, человеческого, социального капиталов.

Согласно классификации ЮНЕСКО, к культурным «доменам» относят[9]:

- культурное и природное наследие;
- театральные постановки и праздники;
- изобразительное искусство и ремёсла;
- издание книг и прессы;
- аудиовизуальные и интерактивные средства массовой информации;
- дизайн и творческие услуги;
- нематериальное культурное наследие (сквозная область), которое также может применяться в смежных областях (образовании, архивировании, производстве оборудования и вспомогательных материалов).

В качестве связанных с креативными индустриями ЮНЕСКО также рассматривает сферы туризма, спорта и рекреации.

---

[8] Creative Economy for Inclusive Development and Global Recovery. UN Trade & Development. URL: https://unctad.org/meeting/4th-trade-policy-dialogue-welcoming-international-year-creative-economy-sustainable (access date: 16.02.2024).

[9] The 2009 UNESCO Framework for Cultural Statistics (FCS). URL: http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/unesco-framework-for-cultural-statistics-2009-en_0.pdf (access date: 21.02.2024).

Одним из наиболее спорных вопросов в анализе креативности является измерение этого «конструкта». Исследователи, стремящиеся измерить креативность, сталкиваются с рядом вопросов, в том числе о том, как следует определять креативность, какие конкретные аспекты этого «конструкта» необходимо оценить и измерить, какие инструменты являются наиболее подходящими для измерения [*Blamiresa*, *Peterson*, 2014]. Они в целом согласны с тем, что креативность предполагает создание новых и полезных решений (продуктов, товаров, услуг) [*Batey*, 2012; *Runco*, *Jaeger*, 2012]. Эти две характеристики, новизна и полезность, широко упоминаются в большинстве определений креативности. Другая область консенсуса заключается в том, что креативность рассматривается как многогранное явление, включающее когнитивные, личностные и средовые компоненты. При этом рост интереса к креативности связан с поиском надёжных инструментов для её измерения. Основываясь на разных определениях, исследователи разработали инструменты для измерения креативности. Эти инструменты обычно подразделяются на четыре подхода, представляющие основные категории определений креативности: процесс, продукт, личность и среда. В табл. 1 представлен краткий обзор подходов к измерению креативности.

Таблица 1
Подходы к измерению креативности

Подход	Фокус внимания	Сильные стороны	Слабые стороны
Процессный	Креативные процессы или навыки, связанные с творчеством	Высокая надёжность; стандартизированные критерии интерпретации оценок	Ограниченная область измерения; противоречивые доказательства; искажения по причине оценки и размера выборки
Продуктовый	Креативные продукты	Приближён к оценке креативности в реальной жизни; высокая надёжность; высокая достоверность	Ограниченная область измерения; сложность в выборе субъекта оценивания; затратный подход; отсутствие стандартизированных критериев интерпретации оценок
Личностный	Черты личности или творческие достижения	Простота использования; высокая надёжность; стандартизированные критерии интерпретации оценок	Ограниченная область измерения; низкая достоверность самоотчётов; предвзятость; игнорирование различий творческой личности в разных областях
Средовой	Рабочая среда (климат)	Выявление качества рабочей среды — способствует или препятствует творчеству; оценки попытки улучшения рабочей среды	Ограниченная область измерения; отсутствие научно обоснованных данных; дебаты о значении слова «среда» и уровне её измерения

Источник: *Said-Metwaly S.*, *Kyndt E.*, *Noortgate van den W.* Approaches to Measuring Creativity: A Systematic Literature Review // *Creativity. Theories — Research — Applications*. 2017. Vol. 4. No. 2. Pp. 244.

Процессный подход к измерению креативности фокусируется на конкретных когнитивных процессах и структурах, способствующих творческому производству. Тесты на дивергентное мышление наиболее широко используются для измерения творческих процессов и навыков, связанных с креативностью [*Kaufman et al.*, 2007; *Plucker et al.*, 2011]. Однако, несмотря на свою распространённость, их эффективность является предметом дискуссий. Во-первых, исследования дали противоречивые результаты относительно структуры тестов дивергентного мышления. Во-вторых, несколько исследований не смогли продемонстрировать сильную валидность тестов. В целом достоверность их содержания подвергается критике из-за их ограниченной способности представлять все аспекты креативности как

многомерного «конструкта». Она представляет собой общую конструкцию во всех сферах творческой деятельности, и, следовательно, задания, включённые в тесты, относительно свободны от содержания и независимы от предметной области креативности. В то же время растущее число исследований показывает, что креативность лучше всего рассматривать как конструкцию, специфичную для отдельной предметной области, и что общие навыки или процессы имеют лишь ограниченный вклад в творческие достижения [*Han*, *Marvin*, 2002].

Продуктовый подход также используется для оценки креативности [*Horn*, *Salvendy*, 2006; *Kaufman*, 2012]. Всесторонняя оценка творческих способностей человека не может быть достигнута без измерения производимого его усилиями продукта. Основное внимание уделяется оценке креативных продуктов в различных областях, таких как написание литературных произведений, искусство, музыка, естествознание или математика. Однако методы, используемые в рамках данного подхода, не предоставляют никакой информации об оценке надёжности различных источников. Во-первых, продолжаются споры о выборе наиболее подходящих субъектов оценивания и уровне их знаний (экспертизы), необходимых для оценки креативных продуктов [*Galati*, 2015]. Во-вторых, при измерении креативности основное внимание уделяется творческим продуктам без какого-либо исследования когнитивных процессов, которые приводят к их созданию. Предполагается, что человек производит такой продукт посредством использования когнитивных процессов в определённой среде. Соответственно, идентичный продукт может считаться креативным в одном контексте или культуре и менее креативным в другом.

Личностный подход к измерению креативности во многом полагается на применение анкет для самооценки, в которых исследуются личностные качества, связанные с творчеством. Инструменты разрабатываются посредством исследования характеристик или интересов людей, добившихся творческих достижений. Данный подход имеет преимущества, заключающиеся в простоте использования, стандартизированном администрировании и процедурах оценки, высоком уровне надёжности [*Runco*, 2008]. Однако данный подход страдает и от существенных ограничений. Во-первых, он в основном уделяет внимание личностным качествам, и это можно рассматривать как достаточное доказательство творческих способностей [*Barbot et al.*, 2011; *Miller*, 2014]. На самом деле, даже если у людей есть определённые свойства, они могут не добиться творческих достижений из-за отсутствия у них способностей, отношения, мотивации или поддерживающей среды. Во-вторых, существует много разногласий по поводу достоверности самооценки творческих способностей. В-третьих, данные, основанные на самооценке, подвержены потенциальной предвзятости, которая ставит под угрозу их достоверность. Люди могут намеренно или непреднамеренно искажать свои ответы по многим причинам. В-четвертых, в большинстве ответов о креативности используется общий подход к её измерению, без какого-либо указания на конкретные черты личности, присущие каждой области.

Средовой подход фокусируется на анализе рабочей среды (климата), в котором реализуется творчество [*Hennessey*, *Amabile*, 2010]. Измерение факторов среды основано на идее, что существует косвенная связь между ними и творчеством. Она может существенно повлиять на внутреннюю мотивацию людей заниматься той или иной деятельностью, что, в свою очередь, влияет на их творческие способности. Например, в работе [*Davies et al.*, 2013] были определены ключевые характеристики школьной среды, способствующие творчеству, включая инклюзивную физическую среду, доступность различных материалов, «захватывающую» педагогическую среду, использование игровых подходов (геймификация), гибкое использование времени и поддерживающие отношения между учителями и учениками. Инструменты измерения среды также могут фокусироваться на степени, в которой она поощряет или подавляет креативность. В любом случае люди могут иметь разное её восприятие, поскольку они концептуализируют или понимают ситуации по-разному в зависимости от их личности, уровня образования или культуры.

Изучение подходов к измерению креативности позволяет рассмотреть опыт зарубежных стран в «запуске» креативных индустрий. Правительства стран с развитыми рынками первыми увидели их потенциал как нового источника экономического роста и развития человеческого капитала. В то же время страны с формирующимися рынками, имея богатое культурное наследие, долгое время не использовали его в качестве «креативного актива», который способен создавать богатство без какого-либо отношения к традиционным факторам производства. Следующие разделы посвящены характеристике опыта некоторых стран.

Креативные индустрии в странах с развитыми рынками: опыт «первопроходцев»

Правительство Австралии одним из первых в мире выпустило доклад «Creative Nation» («Креативная нация: культурная политика Австралийского союза»)[10] в 1994 г., который подчёркивал экономический потенциал отраслей культуры и искусства. В докладе была отмечена разнообразная и инклюзивная культура Австралии, а также акцентировалась важная роль искусства и культуры в жизни каждого австралийца, и тот факт, что творчество играет центральную роль в экономическом и социальном успехе страны. Например, рабочая сила в сфере культуры и искусства в Австралии постоянно увеличивалась и продолжала расти. В 2011 г. на их долю приходилось 5,3% рабочей силы, что почти на 70 000 рабочих мест было больше, чем в 2006 г.[11]. В 2023 г. был принят Закон о «Творческой Австралии» («Creative Australia»). Он предусматривает, что корпоративный орган, ранее известный как Совет Австралии, будет продолжать свое существование под названием Creative Australia. В целом, его функции связаны с поддержкой и продвижением австралийской художественной практики (art practice).

В соответствии с подходом, который был разработан UK's Nesta Innovation Foundation и Australia's CCI, к креативным индустриям относят те отрасли и профессии, которые непосредственно участвуют в создании новой интеллектуальной собственности. Он подразумевает использование пяти критериев для оценки креативности профессий (табл. 2).

В настоящее время в Австралии сложилась целостная система креативных индустрий, которые сформировали креативную экономику. Креативную экономику определяют как совокупность отраслей искусства, культуры, дизайна и инноваций, которые вносят экономический вклад в пределах какого-либо географического региона. Она охватывает экономические, культурные и социальные аспекты, подразумевающие взаимодействие с технологиями, интеллектуальной собственностью и туризмом. В 2021 г. в Австралии ключевыми креативными индустриями, формирующими предложение для бизнеса (business-to-business), выступили реклама и маркетинг, архитектура и дизайн, программное обеспечение и цифровой контент. Креативные индустрии, обслуживающие спрос домохозяйств (business-to-consumer), были представлены кино, телевидением и радио, музыкой и исполнительскими искусствами, издательским делом и изобразительным искусством. Так, креативная экономика, включая деятельность в широком спектре культурных и креативных индустрий, принесла австралийской экономике в 2016–2017 гг. 111,7 млрд долл. (6,4% ВВП)[12].

---

[10] Creative Nation: Commonwealth cultural policy. Department of Communications and the Arts. URL: https://apo.org.au/node/29704 (access date: 21.02.2024).

[11] Creative Australia: National Cultural Policy. Australian Government. URL: https://www.arts.gov.au/sites/default/files/documents/creative-australia-national-cultural-policy.pdf (access date: 21.03.2024).

[12] Australia's Cultural and Creative Economy: A 21st Century Guide. A New Approach. URL: https://newapproach.org.au/insight-reports/australias-cultural-and-creative-economy-a-21st-century-guide/ (access date: 21.03.2024).

Таблица 2
Критерии отнесения профессий (деятельности) к креативным индустриям

Критерий	Спецификация
Применение в профессии новых процессов	Профессия (деятельность) чаще всего решает проблему или достигает цели новыми способами
Устойчивость профессии к процессу замещения творческого труда машинным (механизации)	Машина или алгоритм не могут выполнить большую часть работы в рамках профессии
Процессы или результаты профессии (деятельности) неповторяющиеся/неоднородные	Процесс или результат каждый раз различны из-за взаимодействия факторов, навыков, творческого импульса и обучения
Творческий вклад профессии в цепочки создания стоимости	Результаты деятельности профессии являются новыми или творческими, независимо от контекста, в котором они производятся
Профессия создаёт новые интерпретации или трансформирует существующие идеи	Процесс создания должен включать в себя креативное решение проблем с целью превращения исходной идеи во что-то новое, а не просто перевести её в новый контекст

Источник: Australia's Cultural and Creative Economy: A 21st Century Guide. A New Approach. URL: https://newapproach.org.au/insight-reports/australias-cultural-and-creative-economy-a-21st-century-guide/ (access date: 21.03.2024)

В целом значение креативных индустрий для Австралии трудно переоценить. В наиболее производительных и быстрорастущих промышленных подразделениях занято много креативных сотрудников. Это связано с комплементарностью между их включением в производственные команды, ростом инноваций и повышением производительности организаций. Не только города и их центры (метрополитены) генерируют культурную и креативную деятельность или извлекают из неё выгоду. Региональные, сельские и отдалённые сообщества получают экономические и социальные выгоды от процветающей культурной и творческой жизни. Культурные и креативные индустрии Австралии обеспечивают весомый вклад в экспорт, обладающий как прямым, так и косвенным характером. Например, в 2018–2019 гг. объём экспорта услуг в сфере архитектуры и дизайна составил 16 млн австралийских долл. По сравнению с другими отраслями креативные индустрии также имеют более значимые эффекты «перетекания знаний» (spillover effect) в другие отрасли с точки зрения общего объёма выпуска, добавленной стоимости и мультипликатора занятости.

Несмотря на значимые успехи Австралии в выстраивании креативной экономики, существует необходимость применения более комплементарного подхода, который учитывал бы характеристики всех областей культурных и креативных индустрий, а также частные и общественные цели, которым они служат. Это позволит направлять инвестиции правительства и частного сектора в области с потенциалом роста, а также продолжать способствовать укреплению культурной самобытности и использовать социальные выгоды, которые возникают, когда культурная жизнь доступна всем австралийцам[13].

В 1998 г. Правительство Великобритании определило состав креативных индустрий (Creative Industries — Mapping Document 1998). К ним были отнесены 13 областей — реклама, архитектура, рынок искусства и антиквариата, ремёсла, дизайн, дизайнерская

[13] Cunningham, McCutcheon (2018). The Creative Economy in Australia: Factsheet 1. Queensland University of Technology Digital Media Research Centre. URL: https://research.qut.edu.au/dmrc/wp-content/uploads/sites/5/2018/03/Factsheet-1-Creative-Employment-overview-V5.pdf (access date: 21.03.2024).

мода, кино, программное обеспечение для интерактивного досуга, музыка, исполнительское искусство, издательское дело, программное обеспечение, телевидение и радио, т.е. «…все они имеют потенциал для генерирования богатства за счёт создания интеллектуальной собственности»[14]. Концепция интеллектуальной собственности является наиболее значимой для любого понимания креативных индустрий. Она расширилась, и в 2001 г. в анализ были включены экономические отношения с другими секторами, такими как туризм, гостиничный бизнес, музеи и галереи, культурное наследие и спорт. За это время занятость и экспорт в сфере креативных индустрий Великобритании увеличилась почти на 40%. Отчёт за более поздние периоды показывает, что темпы роста валовой добавленной стоимости креативной экономики Великобритании увеличились с 3,3 в 2010 г. до 9,9% в 2013 г.[15]

В 2022 г. экономический вклад креативных индустрий вырос на 6,8% и достиг 124,6 млрд фунтов стерлингов. Они росли более чем в два раза быстрее, чем экономика Великобритании в целом. В табл. 3 представлена валовая добавленная стоимость (млрд фунтов стерлингов) по подсекторам креативных индустрий в 2022 г.

Таблица 3
Валовая добавленная стоимость по подсекторам креативных индустрий в 2022 г.

Подсектор креативных индустрий	Валовая добавленная стоимость (млрд. фунтов стерлингов)
ИТ, программное обеспечение и компьютерные услуги	55,4
Кино, телевидение, радио и фотография	20,8
Реклама и маркетинг	18,8
Издательское дело	11,6
Музыка, исполнительское и изобразительное искусство	11,2
Архитектура	3,7
Дизайн и дизайнерская мода	3,2
Музеи, галереи и библиотеки	1,0
Ремёсла	0,4

Источник: Contribution of the Arts to Society and the Economy. House of Lords Library. URL: https://lordslibrary.parliament.uk/contribution-of-the-arts-to-society-and-the-economy/#:~:text=Overall%2C%20DCMS%20estimates%20that%20GVA,above%202019%20levels%20in%202022 (access date: 21.03.2024)

Креативные индустрии оказывают влияние, выходящее за рамки экономических отношений. Они в большой степени полагаются на субсидии, однако исполнительское и изобразительное искусства, музеи, галереи и библиотеки обеспечивают значительную отдачу от государственных инвестиций, включая влияние на благосостояние и развитие талантов. Правительство Великобритании намеревается взаимодействовать с промышленностью с целью раскрытия потенциала роста сектора за счёт увеличения инвестиций и создания креативного бизнеса и рабочих мест.

[14] Creative Industries Mapping Documents 1998. Department for Digital, Culture, Media & Sport. URL: https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-1998 (access date: 22.03.2024).

[15] Creative Industries Economic Estimates January 2015 — Key Findings. Department for Digital, Culture, Media & Sport. URL: https://www.gov.uk/government/statistics/creative-industries-economic-estimates-january-2015/creative-industries-economic-estimates-january-2015-key-findings (access date: 22.03.2024).

Опыт стран, которые являются «первопроходцами» в формализации креативных индустрий и их интеграции в производство продукции с высокой добавленной стоимостью, выступает примером для стран с развивающимися рынками. В настоящее время они относительно слабо используют возможности своего культурного наследия для создания креативных продуктов, развития человеческого капитала и пестования талантов.

Креативные индустрии в странах с развивающимися рынками: традиционная культура и «оранжевая экономика»

Китай представляет пример страны с развивающимся рынком, которая выступает крупнейшим экспортёром и импортёром креативных товаров и услуг. Например, в 2002 г. торговля страны креативными товарами составила 32 млрд долл. К 2014 г. эта цифра увеличилась более чем в пять раз, достигнув 191,4 млрд долл.[16]. В то же время, по замечанию М. Кина, креативные индустрии «пришли» в материковый Китай в конце 2004 г. [*Keane*, 2009]. Для консерваторов они были всего-навсего «карго-культом» — несовместимые, чуждые и подозрительные элементы для традиционной китайской культуры. Более того, концепция креативных индустрий не прошла через «фильтр» рабочих групп Коммунистической партии Китая, сложной административной системы, которая выносит решения по чувствительным политическим реформам. Ключевым элементом этих индустрий является креативность — наименее «проблематичный» элемент в западном контексте. В этой связи возник вопрос о том, как организовать параллельную дискуссию в стране, где творческое воображение подчинено активному государственному надзору. Культура занимает значимую позицию в обеспечении национального суверенитета, и Китай инвестирует в неё не только по экономическим причинам, но и как способ противостоять неизбежному вторжению западного влияния посредством распространения фильмов, телевидения и рекламы.

В «Синей книге китайской культуры» (Blue Book of Chinese Culture) 2007 г. утверждается, что, по сравнению с китайскими культурными индустриями, креативным индустриям Великобритании не хватает идеологии. Так, в число основных креативных индустрий входит промышленный дизайн, который не имеет идеологического характера. Напротив, национальный список основных культурных индустрий в Китае включает журналистику, издательское дело, аудиовизуальные и электронные публикации, радио, телевидение, кино, исполнительское искусство, культурные выставки. Все они имеют идеологическую составляющую и в той или иной степени управляются государством. При этом основная критика заключается в том, что «креативные индустрии ориентированы на индивидуальные усилия, в отличие от культурных индустрий, которые принадлежат народу» [*Keane*, 2009. P. 433]. Тем не менее центральное место в популяризации дискурса креативных индустрий в Китае занимают так называемые «коалиции роста», которые завоёвывают благосклонность официальных лиц. Они являются ситуационными коалициями с нечётким совпадением интересов. Одни из них сосредоточены на максимизации прибыли, другие больше озабочены тем, чтобы следовать международным тенденциям. Некоторые коалиции следуют «гибридной» стратегии (foot-in-both-camps strategy), которая способствовала формализации так называемых неидеологических секторов креативных индустрий, таких как дизайн [*Keane*, 2007]. По сути, дискурс креативности провозглашает западную модель личности, независимых художников, предпринимателей. Креативные индустрии — это отрасли, которые основаны на индивидуальном творчестве, навыках и таланте.

Ещё одним важным фактором, влияющим на то, как определяются, классифицируются и учитываются креативные (и культурные) индустрии, являются традиции. С наци-

[16] Creative Economy Outlook. Trends in international trade in creative industries 2002-2015. UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditcted2018d3_en.pdf (access date: 30.03.2024).

ональной точки зрения традиции Китая выступают его главным культурным ресурсом. Поэтому нужно понимать, насколько они важны для китайского народа и насколько правительство осознаёт их экономический потенциал. В этом отношении интересно отметить, что культурный туризм, включая производство и продажу сувениров, занимает важное место и призван показать Китай как доминирующую силу в глобальной креативной экономике. При этом современные тенденции развития креативных индустрий диктуют появление новых бизнес-моделей, смягчение государственного регулирования, рост числа предприимчивых потребителей и возрастание роли прав интеллектуальной собственности особенно в сфере киноиндустрии, музыки и моды [*Montgomery*, 2010].

В странах Латинской Америки креативные индустрии получили название «оранжевая экономика» [*Restrepo*, *Márquez*, 2013]. Это явление основано на симбиозе таланта, культуры, интеллектуальной собственности и связей. Ф. Рестрепо и И. Маркез объясняют, что оранжевый цвет, пигмент, который использовался в Древнем Египте для украшения гробниц фараонов, выступает доминирующим цветом культуры, творчества и самобытности. В целом, для обозначения этого явления используется несколько терминов, таких как: культурные индустрии; креативные индустрии; индустрии контента; индустрии, защищённые авторским правом.

Важно отметить, что «оранжевая экономика» дополняет другие «цветовые концепции» устойчивого развития — «зелёную» и «синюю» экономики. Так, креативные индустрии предлагают дополнительный потенциал в решении проблем устойчивого потребления и производства. Движение к устойчивому развитию требует преодоления истощения ресурсов, что может произойти благодаря креативному планированию использования отходов. Творческий подход выходит за рамки менеджмента и фокусируется на разработке продуктов, процессов и услуг для оптимизации использования отходов. В свою очередь, одним из способов связи креативной экономики с «синей экономикой» является развитие туризма, особенно прибрежного и экотуризма, который может включать в себя несколько областей креативной экономики — от культурных услуг до производства туристических товаров (ремесленных изделий).

«Оранжевая экономика» — это пространство, где креативные предприниматели создают предприятия, ориентированные на искусство и культуру в своих сообществах[17]. Она является производственной моделью, в которой товары и услуги имеют интеллектуальную ценность, поскольку являются продуктом идей и опыта их создателей. Другими словами, это относится к бизнесу, основанному на творчестве, включая искусство, культуру, исследования, науку и технологии. «Оранжевая экономика» известна постоянными инновациями, уникальными продуктами (не массовым производством) и цифровыми процессами. По разным оценкам, в 2015 г. в Латинской Америке она могла генерировать доход в размере 124 млрд долл. и обеспечивать занятость 1,9 млн человек. История политических и гражданских беспорядков привела к формированию культуры устойчивости и стремлению создать лучшие возможности для будущих поколений. «Оранжевая экономика» демонстрирует эти ценности, побуждая предпринимателей находить новые идеи и расширять границы традиционных экономических возможностей.

«Оранжевая экономика» имеет значительный потенциал, который предполагает вовлечение 107 млн молодых людей (в возрасте от 14 до 24 лет, живущих в Латинской Америке и регионе Карибского бассейна) использовать талант для принятия бизнес-моделей, основанных на креативных индустриях. В настоящее время культура рассматривается как доступное общественное благо. Однако эта ситуация вредна для художников и творческих

[17] *Cahuex G., Blum M.* Latin America's Orange Economy Creates Opportunity. CIPE 40. URL: https://www.cipe.org/blog/2023/08/29/latin-americas-orange-economy-creates-opportunity/#:~:text=The%20orange%20economy%20is%20a,to%20create%20jobs%20and%20exports (access date: 30.03.2024).

людей, поскольку лишает их по крайней мере двух фундаментальных прав: 1) признания их деятельности в качестве легитимной карьеры; 2) получения законной компенсации за свою деятельность. Это лишает общество того прогресса, который могут обеспечить художники, творческие люди и вся цепочка создания стоимости. Развивая «оранжевую экономику», можно преодолеть социальные разногласия и объединить обездоленные и привилегированные группы населения вокруг общей цели. При этом существует возможность использовать инструменты «оранжевой экономики» для социальной интеграции.

Рассмотренный опыт стран с развивающимися рынками показывает, что креативные индустрии выступают не только как источник генерирования богатства, основанный на использовании индивидуальных способностей и талантов людей, но и как инструмент трансформации традиционной культуры и внедрения изначально «чуждых» и «подозрительных» элементов, способных поменять мировоззрение населения (Китай). В странах Латинской Америки креативные индустрии («оранжевая экономика») выполняют функцию по смягчению социальных разногласий (и неравенства) среди разных групп населения и обеспечению социальной интеграции. Следующий раздел посвящён изучению опыта России в развитии сферы креативных индустрий.

Креативные индустрии в России: поиск своего пути

Культурный феномен как важный фактор экономического роста, предопределяющий пути развития и использования человеческого капитала был активно использован в советской экономике на заре её становления. Искусство соцреализма как возможность влиять на формирование и воспитание «нового человека», способного своим титаническим трудом построить «коммунистическое завтра», легло в основу нового типа трудовых отношений, в которых поощрялся бескорыстный труд на благо общества, а стахановские движения стали практически повсеместно использоваться как эталон организации производственных будней. Кино «как важнейшее из всех искусств» и «величайшее орудие массовой агитации» демонстрировало идеологически выверенные конструкты и учитывало запросы советской аудитории [*Tanis*, 2022].

В настоящее время развитие сферы креативных индустрий в России связано с активными действиями государства по её «выводу из тени» и дальнейшей поддержке[18]. В частности, креативной индустрией предлагается считать экономическую деятельность, непосредственно связанную с созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативных продуктов, обладающих уникальностью и экономической ценностью. Предполагается создание и ведение реестра субъектов креативных индустрий. Будет также установлен барьер для включения в реестр компаний, которые не занимаются профильной деятельностью. Кроме того, определён перечень имущества, которое относится к инфраструктуре креативных индустрий, и порядок признания территории креативным кластером.

В 2021 г. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ подготовил исследование, посвящённое креативной экономике Москвы[19]. В этом исследовании отмечается, что в 2018 г. общий объём выручки компаний креативных индустрий Москвы превысил 3 трлн руб., а численность занятых — 463 тыс. человек. При этом в Москве создаётся больше 50% всей добавленной стоимости страны в этой сфере, а концентрация рынка рекламы и телерадиовещания достигла почти 90%, в секторе информационных технологий

[18] В России появится закон о развитии креативных индустрий. Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/10/30/1003184-v-rossii-poyavitsya-zakon-o-razvitii-kreativnih-industrii (дата обращения: 21.03.2024).

[19] Креативная экономика Москвы в цифрах. НИУ ВШЭ. URL: https://measurecreativity.hse.ru/ (дата обращения: 21.03.2024).

и киноиндустрии — 68%. Добавленная стоимость креативных индустрий Москвы превысила один трлн руб. (6,3% ВРП) и их доля оказалась выше, чем в строительном секторе, почти в два раза. Позже вышел следующий доклад ВШЭ, но уже иллюстрирующий ситуацию с креативной экономикой в России в целом. Исследование показало, что если в мире креативный сектор генерирует около 3% мирового ВВП, то в России этот показатель составил 2,4% ВВП, и он существенно ниже, чем в странах-лидерах — Италии (6,1%), Великобритании (5,8), Австралии (5,7), Франции (4,4), США (4,3), Китае (4,2%)[20]. Однако креативный сектор растёт достаточно быстрыми темпами, валовая добавленная стоимость в ИТ и видеоиграх за 2018–2019 гг. увеличилась на 36% (с 497,2 до 676,5 млрд руб.), а в рекламе на 48,3% (с 349,1 до 517,8 млрд руб.). И если ещё в 2017 г. здесь занято было 5,9% от всей численности работающих, то в 2019 г. уже 6,8%. Это доклад заложил основы статистического учёта параметров креативной экономики и был первой попыткой создания системы формирования показателей креативных индустрий на уровне макроэкономического подхода.

В 2021 г. была создана Федерация креативных индустрий и Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности. В 2022 г. в России был утверждён «План мероприятий по реализации в 2022–2024 гг. Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года»[21], который предусматривает закрепление творческих (креативных) индустрий в законодательстве Российской Федерации.

В 2023 г. Агентство стратегических инициатив разработало региональный стандарт развития креативных индустрий. Он включает 12 пунктов, среди которых: формирование сообщества креативных индустрий, системы подготовки кадров, поддержка экспорта, привлечение креативного человеческого капитала. Главная функция регионального стандарта — объединить всех стейкхолдеров, вовлечь губернаторов в креативную повестку, а потом сформировать в регионах единое видение развития креативной экономики[22]. Подобный подход позволит контролируемо вырастить долю креативных индустрий до 6,5% в ВВП страны к 2030 г.

Предпринимаемые многочисленные меры со стороны государства должны способствовать процветанию сферы креативных индустрий. Александр Аузан в монографии «Культурные коды экономики» подчёркивает важность культуры как совокупности неформальных норм для экономического развития [*Аузан,* 2022]. Проведённое исследование [*Аузан, Бахтигараева*, *Брызгалин*, 2022] показало, что субъекты креативных индустрий испытывали сложности, связанные с наличием институциональных и социокультурных барьеров. Институциональная среда в стране не способна подстроиться под запросы участников креативной экономики — гибких, быстрых и функционирующих за счёт человеческого капитала. Социокультурные барьеры заключались в превалирующих в обществе ценностях и поведенческих установках. В России на прикладном уровне они проявляются в выталкивании наиболее творческих личностей за пределы страны и их отказе от развития креативного бизнеса в России. Кроме государства, креативное сообщество может сыграть ключевую роль в части формирования комфортной среды для представителей творческих специальностей.

---

[20] Развитие креативных индустрий в России: ключевые индикаторы. НИУ ВШЭ. Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала. URL: https://www.hse.ru/data/2021/08/05/1425538088/Human_Capital_NCMU_Digest_1_Creative_Industries_2021.pdf (дата обращения: 21.03.2024).

[21] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2022 г. № 2290-р. План мероприятий по реализации в 2022 — 2024 годах Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. URL: http://static.government.ru/media/files/w4Xp3IAGZi9GI2CDWHFR3iJOAK5xb93A.pdf (дата обращения: 08.04.2024).

[22] Креативные индустрии в России обретут закон, дорожные карты и стандарты развития. COMNEWS. URL: https://www.comnews.ru/content/230431/2023-11-29/2023-w48/1007/kreativnye-industrii-rossii-obretut-zakon-dorozhnye-karty-i-standarty-razvitiya (дата обращения: 05.04.2024).

Заключение

Современная глобальная экономика характеризуется бурным развитием тех секторов, которые связаны с созданием или использованием знаний и информации. В последнюю четверть века правительства практически всех стран проводят экономическую политику, которая предусматривает разработку и реализацию национальных стратегий развития, нормативными составляющими которых являются креативные индустрии. До сих пор нет общепринятого определения последних, однако в их основе лежит творческое мышление, которое по своей природе является неисчерпаемым ресурсом, и оно обеспечивает генерирование богатства. Как уже указывалось, креативные индустрии обладают следующими чертами: производимые товары и услуги имеют высокую добавленную стоимость; продукты креативной индустрии легко масштабируются; рынок креативных индустрий больше других подвержен «пиратству». Их сторонники предполагают, что человеческая креативность выступает основным экономическим ресурсом и отрасли XXI в. будут всё больше зависеть от генерации знаний посредством реализации творчества и появления инноваций.

Страны с развитыми рынками были первыми, кто формализовал креативные индустрии и интегрировал их в общий механизм обеспечения экономического роста. В них действуют специализированные государственные органы, отвечающие за создание благоприятных условий, которые обеспечивают процветание креативных индустрий. В частности, в Австралии сложилась целостная креативная экономика, ядром которой выступает комплементарность между включением креативных сотрудников в производственные команды, ростом инноваций и повышением производительности организаций. В Великобритании креативные индустрии оказывают влияние, выходящее за рамки экономических отношений. Они в большей степени полагаются на субсидии, однако обеспечивают значительную отдачу от государственных инвестиций, включая влияние на благосостояние общества и развитие талантов. В рамках современной рыночной экономики функционирование креативных индустрий сопряжено со значительными положительными внешними эффектами.

Китай является примером страны, в которой креативные индустрии были восприняты консерваторами как несовместимые, чуждые и подозрительные элементы для традиционной китайской культуры. Возник вопрос о том, как организовать свободную дискуссию в стране, где творческое воображение подчинено активному государственному надзору. Культура занимает значимое положение в обеспечении национального суверенитета, и государство инвестирует в неё не только по экономическим причинам, но и как способ противостоять неизбежному западному влиянию посредством распространения фильмов, телевидения и рекламы. В то же время существуют разнородные «коалиции роста», которые заинтересованы в максимизации прибыли и/или следованию международным тенденциям и поэтому способствуют формализации неидеологических секторов креативных индустрий. В странах Латинской Америки креативные индустрии получили наименование «оранжевая экономика», которая известна инновациями, уникальными продуктами и цифровыми процессами. Развитие «оранжевой экономики» позволяет смягчить социальные разногласия и объединить обездоленные и привилегированные группы населения вокруг общей цели. Инструменты «оранжевой экономики» используются для социальной интеграции.

В России креативные индустрии впервые упоминаются в 2014 г. В настоящее время государство активно и всеобъемлюще вовлечено в их «проектирование» и поддержку. Так, в 2021 г. была создана Федерация креативных индустрий и Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности. Годом позже был утверждён «План мероприятий по реализации в 2022–2024 гг. Концепции развития творческих (креатив-

ных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года». В 2023 г. Агентство стратегических инициатив разработало региональный стандарт развития креативных индустрий, главная функция которого — объединить всех стейкхолдеров, вовлечь губернаторов в креативную повестку, сформировать в регионах единое видение развития креативной экономики. Тем не менее остаются барьеры в дальнейшем развитии сферы креативных индустрий.

В этой связи задачей дальнейших исследований является построение вокруг уже имеющихся центров концентрации творческих индустрий в разных регионах новой среды, формирование статистических данных для их отображения. Среди мер по поддержке креативных индустрий особо важно:

- продумать и обозначить приоритеты поддержки направлений, входящих в состав креативных индустрий (включая софинансирование со стороны региональных фондов);
- разработать систему стимулов и мотиваций для активизации составляющих креативной экономики;
- развивать экспортный потенциал креативных индустрий.

Подобная политика поддержки позволит расширить сферу занятости, сформировать привлекательную инфраструктуру для развития креативных индустрий и в итоге благоприятно отразится на экономическом росте страны и её регионов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Артамонова У.З. (2020). Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США [*Artamonova U.Z.* (2020). American Cinema as a Tool of US Public Diplomacy] // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 2. С. 110–122. DOI: 10.20542/afij-2020-2-110-122.

Аузан А. (2022). *Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа* [*Auzan A.* (2022). Cultural codes of the economy. How values influence competition, democracy and the well-being of the people]. URL: https://www.litres.ru/book/aleksandr-auzan/kulturnye-kody-ekonomiki-kak-cennosti-vliyaut-na-konkurenc-67616357/

Аузан А.А., *Бахтигараева А.И.*, *Брызгалин В.А.* (2022). Развитие креативной экономики России в контексте современных вызовов [*Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A.* (2022). Development of creative economy of Russia in the context of modern challenges] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2 (54). С. 213–220. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-12

Лазарева О.В. (2017). Культурные индустрии: два аспекта понимания [*Lazareva O.V.* (2017). Cultural Industries: Two Aspects of Understanding] // *Обсерватория культуры*. Т. 14. № 6. С. 670–676. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-670-676.

Banks M., *Hesmondhalgh D.* (2009). Looking for work in creative industries policy // *International Journal of Cultural Policy*. Vol. 15. Is. 4. Pp. 415–430. DOI: 10.1080/10286630902923323.

Barbot B., *Besançon M.*, *Lubart T.I.* (2011). Assessing creativity in the classroom // *The Open Education Journal*. Vol. 4. No. 2. Pp. 58–66. DOI: 10.2174/1874920801104010058.

Batey M. (2012). The measurement of creativity: From definitional consensus to the introduction of a new heuristic framework // *Creativity Research Journal*. Vol. 24. No. 1. Pp. 55–65. DOI: 10.1080/10400419.2012.649181.

Blamiresa M., *Peterson A.* (2014). Can creativity be assessed? Towards an evidence-informed framework for assessing and planning progress in creativity // *Cambridge Journal of Education*. Vol. 44. Pp. 147–162. DOI: 10.1080/0305764X.2013.860081.

Caves R.E. (2000). *Creative industries: Contracts between art and commerce.* — Cambridge, Mass.: Harvard University press.

Creative Industries and Innovation in Europe (2012). / Lazzeretti L. (Ed.). — London: Routledge.

Davies D., *Jindal-Snape D.*, *Collier C.*, *Digby R.*, *Hay P.*, *Howe A.* (2013). Creative learning environments in education — A Systematic Literature Review // *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 8. Pp. 80–91. DOI: 10.1016/j.tsc.2012.07.004.

Florida R.L. (2002). *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life.* — New York: Basic Books.

Foord J. (2009). Strategies for Creative Industries: An International Review // *Creative Industries Journal*. Is. 2. Vol. 1. Pp. 91–113. DOI: 10.1386/cij.1.2.91_1

Galati F. (2015). Complexity of judgment: What makes possible the convergence of expert and nonexpert ratings in assessing creativity // *Creativity Research Journal*. Vol. 27. No. 1. Pp. 24–30. DOI: 10.1080/10400419.2015.992667.

Han K., *Marvin C.* (2002). Multiple creativities? Investigating domain-specificity of creativity in young children // *Gifted Child Quarterly*. Vol. 46. Is. 2. Pp. 98-109. DOI: 10.1177/001698620204600203

Hennessey B.A., *Amabile T.M.* (2010). Creativity // *Annual Review of Psychology*. Vol. 61. Pp. 569–598. DOI: 10.1146/annurev.psych.093008.100416.

Horn D., *Salvendy G.* (2006). Consumer-based assessment of product creativity: A review and reappraisal // *Human Factors and Ergonomics in Manufacturing*. Vol. 16. No. 2. Pp. 155–175. DOI: 10.1002/hfm.20047.

Howkins J. (2001). *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. — London: Allen Lane.

Jason G. (2013). The History of Cinema and America's Role in It: Review Essay of Douglas Gomery and Clara Pafort-Overduin's Movie History: A Survey // *Reason Papers*. Vol. 35. No. 1. Pp. 170–186.

Kaufman J.C. (2012). Counting the Muses: Development of the Kaufman Domains of Creativity Scale (K-DOCS) // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Vol. 6. No. 4. Pp. 298–308. DOI: 10.1037/a0029751.

Kaufman J.C., *Lee J.*, *Baer J.*, *Lee S.* (2007). Captions, Consistency, Creativity, and the Consensual Assessment Technique: New Evidence of Reliability // *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 2. No. 2. Pp. 96–106. DOI: 10.1016/j.tsc.2007.04.002.

Keane M. (2006). From Made in China to Created in China // *International Journal of Cultural Studies*. Vol. 9. No. 3. Pp. 285–296. DOI: 10.1177/1367877906066875.

Keane M. (2007). *Created in China: The Great New Leap Forward*. — London: Routledge.

Keane M. (2009). Creative industries in China: Four Perspectives on Social Transformation // *International Journal of Cultural Policy*. Vol. 15. No. 4. Pp. 431–443. DOI: 10.1080/10286630902989019.

Landry C., *Bianchini F.* (1995). *The Creative City*. — London: Demos.

Mellanderis C., Florida R., Asheimis B. T., Gertler M. (2014). *The Creative Class Goes Global.* — NY: Routledge.

Miller A.L. (2014). A self-report measure of cognitive processes associated with creativity // *Creativity Research Journal*. Vol. 26. No. 2. Pp. 203–218. DOI: 10.1080/10400419.2014.901088.

Montgomery L. (2010). *China's Creative Industries: Copyright, Social Network Markets and the Business of Culture in a Digital Age*. — Cheltenham: Edward Elgar.

Moore I. (2014). Cultural and Creative Industries Concept — A Historical Perspective // *Procedia — Social and Behavioral Sciences.* Vol. 110. Pp. 738-746. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.12.918.

Plucker J.A., *Qian M.*, *Wang S.* (2011). Is originality in the eye of the beholder? Comparison of scoring techniques in the assessment of divergent thinking // *The Journal of Creative Behavior*. Vol. 45. No. 1. Pp. 1–22. DOI: 10.1002/j.2162-6057.2011.tb01081.x.

Restrepo F.B., *Márquez I.D.* (2013). *The Orange Economy: An Infinite Opportunity*. — Washington: Inter-American Development Bank.

Routledge Handbook of Cultural and Creative Industries in Asia. (2019). / L. Lim, H.K. Lee (Eds.). — London: Routledge.

Runco M.A. (2008). Commentary: Divergent thinking is not synonymous with creativity // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Vol. 2. No. 2. Pp. 93–96. DOI: 10.1037/1931-3896.2.2.93.

Runco M.A., *Jaeger G.J.* (2012). The standard definition of creativity // *Creativity Research Journal*. Vol. 24. No. 1. Pp. 92–96. DOI: 10.1080/10400419.2012.650092.

Said-Metwaly S., *Kyndt E.*, *Noortgate van den W.* (2017). Approaches to Measuring Creativity: A Systematic Literature Review // *Creativity. Theories — Research — Applications*. Vol. 4. No. 2. Pp. 238–275. DOI: 10.1515/ctra-2017-0013.

Šipikal M., *Madudova E.* (2015). Education as Tool for the Development of Creative Industries in Slovakia // *Creative and Knowledge Society*. Vol. 5. No. 2. Pp. 1–10. DOI: 10.1515/cks-2015-0007.

Scott A. J. (2006). *Geography and economy: three lectures*. — Oxford: Oxford University Press.

Tanis K. (2022). Electrical Signalling (3): Film. // *Media and Communication in the Soviet Union (1917–1953)* / K. Postoutenko, A. Tikhomirov, D. Zakharine (eds.). — Palgrave Macmillan, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-88367-6_19.

The Oxford Handbook of Creative Industries (2015) / C. Jones, M. Lorenzen, J. Sapsed (Eds.). — Oxford: Oxford University Press.

Wohl H. (2022). Innovation and Creativity in Creative Industries // *Sociology Compass*. Vol. 16. No. 2. Pp. e12956. DOI: 10.1111/soc4.12956.

Саблин Кирилл Сергеевич
sablin_ks@mail.ru
Kirill Sablin
Cand. of Science (Econ.), Associate Professor, Russian State Institute of Performing Arts (Saint-Petersburg)
sablin_ks@mail.ru

Валиева Ольга Владимировна
o_valieva@mail.ru
Olga Valieva
Cand. of Science (Econ.), Senior Research Fellow, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk), Associate Professor, Department of Management, Novosibirsk National Research State University
o_valieva@mail.ru

CREATIVE INDUSTRIES IN THE MODERN ECONOMY: DEFINITION, APPROACHES TO MEASUREMENT

Abstract. The article is devoted to a review of the experience of creative industries development in foreign countries and Russia. They are classified as types of economic activities that are associated with the creation, using and commercialization of knowledge and information. They are becoming increasingly important for economic well-being. Creative industries generate significant positive externalities and contribute to reducing social inequality, protecting the environment, spreading new ideas and inclusion in society. The pioneers in the formalization of creative industries were countries with developed markets (Australia, Great Britain). They have coined an integrated creative economy. Its core is a sustainable complementarity between active investment in human capital, growth of innovation and increased productivity of organizations. Creative industries embody individual efforts and talent that generate returns in the form of wealth. The concept of creative industries was perceived as an alien element incompatible with traditional culture, which occupies a significant position in ensuring national sovereignty in China. "Orange economy" as a symbiosis of talent, culture, intellectual property and connections forms the basis for overcoming social divisions and uniting different groups of the population around a common goal in Latin American countries. Creative industries are at the initial stage of their formation in Russia. The state is making significant efforts to create favorable conditions for their "deployment". There is a gradual understanding of the importance of the link between support for designers, writers and architects, museums, theater and film production and economic growth based on creativity and talent. Creative industries are becoming a key factor in shaping the development strategy of both the country and regions.

Keywords: *economic growth, creativity, measurement of creativity, creative industries, «orange economy».*
JEL: B40; O15; O38; Z10.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

О.А. Кислицына
д.э.н., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕРАВЕНСТВЕ И ОТНОШЕНИЕ К ПОЛИТИКЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ В РОССИИ

Аннотация. Экономическое неравенство является фундаментальной социальной проблемой. Политика правительства по перераспределению доходов может смягчить растущее неравенство, используя налоги и социальные трансферты. Тем не менее попытки ввести альтернативные налоговые схемы регулярно сталкиваются с серьёзным политическим сопротивлением. В настоящем исследовании делается попытка ответить на следующие вопросы: 1) что россияне думают об экономическом неравенстве, неравенстве возможностей и роли правительства в смягчении проблем, связанных с неравенством?; 2) какие индивидуальные характеристики определяют предпочтения людей относительно государственной политики перераспределения?; 3) как восприятие экономического неравенства и неравенства возможностей связано с отношением людей к государственной политике перераспределения? Использовались данные Модуля социального неравенства Международной программы социальных исследований (International Social Survey Program — ISSP) 2019 г. Статистический анализ проведён с помощью порядковых моделей логистической регрессии. Полученные результаты позволили сделать ряд выводов. Во-первых, установлено, что государственная политика по ограничению существующего неравенства пользуется довольно широкой поддержкой населения. Во-вторых, доказано, что общественная поддержка политики перераспределения в России может происходить из двух источников: а) личный интерес, связанный с собственным социально-экономическим или другим состоянием людей; б) их социальные убеждения. Последствия фактора социальных убеждений относительно неравенства могут быть более важными, чем воздействие социально-экономического статуса (СЭС): даже люди с высоким СЭС могут поддержать прогрессивную политику налогообложения, когда они признают значение неравенства. В-третьих, показано, что среди индивидуальных социально-демографических факторов решающими в процессе формирования отношений к политике перераспределения являются пол, возраст, семейное положение, уровень религиозности, политические убеждения.

Ключевые слова: *неравенство, социальная политика, общественное мнение, предпочтения политики перераспределения, ответственность правительства, Международная программа социальных исследований, Россия.*

JEL: D63, H23, H53, I31

УДК: 336.2, 338.22

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_50_59

© О.А. Кислицына, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Кислицына О.А.* Представления о неравенстве и отношение к политике перераспределения доходов в России // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 50–59. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_50_59.

FOR CITATION: *Kislitsyna O.* Perceptions of Inequality and Attitudes towards Income Redistribution Policies in Russia // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 50–59. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_ 2024_3_50_59.

Введение

Экономическое неравенство — фундаментальная социальная проблема, представляющая угрозу для экономического развития, политической стабильности и социального благополучия людей [*Keefer, Knack,* 2002; *Wilkinson, Pickett,* 2009; *Стиглиц,* 2015; *Пикетти,* 2016; *Миланович,* 2017; *Wilkinson, Pickett,* 2017]. Правительство может смягчить растущее экономическое неравенство, проводя политику перераспределения доходов с помощью налогов и социальных трансфертов. Однако фундаментальным вопросом является то, в какой степени государство должно участвовать в перераспределении доходов для сокращения экономического неравенства [*Kim, Lee,* 2018]. Известно, что общественная поддержка эгалитарной политики является важной силой в деле продвижения политики перераспределения. Потому столь важно понимание того, какие меры политики по сокращению неравенства встретят такую поддержку. Выявление таких мер — важный первый шаг на пути к определению эффективных стратегий для их реализации.

Литература об отношении к неравенству и предпочтениях политики перераспределения очень богата как на индивидуальном, так и на межстрановом уровне. Однако причины, по которым граждане поддерживают меры по перераспределению доходов или выступают против них, остаются плохо понятыми [*Fong, 2001*].

Одно из объяснений сосредоточено на личном интересе. Теория личного интереса предполагает, что поддержка политики перераспределения зависит от веры человека в то, что он выиграет от проведения такой политики или, по крайней мере, не пострадает от неё (см., например, [*Corneo, Gruner,* 2002; *Blekesaune, Quadagno* 2003]). Статус (с точки зрения образования или профессии), принадлежность к социальному классу, доход являются важными факторами индивидуальных предпочтений в отношении политики перераспределения (см., например, [*Corneo, Gruner,* 2002; *Gijsberts,* 2002; *Franko, Tolbert, Witko,* 2013]).

Факторы, связанные с поддержкой перераспределения, включают также более комплексные понятия, такие как культура, ценности и убеждения. Это, например, политические взгляды [*Franetovic, Castillo,* 2022], религия [*Scheve, Stasavage,* 2006], доверие к налоговой системе [*Alm, Torgler,* 2006], доверие к политической системе [*Franetovic, Castillo,* 2022]. Индивидуальные убеждения о причинах экономического неравенства влияют на отношение людей к политике перераспределения и могут даже перевешивать личный интерес [*Linos, West* 2003; *Alesina, La Ferrara,* 2005; *Pittau, Massari, Zelli,* 2012]. Убеждения, согласно которым неравенство и богатство вызваны контролируемыми человеком факторами (например, усердный труд, заслуги) имеют тенденцию уменьшать поддержку перераспределения, тогда как убеждения, подчёркивающие роль внешних, не зависящих от человека, факторов для достижения успеха (например, социальное происхождение, удача) часто способствуют поддержке политики перераспределения [*Weiner, Osborne, Rudolph,* 2011; *McCall,* 2013].

Большая часть существующих исследований сосредоточена на ситуации в европейских странах и США. Эмпирические исследования по этой теме в контексте России немногочисленны (см., например, [*Ravallion, Lokshin,* 2000]), хотя Россия стабильно входит в группу стран со значительным неравенством доходов.

Чтобы восполнить этот пробел в знаниях, настоящее исследование пытается ответить на следующие вопросы: 1) что россияне думают об экономическом неравенстве, неравенстве возможностей и роли правительства в смягчении проблем, связанных с неравенством?; 2) какие индивидуальные характеристики определяют предпочтения людей относительно государственной политики перераспределения?; 3) как восприятие экономического неравенства и неравенства возможностей связанны с отношением людей к государственной политике перераспределения?

Данные и методы

В этом исследовании использовались данные Международной программы социальных исследований (International Social Survey Program — ISSP)[1] за 2019 г., посвящённые теме социального неравенства и охватившие в России 1582 респондентов в возрасте от 18 лет.

Зависимые переменные: предпочтение политики перераспределения

Рассматриваются два аспекта предпочтения политики перераспределения: а) предпочтение государственного вмешательства в сокращение неравенства; б) предпочтение прогрессивного налогообложения.

Для оценки предпочтения государственного вмешательства в сокращение неравенства участников обследования попросили указать, в какой степени они согласны или не согласны со следующим утверждением: «Правительство несёт ответственность за сокращение различий в доходах между людьми с высокими доходами и с низкими доходами». Ответы включали 5 категорий: «Категорически не согласен» (перекодирован как 1), «Не согласен» (2), «И согласен, и не согласен» (3), «Согласен» (4) и «Полностью согласен» (5).

Для оценки предпочтения прогрессивного налогообложения респондентов спросили: «Считаете ли вы, что люди с высокими доходами должны платить большую часть своих доходов в виде налогов, чем люди с низкими доходами?». Ответы включали оценку по пятибалльной шкале: «Намного больше» (перекодирован как 5), «Больше» (4), «Такой же» (3), «Меньше» (2), «Намного меньше» (1).

Таким образом, первый вопрос фокусируется на роли правительства, не конкретизируя её, а второй акцентирует внимание на конкретной политике.

Зависимые переменные являются порядковыми мерами: более высокие баллы указывают на большую поддержку политики перераспределения.

Восприятие неравенства

Предпочтение политики перераспределения должно быть связано с восприятием неравенства, которое можно понимать с точки зрения двух аспектов: а) воспринимаемое экономическое неравенство; б) воспринимаемое неравенство возможностей.

Воспринимаемое экономическое неравенство может быть определено как индивидуальное представление о том, как общество распределяет между своими членами доходы и богатство, относительно того, что характеризует равноправное общество [*Kim, Huh, Choi, Lee,* 2018]. Для того, чтобы оценить восприятие экономического неравенства, респондентам предложено отметить, в какой степени они согласны или не согласны со следующим утверждением: «Различия в доходах в стране слишком большие?». Ответы включали оценку по пятибалльной шкале от «Полностью согласен» (перекодировано как 5) до «Категорически не согласен» (1).

Воспринимаемое неравенство возможностей относится к представлению человека о различиях между тем, как система должна работать и как она на самом деле работает [*Kim, Huh, Choi, Lee, 2018*]. В справедливом обществе люди верят, что у каждого человека есть шанс добиться успеха, основанного на индивидуальных заслугах. Когда люди считают, что успех находится вне контроля человека или его усилий, они склонны воспринимать свое общество как несправедливое и неравноправное. Воспринимаемое неравенство возможностей определялось как восприятие того, насколько шансы человека на успех связаны с такими характеристиками, как социально-экономическое происхождение. Участников обследования спросили: а) «Насколько важно быть выходцем из богатой семьи?»; б) «Насколько важно иметь хорошо образованных родителей?»; в) «Насколько важно знать нужных людей?»; г) «Насколько важно иметь политические связи?». Респонденты оце-

[1] The International Social Survey Programme. URL: http://www.issp.org/ (access date: 05.02.2024).

нили эти вопросы по 5-балльной шкале в диапазоне от «Существенно» (1) до «Совсем не важно» (5). Ответы были перекодированы так, чтобы более высокие баллы соответствовали более высокому уровню воспринимаемого неравенства возможностей. Воспринимаемое неравенство возможностей рассчитывалось для каждого участника путём усреднения его ответов на каждый из четырёх вопросов (Альфа Кронбаха = 0,669). Подобный подход был использован в нескольких исследованиях [*Fong,* 2001; *Linos, West,* 2003; *Kim, Huh, Choi, Lee,*2018; *Kim, Lee,* 2018*; Kambayashi, Lechevalier, Jenmana,* 2020].

Воспринимаемое экономическое неравенство и воспринимаемое неравенство возможностей являются порядковыми мерами: более высокие баллы соответствуют большему восприятию неравенства.

Ожидается, что восприятие неравенства приведёт к увеличению предпочтения политики перераспределения.

Индивидуальные демографические и социально-экономические характеристики

Был рассмотрен набор характеристик индивидуального уровня, которые изучались в качестве детерминант предпочтения политики распределения в других исследованиях. Демографические переменные включали *пол* (мужской/женский); *возраст* (18–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60 и старше); *семейное положение* (состоящие в браке — зарегистрированном и незарегистрированном; одинокие — никогда не состоявшие в браке, вдовые, разведённые). В соответствии с *уровнем образования* респонденты были распределены по трём группам: те, кто имеют среднее общее образование или ниже, вошли в первую группу; имеющие начальное или среднее профессиональное образование или неполное высшее были отнесены ко второй группе; а имеющие высшее профессиональное образование или выше составили третью группу. *Тип занятости* включал две категории: занятые и незанятые.

Информация о *социально-экономическом статусе* (СЭС) респондентов была получена из ответа на вопрос о том, какое, по их мнению, они занимают положение в обществе по десятибалльной шкале, где 1 означает низкое, а 10 — высокое социальное положение

Также были рассмотрены такие индивидуальные характеристики, как *религиозность* (частота посещения религиозной службы — от посещающих несколько раз в неделю (1) до никогда не посещающих (9)) и *политические убеждения*. Для измерения политических убеждений были созданы две фиктивные переменные: «левая политическая принадлежность» кодируется как 1, если респонденты голосовали за «левых» или «левоцентристов»; и «правая политическая принадлежность» кодируется как 1, если респонденты голосовали за «правых» или «правоцентристов».

Анализ состоял из двух этапов. На первом получены описательные статистики отношения к политике перераспределения, воспринимаемого экономического неравенства и воспринимаемого неравенства возможностей. На втором этапе изучены связи индивидуальных характеристик и предпочтения людей относительно политики перераспределения, а также то, в какой степени воспринимаемое экономическое неравенство и неравенство возможностей влияют на отношение к политике перераспределения. В связи с тем, что зависимые переменные являются порядковыми, т.е. ранжируются в определённом диапазоне (например, от 1 до 5), статистический анализ проведён с помощью порядковых моделей логистической регрессии.

Результаты

Полученные результаты позволили установить, что подавляющее большинство россиян полагают, что правительство несёт ответственность за сокращение различий в доходах: 25,1% «согласны» и 67,9% «полностью согласны» (табл. 1). Аналогично, большая часть опрошенных поддерживает политику налогообложения для богатых: 23,9% согласны с тем, что богатые должны платить «больше» налогов и 60,9% «намного больше». 91,5%

опрошенных полагают, что различия доходов в России кажутся слишком большими: 18,3% с этим «согласны» и 73,2% — «полностью согласны» (табл. 1). Это практически столько же, сколько предпочитает государственное вмешательство в сокращение неравенства.

Таблица 1
Предпочтение государственной политики перераспределения и восприятие экономического неравенства, %

	Категорически не согласен	**Не согласен**	**Не интересуется**	**Согласен**	**Полностью согласен**	**Всего**	**Среднее значение**
Различия в доходах в стране очень велики	2,3	3,3	2,9	18,3	73,2	100	4,567
Правительство несёт ответственность за сокращение различий в доходах	1,5	2,1	3,4	25,1	67,9	100	4,559
	Намного меньше	Меньше	Столько же	Больше	Намного больше	Всего	Среднее значение
Люди с высокими доходами должны платить большую часть своих доходов в виде налогов, чем люди с низкими доходами	1,0	1,6	12,6	23,9	60,9	100	4,420

Источник: расчёты автора.

Восприятие неравенства возможностей ниже, чем восприятие экономического неравенства: средний уровень воспринимаемого экономического неравенства равен 4,567, в то время как средний уровень воспринимаемого неравенства возможностей — 3,120 (табл. 2). Наиболее распространённый вид неравенства возможностей — необходимость знать нужных людей (86,4% респондентов считают это условием для достижения успеха). На втором месте — необходимость иметь образованных родителей (69%).

Таблица 2
Восприятие неравенства возможностей, %

	Восприятие неравенства возможностей			
	Насколько важно быть выходцем из богатой семьи?	**Насколько важно иметь хорошо образованных родителей?**	**Насколько важно знать нужных людей?**	**Насколько важно иметь политические связи?**
Совсем не важно	13,1	9,8	3,1	13,4
Не очень важно	25,2	21,2	10,6	26,3
Довольно важно	23,5	28,2	24,8	20,6
Очень важно	24,9	29,7	35,9	24,1
Существенно	13,3	11,1	25,7	15,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее значение	3,000	3,112	3,705	3,022
	3,120			

Источник: расчёты автора.

В табл. 3 представлены результаты порядковой логистической регрессии отношения населения к государственному вмешательству в сокращение разрыва в доходах между богатыми и бедными, а также к прогрессивному налогообложению.

Фактор восприятия экономического неравенства в 2,5 раза повышает вероятность поддержки ответственности правительства за перераспределение (OR=2,507 CI:2,202–2,855), в то время как фактор восприятия неравенства возможностей — лишь в 1,2 раза (OR=1,218 CI:1,073–1,382). Что касается индивидуальных экономических и социально-демографических факторов, СЭС, возраст, семейное положение, то они тесно связаны с поддержкой политики перераспределения. По сравнению с молодыми людьми в большей степени поддерживают ответственность правительства за сокращение различий в доходах между богатыми и бедными респонденты в возрасте 30-39 лет (OR=1,804 CI:1,275–2,553) и пожилые люди (OR=2,233 CI:1,571-3,174 для тех, кому 50-59 лет, и OR=1,948 CI:1,368–2,774 для тех, кто старше 60 лет). Респонденты с более высоким социальным статусом (OR=0,938 CI:0,881–0,997), состоящие в браке (OR=0,722 CI:0,577–0,905), напротив, менее склонны поддерживать политику перераспределения.

Таблица 3

Результаты порядковой логистической регрессии отношения россиян к государственному вмешательству в сокращение разрыва в доходах между богатыми и бедными и к прогрессивному налогообложению (коэффициенты шансов — OR с 95%-ми доверительными интервалами — CI)

	Правительство несёт ответственность за сокращение различий в доходах		**Люди с высокими доходами должны платить большую долю своих доходов в виде налогов, чем люди с низкими доходами**	
	OR	**CI**	**OR**	**CI**
Пол (женщины)	1,098	(0,878–1,372)	1,390***	(1,134–1,703)
Возраст				
18–20	1		1	
30–39	1,804***	(1,275–2,553)	1,153	(0,847–1,571)
40–49	1,487*	(1,064–2,079)	1,364*	(1,004–1,852)
50–59	2,233***	(1,571–3,174)	2,724***	(1,963–3,779)
60 и старше	1,948***	(1,368–2,774)	2,668***	(1,906–3,735)
Семейное положение (в браке)	0,722**	(0,577–0,905)	1,062	(0,865–1,304)
Образование				
низкое	1,235	(0,925–1,650)	1,043	(0,801–1,359)
среднее	1,134	(0,869–1,480)	1,025	(0,803–1,308)
высшее	1		1	
Занятость (занятые)	1,038	(0,808–1,332)	0,918	(0,728–1,157)
СЭС	0,938*	(0,881–0,997)	0,956	(0,904–1,012)
Религиозность	0,992	(0,931–1,058)	1,080**	(1,018–1,145)
Левые политические убеждения	1,355	(0,901–2,038)	1,389*	(1,000–2,023)
Правые политические убеждения	0,931	(0,728–1,190)	0,979	(0,781–1,228)
Воспринимаемое экономическое неравенство	2,507***	(2,202–2,855)	1,381***	(1,236–1,543)
Воспринимаемое неравенство возможностей	1,218***	(1,073–1,382)	1,124*	(1,002–1,261)

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,00$.

Источник: расчёты автора.

Важными предикторами поддержки повышения налогов для богатых оставались восприятие экономического неравенства (OR=1,381 CI:1,236–1,543) и восприятие неравенства возможностей (OR=1,124 CI: 1,002–1,261). Пол, возраст, религиозность, политические убеждения тесно связаны с предпочтением прогрессивного налогообложения. Женщины в большей степени соглашаются с такой политикой по сравнению с мужчинами (OR=1,390 CI:1,134–1,703); чем старше респонденты, тем больше они поддерживают политику прогрессивного налогообложения (OR=2,668 CI:1,906–3,735 для тех, кто старше 60 лет, и OR=2,724 CI:1,963–3,779 для респондентов в возрасте 50-59 лет). Чем меньше религиозность (измеряемая частотой посещения религиозных служб), тем больше предпочтения для повышения налогов для богатых (OR=1,080 CI:1,018–1,145). Имеющие левые политические убеждения с большей вероятностью поддерживают политику прогрессивного налогообложения (OR=1,389 CI:1,000–2,023). Связь между СЭС и поддержкой повышения налогов для богатых оказалась статистически незначимой.

Обсуждение

Исследование позволило выяснить, что подавляющее большинство опрошенных россиян считают различия в доходах в России слишком большими и согласны с утверждением, что правительство несёт ответственность за сокращение экономического неравенства (соответственно, 91,5 и 93%). Однако, хотя люди и понимают, что их страна экономически неравна, и признают роль государства в уменьшении различий в доходах, они не обязательно поддерживают конкретную политику перераспределения — поддержка повышения налога на богатых немного меньше поддержки большего государственного вмешательства (84,8%). Это соответствует результатам, полученным, например, во Франции, в то время как в США наблюдалась бо́льшая поддержка налогообложения богатых [*Kambayashi, Lechevalier, Jenmana,* 2020]. По мнению исследователей, перевод недовольства неравенством в требование более прогрессивной налоговой схемы ниже в обществах, в которых не так много видимых связей между суммой уплаченных налогов и социальными льготами [*Kambayashi, Lechevalier, Jenmana,* 2020].

Полученные результаты подтвердили выводы других исследователей о том, что оба типа воспринимаемого неравенства (т.е. воспринимаемое экономическое неравенство и воспринимаемое неравенство возможностей) тесно связаны с отношением к политике перераспределения (см., например,[*Kim, Lee,* 2018]): чем сильнее восприятие неравенства, тем больше поддержка политики перераспределения. То есть люди, которые понимают, что общество, в котором они живут, несправедливо и с экономической точки зрения, и с точки зрения возможностей, с большей вероятностью поддерживают действия правительства по снижению различий между богатыми и бедными (см., например,[*Corneo, Grüner,* 2000*; Fong,* 2001].

Выявлены индивидуальные характеристики, определяющие предпочтения людей относительно политики перераспределения.

Установлено, что люди с высоким СЭС менее благосклонно относятся к роли государства в политике перераспределения, по сравнению с людьми с низким СЭС. Это согласуется с результатами предыдущих исследований, установивших, что потенциальные бенефициары политики перераспределения (люди с низкими доходами, низким СЭС) с большей вероятностью поддерживают такую политику, (см.,например, [*Corneo, Grüner,* 2000*; Fong,* 2001*; Arts, Gelissen,* 2001; *Linos, West,* 2003; *Kim, Huh, Choi, Lee,* 2018]).

Однако связь между СЭС и поддержкой прогрессивной шкалы налогообложения зависела от воспринимаемого экономического неравенства и воспринимаемого неравенства возможностей. Когда в модель были включены восприятие экономического

неравенства и восприятие неравенства возможностей, связь между СЭС и отношением россиян к прогрессивному налогообложению утратила свою статистическую значимость. Некоторые исследования, например в Корее, показали, что СЭС, действительно, не объясняет отношение к политике перераспределения [*Kim, Lee,* 2018]. Одно из объяснений заключается в том, что последствия социальных убеждений относительно неравенства более важно, чем воздействие социально-экономических обстоятельств. Многие россияне считают общество крайне неравным и несправедливым. Они могут поддержать политику повышения налогов для богатых не только потому, что ожидают прямые экономические выгоды от политики перераспределения, но и потому, что верят в возможность такой политики изменить общество к лучшему, создания условий, при которых все люди получат равные возможности добиться успеха [*Kim, Huh, Choi, Lee,* 2018].

Полученные результаты во многом соответствуют выводам других исследователей, показавших, что женщины, пожилые [*Arts, Gelissen,* 2001; *Buser, Grimalda, Putterman, van der Weele,* 2020], имеющие левые политические убеждения [*Limanli,* 2019; *Franetovic, Castillo,* 2022], нерелигиозные [*García-Valiñas, Fernandez-Llera, Torgler,* 2007; *Limanli,* 2019] с большей вероятностью поддерживают политику перераспределения; в то время, как состоящие в браке [*Fong,* 2001], напротив, менее склонны поддерживать такую политику.

Гендерный разрыв в отношении к политике перераспределения объясняется гендерными различиями в убеждениях и чувствительности к неравенству [*Schlesinger, Heldman,* 2001]: по сравнению с мужчинами, женщины более склонны к альтруизму и эгалитаризму.

Пожилые люди могут поддерживать политику перераспределения доходов по ряду причин. Например, это может быть связано с различиями поколений в отношении к роли государства. Старшее поколение формировалось в условиях более щедрой системы социального обеспечения и низкого уровня дифференциации населения по доходам, что оставило свой след в сознании людей. К тому же пожилые люди, как правило, имеют ограниченные финансовые возможности и могут пользоваться государственными программами перераспределения доходов для обеспечения себя и своих семей базовыми жизненными потребностями.

Состоящие в браке респонденты с меньшей вероятностью поддерживают роль государства в сокращении экономических различий между богатыми и бедными [*Garcia-Valiñas, Fernández Llera, Torgler.* 2005]. Это, возможно, связано с тем, что уровень благосостояния супружеских пар, как правило, выше по сравнению с одинокими, и они нередко предпочитают сохранять свои деньги и не поддерживать политику, которая может привести к увеличению налогов или иным способом уменьшить их доходы.

Чем меньше религиозность, тем больше предпочтения для повышения налогов для богатых. Похожий результат был получен, другими исследователями, установившими, что религиозные люди склонны выступать против политики перераспределения в Турции [*Limanli,* 2019], в Испании [*Garcia-Valiñas, Fernández Llera, Torgler, Benno,* 2005]. Хотя надо отметить, что эффекты религиозности непоследовательны и варьируют значительно по странам [*Byun,* 2019]. Некоторые возможные объяснения этой связи могут состоять в том, что религиозные ценности часто подчёркивают значимость благотворительности, что может привести к меньшей поддержке политики перераспределения, такой как более высокие налоги для богатых.

Конечно, у проведённого исследования есть свои ограничения. Во-первых, так как оно основано на перекрёстных данных, нельзя установить причинно-следственные связи. Во-вторых, очевидно, что общественное отношение к политике перераспределения представляет собой сложное социальное явление, связанное с множеством различных факторов, многие из которых не были включены в анализ по причине их отсутствия в базе данных.

Выводы

Полученные результаты позволили сделать ряд выводов.

Во-первых, установлено, что государственная политика по ограничению существующего неравенства пользуется довольно широкой поддержкой россиян. Подавляющее большинство опрошенных (91,5%) указывает, что различия доходов в России кажутся слишком большими. Практически такой же процент людей (93%) согласен с тем, что правительство несёт ответственность за сокращение экономического неравенства. Чуть меньшая часть опрошенных (84,8%) поддерживает введение высоких налогов для богатых.

Во-вторых, доказано, что общественная поддержка политики перераспределения в России может происходить из двух источников: 1) личный интерес, связанный с собственным социально-экономическим или другим состоянием людей; 2) социальные убеждения. Россияне не только поддерживают более выгодную для них политику перераспределения, но и заботятся о её справедливости. Последствия социальных убеждений относительно неравенства более важно, чем воздействие социально-экономического статуса: даже люди с высоким СЭС могут поддержать политику прогрессивного налогообложения, когда они признают значение неравенства.

В-третьих, показано, что среди индивидуальных социально-демографических факторов решающими в процессе формирования отношений к политике перераспределения являются пол, возраст, семейное положение, уровень религиозности, политические убеждения.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Миланович Б. (2017). *Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации*. [*Milanovic B.* (2017). Global inequality. A new approach for the era of globalization]. — М: Издательство Института Гайдара.

Пикетти Т. (2016). *Капитал в XXI веке*. [*Piketty T.* (2016). Capital in the 21st century]. — М.: Ад Маргинем.

Стиглиц Д. (2015). *Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему.* [*Stiglitz D.* (2015). The price of inequality. How does the stratification of society threaten our future?]. — М: Эксмо.

Alesina A., La Ferrara E. (2005). Preferences for redistribution in the land of opportunities // *Journal of Public Economics.* Vol. 89. Iss. 5–6. Pp. 897–931.

Alm J.R., Torgler B. (2006). Culture differences and tax morale in the United States and in Europe // *Journal Economic Psychology.* Vol. 27. Pp. 224–246. DOI: 10.1016/j.joep.2005.09.002.

Arts W., Gelissen J. (2001). Welfare states, solidarity and justice principles: Does the type really matter? // *Acta Sociologica*. Vol. 44. Is. 4. Pp. 283–299. DOI: 10.1177/000169930104400.

Blekesaune M., Quadagno J. (2003). Public attitudes toward welfare state policies: A comparative analysis of 24 nations // *European Sociological Review.* Vol. 19. Is. 5. Pp. 415–427. DOI: 10.1093/esr/19.5.415.

Buser T., Grimalda G., Putterman L., van der Weele J. (2020). Overconfidence and gender gaps in redistributive preferences: Cross-Country experimental evidence // *Journal of Economic Behavior & Organization.* Vol. 178. Pp. 267–286. DOI: 10.1016/j.jebo.2020.07.005.

Byun Y. (2019). Government Redistribution and Public Opinion: A Matter of Contention or Consensus? // *International Journal of Sociology.* Vol. 49. Is. 3. Pp. 204–221. DOI: 10.1080/00207659.2019.1605029.

Corneo G., Grüner H.P. (2000). Social limits to redistribution // *American Economic Review.* Vol. 90. Is. 5. Pp. 1491–1507. DOI: 10.1257/aer.90.5.1491.

Corneo G., Grüner H.P. (2002). Individual preferences for political redistribution // *Journal of Public Economics.* Vol. 83. Is. 1. Pp. 83–107. DOI: 10.1016/S0047-2727(00)00172-9.

Fong C. (2001). Social preferences, self-interest, and the demand for redistribution // *Journal of Public Economics.* Vol. 82. Pp. 225–246. DOI: 10.1016/S0047-2727(00)00141-9.

Franetovic G., Castillo J.C. (2022). Preferences for Income Redistribution in Unequal Contexts: Changes in Latin America Between 2008 and 2018 // *Front Sociology.* Vol. 7. ID 806458. DOI: 10.3389/fsoc.2022.806458.

Franko W., Tolbert C.J., Witko C. (2013). Inequality, self-interest, and public support for "robin hood" tax policies // *Political Research Quarterly.* Vol. 66. Is. 4. Pp. 923–937. DOI: 10.1177/1065912913485441.

Garcia-Valiñas M., Fernández Llera R., Torgler B. (2005). More Income Equality or Not? An Empirical Analysis of Individuals' Preferences for Redistribution// *CREMA Working Paper*. No. 2005-23. Center for Research in Economics, Management and the Arts (CREMA), Basel.

García-Valiñas M., Fernández Llera R., Torgler B. (2007). Preferences towards redistribution and equality: How important is social capital? // *Research on Economic Inequality.* Vol. 14. Emerald Group Publishing Limited. Pp. 31-47. DOI: 10.1016/S1049-2585(06)14002-8.

Gijsberts M. (2002). The legitimation of income inequality in state-socialist and market societies// *Acta Sociology.* Vol. 45. Is.4. Pp. 269–285. DOI: 10.1177/000169930204500402.

Keefer P., Knack S. (2002). Polarization, politics and property rights: Links between inequality and growth // *Pubic Choice*. Vol. 111. Is. 1–2. Pp. 127–154. DOI: 10.1023/A:1015168000336.

Kim H., Lee Y. (2018). Socioeconomic status, perceived inequality of opportunity, and attitudes toward redistribution // *The Social Science Journal.* Vol. 55. Is. 3. Pp. 300-312. DOI: 10.1016/j.soscij.2018.01.008.

Kim H., Huh S., Choi S., Lee Y. (2018). Perceptions of inequality and attitudes towards redistribution in four East Asian welfare states // *International Journal of Social Welfare.* Vol. 27. Is.1. Pp. 28–39. DOI: 10.1111/ijsw.12266.

Limanli Ö. (2019). Attitudes Towards Income Inequality in Turkey // *SBF Dergisi.* Vol. 74. Is. 1. Pp. 219–236. DOI: 10.33630/ausbf.523276.

Linos K., West M. (2003). Self-interest, social beliefs, and attitudes to redistribution: Re-addressing the issue of crossnational variation // *European Sociological Review.* Vol. 19. Iss. 4. Pp. 393–409. DOI: 10.1093/esr/19.4.393.

McCall L. (2013). *The undeserving rich. American beliefs about inequality, opportunity, and redistribution*. — New York: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139225687.

Pittau M.G., Massari R., Zelli R. (2012). Hierarchical modelling of disparities in preferences for redistribution // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics.* Vol. 75. Is. 4. Pp. 556–584. DOI: 10.1111/j.1468-0084.2012.00703.x.

Ravallion M., Lokshin M. (2000). Who wants to redistribute? The tunnel effect in 1990s Russia // *Journal of Public Economics.* Vol. 76. Is. 1. Pp. 87–104.

Kambayashi R., Lechevalier S., Jenmana T. (2020). Decomposing Preference for Redistribution Beyond the Trans-Atlantic Perspective // *Working Papers hal-02796841. HAL.*

Scheve K., Stasavage D. (2006). Religion and preferences for social insurance // Quarterly *Journal of Politics Sciences.* Vol. 1. Is. 3. Pp. 255–286. DOI: 10.1561/100.00005052.

Schlesinger M., Heldman C. (2001). Gender Gap or Gender Gaps? New Perspective on Support for Government Action and Policies // *Journal of Politics.* Vol. 63. Is.1. Pp. 59-92. DOI: 10.1111/0022-3816.00059.

Weiner B., Osborne D., Rudolph U. (2011). An attributional analysis of reactions to poverty: The political ideology of the giver and the perceived morality of the receiver // *Personality and Social Psychology Review.* Vol. 15. Is. 2. Pp. 199–213. DOI: 10.1177/1088868310387615.

Wilkinson R.G., Pickett K.E. (2009). *The Spirit Level: Why Equality is Better for Everyone*. — London: Penguin.

Wilkinson R.G., Pickett K.E. (2017). The enemy between us: The psychological and social costs of inequality // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 47. Is. 1. Pp. 11–24. DOI: 10.1002/ejsp.2275.

Кислицына Ольга Анатольевна
olga.kislitsyna@gmail.com

Olga Kislitsyna
doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academyof Sciences, Moscow
olga.kislitsyna@gmail.com

PERCEPTIONS OF INEQUALITY AND ATTITUDES TOWARDS INCOME REDISTRIBUTION POLICIES IN RUSSIA

Abstract. Economic inequality is a fundamental social problem. Government's policies to redistribute income can mitigate growing economic inequality through taxes and social transfers. However, attempts to introduce alternative tax schemes regularly face significant political resistance. This study tries to answer the following questions: (i) What do Russians think about economic inequality, inequality of opportunity, and the role of government in mitigating problems associated with inequality? (ii) What individual characteristics determine people's preferences regarding government's redistributive policies? (iii) How are perceptions of economic inequality and inequality of opportunity related to people's attitudes toward government's redistributive policies? Data from the Social Inequality Module of International Social Survey Program (ISSP) conducted in 2019 were used. Statistical analysis was performed using ordinal logistic regression models. The results allowed us to draw a number of conclusions. Firstly, it has been established that government's policy to limit existing inequality enjoys fairly broad support among the population. Secondly, it has been proven that public support for redistribution policies in Russia can come from two sources: 1) personal interest related to people's own socio-economic or other condition; 2) social beliefs. The consequences of social beliefs about inequality may be more important than the effects of socio-economic status (SES): even people with high SES may support progressive tax policies when they recognize the importance of inequality. Thirdly, it is shown that among individual socio-demographic factors, the decisive ones in the process of forming attitudes towards redistribution policies are gender, age, marital status, level of religiosity, and political beliefs.

Keywords: *inequality, social policy, public opinion, redistribution policy preferences, government responsibility, International Social Survey Programme (ISSP), Russia.*
JEL: D63, H23, H53, I31.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

М.А. Юревич
к.э.н., научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

УМНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И АНТИКРИЗИСНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ[1]

Аннотация. В ответ на управленческий кризис в области инновационного развития европейских стран была разработана концепция так называемой умной специализации, быстро снискавшая популярность и взятая на вооружение правительствами многих стран, в том числе за пределами ЕС. Идея умной специализации была активно подхвачена и в академическом сообществе, что привело к взрывному росту числа публикаций по этой теме. Однако многие из этих работ были посвящены весьма обстоятельной критике, которая сводилась, по большей части, к опровержению теоретической, практической значимости и новизны данного конструкта. Самое острое направление критики исходит из затруднённости или даже невозможности оценки эффективности применения стратегии умной специализации. В проведённых расчётах приверженность субъектов РФ этой концепции выражена через прокси-параметры: наличие самого термина в региональных стратегических документах, качество инновационной политики и профиля экономики региона в координатах специализация/диверсификация. Согласно полученным результатам, наблюдается крайне неоднозначная картина с точки зрения возможности региональных экономик противостоять кризисным потрясениям и условному уровню соответствия доктрине умной специализации. Таким образом, эта концепция, судя по объёму накопленных критических замечаний, вряд ли может рассматриваться в качестве универсального инструмента форсированного развития региональной экономики. Более того, остаётся не ясным, в какой мере антикризисная устойчивость отдельных регионов обеспечивает экономическую безопасность страны в целом.

Ключевые слова: *умная специализация, диверсификация, инновационный рост, региональная экономика.*
JEL: O32, R11, R1
УДК: 332.02
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_60_72
© М.А. Юревич, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Юревич М.А.* Умная специализация и антикризисная устойчивость регионов России // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 60–72. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_60_72.
FOR CITATION: *Yurevich M.* Smart Specialization and Anti-Crisis Stability of Russian Regions // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 60–72. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_ 2024_3_60_72.

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2024 г.

Введение

Проблемы региональной экономической политики уже долгие годы дают почву для академических дебатов и не сходят с повестки органов власти по всему миру. На фоне перемен в системе госуправления России эта тема получила новую актуальность в свете необходимости обеспечения экономической безопасности страны в целом и её отдельных субъектов. С учётом обильных потоков бюджетных инвестиций, направляемых в промышленные, инфраструктурные и социальные объекты, ещё более остро встал вопрос об определении приоритетов развития и соблюдения баланса между национальными и региональными интересами.

В зарубежной региональной инновационной политике (особенно в странах ЕС) мейнстримом стала концепция так называемой умной специализации (УС), которая как раз предлагает набор аналитических инструментов для выявления областей перспективной экономической специализации, определения направлений диверсификации территориальных экономических комплексов, а также калибровки мер поддержки участников инновационного процесса. Однако и зарубежными, и российскими экспертами под сомнение ставится не только оригинальность самой концепции, но и её применимость к отстающим районам, а кроме этого и другие аспекты её практического приложения. Самое главное — в научной литературе почти не представлено исследований, содержащих результаты эмпирической оценки эффективности этого управленческого подхода, в том числе резистентности регионов, последовавших по пути УС, к кризисным явлениям.

Генезис концепции УС

Идея УС зарождалась в ходе научных диспутов о причинах расхождения в производительности труда между США и Европой с 1995 г. [*Lazzeretti, Oliva, Innocenti,* 2023]. Но как оформившаяся самостоятельная концепция она заявила о себе в процессе работы экспертной группы «Знания для роста» под эгидой Еврокомиссии в 2007–2009 гг. [*Абашкин и др.*, 2021]. Природа концепции имеет ярко выраженный синтетический характер. Она вобрала в себя элементы экономической географии (особенно эволюционной экономической географии), моделей распространения инноваций, а также теории размещения производств [*Тополева,* 2022*; Giustolisi, Benner, Trippl,* 2023].

Итак, фундамент УС — способность локальной (региональной) экономической системы генерировать новые области экономической специализации за счёт открытия новых областей возможностей, локальной концентрации и агломерации ресурсов и компетенций в этих областях [*Foray,* 2016]. Основной инструмент реализации УС — стратегии регионального инновационного развития, которые охватывают множество этапов работы: от детального анализа сильных и слабых сторон экономики территории, вовлечения в процесс всех заинтересованных сторон до мониторинга результатов. УС направлена на создание новых путей развития, т.е. инновационных направлений (траекторий) экономики для конкретного района. Кроме того, качественное развитие местности может произойти за счёт расширения ранее проложенной траектории, т.е. в результате увеличения концентрации инноваций в рамках существующей экономической траектории. Традиционная отрасль может быть преобразована в более сложную (усовершенствование существующей траектории). Также регион может диверсифицировать модель экономики, объединяя различные траектории, или же он может внедрять новые траектории, способствуя созданию в регионе новых отраслей, не связанных с существующими [*Balland et al.,* 2019].

Приоритет выбора сразу множества траекторий, преследуя цели диверсификации и специализации одновременно, роднят концепцию УС с теорией экономической сложности. Так, регионы, накапливая знания и технологии, получают базу для формирования

новых или инновационного обновления существующих траекторий, создавая тем самым новые области специализации. В конечном счёте территориальные экономические комплексы становятся более сложными и диверсифицированными [*Rodríguez, Demmler, 2023*].

Важно отметить, что в рамках этой концепции именно региональным правительствам отводится главенствующая роль в создании и развитии очагов специализации соответствующих ареалов. В рамках концепции УС помимо разработки и контроля реализации самих стратегий развития в зону ответственности местных властей входит модерация интересов всех участников инновационного процесса (предпринимателей, университетов и научных центров, институтов развития и т.п.). Как показали исследования, механизмы реализации УС крайне чувствительны к качеству институциональной среды в конкретной зоне [*Rodríguez-Pose et al.,* 2014*; McCann P., Ortega-Argilés,* 2014].

Первым и самым масштабным полигоном для испытания новой концепции стала территория ЕС. До распространения концепции УС в инновационной политике европейских стран (и не только) доминировали кластерный подход и стратегии региональных инновационных систем как элемент аналогичной национальной конструкции. Предпосылками для обновления стратегии управления инновациями в ЕС стали фрагментарность соответствующих государственных практик и дублирование профилей центров генерации знаний и технологий [*Foray,* 2014. Pp. 10–11]. Вдобавок на уровне ЕС сформировалась избыточно сложная система налоговых и субсидиарных стимулов инновационной деятельности, что вкупе с влиянием новых типов процессов (де-глобализации, в том числе решоринга), выдвинули на передний план необходимость радикального пересмотра регулирования этой деятельности [*Vanthillo, Beckers, Verhetsel,* 2021]. Наконец, сама парадигма региональной политики подошла к новому витку цикла извечного противостояния «подтягивать отстающих или форсировать рост лидеров», т.е. дивергенции-конвергенции развития территорий (табл. 1).

Таблица 1
Характеристика эволюции региональной политики в Европе

	Традиционная региональная политика	**На пути к стратегической региональной политике**	**Стратегическая региональная политика**	**Территориально-ориентированная политика**
	1950–1970 гг.	**1970–1990 гг.**	**1990–2010 гг.**	**2010–2030 гг.**
Основная цель	Сбалансированное региональное развитие	Сбалансированное региональное развитие	Фокус на конкурентоспособности, сбалансированное региональное развитие	Возросший приоритет миссия-ориентированности, социальных и природоохранных целей
Объект воздействия	Отстающие территории в рамках административных границ, отобранные национальными правительствами	Отстающие территории в рамках административных границ, отобранные при контроле органов ЕС	Все территории, приоритет территориям-хабам	Все территории, приоритет территориям-хабам межрегионального, трансграничного профиля
Субъект управления	Центральное правительство	Центральное правительство	Многоуровневая система управления	Многоуровневая система управления с участием звеньев четверной инновационной спирали

Окончание табл. 1

	Традиционная региональная политика	**На пути к стратегической региональной политике**	**Стратегическая региональная политика**	**Территориально-ориентированная политика**
	1950–1970 гг.	**1970–1990 гг.**	**1990–2010 гг.**	**2010–2030 гг.**
Стиль управления	Секторальный подход (субсидии, трансферы и поддержка со стороны национальных властей)	Секторальный подход, реализация региональных программ	Реализация стратегических региональных программ с привлечением софинансирования	Реализация комплексных программ посредством умной специализации, реализация стратегических региональных программ
Теоретический базис	Неоклассическая теория роста, теории размещения производств	Неоклассическая теория роста, теории размещения производств, стратегический менеджмент	Теории эндогенного роста, Новая экономическая география, нео-маршаллианские теории	Территориально-ориентированные подходы
Основной эффект	Конвергенция	Дивергенция	Конвергенция	Дивергенция
Показатели успешности	ВВП	ВВП, уровень занятости	ВВП, аудит крупных проектов	Индекс региональной конкурентоспособности, аудит крупных проектов

Источник: *Vanthillo T., Beckers J., Verhetsel A.* (2021). The Changing Nature of Regional Policy in Europe // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 37. No. 1. Pp. 201–220.

Благодаря своевременности, аналитической гибкости и относительной простоте практической имплементации концепция УС была взята на вооружение во многих странах или отдельных территориальных образованиях далеко за пределами ЕС: Австралии, Южной Кореи, Сингапуре, некоторых странах Латинской Америки, нескольких штатах США [*Kotnik, Petrin,* 2017] и даже стала идейным стержнем для нового этапа региональной политики в России. При этом распространено мнение, что теоретическое обеспечение концепции УС заметно отстаёт от темпов реализации на практике, что сказывается в сильной и последовательной критике этого конструкта со стороны академического сообщества.

Критика концепции УС

Идея УС была, с одной стороны, достаточно активно подхвачена в академическом сообществе, что привело к взрывному росту числа публикаций по этой теме. С другой стороны, целая серия из этих работ была посвящена весьма обстоятельной критике, которая сводилась, по большей части, к опровержению теоретической, практической значимости и новизны данной концепции. В качестве яркого примера можно привести дискуссию на страницах солидного журнала European Planning Studies: «Шесть критических вопросов об умной специализации» [*Hassink, Gong,* 2019], «В ответ на “Шесть критических вопросов об умной специализации”» [*Foray,* 2019], «Шесть дополнительных вопросов об умной специализации: последствия для региональной инновационной политики 4.0» [*Benner,* 2020] и «Шесть дополнительных ответов — ещё один куплет баллады о S3» [*Foray,* 2020].

Первый критический пассаж адресован размытости УС в контексте приоритета специализации или диверсификации регионального экономического развития. Также рассматриваемая концепция не слишком соответствует принципам миссия-ориентации современной инновационной политики (т.е. решение какой-либо относительно конкретной социально-экономической или технологической проблемы). Апологеты УС настаивают на том, что специализация и диверсификация — это два параллельных процесса: с одной стороны, благоприятная институциональная среда формирует фундамент для новых инновационных путей роста региональной экономики, а с другой — направления перспективной специализации, опять же базируясь на широком разнообразии инструментов поддержки инновационной деятельности, оперативно становятся объектом концентрации ресурсов.

Весьма тонкая грань, если обращаться к механизмам реализации, проходит между УС и кластерной политикой, что на практике приводит просто к перезапуску действующих кластеров или любых других зон концентрации под эгидой УС. Сторонники УС в целом соглашаются, что их концепция во многом пересекается с кластерной теорией, и, более того, успешный итог реализации УС заключается именно в создании территории опережающего развития. Но в концепции УС кластерные образования рассматриваются в качестве динамических структур, требующих постоянной калибровки.

Критики УС ставят под вопрос возможность структурной перестройки экономики территории на почве инновационного предпринимательства, считая, что без масштабного внешнего вмешательства региональные инновационные системы сильно подвержены эффектам «колеи» и «блокировки» (lock-in). Более того, отмечается избыточная концентрация концепции УС на процессах НИОКР и инноваций, при этом игнорируется или, как минимум, не уделяется достаточного внимания другим важным аспектам региональной экономической политики. Однако более актуальные версии концепции УС включают задачи наращивания человеческого капитала, ускорения трансфера новых технологий, распространения новых методов управления, обеспечения взаимодополняемости между ключевыми технологиями и традиционными секторами, развития социальных инноваций и т.д.

Другой источник скепсиса — сомнительная применимость модели УС для всех типов регионов. В частности, экономически отсталые территории, как правило, не обладают развитой институциональной средой, инновационной инфраструктурой, инвестиционным потенциалом, что вряд ли позволит разжечь очаг инновационного роста за счёт внутренних ресурсов. Неясным остаётся и то, насколько УС применима к малым (города, муниципальные образования) или, наоборот, к большим (федеральный округ) территориальным образованиям. Сторонники УС в ответ на эти замечания рекомендуют проводить калибровку мер поддержки в зависимости от размера, уровня развития и отраслевого профиля региона.

Самое острое направление критики базируется на затруднённости или даже невозможности оценки эффективности применения стратегии УС. Существующие подходы (изучение патентной статистики, трансформации секторальной занятости, проведение экспертных опросов) не характеризуют чистый эффект от мер УС. При этом отдельно взятые меры в рамках региональных политик УС (поддержка проектов НИОКР, запуск программ обучения, создание сервисных платформ, взращивание стартапов), как правило, обладают показателями результативности. Тем не менее в академической литературе не удаётся найти примеры оценки эффективности внедрения практик УС. Основной вектор эмпирических исследований направлен на проверку связи выбранных областей региональной специализации в стратегических документах с фактическими технологическими заделами, которые квантифицируются при помощи индекса сравнительных преимуществ на основе патентной информации [*D'Adda, Iacobucci, Palloni,* 2020*; Marrocu et al.,* 2023]. Кроме того, разработана рамочная схема приложения широко популярной «рейтинговой» оценки (масса показателей, отражающих ресурсы, результаты и эффекты) к стратегиям УС

[*Carayannis, Grigoroudis,* 2023a]. По всей видимости, более формальные способы оценки эффективности стратегий УС, учитывая высокий академический интерес к этой теме, вполне могут появиться уже в ближайшие годы.

Резюмируя итоги дискуссии, уместно привести сформулированные главным идеологом УС Д. Форайем три отличительные черты концепции, которые детерминируют её оригинальность [*Foray,* 2020]:

1) краеугольным камнем УС является концентрация ресурсов на конкретных целях, но критически важно, чтобы концентрация происходила не в рамках прежнего каркаса (например, несколько наиболее значимых отраслей региона), а была направлена на трансформацию структуры экономики;
2) подход УС сочетает в себе логику планирования и логику эволюции на основе самодиагностики реализации поставленного плана. Иными словами, изначальный план, в котором зафиксированы приоритетные структуры для трансформации, постоянно актуализируется и корректируется;
3) УС опирается на первостепенность преобразующей деятельности (трансформацию структур), которая охватывает набор взаимосвязанных проектов (включая НИОКР, инновации, инфраструктуру, обучение) и ориентированных на один и тот же приоритет преобразований. Отдельно подчеркивается, что УС не работает на уровне секторов экономики или отдельных, пускай и достаточно крупных проектов.

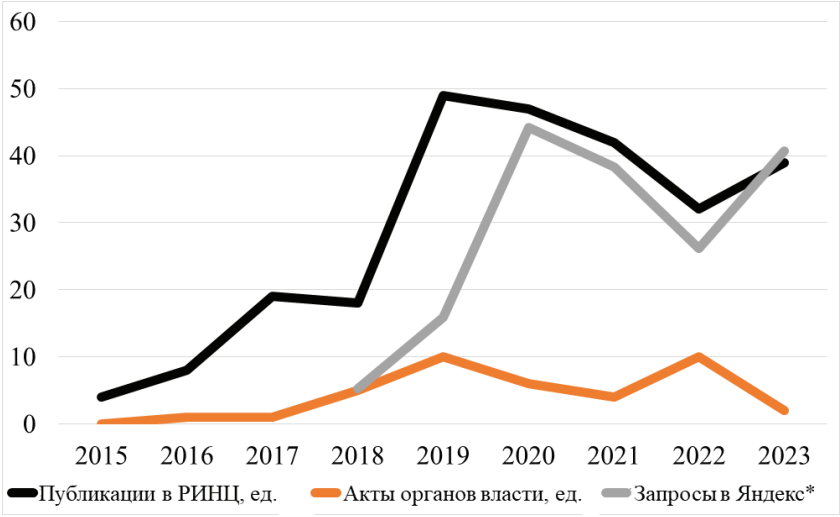
Теория и практика применения концепции УС в России

В российском государственном целеполагании выравнивающая региональная политика доминировала в «тучные» 2000-е гг. [*Григорьев, Зубаревич, Урожаева,* 2008]. В послекризисный период крен госполитики стал смещаться в сторону концентрации ресурсов: возникли инновационные территориальные кластеры, росло количество особых экономических зон, формировались региональные институты развития и другие элементы инновационной инфраструктуры. Идея УС была воплощена в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.»[2], и для каждого субъекта РФ были определены перспективные направления экономической специализации на верхнем уровне классификатора ОКВЭД, а также неперспективные области специализации, которые критически значимы для региональной экономики. Механизм реализации Стратегии в актуальной редакции предполагает широкий спектр инструментов: от инфраструктурных бюджетных кредитов и облигаций специализированных обществ проективного финансирования до разработки (обновления) индивидуальных программ социально-экономического развития регионов России. При этом документ не содержит ни описания алгоритма определения региональных специализаций, ни процедур оценки адекватности первоначального выбора специализации (перечень целевых показателей включает лишь две вариации ВРП и один индикатор транспортной мобильности), ни, соответственно, правил корректировки экономических специализаций. Правда, практическая востребованность разработанной матрицы специализаций пока остаётся под вопросом [*Яшин, Захарова,* 2023].

После принятия Стратегии пространственного развития концепция УС стала привлекать всё больше внимания в управленческих и академических кругах. Так, эта тема вошла в программы крупнейших в России экспертных площадок, включая Петербургский

[2] Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». https://docs.cntd.ru/document/552378463?marker=8QC0M6 (дата обращения: 15.05.2024).

международный экономический форум[3] и Общероссийский форум стратегического планирования[4]. Однако после 2019 г. интерес со стороны учёных, если считать по количеству работ с использованием этого словосочетания в метаданных публикаций, и законотворцев (количество федеральных и региональных актов с указанным словосочетанием) стал угасать (рис. 1). Аналогичная динамика заинтересованности наблюдалась и среди широкой общественности, судя по интенсивности запросов в поисковике Яндекс. В 2022–2023 гг. произошёл возврат УС в управленческую и исследовательскую повестки, что, очевидно, вызвано перестройкой стратегических направлений развития всей страны в целом и отдельных регионов, а также возросшим запросом со стороны властных структур к академическому сообществу в области научного обеспечения нормотворческой деятельности.

* частота запросов в поисковом сервисе Яндекс приведена в условных единицах, отражающих долю от всех сделанных запросов.

Рис. 1. Оценка популярности УС в академических кругах, нормотворческой деятельности и среди широкой общественности

Источник: разработано автором на основе: elibrary.ru (ТАСС. Эксперты обсудили на ПМЭФ «умную специализацию» регионов и потенциал развития. URL: https://tass.ru/ekonomika/6520138 (дата обращения: 15.05.2024)), Гарант (Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/economics/forum-strategov-ukazal-na-problemy-nacionalnogo-razvitiya.html (дата обращения: 15.05.2024)), Яндекс Вордстат (Яндекс Вордстат. https://wordstat.yandex.ru/ (дата обращения: 15.05.2024))

Достаточно вялый и при этом непостоянный интерес к концепции УС, помимо отмеченных ранее факторов, судя по всему, связан с дефицитом аналитического сопровождения инициатив пространственного развития России на базе региональной специализации [*Куценко, Еферин,* 2019]. Несмотря на то, что опубликовано множество исследований, в которых разрабатываются научно обоснованные классификации моделей развития субъектов РФ с характерным набором инструментов региональной инновационной политики (например, [*Земцов, Баринова,* 2016]), в подобных работах, как правило, не преследуется цель оценки целесообразности выбора тех или иных приоритетных отраслей в рамках отдельно взятых регионов. Среди немногочисленных исключений выделяется исследование коллектива из НИУ ВШЭ [*Куценко, Исланкина, Киндрась,* 2018]. По данным за первую половину 2010-х гг. оказалось, что из 5 отобранных субъектов РФ, которые в стратегических документах обозначили ИКТ в качестве приоритетной отрасли, лишь в одном темпы

[3] ТАСС. Эксперты обсудили на ПМЭФ «умную специализацию» регионов и потенциал развития. v URL: https://tass.ru/ekonomika/6520138 (дата обращения: 15.05.2024).

[4] Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/economics/forum-strategov-ukazal-na-problemy-nacionalnogo-razvitiya.html (дата обращения: 15.05.2024).

развития данной отрасли превысили среднероссийский уровень. В другом исследовании было установлено, что отраслевой профиль кластерных инициатив во многих субъектах РФ не соответствует фактическим специализациям региональных экономик, что, по мнению авторов, свидетельствует о сбое в координации региональной промышленной политики [*Куценко, Абашкин, Исланкина,* 2019].

Предпринимались попытки «примерить» рамочную процедуру оценки соответствия территориальных стратегий развития принципам УС, разработанную Европейской комиссией, к выборке российских регионов [*Куценко, Исланкина, Киндрась,* 2018*; Калюжнова, Виолин,* 2020]. Как выяснилось, объединяющими характеристиками для обследованных субъектов РФ стали: поверхностный анализ внешней среды, недостаточное включение в разработку документов заинтересованных сторон и игнорирование глобальных вызов.

Эмпирическая проверка антикризисной устойчивости субъектов РФ

Как считается, одно из достоинств умной специализации заключается в устойчивости развития региональных экономик за счёт институциональной адаптивности и диверсификации производственных процессов [*Nijkamp et al.,* 2024]. Эмпирически проверить данный тезис весьма проблематично, так как для субъектов РФ нет чётких критериев соответствия модели умной специализации. И даже если обратиться к Руководству по УС, выпущенному Европейской комиссией[5], то однозначно определить, следуют ли местные власти по пути УС, тоже затруднительно. Например, даже на уровне экспертной панели вряд ли возможно объективно оценить степень вовлечённости заинтересованных сторон в реализацию региональных инновационных стратегий или уровень научной обоснованности (информационной обеспеченности) подготовки и сопровождения стратегий. Как известно, региональные стратегии социально-экономического развития в России создаются по механизму государственных закупок, исполнителями которых становятся отечественные научно-образовательные организации или частные аналитические центры, что можно с высокой степенью условности считать априорным научным обеспечением.

В качестве прокси-параметров соответствия региональной политики доктрине УС можно рассмотреть три варианта.

Во-первых, самым банальным случаем выглядит наличие термина «умная специализация» в региональных стратегиях социально-экономического, инновационного развития или иных подобных документах. Однако, как выяснилось, в лексиконе авторов стратегий наравне с «умной» используется еще и словосочетание «эффективная специализация», что, видимо, связано с большей благозвучностью. К примеру, в Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 г. в качестве ключевых направлений развития территорий называется «…развитие отраслей эффективной (умной) специализации с учётом международных рынков и необходимости формирования добавленной стоимости…»[6]. В итоге обнаружилось, что словосочетания «умная» и/или «эффективная специализация» встречаются в актуальных версиях стратегий 22 субъектов РФ. При этом термины «экономическая специализация» или «точки роста» встречаются если не во всех, то в подавляющем большинстве стратегических документов. Однако эти понятия стали проникать в управленческий лексикон и до распространения концепции УС, судя по датам утверждения документов.

---

[5] European Commission. Guide on Research and Innovation Strategies for Smart Specialisation (RIS3 Guide). URL: https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/en/w/guide-on-research-and-innovation-strategies-for-smart-specialisation-ris3-guide- (access date: 15.05.2024).

[6] Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/2be4c8d2cabdb0ce884b047834a7540f/210119sk.pdf (дата обращения: 15.05.2024).

Во-вторых, одним из краеугольных камней УС выступает продвинутая система управления инновационным развитием, включая множество поддерживающих институтов. Задача оценки эффективности управленческих механизмов нередко решается в рамках рейтинговых продуктов. Так, в Рейтинге инновационного развития субъектов РФ НИУ ВШЭ производится обследование качества инновационной политики путём агрегирования информации из трёх блоков [*Абашкин и др.,* 2023]: 1) нормативная правовая база научно-технической и инновационной политики (наличие стратегий развития, региональных законов о науке и инновациях, специальных территорий развития научно-технической и инновационной деятельности и др.); 2) организационное обеспечение научно-технической и инновационной политики (наличие координирующего органа, ответственного за научно-техническое и инновационное развитие, и региональных институтов развития); 3) участие в федеральной научно-технической и инновационной политике (участие в НИОКР, финансируемых из федерального бюджета, наличие на территории субъекта инновационной инфраструктуры с федеральным статусом и др.).

В-третьих, о фактической специализации экономики региона позволяют судить количественные данные, хотя и без разделения на «умную» и «неумную». Классическим приёмом считается использование формул концентрации (в частности, индекса Херфиндаля-Хиршмана) для обсчёта отраслевой структуры ВРП и ранжирования регионов по шкале диверсификации экономики (например: [*Зюзин, Демидова, Долгопятова,* 2020]). Однако данный подход описывает региональную структуру экономики лишь саму по себе без учёта специализации в рамках национальной экономики в целом. Более продвинутый способ определения отраслевого регионального профиля был предложен в Атласе экономической специализации регионов России [*Абашкин и др.,* 2023], где на основе статистики занятости были определены отрасли национальной и локальной специализации. Далее с учётом выявленных сфер специализации вся совокупность субъектов РФ была разделена на четыре группы: сильноспециализированные, среднеспециализированные, слабоспециализированные и полиотраслевые регионы.

Для оценки антикризисной устойчивости индексы физического объёма валового регионального продукта в постоянных ценах в процентах к предыдущему году по всей России сравниваются с индексами отдельных регионов. В последние годы отрицательная динамика национального ВРП наблюдалась в год начала коронавирусной пандемии (2020 г.) и с момента введения санкций 2022 г. Из всей совокупности субъектов РФ превзойти национальные темпы роста удалось в 2020 г. 56 регионам, в 2022 г. — 42, а по итогам обоих периодов — 26 регионам. Таким образом, для данных регионов можно предположить сравнительно более высокую резистентность локальной экономики в период глобальных шоков.

Среди недостатков применения описанных выше прокси-параметров УС в связке с индикаторами антикризисной устойчивости выступает проблематичность временно́й синхронизации. Так, в стратегии социально-экономического развития и иные подобные документы регулярно вносятся правки, и, наверное, не столь принципиально, в каком именно году тексты дополнились словосочетаниями «Умная/эффективная специализация», а важно то, что вообще концепция УС стоит на повестке региональных властей. Очевидно, что даже упоминание в стратегии тех или иных интенций совершенно не означает незамедлительного их выполнения. Что касается Индекса качества управления, то самая актуальная его версия основана на данных за 2021 г. При этом компоненты этого индекса слабо волатильны, поэтому региональный рейтинг достаточно стабилен, если сравнивать с предыдущими версиями Индекса. Наконец, информация о профиле регионов с точки зрения специализации доступна лишь за 2018 г.; но в данном случае также можно апеллировать к ригидности отраслевой структуры занятости.

Учитывая обозначенные предпосылки и ограничения, по итогам анализа наблюдается разнородность связи между прокси-параметрами УС и антикризисной устойчивостью субъектов РФ в зависимости от кризисного периода (табл. 2).

Таблица 2

Антикризисная устойчивость субъектов РФ в разрезе прокси-параметров умной специализации

Прокси-параметр	Группа	Регионов в группе	2020 г., %	2022 г., %	2020 и 2022 г., %
Все регионы		85	66	49	31
«Умная/эффективная специиализация» в тексте стратегии	Есть	22	68	59	36
	Нет	63	65	46	29
Качество инновационной политики	Высокое	15	60	53	20
	Выше среднего	28	57	61	43
	Ниже среднего	30	80	37	30
	Низкое	12	58	50	17
Уровень специализации/диверсификации	Сильноспециализированные	15	93	40	33
	Среднеспециализированные	38	68	42	34
	Слабоспециализированные	19	58	58	21
	Полиотраслевые	13	38	69	31

Рассчитано автором по: данные Росстата (Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_1998.xlsx (дата обращения: 15.05.2024)), правовая база Гарант (Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: https://ivo.garant.ru/#/basesearch/%D1%83%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B8%D0%BB%D0%B8%20%D1%8D%D1%84%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/all:12 (дата обращения: 15.05.2024)); *Абашкин В.Л. и др.* Атлас экономической специализации регионов. — М.: НИУ ВШЭ, 2021: *Абашкин В.Л. и др.* Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 8. — М.: НИУ ВШЭ, 2023.

Прежде всего надо отметить, что кризисы 2020 и 2022 гг., несмотря на множество схожих черт (шоки предложения, обрывы цепочек поставок, скачки инфляции и валютного курса и др.), сильно различаются в отношении отраслевой структуры перераспределения внутреннего спроса [*Акиндинова и др.,* 2022]. В итоге обнаружилось, что регионы с более прогрессивными стратегиями развития продемонстрировали сравнительно большую устойчивость в санкционный кризис. Качество инновационной политики оказалось нелинейно связано с кризисной резистентностью — лучшие результаты зафиксированы для группы с качеством просто выше среднего. Интересно, что в группе с наиболее сильной инновационной политикой в каждый из двух кризисных периодов более половины регионов опережали среднероссийские темпы развития экономики, однако состав преуспевших регионов сильно различается (только 20% выдержали удар кризиса в оба года). Диаметрально противоположные результаты наблюдаются для групп специализации: если коронакризисный период почти безболезненно преодолели сильно специализированные регионы, то к санкционному шоку более устойчивыми оказались полиотраслевые региональные экономики.

Таким образом, приверженность регионов концепции УС, выраженной через прокси-параметры, крайне неоднозначно сочетается со способностью региональных экономик противостоять кризисным потрясениям.

Заключение

Концепция УС, получившая широкое распространение среди управленцев и учёных в Европе и за её пределами, судя по объёму накопленных критических замечаний, вряд ли может рассматриваться в качестве универсального инструмента форсированного развития региональной экономики. Тем более, что пока нет убедительных эмпирических исследований, доказывающих эффективность УС. При этом в бурных академических дискуссиях идея УС постоянно шлифуется и дополняется. В частности, уже предложены новые версии концепции: УС 2.0, в которой особое внимание уделено как раз витальности мониторинга результатов наравне с укреплением кроссграничных коллабораций на уровне регион-регион [*Esparza-Masana,* 2022], и даже устойчивой умной специализации, что предполагает интеграцию других модных моделей инновационного процесса в аналитические рамки УС [*Carayannis, Grigoroudis,* 2023*b*].

Важно подчеркнуть, что УС создавалась и активно развивалась, когда глобализация и распространение цифровых технологий всё больше укрепляли коммуникационные и производственные связи между различными странами, поощряя международную многостороннюю кооперацию и распределяя страны в глобальных цепочках создания стоимости с учётом оптимальности и эффективности производственных процессов в мировом масштабе [*Смородинская, Катуков,* 2017]. Мощнейший экономический шок, вызванный коронавирусной пандемией, и санкционное противостояние с 2022 г. убедительно продемонстрировали, что глобальные стоимостные цепочки крайне уязвимы.

В этом контексте встаёт вопрос о том, в какой мере антикризисная устойчивость отдельных регионов обеспечивает экономическую безопасность страны в целом. Иными словами, когда происходит сбой в отдельных цепочках, экономика региона может пострадать ограниченно; но если прекратилось производство промежуточной продукции, используемой для дальнейшего создания критически важных товаров или услуг, то эффект на уровне страны может быть фатальным. Более того, как показывают результаты исследований, регионы в одной и той же стране часто выбирают одни и те же приоритеты, что противоречит идее разделения труда между регионами [*Deegan, Broekel, Fitjar,* 2021]. Это, пожалуй, ещё один существенный пробел в концепции УС.

Соответственно, для дальнейшего полезного применения идей УС в российском госуправлении необходимо обеспечить гармонизацию интересов специализации в масштабе региона с решением стратегических задач, а именно поддержание экономического, технологического и других видов суверенитета. Самым очевидным предложением выглядит обновление Стратегии пространственного развития РФ в части дополнения перечней перспективных экономических специализаций и неперспективных экономических специализаций, критически важных для экономики региона, списком экономических специализаций, критически важных для экономики страны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Абашкин В.Л. и др. (2021). *Атлас экономической специализации регионов России* [*Abashkin V.L. et al.* (2021). Atlas of economic specialisation of Russian regions]. — М.: НИУ ВШЭ.

Абашкин В.Л. и др. (2023). *Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации*. Вып. 8 [*Abashkin V.L. et al.* (2023). Rating of innovative development of the regions of the Russian Federation. Issue 8]. — М.: НИУ ВШЭ.

Акиндинова Н.В. (2022). *Инфляционные вызовы периода пандемии и уроки для будущего* [*Akindinova N.V.* (2022). Inflationary challenges of the pandemic period and lessons for the future]. — М.: НИУ ВШЭ.

Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. (2008). Сцилла и Харибда региональной политики [*Grigoriev L., Zubarevich N., Urozhaeva Yu.* (2008). Scylla and Charibdis of regional policy] // *Вопросы экономики*. № 2. С. 83–98. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-2-83-98.

Земцов С., Баринова В. (2016). Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» [*Zemtsov S., Barinova V.* (2016). The paradigm changing of regional innovation policy in Russia: from equalization to smart specialization] // *Вопросы экономики*. № 10. С. 65–81. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-65-81.

Зюзин А.В., Демидова О.А., Долгопятова Т.Г. (2020). Локализация и диверсификация российской экономики: региональные и отраслевые особенности [*Zyuzin A.V., Demidova O.A., Dolgopyatova T.G.* (2020). Localisation and diversification of the Russian economy: regional and sectoral peculiarities] // *Пространственная экономика*. Т. 16. № 2. С. 39–69. DOI: 10.14530/se.2020.2.039-069.

Калюжнова Н.Я., Виолин С.И. (2020). Умная специализация российских регионов: возможности и ограничения [*Kalyuzhnova N.Y., Violin S.I.* (2020). Smart specialisation of Russian regions: opportunities and limitations] // *Экономика, предпринимательство и право*. Т. 10. № 10. С. 2457–2472.

Куценко Е.С., Абашкин В.Л., Исланкина Е.А. (2019). Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию [*Kutsenko E.S., Abashkin V.L., Islankina E.A.* (2019). Focusing regional industrial policy via sectorial specialization] // *Вопросы экономики*. №5. С. 65–89. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-65-89.

Куценко Е., Еферин Я. (2019). «Водовороты» и «тихие гавани» в динамике отраслевой специализации регионов России [*Kutsenko E., Eferin Y.* (2019). «Whirlpools» and «safe harbors» in the dynamics of industrial specialization in Russian regions] // *Форсайт*. Т. 13. № 3. С. 24–40. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.24.40.

Куценко Е., Исланкина Е., Киндрась А. (2018). Можно ли быть умным в одиночестве? Исследование инновационных стратегий российских регионов в контексте умной специализации [*Kutsenko E., Islankina E., Kindras A.* (2018). Smart by oneself? An analysis of russian regional innovation strategies within the RIS3 framework] // *Форсайт*. Т. 12. №1. С. 25–45. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.1.25.45.

Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. (2017). Распределённое производство и «умная» повестка национальных экономических стратегий [*Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* (2017). Distributed production and «smart» agenda of national economic strategies] // *Экономическая политика*. Т. 12. №6. С. 72–101. DOI: 10.33917/es-5.163.2019.40-46.

Тополева Т.Н. (2022). Генезис концептуальных подходов пространственной экономики: основополагающие теории, новые направления и перспективы исследований [*Topoleva T.N.* (2022). Genesis of conceptual approaches of spatial economy: fundamental theories, new directions and research perspectives] // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. №4. С. 94–130. DOI: 10.21686/2413-2829-2022-4-94-130.

Яшин С.Н., Захарова Ю.В. (2023). Стратегия умной специализации как инструмент укрепления экономического суверенитета в рамках инновационного развития РФ [*Yashin S.N., Zakharova Y.V.* (2023). Strategy of smart specialisation as a tool for strengthening economic sovereignty in the framework of innovative development of the Russian Federation] // *Друкеровский вестник*. №2. С. 5–12.

Balland P.A. et al. (2019). Smart specialization policy in the European Union: relatedness, knowledge complexity and regional diversification // *Regional studies*. Vol. 53. No. 9. Pp. 1252–1268 DOI: 10.1080/00343404.2018.1437900.

Benner M. (2020). Six additional questions about smart specialization: Implications for regional innovation policy 4.0 // *European Planning Studies*. Vol. 28. No. 8. Pp. 1667–1684. DOI: 10.1080/09654313.2020.1764506.

Carayannis E.G., Grigoroudis E. (2023a). Toward a new impact assessment approach of smart specialization strategies using multiple criteria decision analysis // *IEEE Transactions on Engineering Management*. DOI: 10.1109/TEM.2023.3305649.

Carayannis E.G., Grigoroudis E. (2023b). Towards an ambidextrous, robust and resilient impact assessment of sustainable smarter specialisation strategies (AR2IA/S4) // *Journal of the Knowledge Economy*. Vol. 14. No. 3. Pp. 2420–2462. DOI: 10.1007/s13132-022-00991-2.

D'Adda D., Iacobucci D., Palloni R. (2020). Relatedness in the implementation of Smart Specialisation Strategy: a first empirical assessment // *Papers in Regional Science*. Vol. 99. No. 3. Pp. 405–425. DOI: 10.1111/pirs.12492.

Deegan J., Broekel T., Fitjar R.D. (2021). Searching through the haystack: The relatedness and complexity of priorities in smart specialization strategies // *Economic Geography*. Vol. 97. No. 5. Pp. 497–520. DOI: 10.1080/00130095.2021.1967739.

Esparza-Masana R. (2022). Towards smart specialisation 2.0. Main challenges when updating strategies // *Journal of the Knowledge Economy*. Vol. 13. No. 1. Pp. 635-655. DOI: 10.1007/s13132-021-00766-1.

Foray D. (2014). *Smart specialisation: Opportunities and challenges for regional innovation policy*. — London, New York: Routledge.

Foray D. (2016). On the policy space of smart specialization strategies // *European Planning Studies*. Vol. 24. No. 8. Pp. 1428-1437. DOI: 10.1080/09654313.2016.1176126.

Foray D. (2019). In response to «Six critical questions about smart spezialisation» // *European Planning Studies*. Vol. 27. No. 10. Pp. 2066–2078. DOI: 10.1080/09654313.2019.1664037.

Foray D. (2020). Six additional replies–one more chorus of the S3 ballad // *European Planning Studies*. Vol. 28. No. 8. Pp. 1685–1690. DOI: 10.1080/09654313.2020.1797307.

Giustolisi A., Benner M., Trippl M. (2023). Smart specialisation strategies: towards an outward-looking approach // *European Planning Studies*. Vol. 31. No. 4. Pp. 738–757. DOI: 10.1080/09654313.2022.2068950.

Hassink R., Gong H. (2019). Six critical questions about smart specialization // *European Planning Studies*. Vol. 27. No. 10. Pp. 2049–2065. DOI:10.1080/09654313.2019.1650898.

Kotnik P., Petrin T. (2017). Implementing a smart specialisation strategy: An evidence-based approach // *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 83. No. 1. Pp. 85–105. DOI: 10.1177/0020852315574994.

Lazzeretti L., Oliva S., Innocenti N. (2023). Unfolding Smart Specialisation for regional economic resilience: the role of industrial structure // *Investigaciones Regionales-Journal of Regional Research*. No. 54. Pp. 5–25. DOI: 10.38191/iirr-jorr.22.015.

Marrocu E. et al. (2023). Evaluating the implementation of Smart Specialisation policy // *Regional Studies*. Vol. 57. No. 1. Pp. 112–128. DOI: 10.1080/00343404.2022.2047915.

McCann P., Ortega-Argilés R. (2014). Smart specialisation in European regions: Issues of strategy, institutions and implementation // *European Journal of Innovation Management*. Vol. 17. No. 4. Pp. 409–427. DOI: 10.1108/EJIM-05-2014-0052.

Nijkamp P. et al. (2024). Institutional adaptability: its relevance for enhancing resilience and smart specialization capacity of the European Union's lagging regions // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 65. No. 1. Pp. 1–33. DOI: 10.1080/15387216.2022.2112254.

Rodríguez B. R., Demmler M. (2023). Systematic Literature Review on Smart Specialization: Future Prospects and Opportunities // *Revista de El Colegio de San Luis*. Vol. 13. No. 24. Pp. 1–42. DOI: 10.21696/rcsl132420231497.

Rodríguez-Pose A. et al. (2014). *The role of government institutions for smart specialisation and regional development*. — Luxemburg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2791/969934.

Vanthillo T., Beckers J., Verhetsel A. (2021). The changing nature of regional policy in Europe // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 37. No. 1. Pp. 201–220. DOI: 10.1093/oxrep/graa058.

Юревич Максим Андреевич
mayurevich@fa.ru

Maxim Yurevich
PhD (economics), Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
mayurevich@fa.ru

SMART SPECIALIZATION AND ANTI-CRISIS STABILITY OF RUSSIAN REGIONS[7]

Abstract. The concept of smart specialization was developed in response to the management crisis in the field of innovation development in European countries. It quickly gained popularity and was adopted by the governments of many countries, including those outside the EU. The idea of smart specialization was also enthusiastically embraced by the academic community, leading to an explosive growth in publications on the topic. However, many of these works have been devoted to detailed criticism, which primarily involves disputing the theoretical, practical significance, and novelty of the concept. The most acute line of criticism is based on the difficulty or even impossibility of assessing the effectiveness of implementing the smart specialization strategy. In the calculations carried out, the commitment of Russian regions to this concept was expressed through proxy parameters: the presence of the term itself in regional strategic documents, the quality of innovation policy, and the region's economic profile in terms of specialization/diversification. According to the results obtained, a highly ambiguous picture emerges in terms of the ability of regional economies to withstand crisis shocks and the relative level of compliance with the smart specialization doctrine. Thus, this concept, judging by the volume of accumulated critical remarks, can hardly be considered a universal tool for accelerating regional economic development. Moreover, it remains unclear to what extent the crisis resilience of individual regions ensures the economic security of the country as a whole.

Keywords: *smart specialisation, diversification, innovative growth, regional economy.*
JEL: O32, R11, R1.

[7] The research was supported by the state assignment of the Government of the Russian Federation to the University of Finance for 2024.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.Р. Авакян
стажёр-исследователь, Международная лаборатория макроэкономического анализа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

РОЛЬ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВИЛ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В ДОСТИЖЕНИИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ[1]

Аннотация. Бюджетными правилами называют ограничения на бюджетную политику, которые вводят правительства через установление численных лимитов на бюджетные агрегаты. Основная причина, по которой власти вводят бюджетные правила — необходимость сглаживать расходы бюджета для обеспечения макроэкономической стабильности. В ресурсных странах бюджетные правила призваны также снизить сырьевую зависимость экономики. В данной работе проведён комплексный анализ роли бюджетных правил и их эффективности в достижении макроэкономической стабильности. Приведён литературный обзор и сделан собственный анализ воздействия правил на экономику. Продемонстрировано, какие особенности бюджетных правил существуют в странах с богатыми природными ресурсами и какие конструкции правил используют эти страны. Исследованы последние тенденции правил и риски для макроэкономической стабильности, с которыми страны могут столкнуться в случае отказа от полноценного возвращения к правилам после их смягчения в пандемию COVID-19.

Ключевые слова: *бюджетные правила, макроэкономическая стабильность.*
JEL: E62, E63
УДК: 338.22
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_73_92
© А.Р. Авакян, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Авакян А.Р.* Роль бюджетных правил и их эффективность в достижении макроэкономической стабильности // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 73–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_73_92.
FOR CITATION: *Avakyan A.* The Role of Fiscal Rules and Their Effectiveness in Achieving Macroeconomic Stability // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 73–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_73_92.

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Бюджетные правила являются одним из наиболее распространённых инструментов в макроэкономической политике. Согласно данным МВФ на 2021 г., 105 стран осуществляли бюджетную политику по бюджетным правилам. Мотивация введения правил в странах — необходимость наличия автоматических стабилизаторов в экономике. Когда экономика находится выше потенциального уровня, бюджетное правило сдерживает рост спроса, ниже потенциала — стимулирует. Рост экономики выше потенциального уровня приводит к росту доходов, что в отсутствии бюджетного правила позволяет правительству больше тратить и усилить «перегрев» экономики. Возникает проблема проциклично сти расходов. При этом правительствам может быть политически сложно сократить расходы бюджета во времена «охлаждения» экономики. В таком случае расходы могут сильно превышать доходы бюджета. Поэтому при отсутствии бюджетного правила в экономике может наблюдаться рост государственного долга к ВВП, риски долговых кризисов и устойчиво высокая инфляция.

Бюджетные правила играют особую роль в странах с богатыми природными ресурсами. Здесь доходы бюджета зависят от цен на сырьевые товары, которые могут сильно меняться во времени. Как следствие, доходы бюджета являются волатильными. Это может привести к тому, что во времена высоких цен правительства будут наращивать расходы бюджета, а во времена низких цен — сокращать. Таким образом, расходы бюджета и экономика в целом становятся зависимы от цен на сырьевые товары. Бюджетные правила, направленные на сглаживание сырьевых циклов, могут внести ключевой вклад в обеспечении макроэкономической стабильности. Определяющим фактором успеха в этих странах может быть конкретная конфигурация правила. Как будет продемонстрировано далее, в странах с богатыми природными ресурсами используемые конструкции значительно отличаются от конструкций правил в других странах. Различия также имеются и внутри группы ресурсных стран.

Последние тенденции в бюджетных правилах говорят об их смягчении. Особенно это заметно после пандемии COVID-19, во время которой правительства массово приостанавливали их действия. Приостановки позволили обеспечить гибкость политики и избежать глубокого спада, поддержать быстрое восстановление. Однако смягчение бюджетных правил может нести в себе значительные вызовы для будущей макроэкономической стабильности. Бюджет становится менее устойчивым в долгосрочной перспективе, что наряду с ростом процентных ставок создаёт риски для обслуживания государственного долга. Последнее может привести к потере независимости центрального банка и возникновению проблемы бюджетного доминирования.

Обзор литературы

В современных публикациях вопрос роли и эффективности бюджетных правил в достижении макроэкономической стабильности поднимается регулярно. Вопрос рассматривается с разных сторон — исследования проводились для разных направлений воздействия правил на экономику. Эти направления условно можно разделить на 3 части: 1) снижение проциклично сти расходов бюджета; 2) стабилизация инфляции; 3) минимизация рисков долговых кризисов. В целом авторы приходят к выводу о значительной роли и высокой эффективности правил во всех этих случаях. Однако для успешности правил необходимо, чтобы они действительно выполнялись, а не существовали только «на бумаге». Другими словами, для достижения целей бюджетных правил правительства должны иметь высокий уровень бюджетной дисциплины. Правила должны быть достаточно жёсткими, чтобы они могли влиять на стабилизацию государственных расходов.

Снижение процикличности расходов бюджета

Одной из главных целей внедрения бюджетных правил является устранение волатильности расходов бюджета. Расходы бюджета — существенная составляющая совокупного спроса в экономике. Так, в России, например, расходы только федерального бюджета составляют около 20% ВВП[2]. Для сглаживания расходов правило должно быть построено таким образом, чтобы расходы бюджета либо «отвязались» от экономических или сырьевых циклов, либо вообще действовали в обратном направлении — были контрциклическими.

В работе [*Кудрин, Соколов, Сучкова,* 2023] анализируется степень контрцикличности бюджетной политики в разных странах после введения бюджетных правил. Расчёты авторов показали, что и для развитых, и для развивающихся стран бюджетные расходы в 1995–2019 гг. часто носили проциклический характер. Только в 22 из 49 рассматриваемых стран непроцентные расходы бюджета носили в этот период контрциклический характер. Введение бюджетных правил лишь отчасти снизило проциклическую непроцентных бюджетных расходов. Авторы делают вывод, что проциклическая расходов больше свойственна развивающимся странам, нежели развитым. Из 22 стран, где непроцентные расходы были контрциклическими, только 5 стран относятся к группе развивающихся (Чили, Коста-Рика, Индия, Сингапур). Среди стран с богатыми природными ресурсами контрцикличность расходов наблюдается в Норвегии и Чили. В остальных странах (Россия, Перу, Казахстан, Индонезия) расходы носили проциклический характер. Причём в России эта проциклическая умеренная, в остальных — ярко выраженная.

М. Бергман и М. Хатчисон на основе данных по 81 стране в период 1985–2012 гг. показали, что степень контрцикличности бюджетных правил зависит от двух факторов: жёсткость правила и качество государственного управления [*Bergman, Hutchison,* 2015]. Чем жёстче правило и чем выше эффективность государственного управления, тем с большей вероятностью бюджетная политика будет контрциклической. Для успеха в достижении контрцикличности необходимо, чтобы оба фактора действовали одновременно. Высокое качество государственного управления само по себе не способно снизить проциклическую бюджетной политики, если бюджетное правило изначально задано в чрезмерно мягкой форме. И даже самое жёсткое правило не гарантирует достижения контрцикличности бюджетной политики в условиях низкого качества государственного управления: правило просто не будет исполняться.

Стабилизация инфляции

Высокая роль и эффективность бюджетных стабилизаторов в обеспечении макроэкономической стабильности выходит далеко за рамки стран ОЭСР и в равной степени относится как к развитым, так и к развивающимся странам. Как показали расчёты Х. Дебруна и Р. Капуна, дискреционная политика (без бюджетных правил) зачастую является источником высокой волатильности макроэкономических переменных [*Debrun, Kapoon,* 2010]. Добиваясь контрцикличности расходов, правительство может сгладить экономические циклы и стабилизировать инфляцию. Но является ли это целью правительства? Возможно, эту роль должен выполнять Центральный банк?

С. Севик и Ф. Маюгин считают, что именно бюджетная политика является важнейшим фактором в контроле над инфляцией [*Cevik, Miryugin,* 2023]. В их работе рассматривается широкая выборка из 139 стран в период 1970–2021 гг. Регрессионный анализ панельных данных приводит авторов к заключению, согласно которому как общая, так и базовая инфляция значимо ускоряются в ответ на стимулирующую бюджетную политику. При этом более

[2] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. 2023. Министерство финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiTTP__2024-2026.pdf?ysclid=lvc4rsib4b618791178 (дата обращения: 26.04.2024).

сильные бюджетные шоки фиксируются в развивающихся странах. Влияние бюджетного шока на инфляцию зависит от множества факторов: пространства для бюджетной политики (насколько можно повысить/сократить расходы или налоги), экономических условий, режима денежно-кредитной политики, режима валютного курса, конструкции бюджетного правила и времени шока. Главный вывод: бюджетная политика — критически важный и необходимый якорь макроэкономической стабильности. При этом использовать бюджетную политику для управления спросом нужно очень осторожно — она может значительно повлиять на инфляцию. Оптимальная макроэкономическая политика должна быть основана на правилах бюджетной и денежно-кредитной политики вместе с режимом плавающего курса. Это, по мнению исследователей, способствует большей устойчивости к инфляционным шокам.

В других исследованиях показано, что бюджетная политика может стабилизировать инфляцию также эффективно, как и денежно-кредитная политика [*Erceg, Linde,* 2012; *Adrian, Gaspar,* 2022]. Авторы рассматривают два способа сдерживания инфляции: денежно-кредитное ужесточение и бюджетное ужесточение (при этом оба способа влияют на экономическую активность в одинаковом направлении). В случае денежно-кредитного ужесточения Центральный банк поднимает ключевую ставку, что приводит к замедлению роста ВВП и инфляции, укрепляется обменный курс и растёт стоимость обслуживания государственного долга. В случае бюджетного ужесточения снижается дефицит бюджета, что охлаждает спрос в экономике без повышения процентных ставок и при прочих равных условиях, ведёт к ослаблению реального курса и снижению государственного долга. Если инфляция вызвана ростом цен на продовольствие и энергоресурсы, то правительство может замедлить инфляцию, снизив налоги на данные товары. Потери бюджета от такой политики будут незначительными, а влияние на инфляцию окажется ощутимым.

В отчете МВФ показано, что бюджетная политика может стабилизировать инфляцию, учитывая влияние на наиболее незащищённые слои населения [*Fiscal Monitor,* 2023]. Бюджетная политика, одновременно с повышением налогов и сокращением государственных расходов, может предусматривать увеличение трансфертов бедным слоям населения.

Минимизация рисков долговых кризисов

Одна из очевидных целей использования бюджетного правила — стабильность государственных финансов. Наиболее очевидный критерий риска долгового кризиса — уровень государственного долга. Снижение долга — важный фактор успеха бюджетного правила для стран как с высоким, так и с низким уровнем государственного долга. Снижение уровня долга также может играть значительную социальную функцию и способствовать уменьшению межстранового неравенства. В отчёте ООН указывается, что страны с низким уровнем дохода, в которых отсутствуют масштабный внутренний рынок заимствований, как правило, платят более высокие проценты за обслуживание государственного долга [*Global Crisis Response Group,* 2023].

Снижение уровня государственного долга может повысить пространство для бюджетного манёвра на случай экономического кризиса. Исходя из этого, бюджетное правило должно быть сконструировано таким образом, чтобы в «хорошие времена», когда экономика находится выше потенциального уровня, уровень государственного долга снижался. Снижение долга в «плохие времена» может значительно снизить ВВП. Как следствие, несмотря на снижение уровня государственного долга, соотношение государственного долга к ВВП может остаться высоким. Так, в Греции соотношение государственного долга к ВВП с 2011 г. по 2029 г. выросло более чем на 10 п.п.: с 175,2 до 185,5%[3] несмотря на масштабную бюджетную консолидацию.

[3] См. статистику в базе данных Международного валютного фонда: IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/G_XWDG_G01_GDP_PT@FM/GRC (access date: 26.04.2024).

Насколько правила эффективны в снижении государственного долга? Анализ экономики по странам ОЭСР показывает, что бюджетные правила, принятые в развитых странах, действительно способствовали снижению государственного долга [*Aaskoven, Wiese,* 2022]. Для стран Европейского Союза ключевую роль сыграл «Пакт стабильности и роста», который предусматривал потолок ежегодных дефицитов бюджетов стран ЕС в 3% ВВП и постепенное снижение уровней государственного долга до 60% ВВП. Наднациональный характер правила и жёсткие механизмы исполнения пакта стали ключевыми факторами успешности бюджетных правил в ЕС. Отечественные исследования показывают, что к 2019 г. только 7 из 49 рассматриваемых стран сумели, наряду с обеспечением контрцикличности расходов, снизить долговую нагрузку с момента введения бюджетного правила [*Кудрин, Соколов, Сучкова,* 2023]. Все успешные страны относятся к группе развитых и выполняют правило сбалансированности бюджета.

Другая распространённая метрика риска возникновения кризиса — дифференциал ставок, показывающая, насколько доходность по государственным облигациям выше уровня, принятого за «бенчмарк». Дифференциал отражает риски, которые инвесторы будут учитывать при покупке государственных облигаций. Высокий дифференциал свидетельствует о высокой вероятности дефолта. Можно построить собственный индикатор риска как разницу между доходностью суверенной ценной бумаги страны и доходностью казначейских облигаций США с сопоставимым сроком погашения [*Gomez-Gonzalez, Valencia, Sanchez,* 2021]. При прочих равных условиях введение здесь соответствующего бюджетного правила снижает риск суверенного дефолта.

Ещё один важный показатель — частота резких спекулятивных оттоков капитала («sudden stop»). Такие события означают, что нерезиденты массово продают государственные облигации на вторичном рынке. Продажа облигаций по низким ценам ведёт к росту доходности. В такой ситуации правительству сложнее привлекать средства и обслуживать ту часть долга, которая была размещена по плавающим ставкам, что часто происходит в случае развивающихся стран[4]. В работе [*Gomez-Gonzalez, Valencia, Sanchez,* 2021] на основе широкой выборки из 62 стран за период 1980–2015 гг. с помощью пробит-модели показано, что наличие бюджетного правила существенно снижает вероятность резкого оттока капитала. Одно из возможных объяснений может быть связано с тем, что бюджетное правило обеспечивает определённую степень бюджетной дисциплины. Иностранные инвесторы в этом случае в меньшей степени склонны к продаже государственных облигаций в случае внешних шоков.

Эффективность бюджетных правил в снижении рисков дефолта также анализируется теоретиками. Например, в работе [*Alfaro, Kanczuk,* 2017] рассматривается микрообоснованная модель со склонностью правительства к накоплению долга, откалиброванная для развивающихся стран. Расчёты авторов показывают, что как правило долга, так и правило дефицита существенно снижают риски дефолта. Результаты моделирования также указывают на то, что бюджетные правила приводят к снижению проциклично сти бюджетной политики и к росту общественного благосостояния. Тип правила играет второстепенную роль — простое и интуитивно понятное правило по сравнению со сложной (оптимальной) конструкцией правила даёт близкий результат.

В другой работе [*Hatchondo, Martinez, Roch,* 2012] анализируется модель суверенного дефолта с бюджетным правилом в виде потолка государственного долга. Авторы демонстрируют, что наличие подобного правила имеет важное преимущество для бюджетной политики. Потолок государственного долга приводит к тому, что снижение заимствований со стороны государства начинает обладать сигнальным эффектом. В результате даже небольшое снижение займов приводит к значительному снижению ставок за счёт ожиданий более низкого уровня государственного долга в будущем. Одновременно

[4] Fiscal Monitor. Международный валютный фонд: IMF. 2022. URL: https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2022/04/12/fiscal-monitor-april-2022 (acces date: 26.04.2024).

ограничение государственного долга не противоречит (и даже способствует) цели по снижению степени контрцикличности бюджетных расходов.

Фактическое исполнение правил правительствами

Необходимым условием успешности правила является его стабильность. Если по тем или иным причинам бюджетное правило необходимо постоянно пересматривать (или вовсе приостанавливать), то такое правило по определению не может считаться успешным. Исключениями могут являться экстраординарные ситуации по типу пандемии, глобального финансового кризиса, санкций против страны и т. д.

В работе Д. Михайи и Л. Фернандес (Лилиана) рассмотрены случаи проблем исполнения бюджетных правил в странах с богатыми природными ресурсами в 2015–2016 гг. В большинстве этих стран в 2015–2016 гг. правительства не достигали своих целей (либо правила вовсе были приостановлены). Указанный период выбран не случайно — мировые цены на сырьевые товары в это время находились значительно ниже цен предыдущих лет. В результате страны с большой долей сырьевых доходов столкнулись с проблемами в бюджетной сфере [*Mihalyi, Fernández,* 2018]. При этом бюджетные правила в странах с богатыми природными ресурсами направлены в первую очередь на снижение зависимости расходов бюджета от сырьевых цен[5]. Тот факт, что в 2015–2016 гг. правила либо были приостановлены, либо де-факто не исполнялись, может свидетельствовать о провале принятых правил, после чего они были пересмотрены многими правительствами. В России действие правила также приостанавливалось. В 2017 г. оно было пересмотрено — базовая цена на нефть, определяющая потолок расходов бюджета, была зафиксирована на уровне 40 долл. за баррель нефти Urals (с индексацией на 2% в год) вместо плавающей базовой цены.

Оценить фактическую стабильность правил в странах может быть проблематично. Правительства массово приостанавливали правила в 2020–2021 гг. в условиях пандемии COVID-19. Для определения успешности трансформации правил после 2016 г. необходимо, чтобы страны прошли через схожий кризис снижения цен на сырьё, но без экстраординарных условий 2020 г. или беспрецедентных по масштабу санкций (в России в 2022 г. правило было приостановлено). Сегодня, как минимум, нельзя однозначно сказать, что большинство правительств устойчиво соблюдают свои бюджетные правила.

Подводя итоги, можно заключить, что в литературе сложился консенсус — наличие бюджетных правил играет значительную роль и обладает высокой эффективностью в достижении макроэкономической стабильности. Все согласны с тем, что бюджетное правило снижает риски развития долговых кризисов. Трансмиссионный механизм процесса выглядит следующим образом: бюджетное правило → меньший уровень ожидаемых дефицитов бюджета → меньший уровень ожидаемого государственного долга → снижение риск-премии и увеличение кредитных рейтингов страны → снижение доходности государственных облигаций. Бюджетные правила эффективны в стабилизации инфляции, в отдельных аспектах (например, воздействия на незащищенные слои населения) они могут оказаться эффективнее денежно-кредитной политики.

Влияние на снижение проциклично сти остаётся дискуссионным. В большинстве стран с бюджетными правилами бюджетная политика является проциклично й. На это влияет бюджетная дисциплина. Последняя, в свою очередь, зависит от институциональных характеристик стран. Жёсткое правило может способствовать снижению степени проциклично сти политики. Но оно может оказаться нестабильным — в кризисной ситуации высока вероятность его отмены или приостановки действия.

[5] Fiscal Rules Dataset. Международный валютный фонд — IMF. 2022. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/fiscalrules/matrix/matrix.htm (acces date: 26.04.2024).

Оценка механизмов влияния правил на экономику

Далее мы рассмотрим ряд гипотез о влиянии правил на экономику. Для формальной проверки гипотез используются регрессионные модели. За основу взяты данные по 47 странам за период 2010 — 2019 гг. (данные МВФ[6]). Мы проанализируем не только сам факт наличия, но и длительность реализации политики бюджетных правил. Последний фактор является ключевым для успеха правила. Ключевой контрольной переменной выступает наличие цели по инфляции у Центрального банка. Таргетирование инфляции обладает схожими с бюджетными правилами функциями и механизмами воздействия. Поэтому для анализа влияния бюджетных правил на переменные принципиально важно отделить их эффект от последствий денежно-кредитной политики.

Гипотеза 1. Реализация бюджетных правил, при прочих равных условиях, приводит к более стабильным темпам экономического роста

Регрессионный анализ показал, что наличие бюджетного правила снижает волатильность экономики. Но снижение волатильности происходит не сразу после принятия правила. Поэтому определяющим фактором является то, сколько лет существует правило.

Уравнение оцененной множественной регрессии:

$$\text{InРост}_{\text{дисп}} = 2{,}42^{***} - 0{,}19^{**} \times \text{Рост}_{\text{средн}} - 0{,}06^{***} \times \text{Правило}_{\text{лет}} - 0{,}48^{***} \times \text{ИТ}_{\text{дамми}} \quad (1)$$

где: $\text{InРост}_{\text{дисп}}$ — логарифм дисперсии годового роста реального ВВП. $\text{Рост}_{\text{средн}}$ — среднегодовой рост реального ВВП. $\text{Правило}_{\text{лет}}$ — длительность реализации бюджетного правила. $\text{ИТ}_{\text{дамми}}$ — наличие у центрального банка цели по инфляции (1 — да, 0 — нет). *** — коэффициент регрессии значим при 99% доверительном интервале. ** — коэффициент регрессии значим при 95% доверительном интервале. * — коэффициент регрессии значим при 90% доверительном интервале.

Основные характеристики регрессии: $P_{\text{знач}} = 0{,}00.R^2 = 0{,}51.n = 47$.

Результаты оценённой множественной регрессии (1) демонстрируют, что каждый дополнительный год наличия правила снижает волатильность роста, в среднем, на 6%[7]. Исходя из этого, можно заключить, что для существенного снижения волатильности темпов роста (например, в 2 раза) в среднем необходимо проводить НЕИЗМЕННУЮ политику по бюджетным правилам МИНИМУМ политику по бюджетным правилам 10–12 лет.

Для наглядности ниже представлен график зависимости волатильности роста и длительности реализации бюджетных правил в 47 странах и соответствующая парная регрессия (рис. 1).

Результаты моделирования также показывают, что бюджетные правила не обладают такой сильной сигнальной функцией, как переход к таргетированию инфляции со стороны Центрального банка. Исходя из регрессии (1), наличие цели по инфляции (вне зависимости от длительности периода проведения политики таргетирования инфляции) само по себе снижает волатильность роста, в среднем на 48%[8].

Объяснений, почему так происходит, может быть много. Интуитивно понятно, что Центральные банки, как правило, обладают большей независимостью по сравнению с фискальными органами. Это позволяет реже уклоняться от политики таргетирования инфляции, чем от бюджетного правила. Во время пандемии COVID-19 центральные банки

---

[6] См. данные по бюджетным правилам в базе данных Международного валютного фонда: IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/fiscalrules/matrix/matrix.htm (acces date: 26.04.2024). Прочие данные см. также в базе IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO (acces date: 26.04.2024).

[7] [3–8%] при 95% доверительном интервале.

[8] [23–72%] при 95% доверительном интервале.

продолжали таргетировать инфляцию в отличие от правительств, значительная часть которых приостановила действие бюджетных правил. Поэтому переход к таргетированию инфляции является более сильным сигналом для экономики.

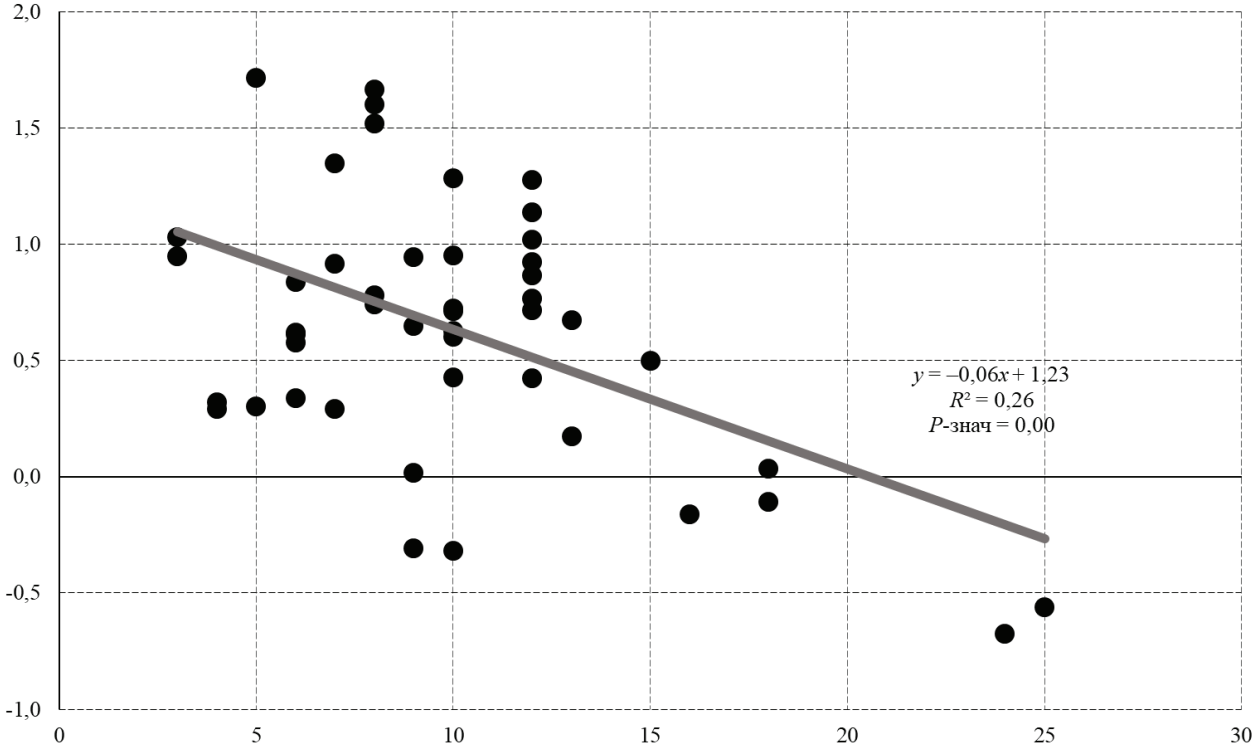

Рис. 1. Логарифм волатильности роста (ось ординат) и количество лет реализации бюджетных правил (ось абсцисс) (каждая точка отражает данные по 1 из 47 рассматриваемых стран)
Источник: расчёты автора на основе данных МВФ.

Гипотеза 2. Реализация бюджетных правил, при прочих равных условиях, приводит к более стабильной инфляции

Результаты моделирования демонстрируют, что, как и в случае с волатильностью роста, длительная история бюджетного правила снижает волатильность инфляции.

Уравнение оцененной регрессии:

$$\text{InИнфл}_{\text{дисп}} = 1{,}89^{***} - 0{,}17^{*} \times \text{InВВП}_{\text{на душу}} - 0{,}03^{***} \times \text{Правило}_{\text{лет}} - 0{,}23^{**}\ \text{ИТ}_{\text{дамми}} \quad (2)$$

где: $\text{InИнфл}_{\text{дисп}}$ — логарифм дисперсии годовой инфляции, $\text{InВВП}_{\text{на душу}}$ — логарифм ВВП на душу населения. *** — коэффициент регрессии значим при 99% доверительном интервале. ** — коэффициент регрессии значим при 95% доверительном интервале. * — коэффициент регрессии значим при 90% доверительном интервале.

Основные характеристики регрессии: $P_{\text{знач}} = 0{,}00.R^2 = 0{,}53.n = 47$.

Исходя из оценённой множественной регрессии (2), каждый дополнительный год наличия правила снижает волатильность инфляции в среднем на 3%[9]. Ниже — график зависимости волатильности инфляции и длительности реализации бюджетных правил и соответствующая парная регрессия (рис. 2).

Известный механизм влияния на инфляцию — через воздействие на разрыв между потенциальным и фактическим выпуском. Такой разрыв является одним из ключевых факторов, определяющих инфляцию. Денежно-кредитная и бюджетная политика влияет на спрос, что приводит к увеличению или снижению указанного разрыва, воздействуя на

[9] [1–5%] при 95% доверительном интервале.

инфляцию. Как и в случае с волатильностью темпов роста, для снижения волатильности инфляции более существенным фактором является наличие цели по инфляции, а не бюджетного правила.

Ещё один механизм может состоять в том, что бюджетное правило, помимо сглаживания расходов бюджета, снижает и средний уровень бюджетного дефицита. Дело в том, что у правительств, зачастую, существует «склонность к дефициту» («deficit bias») — они тратят больше, чем было бы оптимально для общественного благосостояния. Как следствие, бюджетное правило (если оно построено, исходя из принципов оптимизации благосостояния общества), снижая средний дефицит бюджета, может существенно снизить средний уровень инфляции в экономике и, как следствие, её волатильность.

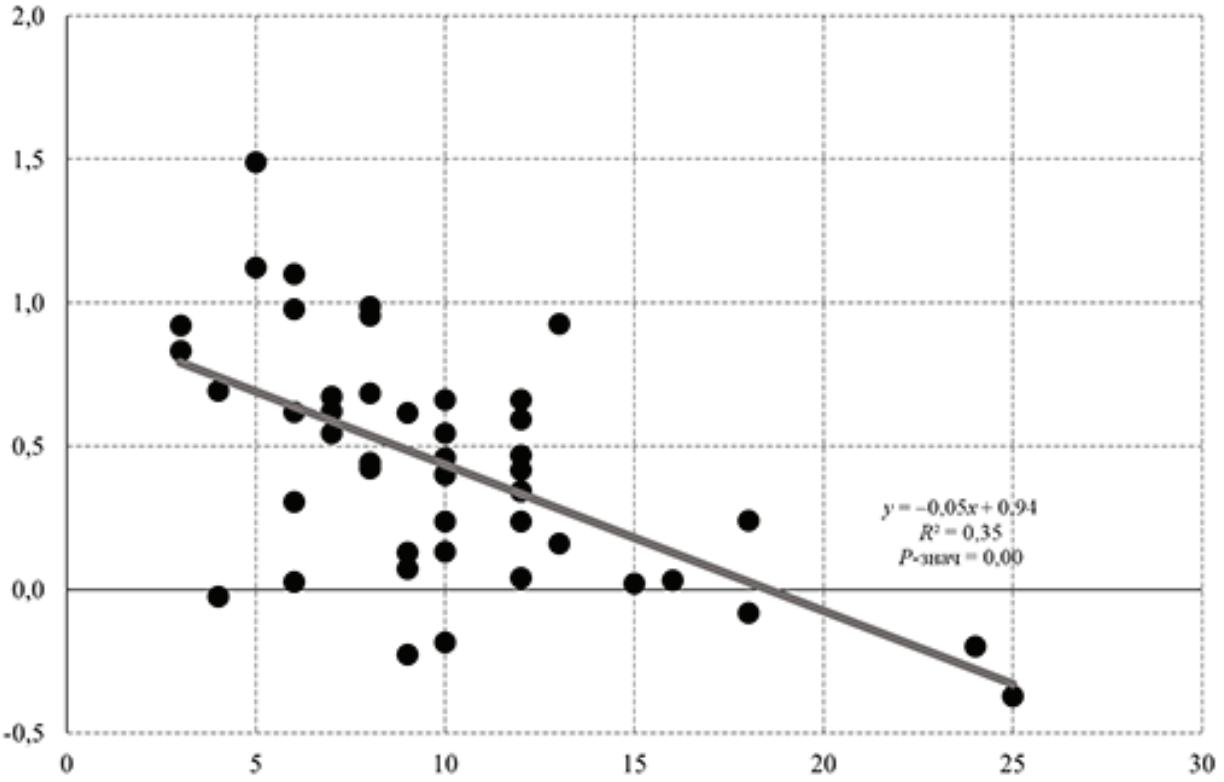

Рис. 2. Логарифм волатильности инфляции (ось ординат) и количество лет реализации бюджетных правил (ось абсцисс) (каждая точка отражает данные по 1 из 47 рассматриваемых стран)
Источник: расчёт автора на основе данных МВФ.

Гипотеза 3. Реализация бюджетных правил, при прочих равных условиях, приводит к более стабильным процентным ставкам

Уравнение оцененной регрессии:

$$\text{lnСтавка}_{\text{дисп}} = 2{,}52^{***} - 0{,}33^{**} \times \text{lnВВП}_{\text{на душу}} - 0{,}05^{***} \times \text{Правило}_{\text{лет}} - 0{,}01^{*}\ \text{ИТ}_{\text{дамми}} \quad (3)$$

где: $\text{lnСтавка}_{\text{дисп}}$ — логарифм дисперсии ставки Центрального банка.

Основные характеристики регрессии: $P_{\text{знач}} = 0{,}00$. $R^2 = 0{,}49$. $n = 47$.

Снижение волатильности экономического роста и инфляции в результате реализации бюджетного правила приводит также и к снижению волатильности процентных ставок (рис. 3). Механизм реализуется через так называемое «правило Тейлора» — когда центральные банки корректируют ставки однонаправленно и пропорционально изменению инфляции и разрыва выпуска. Оценённая регрессия (3) показала, что каждый год

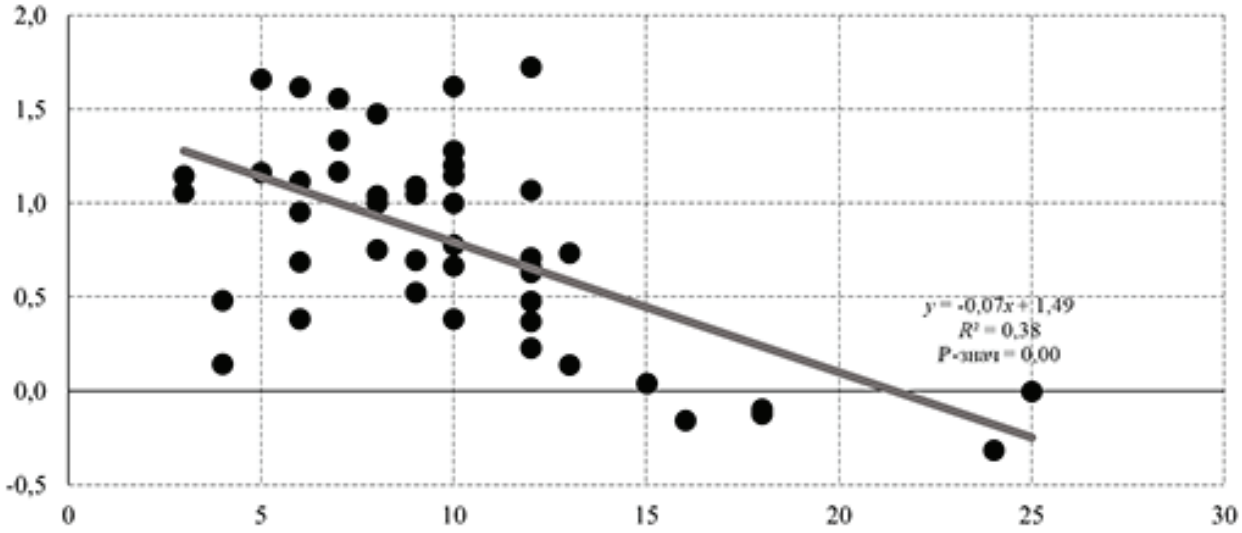

Рис. 3. Логарифм волатильности ставок (ось ординат) и количество лет реализации бюджетных правил (ось абсцисс) (каждая точка отражает данные по 1 из 47 рассматриваемых стран)
Источник: расчёт автора на основе данных МВФ.

реализации правила в среднем снижает волатильность ставок на 5%[10]. Ниже — график зависимости волатильности ставок и длительности реализации бюджетных правил и соответствующая парная регрессия (рис. 3).

Наличие цели Центрального банка по инфляции (в отличие от бюджетных правил) не оказывает существенного влияния на волатильность ставок. Хотя таргетирование инфляции приводит к снижению волатильности инфляции, что должно вроде бы снижать и волатильность ставок. С другой стороны, таргетирование инфляции означает, что Центральный банк жёстче реагирует на отклонение инфляции от цели. Например, реагируя на ускорение инфляции, Центральный банк сильно повышает ставки, добиваясь не просто стабилизации, но и возвращения инфляции к целевому показателю в среднесрочном периоде. В результате влияние инфляционного таргетирования на волатильность ставок, действительно, может оказаться противоречивым. Это — важный аргумент в пользу реализации политики по бюджетным правилам.

Гипотеза 4. Реализация бюджетных правил, при прочих равных условиях, приводит к более стабильному валютному курсу

Стабильность бюджетных расходов и дефицитов должна стабилизировать валютный курс. Основной предполагаемый механизм влияния: менее волатильные расходы означают менее волатильный совокупный спрос в экономике, как следствие — менее волатильный спрос на импорт и иностранную валюту. Однако как показала регрессионная модель (4), бюджетные правила не оказывают значимого влияния на номинальный валютный курс.

Уравнение оцененной регрессии:

$$\text{lnКурс}_{\text{дисп}} = 7{,}34^{***} - 1{,}33^{*} \times \text{Рост}_{\text{средн}} - 0{,}06 \times \text{Правило}_{\text{лет}} - 0{,}83 \times \text{ИТ}_{\text{дамми}} \qquad (4)$$

где: $\text{lnКурс}_{\text{дисп}}$ — логарифм дисперсии валютного курса (по отношению к доллару США).

Основные характеристики регрессии: $P_{\text{знач}} = 0{,}00.R^2 = 0{,}33.\text{n} = 40$.

Ниже — график зависимости волатильности ставок и длительности реализации бюджетных правил и соответствующая парная регрессия (рис. 4).

[10] [2–8%] при 95% доверительном интервале.

Ранее было показано, что реализация бюджетных правил имеет значимое влияние на волатильность и уровень инфляции. Поэтому бюджетные правила могут стабилизировать *реальный* обменный курс. Одна из функций бюджетных правил (особенно в странах с богатыми природными ресурсами) — абсорбирование внешних шоков. При росте цен на сырьё в экономике без бюджетных правил неизбежно происходит укрепление реального валютного курса, которое приводит к сокращению выпуска в прочих секторах (так называемая «голландская болезнь»). Правила, снижая волатильность реального обменного курса, смягчают эту проблему.

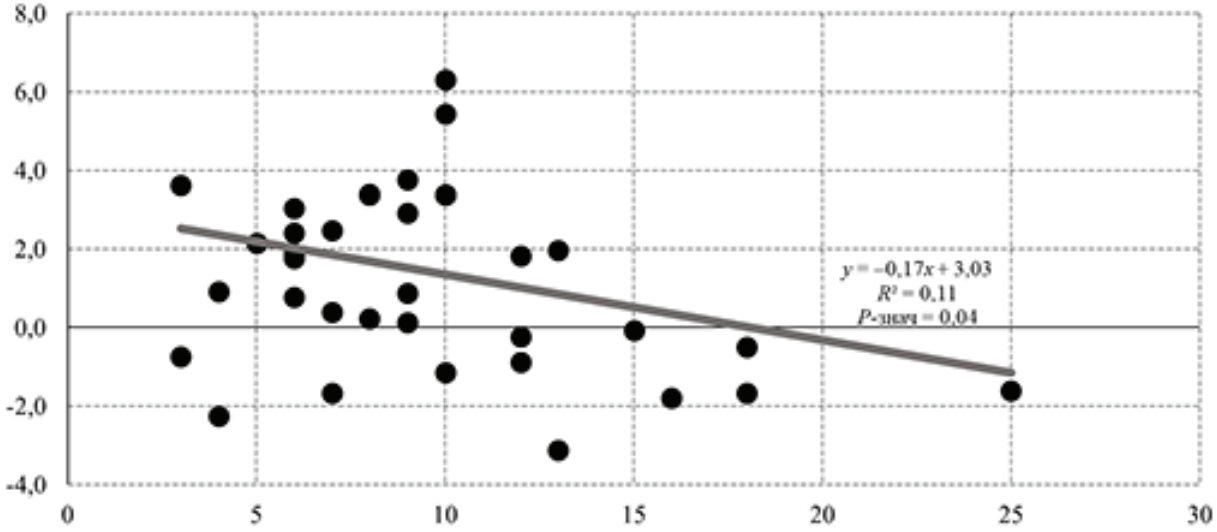

Рис. 4. Логарифм волатильности обменного курса (ось ординат) и количество лет реализации бюджетных правил (ось абсцисс) (каждая точка отражает данные по 1 из 40 рассматриваемых стран)
Источник: расчёт автора на основе данных МВФ.

Наш эмпирический анализ подтверждает выводы относительно роли и эффективности бюджетных правил в обеспечении макроэкономической стабильности. Причём важен не столько сам факт наличия бюджетного правила, сколько длительность его реализации. Учитывая возможность отклонения от правила, правительству, вероятно, нужно больше времени, чтобы убедить частных агентов в том, что бюджетное правило действительно будет выполняться. Власти должны быть готовы к тому, что заметный эффект от ограничения бюджетной политики проявится спустя продолжительное время. Вероятно, ускорить данный процесс может высокий уровень бюджетной дисциплины, жёсткость правила и соответствующая информационная политика.

Особенности правил и их конструкций в ресурсных странах

В странах, богатых природными ресурсами, правила могут быть наиболее востребованы в связи с повышенной волатильностью бюджетных доходов. Конструкция этих правил может существенно отличаться. В работе [*Baunsgaard, Villafuerte, Poplawski-Ribeir, Richmond,* 2012] показано, что для ресурсных стран бюджетные правила обычно базируются на гипотезе перманентного дохода. Так, ресурсные страны могут иметь несырьевой первичный дефицит с учётом ожиданий постоянного дохода, сгенерированного будущими сырьевыми доходами. Ещё одна особенность заключается в том, что переход к бюджетному правилу может быть осложнён длительным периодом стимулирующей бюджетной политики, предшествующей началу перехода к политике бюджетных правил. Авторы также доказывают, что, если адекватно не управлять доходами от природных ресурсов, то может

возникнуть высокая волатильность расходов бюджета. Простой и понятный рецепт для ресурсных стран — накопление финансового буфера в «хорошие времена» для возможности поддержки экономики в «плохие времена».

Отдельное внимание в литературе уделяется бюджетным правилам в ресурсных, но одновременно с этим, бедных странах. В исследовании [*Basdevantet, Hooley, Imamoglu,* 2021] подчеркивается, что гипотеза перманентного дохода, на основе которой часто формируются бюджетные правила в ресурсных странах со средним доходом, становятся нерелевантной для бедных ресурсных стран. Причина — кредитные ограничения и ограничения по собственному капиталу. Бюджетное правило в бедных ресурсных странах не может быть копией правил более развитых ресурсных стран и должно учитывать ограничения конкретной страны.

В связи с этим возникает вопрос: какие конструкции используются на практике в странах с богатыми природными ресурсами? Для ответа воспользуемся базой бюджетных правил МВФ (табл. 1).

Таблица 1
Типы бюджетных правил по странам

Страны	Правило расходов	Правило доходов	Правило баланса	Правило долга	Правила всего
Развитые	24	4	30	23	31
Развивающиеся	31	13	63	62	74
Всего стран	55	17	93	85	105
Ресурсные	8	3	18	16	22

Источник: составлено автором на основе базы данных Международного валютного фонда — IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/fiscalrules/matrix/matrix.htm (access date: 26.06.2024).

Как следует из данных табл. 1, в рамках бюджетного правила ограничения могут вводиться на расходы, доходы, баланс (дефицит/профицит) или на уровень долга. Наиболее популярным как для развитых, так и для развивающихся стран и стран с богатыми ресурсами является ограничение на баланс бюджета. Развивающиеся страны и страны с богатыми ресурсами также часто вводят ограничение на государственный долг. Для развивающихся стран (включая страны с богатыми ресурсами) это можно объяснить тем, что в этих странах более высокие ставки и, как следствие, выше расходы на обслуживание долга и больше рисков столкнуться с долговым кризисом. Ограничения на расходы и доходы менее популярны и для развитых, и для развивающихся стран. Далее подробнее рассмотрим каждый тип правил.

Правила расходов. Данный тип правил, по определению, призван ограничить расходы бюджета. Ограничиваться может как общий объём расходов, так и отдельные группы статей расходов (текущие расходы, первичные расходы и т. д.). При этом потолок тех или иных расходов также может выражаться в различных конструкциях:

- в зависимости от расходов предыдущего года (ограничение прироста расходов);
- в зависимости от объёма или реального роста ВВП (общего или несырьевого);
- в зависимости от доходов бюджета (всех или несырьевых).

Вариация правил расходов по странам представлена в табл. 2.

Таблица 2
Правила расходов в странах с богатыми ресурсами

	Все расходы	**Первичные расходы**	**Текущие расходы**
В зависимости от прошлых расходов	Азербайджан, Монголия	Эквадор, Перу	Перу
В зависимости от объёма ВВП	Ботсвана, Намибия	—	—
В зависимости от доходов бюджета	Азербайджан	Россия	—

Источник: составлено автором на основе базы данных Международного валютного фонда — IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/fiscalrules/matrix/matrix.htm (access date: 26.06.2024).

Как видно из таблицы, сырьевые страны чаще всего ограничивают общий объём расходов, реже — первичные расходы. Текущие расходы ограничивает только Перу. При этом страны чаще ограничивают объём расходов бюджета в зависимости от расходов прошлого периода. Причина может состоять в том, что такая конструкция наиболее предсказуема и интуитивно понятна. Объём расходов предыдущего периода — заданная величина, в отличие от прогнозируемого объёма доходов бюджета или ВВП.

Менее распространены ограничения расходов в зависимости от объёмов ВВП (Ботсвана — 30%, Намибия — 33%) и доходов бюджета (Азербайджан, Россия). Последняя конструкция, по своей сути, близка к правилу ограничения баланса. Так, в России уровень первичных расходов (за вычетом сальдо квази-бюджетных операций) не должен превышать сумму базовых нефтегазовых и ненефтегазовых доходов. При этом расходы за вычетом суммы базовых нефтегазовых и ненефтегазовых доходов определяются Минфином России как «первичный структурный баланс», который по описанному выше правилу арифметически должен быть положительным.

Таким образом, правило расходов, хотя и не является самым используемым, имеет страновые различия. Чаще всего правительства выбирают наиболее простое правило расходов: «в зависимости от предыдущих периодов». Преимущество такой конструкции — предсказуемость. Для сырьевых стран предсказуемость политики может играть особо важную роль ввиду повышенной волатильности доходов бюджета и широкого пространства манёвра для правительств.

Правила доходов. Правило доходов выражается в двух формах — нижняя граница доходов бюджета или обязательство правительства перечислять конъюнктурные доходы в резервы. Правило доходов — наименее популярный тип бюджетного правила. Среди стран с богатыми природными ресурсами данный тип правила применяют три страны — Иран, Нигер и Восточный Тимор. В каждой из этих стран действуют свои уникальные правила:

- в Иране фиксированный процент от нефтяных доходов перечисляется в резервы (в национальную нефтяную компанию и суверенный фонд);
- в Нигере минимальный уровень доходов — 20% от объёма прогнозируемого ВВП;
- в Восточном Тиморе правило ограничивает перечисление средств из нефтяного фонда в бюджет. В данном случае правило, по сути, близко к правилу баланса.

Экзотичность правила ограничения доходов может быть связана с тем, что правительство не может в полной мере управлять доходами бюджета. Так, порог минимального уровня налогов означает, что для достижения цели правительству может периодически требоваться срочное повышение налоговых ставок. Такая неопределённость может оказать

существенное негативное влияние на инвестиционный климат и макроэкономическую стабильность в стране.

Правило баланса. Данный тип правила ограничивает баланс бюджета. Это наиболее популярный тип правила для развитых и развивающихся стран и для стран с богатыми природными ресурсами. Правила могут ограничивать как общий баланс, так и первичный или структурный баланс. В одних странах правила допускают небольшой дефицит бюджета (общего / первичного / структурного), в других странах правила баланса требуют достижения бездефицитных балансов бюджета. В табл. 3 представлена вариация правил расходов в странах с богатыми природными ресурсами.

Страны с богатыми ресурсами чаще всего ограничивают именно структурный баланс бюджета (баланс, очищенный от конъюнктурных доходов). Объяснить это можно тем, что в этих странах общий объём доходов имеет высокую волатильность.

Таблица 3
Правила баланса в странах с богатыми ресурсами

	Общий / первичный баланс бюджета	**Структурный / первичный структурный баланс**
Баланс без дефицита	—	Азербайджан, Эквадор, Россия
Дефицит	Индонезия, Казахстан, Нигер, Нигерия	Камерун, Чад, Чили, Колумбия, Конго, Эквадор, Экваториальная Гвинея, Габон, Казахстан, Монголия, Перу, Норвегия

Источник: составлено автором на основе базы данных Международного валютного фонда — IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/fiscalrules/matrix/matrix.htm (access date: 26.06.2024)

Ещё один вывод из табл. 3 — страны с богатыми ресурсами часто допускают структурный дефицит бюджета (не требуют нулевого или положительного баланса). Такой выбор обоснован гипотезой перманентного дохода — будущие конъюнктурные доходы от продажи сырья обеспечивают возможность иметь структурный дефицит бюджета. Бездефицитный баланс предусмотрен только в трёх странах с богатыми ресурсами — это Азербайджан, Эквадор и Россия. В России в 2019–2021 гг. допускался первичный структурный дефицит в размере 0,5% ВВП. Однако повышение цены отсечения нефти с 40 долл. в 2017–2021 гг. до 60 долл. в 2024 г. потребовало отказаться от наличия долгосрочного первичного структурного дефицита бюджета. Кроме того, долгосрочный процесс «зелёного перехода» и возможное снижение спроса на нефть создало бы существенные риски разбалансировки государственных финансов в будущем.

Правило долга. Правило долга ограничивает объём государственного долга в процентах от ВВП. Необходимость привязки долга к ВВП связана с тем, что объём экономики — понятный индикатор возможностей страны по обеспечению исполнения своих обязательств. При этом страны могут ограничивать внешний, внутренний или совокупный государственный долг или, реже, расходы на обслуживание государственного долга. В табл. 4 представлен список стран с богатыми природными ресурсами с ограничениями по государственному долгу к ВВП и «потолком» долга.

Таблица 4
Правила долга в странах с богатыми ресурсами, %

	Внутренний долг от ВВП	Внешний долг от ВВП	Совокупный долг от ВВП	Обслуживание долга от ВВП
Ботсвана	20	20	40	
Камерун, Чад, Конго, Гвинея, Габон, Нигер			70	
Эквадор, Иран			40	
Индонезия, Либерия			60	
Казахстан			25	15
Монголия			50	
Намибия			35	10
Перу			30	
Восточный Тимор				3

Источник: составлено автором на основе базы данных Международного валютного фонда — IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/fiscalrules/matrix/matrix.htm (access date: 26.06.2024).

Таким образом, потолок долга колеблется в широком диапазоне 25–70% ВВП. При этом потолок долга вводился в основном в наименее развитых странах. Так, в Норвегии, Чили и России потолок долга не вводился. Проблемы с потолком долга видны на примере США — когда наличие подобного строгого ограничения само по себе может становится причиной стрессовых ситуаций на финансовых рынках. Наиболее свежий кейс — кризис потолка государственного долга в США в начале 2023 г.[11]. В бедных странах или в странах с изначально высоким уровнем задолженности правительства властям может быть целесообразно установить целевую траекторию сокращения долга.

Повторимся: правило долга свойственно странам с богатыми ресурсами. Данное правило можно назвать наиболее жёсткой конструкцией среди всех бюджетных правил. Жёсткость заключается в том, что оно требует не стабилизации дефицита бюджета, а его снижения вплоть до профицита. Необходимость повышенной жёсткости правил в странах с богатыми ресурсами может быть продиктована их историей.

Текущие тенденции бюджетных правил и риски в будущем

Если посмотреть на изменения в бюджетных правилах, то заметны следующие тенденции: 1) страны все чаще допускают структурный дефицит бюджета; 2) активно вводят «отступающие положение» (escape clauses); 3) массово приостанавливают правила с 2020 г.

1. Страны все чаще допускают структурный дефицит бюджета.

Из табл. 3 следует, что в большинстве стран с богатыми ресурсами правило расходов допускает структурный дефицит бюджета. Изначально в Камеруне, Чаде, Чили, Конго, Экваториальной Гвинее, Габоне бюджетное правило предусматривало бездефицитный структурный баланс.

2. Страны активно вводят отступающие положения (escape clauses).

[11] В январе 2023 г. государственный долг в очередной раз вплотную приблизился к установленному лимиту. Из-за опасений инвесторов относительно вероятного технического дефолта привели к снижению стоимости государственных облигаций и акций на фондовом рынке. См., например, отчёт The Conference Board. 2023 Debt Ceiling Crisis. URL: https://www.conference-board.org/pdfdownload.cfm?masterProductID=46469 (access date: 26.04.2024).

Согласно данным МВФ, на 2021 г. 8 стран, богатых ресурсами — Чили, Колумбия, Эквадор, Индонезия, Иран, Казахстан, Перу, Норвегия — прописывали в своих правилах отступающие положения (условия, при которых правило может быть скорректировано или приостановлено). В положениях могут прописываться как количественные условия приостановки/коррекции правила (обычно — прогнозируемое отклонение темпа роста выпуска от долгосрочного уровня), так и качественные оценки ситуации в экономике.

Наличие в правилах отступающих положений — условий приостановки правила может снизить количество эпизодов несоблюдения правил. В теории это может повысить предсказуемость бюджетной политики и доверие к фискальным властям. Однако если правительству всё же придётся приостановить правило в случае, не предусмотренном отступающими положениями, это может нанести значительный урон доверию. Аналогией может быть коридор цели по инфляции, который, с одной стороны, чётко определяет границы отклонений от цели, но несёт большие репутационные риски в случае непопадания инфляции в заданный коридор.

3. Страны массово приостанавливали правила с 2020 г.

В 2020 г. в связи с необходимостью поддержки экономики в COVID-19 развитые и развивающиеся страны и страны с богатыми природными ресурсами массово нарастили государственные расходы. Это потребовало приостановки или коррекции бюджетных правил. Правила приостановили и страны, в которых бюджетные правила не предусматривали отступающие положения (в т.ч., Азербайджан, Индонезия, Россия[12]). Так, в России в 2020 г. правило было приостановлено, в результате чего первичный структурный дефицит вырос до 2,8% ВВП[13]. В 2022 г. планировался возврат, но введение санкций снова вынудило правительство приостановить правило. Новая конструкция предусматривает полный возврат к правилу (с некоторыми изменениями) с 2025 г.[14].

Все три тенденции свидетельствуют о движении стран к смягчению бюджетных правил. Причины такого движения могут быть следующими:

- *Необходимость проводить более жёсткую политику на начальном этапе.* Как и в случае с денежно-кредитной политикой (когда центральные банки на начальном этапе зачастую «перелетают» через цель по инфляции), правительства также могут в первой версии правила установить чрезмерно жёсткие ограничения. Это может быть необходимо для доверия к бюджетной политике. Убедительно обосновать «безопасность» небольшого дефицитного бюджета может быть проблематично. После прохождения начального этапа можно переходить к смягчению правила.
- *Снижение процентных ставок.* Глобальное снижение процентных ставок не обошло стороной и страны с богатыми природными ресурсами. Снижение процентных ставок означает, что у стран снижаются расходы на обслуживание долга. Это, при прочих равных условиях, позволяет проводить более мягкую бюджетную политику.
- *Рост устойчивости экономики и долга.* С течением времени в развивающихся странах наблюдается рост макроэкономической стабильности, связанной со снижением инфляции, меньшей волатильностью роста ВВП, устойчивым пла-

[12] Fiscal Rules Dataset. Международный валютный фонд — IMF. 2022. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/fiscalrules/matrix/matrix.htm (acces date: 26.04.2024).

[13] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. 2023. Министерство финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiTTP__2024-2026.pdf?ysclid=lvc4rsib4b618791178 (дата обращения: 26.04.2024).

[14] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. 2023. Министерство финансов РФ.

тежным балансом, снижением доли внешних заимствований и т.д. Это также позволяет проводить более мягкую бюджетную политику.

Риски неустойчивой бюджетной политики после COVID-19

Отчёт правительства США указывает на то, что при сохранении текущей политики и при условии выполнения изначальных допущений государственный долг к ВВП достигнет 566% к 2097 г. [*Financial Report of the US Government*, 2023]. Прогнозируемый рост долга к ВВП говорит об отсутствии устойчивости в текущей бюджетной политике США. В совокупности с ограниченной жёсткостью денежно-кредитной политики, наблюдаемой после Covid-19, это может привести к закреплению повышенной инфляции и «разъякориванию» (разгону) инфляционных ожиданий [*Papell, Proda-Boul,* 2023].

Проблема долгосрочной устойчивости бюджетной политики актуальна не только в США, но и в других странах. Во время пандемии Covid-19 правительства массово приостановили бюджетные правила и резко нарастили расходы бюджета. На сегодняшний день ситуация остаётся управляемой — расходы на обслуживание госдолга в 2023 г. выросли до 2,0% ВВП в развитых странах (G20 Advanced — IMF) и до 2,2% ВВП в развивающихся странах (G20 Emerging — IMF)[15]. При этом базовый прогноз МВФ не предполагает существенного роста процентных расходов в будущем. Так, к 2028 г. расходы на госдолг возрастут до 2,4% для развитых и до 2,6% ВВП для развивающихся стран.

Умеренный характер роста обслуживания долга к ВВП к 2028 г., который прогнозирует МВФ, связан с ожиданиями бюджетной консолидации. Базовый сценарий МВФ предполагает сокращение расходов бюджета на 1,1% в развитых и на 0,9% ВВП в развивающихся странах. Иными словами, предполагается, что страны вернутся к бюджетным правилам и устойчивой бюджетной политике. Однако ожидания по консолидации бюджетов также могут не оправдаться. Сокращение реальных расходов часто сталкивается с политическими ограничениями. Рост популизма в мире создаёт дополнительные трудности — политики всё меньше готовы идти на непопулярные меры. В 2024 г. это может стать особенно актуально — в этому году проходят выборы в большом количестве крупных стран (США, ЕС, Великобритания, Франции, Индия, Россия и т. д.).

Риски бюджетного доминирования

При рассмотрении вопроса эффективности той или иной бюджетной политики (включая бюджетные правила) необходимо учитывать последствия, с которыми в результате столкнется денежно-кредитная политика. В теории проблеме взаимодействия бюджетной и денежно-кредитной политики уделяется большое внимание. Классической работой по этой теме остаётся [*Sargent, Wallace,* 1981]. В ней показано, что рост бюджетного дефицита и государственного долга может ограничить возможности денежно-кредитной политики по стабилизации инфляции. Такой феномен известен как «бюджетное доминирование»: быстрое накопление государственного долга приводит к необходимости повышения процентных ставок, а рост ставок увеличивает стоимость обслуживания долга. Возникает порочный круг накопления долга и роста инфляции. Как следствие, Центральный банк лишается возможности стабилизации инфляции с помощью жёсткой денежно-кредитной политики.

Современные неокейнсианские модели показывают, что для стабилизации экономики правительства должны проводить так называемую «пассивную» бюджетную политику [*Davig, Leeper,* 2011]. «Пассивная» бюджетная политика означает, что после роста расходов бюджета правительство в следующие периоды возвращает уровень государственного долга к изначальным значениям. Теоретически деление бюджетной политики

[15] Расчёты автора на основе данных Международного валютного фонда — IMF. URL: https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2023/04/03/fiscal-monitor-april-2023 (access date: 26.04.2024).

на «активную» и «пассивную» можно идентифицировать как дискреционную политику и политику бюджетных правил. Наиболее близким к концепции пассивной бюджетной политики является правило потолка государственного долга. Правила потолка расходов или дефицита — промежуточные между «активной» и «пассивной» политикой. Такая политика не допускает «взрывной» динамики инфляции и долга, но может несколько ограничивать возможности денежно-кредитной политики и допускать волатильность инфляции. Так, в модели [*Bhattarai, Lee, Park,* 2014] показано, что цель по инфляции достигается лучше именно при «пассивной» бюджетной политике. При такой политике инфляция слабее реагирует на шоки благодаря наличию широких возможностей по управлению ставками со стороны Центрального банка.

Проблема бюджетного доминирования всё больше переходит из сугубо теоретической проблемы в практическую. Так, в недавнем исследовании Ч. Каломириса показано, что при текущих прогнозах ставок и дефицита бюджета США могут в 2030-х гг. с высокой вероятностью столкнуться с проблемой бюджетного доминирования [*Calomiris,* 2023]. Типичным примером бюджетного доминирования, существующим сегодня, можно назвать макроэкономическую политику в Аргентине[16]. Хронически высокие бюджетные дефициты не позволяют Центральному банку стабилизировать инфляцию. Кроме того, присутствуют повышенные риски долговых кризисов, которые периодически приводят к дефолтам. Так, в 2019 г. Аргентина пережила девятый дефолт в своей истории, из которых три произошло в XXI в.

Отказ от бюджетных правил (или их излишнее смягчение) может не только привести к рискам для государственных финансов, но и к возникновению проблемы бюджетного доминирования. Для нейтрализации этих рисков странам с высоким уровнем долга уже в ближайшие годы критически важно вернуться к соблюдению бюджетных правил. Для стран с низким уровнем долга (каковым является большинство стран с богатыми природными ресурсами) также важно продолжать проводить политику в соответствии с правилами. Это позволит сохранить пространство для маневра в будущем и избежать рисков, с которыми уже столкнулись страны с высоким уровнем государственного долга.

Заключение

В плане успешности бюджетных правил страны с богатыми природными ресурсами пока ещё далеки от развитых стран. В большинстве сырьевых стран в 2015–2016 гг. правительства не достигали целей по бюджетным правилам (либо правила вовсе были приостановлены). Для определения успешности трансформации правил после 2016 г. необходимо, чтобы страны снова прошли через схожий кризис снижения цен на сырье. Однако, как и в развитых странах, сырьевые государства смогли добиться повышения суверенных рейтингов, снижения стоимости страховки от дефолта и доходностей по государственным облигациям.

В части последних тенденций бюджетных правил подчеркнём движение в сторону большего смягчения и повышения гибкости. Это выражается в том, что всё чаще допускается структурный дефицит бюджета, активно вводятся отступающие положения. Начиная с 2020 г. наблюдаются массовые приостановки правил. Повышение гибкости политики связано с тем, что у стран всё меньше необходимости проводить жёсткую политику для

[16] Argentina Is a Textbook Case of 'Fiscal Dominance'. Greg Ip, Chief Economics Commentator. The Wall Street Journal, 22.11.2023. URL: https://www.wsj.com/economy/central-banking/argentina-is-a-textbook-case-of-fiscal-dominance-bc1bc5d9 (access date: 26.04.2024).

установления доверия, а также с глобальным снижением реальных процентных ставок, повышением стабильности экономик и устойчивости долга.

Смягчение правил в долгосрочной перспективе может быть сопряжено как с рисками дестабилизации государственных финансов, так и с рисками бюджетного доминирования. Последнее может быть вызвано тем, что в результате значительного роста стоимости обслуживания долгов бюджетная и денежная политика могут войти в противоречие. Как следствие, центральные банки потеряют свою независимость, что чревато наступлением длительного периода двузначной инфляции и неустойчивостью экономического роста. В связи с этим правительствам необходимо в ближайшие годы всерьёз задуматься о полноценном возвращении к жёстким бюджетным правилам. В противном случае макроэкономическая стабильность может оказаться под угрозой.

Приложение

Таблица 5

Коэффициенты воздействия переменных на волатильности роста ВВП, инфляции, ставок и номинального курса

	Рост ВВП	**Инфляция**	**Ключевая ставка**	**Номинальный курс**
Константа	2,35*** (0,62)	1,49*** (0,43)	3,15*** (0,57)	8,95*** (3,09)
ВВП на душу 2009 г.	–0,19 (0,16)	–0,17 (0,11)	–0,45*** (0,15)	–1,64** (0,80)
Средние темпы роста 2010–2019 гг.	–0,15*** (0,05)	0,00 (0,03)	–0,07* (0,04)	–0,19 (0,23)
Лет бюджетного правила до 2010 г.	–0,04*** (0,01)	–0,03*** (0,01)	–0,05*** (0,01)	–0,06 (0,08)
Таргетирование инфляции	–0,37** (0,17)	–0,23* (0,12)	0,03 (0,16)	–0,74 (0,90)
R-квадрат регрессии	0,50	0,53	0,53	0,34
F-значение регрессии	10,4***	11,9***	11,7***	4,5***

*** — коэффициент регрессии (регрессия) значим(а) при 99% доверительном интервале; ** — коэффициент регрессии (регрессия) значим(а) при 95% доверительном интервале; * — коэффициент регрессии (регрессия) значим(а) при 90% доверительном интервале. В скобках — стандартное отклонение значений коэффициентов.

Источник: расчёт автора на основе данных МВФ.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Кудрин А.Л., Соколов И.А., Сучкова О.В. (2023). Оценка влияния бюджетных правил на цикличность государственных расходов [*Kudrin A. L., Sokolov I. A., Suchkova O. V.* (2023). Assessing the impact of fiscal rules on the cyclicality of government expenditures] // *Вопросы экономики.* №5. С. 5–22. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-5-22.

Aaskoven L., Wiese R. (2022). How Fiscal Rules Matter for Successful Fiscal Consolidations: New Evidence // *CESifo Economic Studies*, Vol. 68. No. 4. Pp. 414–433. DOI: 10.1093/cesifo/ifac011.

Adrian T., Gaspar V. (2022). How Fiscal Restraint Can Help Fight Inflation // *IMF Blog.* November 21. URL: https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2022/11/21/how-fiscal-restraint-can-help-fight-inflation.

Alfaro L., Kanczuk F. (2017). Fiscal rules and Sovereign Default // *NBER Working Paper.* No. 23370. URL: http://www.nber.org/papers/w23370.

Basdevant O., Hooley J., Imamoglu E. (2021). How to Design a Fiscal Strategy in a Resource-Rich Country // *IMF Note.* No. 21/01.

Baunsgaard T., Villafuerte M., Poplawski-Ribeir M., Richmond C. (2012). Fiscal Framework for Resource Rich Developing Countries // *IMF Stuff Discussion Note.* No. 2012/04. DOI:10.5089/9781475510065.006.

Bergman U. M., Hutchison M. (2015). Economic stabilization in the post-crisis world: Are fiscal rules the answer? // *Journal of International Money and Finance*. Vol. 52. Pp. 82–101. DOI: 10.1016/J.JIMONFIN.2014.11.014.

Bhattarai S., Lee J. W., Park Y. P. (2014). Inflation Dynamics: The Role of Public Debt and Policy Regimes. // *Federal Reserve Bank of Dallas, Globalization and Monetary Policy Institute, Working Paper.* No. 124. URL: https://ssrn.com/abstract=3878627.

Bureau of the Fiscal Service (2024). Financial Report of the United States Government. Fiscal year 2023. // February, 15. URL: https://www.fiscal.treasury.gov/files/reports-statements/financial-report/2023/02-15-2024-FR-(Final).pdf.

Calomiris C.W. (2023). Fiscal Dominance and the Return of Zero-Interest Bank Reserve Requirements // *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*. V. 105. No. 4. Pp. 223-33. DOI: 10.20955/r.105.223-33.

Cevik S., Miryugin F. (2023). It's never different: Fiscal Policy Shocks and Inflation // *IMF Working Paper.* No. 23/98.

Davig T., Leeper E. M. (2011). Monetary–fiscal policy interactions and fiscal stimulus // *European Economic Review*. Vol. 55. No 2. Pp. 211–227. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2010.04.004.

Debrun X., Kapoor R. (2010). Fiscal policy and Macroeconomic Stability: Automatic Stabilizers Work, Always and Everywhere // *IMF Working Papers.* No. 10/111.

Erceg C. J., Linde J. (2012). Fiscal Consolidation in an Open Economy // *American Economic Review.* Vol. 102. No. 3. Pp. 186–191. DOI: 10.1257/aer.102.3.186.

Gomez-Gonzalez J. E., Valencia O. M., Sanchez G. A. (2021). How fiscal rules can reduce sovereign default risk // *Emerging Markets Review.* Vol. 50. Issue C. DOI: 10.1016/j.ememar.2021.100839.

Hatchondo J. C., Martinez L., Roch F. (2012). Fiscal rules and the sovereign default premium // *The Federal Reserve Bank of Richmond, Working Paper.* No. 2012-01. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2191173 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2191173.

Mihalyi D., Fernandez L. (2018). How Did Fiscal Rules Hold Up in the Commodity Price Cash // *Natural Resource Governance Institute*. June.

Papell D. H., Proda-Boul, R. (2023). Policy Rules and Forward Guidance Following the COVID-19 Recession // February 5, 2024. URL: https://ssrn.com/abstract=4083466 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4083466.

Sargent T. J., Wallace N. (1981). Some unpleasant monetarist arithmetic // *Federal Reserve Bank of Minneapolis, Quarterly Review*. Vol. 5. 17 p. (Fall). DOI: 10.21034/qr.531.

United Nations (2023). A world of debt: a growing burden to global prosperity // *UN GLOBAL CRISIS RESPONSE GROUP*. July.

Авакян Армен Ромович
armenavakyan97@gmail.com

Armen Avakyan
Research Intern of International Laboratory for Macroeconomic Analysis, HSE
armenavakyan97@gmail.com

THE ROLE OF FISCAL RULES AND THEIR EFFECTIVENESS IN ACHIEVEMENT OF MACROECONOMIC STABILITY[17]

Abstract. Fiscal rules are restrictions on fiscal policy that governments introduce by setting numerical limits on budget aggregates. The main reason why authorities introduce fiscal rules is the need to smooth budget expenditures to ensure macroeconomic stability. In resource-rich countries, fiscal rules are also designed to reduce the economy's dependence on raw materials. This paper provides a comprehensive analysis of the role of fiscal rules and their effectiveness in achieving macroeconomic stability. A literature review is provided and our own analysis of the impact of rules on the economy is made. It is demonstrated what features of fiscal rules exist in countries with rich natural resources and what rule designs these countries use. Examines the latest rules trends and the risks to macroeconomic stability that countries may face if they do not fully return to rules after they are relaxed during the Covid-19 pandemic.

Keywords: *fiscal rules, macroeconomic stability.*
JEL: E62, E63.

[17] The research was carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University «Higher School of Economics».

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Т.Л. Клячко
д.э.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА И НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ РОССИЙСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются основные источники доходов российских государственных и частных вузов. Показано, что основными «инвесторами» в высшее образование являются государство (вложения федерального бюджета и в редких случаях значительные вложения региональных бюджетов), население и организации. Причём вклад этих «инвесторов» в образовательные программы разных уровней высшего образования, а также в программы дополнительного профессионального образования (ДПО) и вузовские научные исследования различен. На основании анализа указанных источников показано, как поступающие в вузы средства преобразуются в заработную плату профессорско-преподавательского состава, научных работников и руководящего персонала и как на это преобразование влияет региональная специфика.

Ключевые слова: *высшее образование, вузы, структура финансирования вузов, заработная плата преподавателей, заработная плата научных работников.*
JEL: O20, 021, O22, O28
УДК: 331.2, 349.232
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_93_121
© Т.Л. Клячко, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Клячко Т.Л.* Заработная плата профессорско-преподавательского состава и научных работников российских высших учебных заведений // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 93–121. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_93_121.
FOR CITATION: *Klyachko T.* Salary of Teaching Staff and Researchers of Russian Higher Educational Institutions // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 93–121. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_93_121.

Вопросы заработной платы профессорско-преподавательского состава и научных работников вузов обсуждаются не первый год и вызывают ожесточённые споры. Согласно Указу Президента Российской Федерации №597 от 7 мая 2012 г., средняя заработная плата указанных категорий вузовских работников должна была к 2018 г. достигнуть 200% от средней заработной платы в экономике соответствующего региона[1]. Эта цель в 2018 г., по данным Росстата, была достигнута во всех регионах страны, но остроту проблемы данное достижение не сняло. Преподаватели вузов повсеместно указывают на рост нагрузки, на «игру со ставками», когда преподаватель переводится формально, например, на 0,5 ставки при сохранении всех остальных параметров его деятельности, в частности числа лекцион-

[1] Указ Президента РФ № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» (07.05. 2012 г.) (дата обращения 13.06.2023).

ных, семинарских, консультационных часов, которые он должен провести. Соответственно, в отчётах всё выглядит достаточно хорошо, но ситуация в вузовской среде остаётся напряжённой. Что касается внимания к данной теме со стороны государства, то оно не просто снизилось, а во многом практически полностью ушло из текущей повестки.

Если говорить об исследованиях данной темы, то они, хотя и достаточно многочисленны, но малоизвестны преподавательской общественности (см., например: [*Курбатова,* 2013; *Вельмисрва*, 2019; *Рудаков,* 2020; *Рудаков* 2021; *Рудаков,*2023; *Демьянова,* 2021; *Богатырева, Динукова,* 2021; *Оклады*…, 2023; *Prachov*, 2019]). Из анализа проведённых в последние годы социологических опросов обращает на себя внимание работа В. Рудакова «Заработная плата преподавателей российских вузов и эффективный контракт» (2021), которая была выполнена на основе данных Мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ. Как указывает автор, официальная статистика основывается на данных высших учебных заведений, а поскольку заработная плата преподавателей вузов выступала основным индикатором выполнения майских указов 2012 г. Президента РФ, это в определённой степени создавало стимулы для администрации вузов к завышению уровня заработной платы преподавателей. В то же время социологические исследования имеют, по мнению Рудакова, другой недостаток: респонденты, как правило, склонны скрывать или занижать свои доходы. Тем не менее анализ на основе микроданных (данных соцопросов) позволяет получить достаточно внятную картину самооценки респондентами ситуации с динамикой их заработной платы, что позволяет объяснить определённое недоверие преподавателей к официальной информации по заработной плате в высшей школе.

Судя по проведённому НИУ ВШЭ опросу, большинство преподавателей высших учебных заведений не почувствовали в последние годы существенных перемен в оплате их труда. А если, как следует из работы В. Рудакова, 48,0% опрошенных преподавателей считают, что их зарплата за 3 года увеличилась незначительно, а 16,2% отмечают, что она за это время не изменилась, то почти ⅔ опрошенных в большей или меньшей степени оценивают своё положение негативно, особенно при росте инфляции [*Рудаков*, 2021]. С учётом того, что ещё 16,2% указывают на снижение своей зарплаты, более 80% преподавателей вузов, участвовавших в опросе, очевидно, не считают ситуацию в системе высшего образования сколь-нибудь нормальной. В работе того же автора [*Рудаков,* 2023] также отмечено, что 83,5% преподавателей российских вузов за последние три года не почувствовали заметного изменения в размере их заработной платы.

В принципе такого исхода реализации майского указа Президента России 2012 г. можно было ожидать. Ориентация на средние показатели всегда несёт в себе риск их достижения за счёт роста дифференциации, т.е. улучшения положения одних работников за счёт других. В указанном опросе НИУ ВШЭ 20% выигрывают, а 80%, скорее, проигрывают, даже при том, что у 48,0% зарплата немного, но повысилась. С учётом потребительской инфляции, которая наблюдалась в 2020–2021 гг., а тем более в 2022 г., если говорить о втором опросе, небольшое повышение зарплаты означает её реальное снижение.

То же самое относится и к зарплате научных работников вузов. Проведённый НИУ ВШЭ опрос показал, что у них за три года существенное повышение зарплаты произошло только у 15,3%, а незначительно она повысилась у 42,4%. У остальных она либо не изменилась (18,1%), либо снизилась (21,1%) [*Рудаков,* 2021]. У этой категории работников можно, как и в случае с профессорско-преподавательским составом (ППС), выделить незначительный удельный вес выигравших и значительный — проигравших.

В рамках настоящей статьи анализируется величина среднемесячных начисленных заработных плат профессорско-преподавательского состава и научных работников высшей школы на основе данных формы статистического наблюдения ВПО-2 за 2022 г. То есть предметом анализа будут не субъективные оценки зарплаты её получателями, а анализ источников их заработной платы, поскольку доходы вузов складываются из поступления

средств из федерального бюджета, региональных и муниципальных бюджетов (эти доходы, за исключением нескольких субъектов Российской Федерации, меньше 3%), населения, организаций, внебюджетных фондов и иностранных источников. Основными «инвесторами» в высшее образование все последние годы являются трое акторов: государство (федеральный бюджет, в нескольких случаях и региональный бюджет), население и организации (рис. 1). Вклады остальных участников, как правило, в совокупности не превышают 10%, но они очень по-разному распределены по видам деятельности, осуществляемой вузами, — образовательной, научной и прочей. Кроме того, и основные «инвесторы» по-разному вкладываются не только в виды деятельности высших учебных заведений, но их вложения разнятся и по уровням высшего образования — бакалавриата, специалитета и магистратуры[2], аспирантуры. Соответственно, разнятся и вклады из бюджетных и внебюджетных источников в зарплату преподавателей (ППС), научных работников (НР) и руководящего персонала (РП) высших учебных заведений.

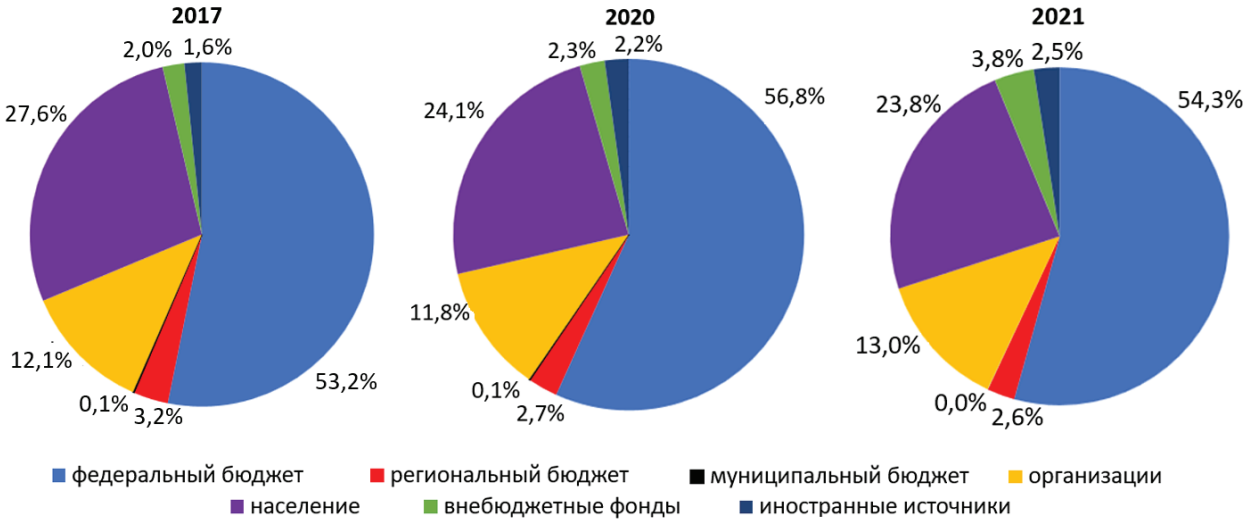

Рис. 1. Структура доходов российских вузов по источникам поступления средств, 2017, 2020 и 2021 гг., %
Источник: ВПО-2 2017, 2020, 2021, расчёты автора.

Анализ проводился по Российской Федерации в целом с выделением государственных и частных систем высшего образования, а также по региональным их подсистемам, чтобы показать сходство и отличие финансовой базы формирования заработной платы ППС, НР и РП в зависимости от того, в каком регионе расположены государственные и частные вузы. При этом примеры приводятся по нескольким региональным системам высшего образования, дифференцированным по их роли в национальной системе высшего образования. Это Москва, Санкт-Петербург и Томская область — крупнейшие в России университетские центры. Кроме того, это Республика Татарстан, где находятся два национальных исследовательских университета, один федеральный университет и крупный частный вуз — Иннополис. Свердловская область является крупным промышленным регионом и её высшие учебные заведения во многом нацелены на подготовку инженерно-технических кадров. Там также находится федеральный университет и с его участием сформирован достаточно крупный межрегиональный научно-образовательный центр. На другом полюсе несколько региональных систем высшего образования, действующих в дотационных регионах, — Республика Дагестан и Псковская область. Республика

[2] В финансовой отчётности не разделяются специалитет и магистратура, так как они рассматриваются как второй уровень высшего образования, т. е. поступившие в вузы на программы специалитета и магистратуры средства суммируются.

Дагестан — крупнейшая, помимо Ставропольского края, система высшего образования в Северо-Кавказском федеральном округе, а Псковская область, имея достаточно развитую систему высшего образования, одновременно тесно связана с Санкт-Петербургом по трудоустройству выпускников высшей школы. Выделение Новосибирской области как достаточно интересного примера обусловлено тем, что в ней есть и национальный исследовательский университет, и отделение РАН, т.е. сильная научная составляющая.

Российская система высшего образования и основные «инвесторы» в ее функционирование и развитие

Структура финансирования российской системы высшего образования в 2017 г. (обычный год в системе высшего образования) и 2020–2021 гг. (годы пандемии) по источникам поступления средств представлена на рис. 1. На нем хорошо видно, что основными «инвесторами» в систему высшего образования, как уже было отмечено, являются государство (федеральный бюджет), население и организации. При этом удельный вес государства (ФБ) и организаций за рассматриваемые годы немного вырос (государства на 1,1п.п., организаций на 0,9 п.п.), а населения снизился (на 3,8 п.п.). Снизился также удельный вес вложений региональных бюджетов в систему высшего образования (на 0,6 п.п.), а иностранных студентов, напротив, немного увеличился (на 0,9 п.п.). Следует отметить, что в этот период более заметную роль стали играть и внебюджетные фонды — их удельный вес повысился на 1,8 п.п. Эти изменения показывают, что пандемия COVID-19 заметного воздействия на финансирование высшего образования не оказала, хотя вложения население в данную сферу всё же относительно других «инвесторов» сократились.

Ситуация с источниками финансирования системы высшего образования в 2022 г. в более подробной развертке представлена на рис. 2. Этот год был первым полноценным послековидным годом, вместе с тем и годом начала специальной военной операции, которая, как представляется, могла повлиять на образовательные стратегии населения [*Клячко,* 2023].

Если рассматривать структуру доходов системы высшего образования по видам деятельности, то почти две трети её доходов приходится на образовательную деятельность (в 2022 г. — 65,6%), почти четверть (22,3%) на научные исследования, а 12,1% — на прочие доходы[3]. Вместе с тем, если в образовательной деятельности практически все поступления в вузы обеспечивают два источника — федеральный бюджет и население (61,3% и 28,1%, соответственно), то в научных исследованиях основными источниками финансирования являются федеральный бюджет и организации (соответственно, 45,5% и 45,9%). Таким образом, население является вторым по значимости источником финансирования высшего образования, когда речь идёт об образовательной деятельности вузов, а организации — вторые по вкладу в научные исследования и разработки. В образовательной деятельности значение организаций крайне невелико (в 2022 г. на них приходилось лишь 3,4% всех поступлений). Сколь-нибудь существенную роль они играют только в сфере дополнительного профессионального образования (36,0% всех «инвестиций» в вузовские программы ДПО в 2022 г.). Население в системе вузовского ДПО занимает третье место по «инвестициям», вкладывая в повышение квалификации и профессиональную переподготовку 24,5% от всех поступлений в эту сферу. В то же время необходимо отметить, что поступления вузов от реализации программ ДПО — не более 3–5% всех их доходов.

[3] Прочие доходы вузов — это поступления в вузы средств, например, на строительство зданий, а также за сдачу помещений в аренду, за продажу изданных высшим учебным заведением книг и других изданий, сувениров и т.п.

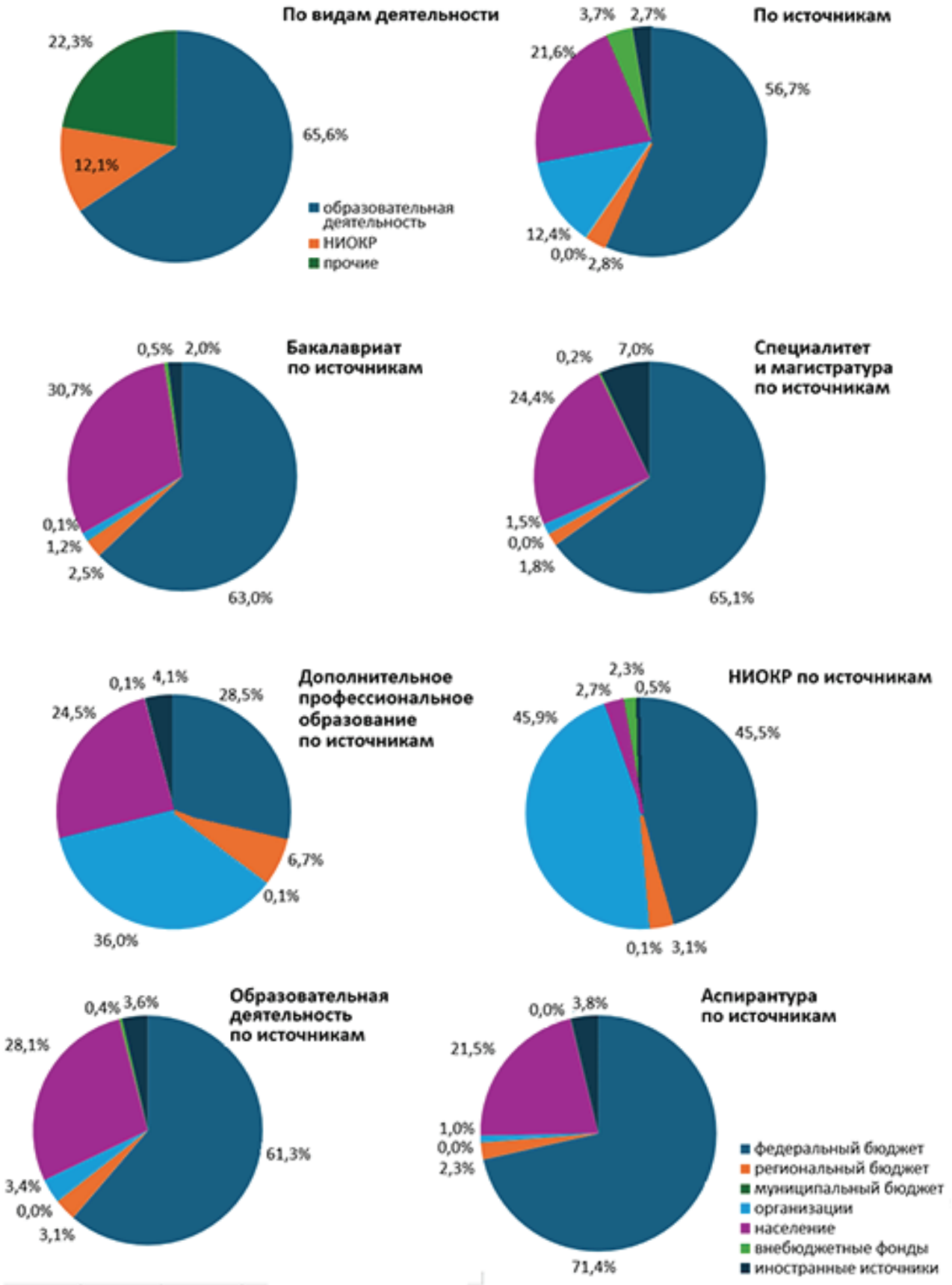

Рис. 2. Структура доходов государственных (муниципальных) вузов по видам деятельности и источникам поступления средств, 2022 г., %

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Таблица 1

Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников государственных (муниципальных) вузов и ее структура в 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Работники всего	82,0	46,4	32,5	56,6	39,7
Руководящий персонал (РП)	134,1	77,0	56,0	57,4	41,8
ППС	111,4	72,5	38,7	65,1	34,8
Научные работники	156,5	67,5	88,7	43,1	56,7

Примечание: в случае, если сумма бюджетных и внебюджетных средств, образующих среднемесячную начисленную заработную плату разных категорий работников государственных (муниципальных) вузов составляет менее 100%, разница объясняется тем, что в фонд оплаты труда входят выплаты по ОМС.

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Зарплата работников всех государственных (муниципальных) вузов в 2022 г. была следующей (табл. 1). Среднемесячная начисленная зарплата ППС составляла 111,4 тыс. руб., из которых 61,5% обеспечивалось за счёт бюджетных источников (преимущественно из федерального бюджета), а 34,8% — за счёт внебюджетных поступлений (в основном средств населения; все остальные источники были незначительными). Среднемесячная начисленная зарплата руководящего персонала — 134,1 тыс. рублей — была на 20,4% выше среднемесячной начисленной зарплаты ППС, в ней также основную долю составляли бюджетные средства (57,4%). Что касается внебюджетных средств, то в случае РП они формировались за счёт и населения, и организаций, поскольку часть их составляли поступления за научные исследования и прочие виды деятельности (небольшую часть этих средств составляли поступления из внебюджетных фондов и иностранных источников, но их удельный вес был, как уже отмечалось, невелик).

Научные работники в 2022 г. получали среднемесячную начисленную зарплату выше, не только ППС, но и РП вузов — 156,0 тыс. руб. Но у этой категории работников высшей школы источники их заработной платы были преимущественно внебюджетные: на них приходилось 56,7%, а на бюджетные — только 43,1% (0,2% — выплаты в случае болезни по ОМС). Соответственно, у НР зарплата в основном формировалась за счёт средств федерального бюджета и средств организаций.

В частных вузах расклад был совершенно иным (рис. 3). Как и в случае государственных (муниципальных) вузов, в частных вузах ведущую роль играет образовательная деятельность (ОД), научные исследования приносят им второй по величине доход — 17,6%, а остальное — 13,1% — это доходы от прочих видов деятельности. Парадоксально, но в частных вузах удельный вес доходов от научных исследований больше, чем в государственных (муниципальных). Другое дело, что в абсолютных цифрах приоритет в научных исследованиях, конечно же, остается за государственными вузами.

По источникам поступлений средств хорошо видно (рис. 3), что основную роль в финансировании частных вузов играет население — 57,4%, но и поступления из федерального бюджета также весьма значительны — 21,1%, на третьем месте — вложения от организаций (18,7%). При сравнении структур доходов государственных и частных вузов видно, что фактически они зеркальны: в госвузах удельный вес финансирования из федерального бюджета составил в 2022 г. 56,7%, поступление средств от населения — 21,6, от организаций — 12,4% (рис. 2).

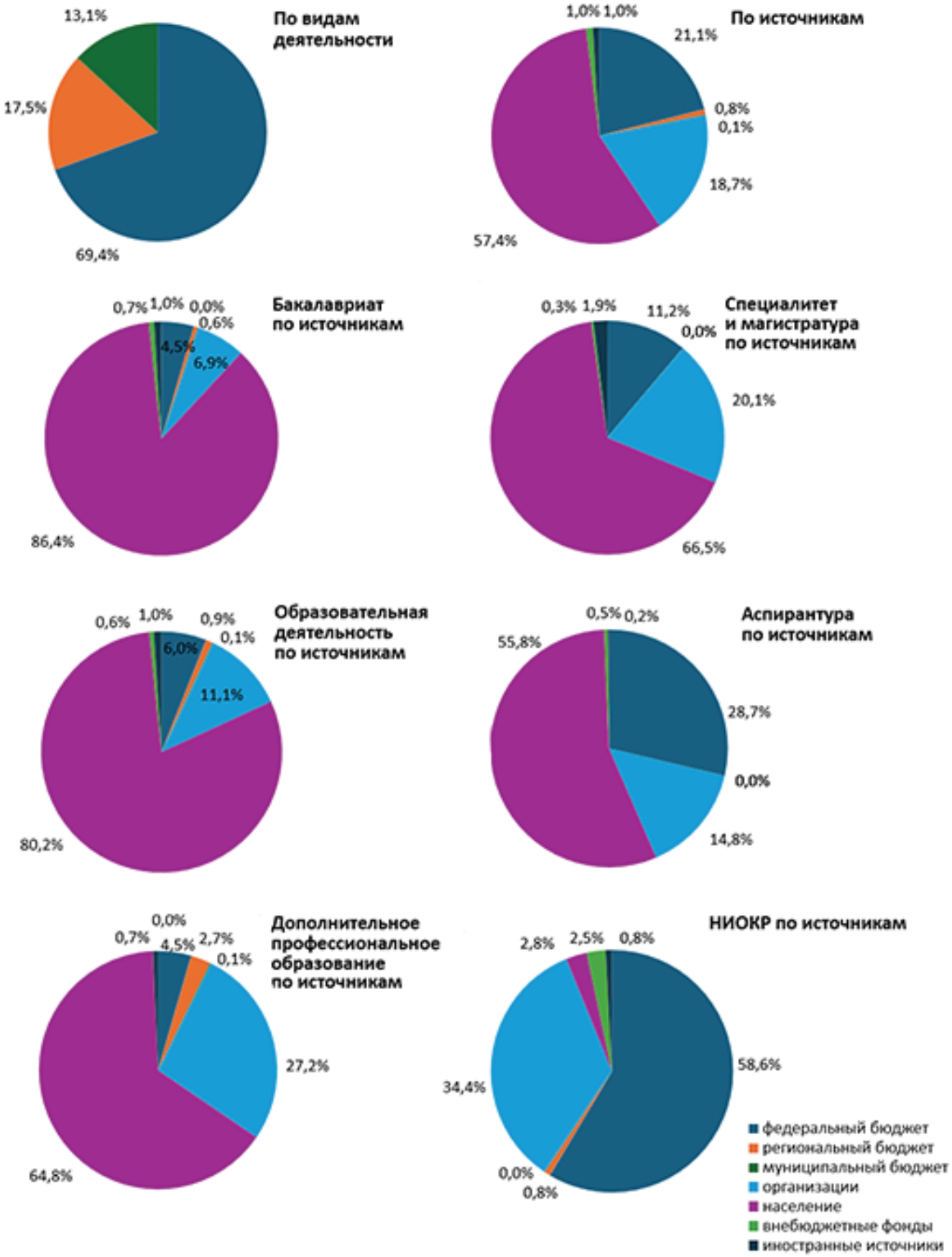

Рис. 3. Структура доходов частных вузов по видам деятельности и источникам поступления средств, 2022 г., %
Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Структура поступлений средств в образовательную деятельность частных вузов принципиально иная: 80,2% — вложения населения, 11,1 — организаций, 6,0% — федерального бюджета. Только в специалитете и магистратуре (в основном в магистратуре), а также в аспирантуре удельный вес вложений из федерального бюджета больше — 11,2 и 28,7%, соответственно.

Организации вкладываются, как и в госвузах, прежде всего в программы ДПО (оплату повышения квалификации и переподготовки своих работников), а также в научные исследования, но эти вложения достаточно ограничены. Из федерального бюджета также осуществляется финансирование научных исследований в частных вузах: в 2022 г. его удельный вес достиг 58,6%, но абсолютные объёмы таких вложений сильно уступают аналогичным вложениям со стороны ФБ в государственные высшие учебные заведения.

Таблица 2

Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников частных вузов и её структура в 2022 г., %

	Зарплата всего, тыс. руб.	**Зарплата по бюджету, тыс. руб.**	**Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.**	**Удельный вес бюджетных средств, %**	**Удельный вес внебюджетных средств, %**
Работники всего	99,0	17,8	81,2	18,0	82,0
Руководящий персонал	132,0	25,3	106,7	19,2	80,8
ППС	137,8	14,7	123,1	10,7	89,3
Научные работники	144,8	78,8	66,0	54,4	45,6

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Как же эти вложения преобразуются в зарплату ППС, РП и НР частных вузов? Как видно из табл. 2, в частных вузах в 2022 г. среднемесячная начисленная зарплата ППС в целом по России составила 137,8 тыс. руб., т.е. была выше, чем в государственных. При этом среднемесячная начисленная зарплата РП была практически на уровне таковой в государственных высших учебных заведениях. Среднемесячная начисленная зарплата НР частных вузов была ниже, чем в государственных, но выше, чем у ППС частных вузов. Вместе с тем в частных вузах только у НР она в большей мере формировалась за счёт бюджетных средств, что в принципе вытекает из структуры поступлений средств на научные исследования, проводимые частными вузами. У ППС и РП частных вузов в зарплате ожидаемо превалируют внебюджетные источники, составляющие у РП более 80%, а у ППС около 90%. Однако, если в государственных вузах можно почти наверняка утверждать, что внебюджетными источниками зарплаты ППС практически исключительно является население, то в частных вузах это более-менее справедливо только для бакалавриата, да и в нём поступления от организаций всё же играют большую роль, чем в госвузах. В специалитете и магистратуре, а также в аспирантуре частных вузов вклад организаций в заработную плату ППС очень значим, хотя и уступает вкладу населения.

Рассмотрим теперь, как отражается на зарплате ППС, РП и НР государственных и частных вузов региональная специфика.

Москва

В табл. 3 показаны вложения в госвузы Москвы из основных источников: федерального бюджета (вложения государства), населения и организаций. На долю этих трёх источников в 2022 г. приходилось от 87,3 до 96,0% всего финансирования госвузов. В программы ДПО также вкладывается региональный бюджет, тем не менее основное финансирование поступает от организаций (предприятий), государства (ФБ) и населения. В сфере НИОКР госвузов поступления средств из федерального бюджета занимают в Москве первое место, организаций — второе, а вот роль населения не вполне понятна: видимо, есть частные лица, которые спонсируют проведение научных исследований в вузах напрямую, а не через благотворительные фонды или фонды целевого капитала. В финансировании образовательных программ собственно высшего образования организации принимают крайне незначительное участие: только в бакалавриате удельный вес их вложений в 2022 г. составил 2,4%, в специалитете и магистратуре, а также в аспирантуре он был меньше — 1,2 и 0,6%, соответственно. Все попытки привлечь организации (фактически — работодателей) в государственную систему высшего образования даже Москвы не имеют успеха — они остаются на общем фоне крайне небольшими. А вот вклад населения достаточно весом: в бакалавриате он превышает треть, в специалитете и магистратуре четверть, а в аспирантуре (ординатуре, ассистентуре-стажировке) пятую часть всех вложений в соответствующий уровень высшего образования.

Таблица 3

Структура финансирования московских государственных (муниципальных) вузов из основных источников в 2022 г., %

	Всего	ОД	Бакалавриат	Специалитет и магистратура	Аспирантура	ДПО	НИОКР
Федеральный бюджет	55,4	56,6	56,6	65,4	73,1	22,9	54,2
Население	22,4	31,3	37,0	25,1	20,5	22,3	2,7
Организации	14,3	5,7	2,4	1,2	0,6	42,1	38,2
Всего	92,2	93,6	96,0	91,7	94,2	87,3	95,1

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Таблица 4

Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников государственных (муниципальных) вузов Москвы и её структура в 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Работники всего	135,4	74,1	61,2	54,8	45,2
Руководители	235,8	126,0	109,8	53,4	46,6
ППС	186,0	119,8	66,2	64,4	35,6
Научные работники	187,2	90,0	97,2	48,1	51,9

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Что касается «преобразования» финансовых поступлений в московские госвузы в среднемесячную начисленную зарплату ППС, РП и НР, то в 2022 г. получаем следующую картину. Как следует из табл. 4, в 2022 г. в Москве среднемесячная начисленная заработная плата ППС госвузов почти на ⅔ финансировалась государством (точнее — бюджетной системой России). Соответственно, примерно на треть она финансировалась за счёт населения и организаций. Но поскольку удельный вес населения в доходах от образовательной деятельности в госвузах Москвы составлял в указанном году 31,4%, а организаций 5,7% (программы ДПО), то население практически полностью финансировало оплату труда ППС московских госвузов, особенно когда речь идёт об уровнях высшего образования.

В случае среднемесячной начисленной заработной платы НР ситуация была обратной: основными «инвесторами» в НИОКР, кроме государства, были организации, и за их счёт оплачивалось более половины труда НР в госвузах Москвы. При этом среднемесячная начисленная заработная плата ППС и НР в 2022 г. была в московских госвузах практически одинаковой.

Что касается РП московских вузов, то тут зарплата, если говорить о внебюджетных средствах, в основном финансируется за счёт населения, доля организаций невелика. При этом в Москве РП госвузов получал в среднем более чем на четверть больше по сравнению с ППС или НР.

Таблица 5
Структура финансирования московских частных вузов из основных источников в 2022 г., %

	Всего	ОД	Бакалавриат	Специалитет и магистратура	Аспирантура	ДПО	НИОКР
Федеральный бюджет	20,0	5,7	3,6	9,9	39,6	1,2	66,1
Население	61,5	84,7	89,6	70,8	56,2	84,8	2,9
Организации	16,3	7,9	5,5	17,2	3,6	8,8	27,9
Всего	97,9	98,4	98,8	98,0	99,3	94,8	96,9

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

В частных московских вузах в 2022 г. положение с поступлением средств из разных источников было следующим. Как хорошо видно (табл. 5), в 2022 г. в частных московских вузах удельный вес государства (ФБ), населения и организаций составлял по разным образовательным программам и научным исследованиям от 94,8 до 99,3%. Вклад государства (ФБ) был значительным в аспирантуру (почти 40%) и научные исследования (практически ⅔ всех расходов на НИОКР). Организации в частных московских вузах относительно мало вкладывались в обучение своих работников по программам ДПО. Другими словами, организации в Москве предпочитали обучать своих работников в госвузах, видимо полагая, что там будет обеспечено более высокое качество подготовки. В НИОКР вложения организаций составляли немногим более четверти всех вложений на науку в частных московских вузах. Ещё, как и в целом по России, организации в большей мере по сравнению с госвузами вкладывались в частных вузах в подготовку кадров в специалитете и магистратуре (в основном, в магистратуре), их вложения также заметны в программы бакалавриата и аспирантуры: в государственных высших учебных заведениях их вклад в указанные программы незначителен.

Население же в первую очередь в частных московских вузах «инвестирует» в программы бакалавриата и ДПО как более дешёвые по сравнению с госвузами. Особенно это относится к программам ДПО: если их не оплачивает работодатель, то сам работник

Таблица 6

Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников частных вузов Москвы и её структура, 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Работники всего	147,2	28,2	119,0	19,1	80,9
Руководители	217,5	42,3	175,2	19,5	80,5
ППС	191,9	22,0	169,8	11,5	88,5
Научные работники	194,2	130,9	63,2	67,4	32,6

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

часто предпочитает получить необходимый ему сертификат о повышении квалификации в частных вузах за меньшие деньги пусть и с невысоким качеством образования.

Преобразование вкладов основных «инвесторов» в среднемесячную начисленную заработную плату разных категорий работников частных вузов иллюстрирует табл. 6. Она показывает, что в московских частных вузах в среднемесячной начисленной зарплате немного выше, чем в среднем по российской системе частного высшего образования, удельный вес бюджетных средств (на 0,8 п.п.) и, соответственно, несколько ниже удельный вес внебюджетных средств. Отличия же частной системы высшего образования Москвы от частной системы высшего образования России в целом состоит в том, что в ней среднемесячная начисленная зарплата РП выше, чем в России, а НР практически совпадает с зарплатой ППС. Следует также отметить, что в Москве в частных вузах среднемесячная начисленная зарплата НР в большей мере зависит от бюджетных ассигнований, чем в целом по России: 67,4 против 54,4%. Такое положение во многом обусловлено тем, что в среднемесячной начисленной зарплате НР частных московских вузов достаточно весóм удельный вес зарплаты НР Сколтеха (234,9 тыс. руб. в 2024 г.), большая часть научных исследований которого финансируется из федерального бюджета.

Санкт-Петербург

Структура финансирования в 2022 г. государственных (муниципальных) вузов Санкт-Петербурга из основных источников представлена в табл. 7. На долю трёх основных источников приходилось от 90,4% до 97,3% всего финансирования госвузов второй российской столицы. В сфере НИОКР госвузов вложения государства (ФБ) находились в Санкт-Петербурге на втором месте, организаций — на первом. Показанные вложения населения в научные исследования представляют собой, скорее всего, статистическую ошибку, хотя, возможно, частные лица спонсируют (финансируют) какие-то определённые научные исследования и разработки, минуя различные благотворительные фонды и фонды целевого капитала.

В финансировании образовательных программ собственно высшего образования в госвузах Санкт-Петербурга организации (предприятия, работодатели) принимают крайне незначительное участие: только в специалитете и магистратуре удельный вес их вложений в 2022 г. составил 2,0% (это максимум), в бакалавриате он был меньше — 1,3, а в аспирантуре — всего 0,8%, от общих объёмов финансирования этих образовательных программ. Сколь-нибудь значительны вложения организаций только в программы ДПО (40%), хотя общий объём поступлений из всех источников в эти программы составил в 2022 г. всего 2,5% от всех доходов госвузов Санкт-Петербурга (4,5% от поступлений в их образовательную деятельность).

Таблица 7
Структура финансирования государственных (муниципальных) вузов Санкт-Петербурга из основных источников, 2022 г., %

	Всего	ОД	Бакалавриат	Специалитет и магистратура	Аспирантура	ДПО	НИОКР
Федеральный бюджет	52,7	63,6	59,5	73,0	75,1	16,7	37,2
Население	21,6	29,2	35,6	20,9	19,2	39,0	0,9
Организации	16,1	3,4	1,3	2,0	0,8	40,3	59,2
Всего	90,4	96,3	96,4	95,9	95,1	96,0	97,3

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Вклад населения в госвузы Санкт-Петербурга, напротив, второй по величине: в бакалавриате он превышает треть, в специалитете и магистратуре, а также в аспирантуре (ординатуре, ассистентуре-стажировке) составляет примерно пятую часть всех вложений.

Если же говорить о том, как поступления из разных источников в госвузы Санкт-Петербурга преобразуются в среднемесячную начисленную зарплату ППС, НР и РП, то в 2022 г. ситуация здесь была следующей (табл. 8). Средняя начисленная зарплата ППС госвузов на 66,0% финансировалась за счёт бюджетных, а на 34,0% за счёт внебюджетных средств, в основном это были средства населения. Сколько-нибудь значительно зарплата преподавателей финансировалась за счёт организаций, только когда они преподавали на программах ДПО.

Таблица 8
Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников государственных (муниципальных) вузов Санкт-Петербурга и её структура, 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Работники всего	102,7	55,7	46,9	54,3	45,7
Руководители	167,3	105,0	62,2	62,8	37,2
ППС	145,9	96,4	49,6	66,0	34,0
Научные работники	170,9	59,0	111,9	34,5	65,5

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

В случае среднемесячной начисленной зарплаты НР ситуация в госвузах Санкт-Петербурга была практически зеркальной: 34,5% финансировались за счёт бюджетных средств, а 65,5% за счёт внебюджетных. И в сфере НИОКР внебюджетные средства — практически полностью средства организаций. В 2022 г. в госвузах Санкт-Петербурга среднемесячная начисленная зарплата НР была на 17,1% выше среднемесячной начисленной заработной платы ППС.

Что касается РП высших учебных заведений второй российской столицы, то его зарплата, если говорить о внебюджетных средствах, в основном финансируется, как и в московских госвузах, за счёт населения, доля организаций невелика. При этом в Санкт-Петербурге РП госвузов получал в среднем на 14,7% больше, чем ППС, но практически столько же, сколько НР.

Таблица 9
Структура финансирования частных вузов Санкт-Петербурга из основных источников, 2022 г., %

	Всего	ОД	Бакалавриат	Специалитет и магистратура	Аспирантура	ДПО	НИОКР
Федеральный бюджет	5,7	4,9	5,2	7,6	0,6	0,0	19,4
Население	65,2	69,5	82,0	44,3	38,9	70,8	10,8
Организации	24,2	20,8	7,3	42,8	59,8	28,3	58,4
Всего	95,0	95,2	94,5	94,7	99,3	99,1	88,6

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

В частных вузах Санкт-Петербурга в 2022 г. положение с поступлением средств из разных источников было следующим (табл. 9). Тут удельные веса вложений государства (ФБ), населения и организаций составляли по разным образовательным программам и научным исследованиям от 88,6 до 99,3%. Вклад государства (ФБ) был сколько-нибудь значимым в специалитет и магистратуру — 7,6% (в основном в магистратуру) и научные исследования (около $^1/_5$ всех вложений в НИОКР). Организации в частных вузах Санкт-Петербурга вкладывались в обучение своих работников по программам ДПО (28,3% всех поступлений средств частных вузов в эти программы). Другими словами, организации в Санкт-Петербурге, в отличие от московских, достаточно активно обучают своих работников в частных высших учебных заведениях.

В НИОКР частных вузов вложения организаций Санкт-Петербурга составляли в 2022 г. около 60%. В отличие от московских, в частных питерских вузах также значительны на общем фоне поступления из внебюджетных фондов, т.е. научных фондов, выдающих гранты на научные исследования (9,3% всех поступлений на науку в частных вузах второй российской столицы). По статистике поступления на научные исследования в частных вузах от населения в 2022 г. достигли почти 11%. Это сложно отнести к статистическим ошибкам, скорее, тут пожертвования частных лиц, но мотивы их финансирования научных исследований в негосударственных вузах не вполне понятны и не изучены.

Как и в целом по России, организации второй российской столицы в большей мере по сравнению с их вкладами в госвузы финансируют подготовку кадров в специалитете и магистратуре частных вузов (в основном в магистратуре), их вложения заметны и в программы аспирантуры; в программы бакалавриата их вклад не столь значителен, но его удельный вес больше, например, чем в аспирантуры госвузов города.

Население в первую очередь в частных вузах Санкт-Петербурга финансирует программы бакалавриата (82,0%) и ДПО (70,8%) как более дешёвые по сравнению с госвузами. Поступления от населения в специалитет и магистратуру, а также в аспирантуру составляют достаточно весомую долю доходов частных вузов — соответственно, 44,3 и 38,9% от всех их доходов, обусловленных реализацией указанных образовательных программ.

В среднемесячную начисленную зарплату разных категорий работников частных вузов Санкт-Петербурга вклады основных «инвесторов» преобразуются следующим образом. Как видно из табл. 10, здесь в среднемесячной начисленной зарплате ППС удельный вес бюджетных средств ниже, чем в московских вузах (на 3,7 п.п.), а внебюджетных, соответственно, выше. При этом среднемесячная начисленная зарплата ППС частных вузов Санкт-Петербурга на 15,7%, РП — на 5,8%, а НР — почти на 40% ниже, чем в частных вузах в России в целом. Основной вклад в заработную плату всех работников частных вузов Санкт-Петербурга, очевидно, вносят средства населения и несколько меньший — средства организаций.

Таблица 10
Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников частных вузов Санкт-Петербурга и её структура, 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Работники всего	79,9	8,0	71,9	10,0	90,0
Руководители	124,4	3,0	121,4	2,4	97,6
ППС	116,2	9,0	107,2	7,8	92,2
Научные работники	86,9	4,5	82,4	5,2	94,8

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Томская область

В Томской области структура поступления средств из основных источников как в государственные, так и частные вузы показана в табл. 11. Сразу отмечу, что статистические данные по частным вузам Томской области в 2022 г. не вызывают доверия, поэтому рассмотрим только то, как поступления в госвузы данного региона преобразуются в зарплату их ППС, РП и НР.

Таблица 11
Структура финансирования из основных источников государственных (муниципальных) и частных вузов Томской обрасти, 2022 г., %

	Всего	ОД	Бакалавриат	Специалитет и магистратура	Аспирантура	ДПО	НИОКР
Государственные (муниципальные) вузы							
Федеральный бюджет	68,4	85,6	75,8	85,0	88,2	90,4	53,1
Население	7,6	10,1	20,2	11,5	9,2	2,2	0,2
Организации	17,3	1,8	0,2	0,3	0,9	6,0	45,9
Всего	93,3	97,6	96,1	96,8	98,2	98,6	99,2
Частные вузы							
Федеральный бюджет	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Население	4,9	5,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Организации	95,1	94,4	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Всего	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0

Источник: ВПО-2 2022, расчеты автора.

Специфика государственного сектора высшего образования Томской области состоит в том, что в них весьма мал удельный вес средств населения в финансировании образовательной деятельности госвузов, не говоря уже об организациях, которые значимо вкладываются только в вузовские научные исследования. Вложения населения (оплата обучения) составили в 2022 г. пятую часть всех доходов госвузов в бакалавриате и чуть больше или чуть меньше 10% в специалитете и магистратуре, а также в аспирантуре. Особенностью данного региона является и то, что организации (предприятия) очень мало вкладываются в программы ДПО госвузов (6,0% от всех доходов госвузов от ДПО).

Таблица 12
Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников государственных (муниципальных) вузов Томской области и её структура, 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Работники всего	87,1	47,1	40,0	54,1	45,9
Руководители	145,9	83,1	62,8	56,9	43,1
ППС	111,4	74,6	36,9	66,9	33,1
Научные работники	201,1	62,7	138,4	31,2	68,8

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Среднемесячная начисленная зарплата разных категорий работников государственных (муниципальных) вузов Томской области представлена в табл. 12. Несмотря на то, что удельный вес поступления средств от населения и организаций в госвузах незначителен (кроме НИОКР для организаций), структура среднемесячной начисленной зарплаты ППС и НР практически идентична структуре среднемесячной заработной платы ППС и НР госвузов Москвы и Санкт-Петербурга. При этом среднемесячная начисленная зарплата НР госвузов Томской области была в 2022 г. одной из самых высоких среди государственных (муниципальных) высших учебных заведений России. В самой Томской области в Национальном исследовательском Томском государственном университете среднемесячная начисленная зарплата ППС составляла в 2022 г. 124,1 тыс. руб., НР — 252,9 тыс. руб., в Национальном исследовательском Томском политехническом университете, соответственно, 106,2 тыс. руб. и 135,0 тыс. руб.[4]. Среднемесячная начисленная заработная плата РП томских госвузов была на 31,0% выше, чем у ППС, и на 27,4% ниже, чем у НР. Можно предположить, что большая часть внебюджетных средств, которая входила в состав зарплаты РП, поступала из средств организаций как из их вложений в научную деятельность госвузов.

Республика Татарстан

В Республике Татарстан структура поступления средств из основных источников как в государственные, так и частные вузы показана в табл. 13. Специфика госвузов здесь состоит в том, что в них значимую роль играют поступления из иностранных источников, в основном от иностранных студентов и слушателей программ ДПО. Наибольший вклад

[4] Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2023 г. (представляются данные предыдущего года). https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo (дата обращения 04.06.2024).

из иностранных источников поступает на оплату обучения по программам специалитета и магистратуры (19,4% от общих доходов госвузов региона от этих программ), а также повышения квалификации и профессиональной переподготовки иностранных граждан — почти четверть всех поступлений из всех источников на эти цели. Кроме того, в повышение квалификации и профессиональную переподготовку кадров в госвузах республики вкладываются средства республиканского бюджета Татарстана — их удельный вес превышает 12%. Что касается вклада населения, то он в госвузах данного региона относительно небольшой. Максимально население вкладывается в оплату обучения в бакалавриате государственных высших учебных заведений (здесь его доля немного превышает четверть) и по программам ДПО (немного ниже четверти всех поступлений средств на эти программы).

Таблица 13
Структура финансирования из основных источников государственных (муниципальных) и частных вузов Республики Татарстан, 2022 г., %

	Всего	**ОД**	**Бакалавриат**	**Специалитет и магистратура**	**Аспирантура**	**ДПО**	**НИОКР**
Государственные (муниципальные) вузы							
Федеральный бюджет	51,4	60,9	60,3	62,8	80,8	12,5	43,6
Население	16,9	21,9	26,4	16,5	10,5	23,2	0,5
Организации	16,6	2,0	0,9	0,8	1,6	27,6	50,4
Иностранные источники	7,7	12,0	9,7	19,4	6,5	24,4	0,3
Всего	97,8	96,8	97,2	99,4	99,4	87,7	94,8
Частные вузы							
Федеральный бюджет	52,6	5,5	8,6	3,1	7,4	1,2	37,0
Население	21,7	65,0	83,8	21,4	91,0	17,8	0,1
Организации	22,9	28,1	6,6	73,5	0,6	79,1	51,4
Всего	97,1	98,6	98,9	98,0	99,0	98,1	88,5

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Организации оплачивают повышение квалификации и профессиональную переподготовку своих сотрудников как в государственных, так и частных вузах Республики Татарстан. Они также активно финансируют научные исследования и разработки в обоих типах вузов.

Удельный вес поступлений в госвузы из федерального бюджета минимален в программы ДПО и максимален в программы аспирантуры (ординатуры, ассистентуры-стажировки). По финансированию НИОКР он находится на втором месте после организаций.

В частных вузах Республики Татарстан вклад населения — прежде всего в оплату обучения в бакалавриате и (что реже происходит в других регионах) в аспирантуре (ординатуре, ассистентуре-стажировке). Организации в частных вузах, если говорить о финансировании высшего образования, прежде всего проявляют интерес к специалитету и магистратуре, бакалавриат и тем более аспирантура находятся вне поля их внимания.

Величина и структура среднемесячной начисленной зарплаты ППС, РП и НР государственных (муниципальных) и частных вузов Республики Татарстан представлена

в табл. 14. Удельный вес внебюджетных средств в среднемесячной начисленной зарплате ППС госвузов Республики Татарстан составил в 2022 г. 38,8%. Это средства населения и иностранных студентов (оплата обучения). В заработную плату преподавателей, ведущих в госвузах данного региона занятия по программам ДПО, входят и средства, полученные от организаций. Зарплата НР госвузов данного региона практически на ⅔ финансируются из внебюджетных доходов, и здесь ведущая роль принадлежит организациям. Зарплата РП госвузов почти в равных долях состояла из бюджетных и внебюджетных средств: она складывается из поступлений от всех «инвесторов» в региональную систему образования. При этом среднемесячная начисленная зарплата РП и НР в госвузах Татарстана была одинаковой (хотя соотношение бюджетных и внебюджетных средств в ней разное), и она на 24,2%, т.е. почти на четверть, больше заработной платы ППС.

Таблица 14

Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников государственных (муниципальных) и частных вузов Республики Татарстан и её структура, 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Государственные (муниципальные) вузы					
Работники всего	70,9	36,8	34,1	51,9	48,1
Руководители	119,6	61,9	57,7	51,7	48,3
ППС	96,3	58,9	37,4	61,2	38,8
Научные работники	119,6	41,9	77,8	35,0	65,0
Частные вузы					
Работники всего	83,7	33,5	50,2	40,0	60,0
Руководители	147,6	71,3	76,2	48,3	51,7
ППС	103,3	17,8	85,5	17,2	82,8
Научные работники	96,7	50,4	46,3	52,1	47,9

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

В формировании зарплаты работников частных вузах данного региона есть чётко выраженная специфика: и РП, и НР значительную часть своей зарплаты (около половины) получали за счёт бюджетных средств. Только у ППС она финансировалась в основном за счёт средств населения и организаций (почти на 83%). При этом среднемесячная начисленная зарплата ППС в частных вузах региона была в 2022 г. выше среднемесячной начисленной зарплаты преподавателей госвузов Республики Татарстан — на 7,3%. Аналогично, заработная плата РП частных вузов превосходила заработную плату РП госвузов на 23,4%. Ниже в частных вузах по сравнению с госвузами была исключительно среднемесячная начисленная зарплата НР — на 23,6%.

Республика Дагестан

В Республике Дагестан структура поступления средств из основных источников как в государственные, так и частные вузы показана в табл. 15. Особенность этой республики — значительная роль регионального бюджета в финансировании государственного (муниципального) сектора высшего образования, несмотря на высокодотационный ста-

тус данного субъекта Российской Федерации. При этом региональный бюджет в 2022 г. вкладывался в подготовку бакалавров, программы ДПО, а также в проведение научных исследований в госвузах республики (правда, эти вложения составили всего 2,7% от общих поступлений госвузов республики на проведение НИОКР). При этом вложения федерального бюджета в НИОКР указанных вузов незначительны, в основном научные исследования финансировались за счёт организаций (68,9%) и населения (20,2%). Выше уже обсуждались трудности трактовки вложений населения в вузовские НИОКР, поскольку мотивы финансирования частными лицами научных исследований напрямую, а не через различные фонды малопонятны. Вместе с тем прямое финансирование позволяет экономить на содержании инфраструктуры указанных фондов, что для дотационных регионов крайне существенно. Если рассматривать вложения населения собственно в программы высшего образования, то в Республике Дагестан оно относительно немного вкладывает в подготовку бакалавров и весьма значительно — в подготовку кадров в специалитете и магистратуре, а также в аспирантуре, оплачивая обучение по соответствующим программам. Кроме того, население республики активно оплачивает в госвузах программы ДПО, причём его доля почти такая же, как совокупные вложения в эти программы федерального и регионального бюджетов.

Таблица 15
Структура финансирования из основных источников государственных (муниципальных) и частных вузов Республики Дагестан, 2022 г., %

	Всего	**ОД**	**Бакалавриат**	**Специалитет и магистратура**	**Аспирантура**	**ДПО**	**НИОКР**
Государственные (муниципальные) вузы							
Федеральный бюджет	55,4	57,3	68,4	61,6	72,3	26,0	8,2
Региональный бюджет	9,8	10,8	12,6	0,0	0,0	25,2	2,7
Население	29,2	31,1	17,8	38,1	27,7	44,0	20,2
Организации	4,7	0,3	0,4	0,1	0,0	4,6	68,9
Всего	99,1	99,5	99,2	99,8	99,9	99,8	100,0
Частные вузы							
Федеральный бюджет	2,6	3,2	5,6	1,5	0,0	0,0	0,0
Население	78,5	94,8	94,4	98,5	100,0	14,4	0,0
Организации	18,9	2,0	0,0	0,0	0,0	85,6	100,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

В частных вузах Республики Дагестан обучение в бакалавриате, специалитете и магистратуре, а также аспирантуре происходит практически исключительно за счёт средств населения: только в программы ДПО оно вкладывается меньше, чем организации.

Что касается зарплаты ППС, РП и НР вузов, расположенных в Республике Дагестан, то данные 2022 г. о ней в табл. 16. В госвузах структура среднемесячной начисленной зарплаты и ППС, и НР практически одинакова — ⅔ её финансируется за счёт бюджетных средств, а ⅓ — за счёт внебюджетных. При этом в зарплату ППС вошли поступления

как из федерального, так и регионального бюджетов; в заработную плату НР вложения регионального бюджета, как уже отмечалось, невелики. Удивительно, что хотя удельный вес вложений федерального и регионального бюджетов в НИОКР госвузов республики составил в 2022 г. всего 10,9%, в зарплате НР этих вузов удельный вес бюджетных средств приблизился к 66%, а почти 89% средств, поступивших госвузам на НИОКР от организаций и населения, в зарплату НР превратились всего в немногим более ⅓. Представляется, что значительная часть внебюджетных средств, полученных от выполнения НИОКР, была перераспределена в пользу РП и других работников госвузов (кроме ППС).

Таблица 16

Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников государственных и частных вузов Республики Дагестан и её структура, 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Государственные (муниципальные) вузы					
Работники всего	41,9	25,1	16,8	59,9	40,1
Руководители	51,6	28,3	23,3	54,9	45,1
ППС	56,3	37,5	18,8	66,6	33,4
Научные работники	58,6	38,4	20,2	65,5	34,5
Частные вузы					
Работники всего	31,9	0,6	31,3	2,0	98,0
Руководители	26,8	0,0	26,8	0,0	100,0
ППС	33,4	1,4	32,0	4,2	95,8
Научные работники	18,0	0,4	17,6	2,4	97,6

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

В 2022 г. в частных вузах Республики Дагестан зарплата ППС была на 40% ниже, чем в госвузах, и практически полностью финансировалась за счёт средств населения. Среднемесячная начисленная зарплата НР частных вузов данного региона была в 3,2 раза ниже по сравнению со средней зарплатой НР госвузов и удельный вес в ней внебюджетных средств превышал 97%: это были поступления из организаций, оплативших выполнение НИОКР. В целом же ситуация с зарплатой в системе частного высшего образования Дагестана показывает, что республика не имеет ресурсов для развития. Возможно, что преподавательская деятельность в ней — это подработки ППС госвузов, а научные исследования — разовые проекты, когда организациям региона надо решить не столько научные проблемы, сколько проблемы в их собственной деятельности.

Псковская область

В Псковской области структура поступления средств из основных источников как в государственные (муниципальные), так и в частные вузы показана в табл. 17. Ситуация с частным сектором системы высшего образования в Псковской области выглядит ещё более экзотично, чем в Республике Дагестан. Либо мы видим очень плохо налаженную систему сбора финансовой информации, либо деятельность частных вузов во многих

случаях — это система личных договорённостей, когда частное лицо платит за выполнение научной работы негосударственному вузу 131,2 тыс. руб. с тем, чтобы их столь странным образом легализовать. Не менее странно выглядит тут оплата подготовки бакалавров в частных вузах из внебюджетных фондов. Наиболее понятной представляется структура вложений в программы ДПО, поскольку это вероятнее всего «покупка» населением сертификатов о прохождении повышения квалификации за небольшие деньги. В силу сказанного анализ зарплаты ППС, РП и НР частных вузов Псковской области теряет содержательный смысл.

Таблица 17
Структура финансирования из основных источников государственных (муниципальных) и частных вузов Псковской области, 2022 г., %

	Всего	ОД	Бакалавриат	Специалитет и магистратура	Аспирантура	ДПО	НИОКР
Государственные (муниципальные) вузы							
Федеральный бюджет	67,4	69,3	77,4	61,5	60,6	57,0	49,4
Население	19,6	24,3	20,3	22,0	37,4	28,0	8,6
Организации	8,8	0,7	0,2	0,3	0,4	15,0	42,0
Всего	95,8	94,3	97,9	83,8	98,4	100,0	100,0
Частные вузы							
Федеральный бюджет	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Население	43,7	43,6	39,7	0,0	0,0	100,0	100,0
Организации	0,3	0,3	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0
ВФ	56,0	56,2	60,1	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	0,0	0,0	100,0	100,0

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Что касается госвузов данного региона, то в 2022 г. государство (ФБ) в наибольшей степени вкладывалось в подготовку кадров в бакалавриате и в несколько меньшей, но всё равно высокой, в подготовку специалистов, магистров и аспирантов. Удельный вес вложений населения высок (около 40%) в программы аспирантуры; в бакалавриате, а также специалитете и магистратуре он составлял примерно пятую часть поступлений из всех источников. Вместе с тем в специалитете и магистратуре большое значение имела и продолжает иметь оплата обучения иностранными студентами (в госвузах Псковской области прежде всего учатся иностранные студенты из стран СНГ, а также Индии и Египта, что в 2022 г. дало 16,2% всех поступлений средств в специалитет и магистратуру). Организации Псковской области в 2022 г. вкладывались, как и в других регионах, в программы ДПО и научные исследования.

Среднемесячная начисленная зарплата ППС, РП и НР госвузов в Псковской области в 2022 г. была следующей (табл. 18). У ППС госвузов почти на 40% она состояла из внебюджетных средств, сформировавшихся в основном из оплаты обучения российским населением (программы высшего образования и ДПО) и иностранными студентами (только программы высшего образования). Незначительную часть зарплаты ППС получали также

из средств организаций, оплативших обучение их работников на программах повышения квалификации или профессиональной переподготовки.

У РП госвузов данной области практически треть заработной платы поступала из внебюджетных источников, т.е. включала средства населения, иностранных студентов и организаций. У НР она практически поровну поступала в 2022 г. из бюджетных и внебюджетных источников, причём внебюджетными источниками в этом случае были прежде всего организации. Вклад населения в вузовские научные исследования в размере 8,6% (от всех поступивших средств на НИОКР) вызывает вопросы, на которые, к сожалению, нет чётких ответов, однако на общем фоне этот вклад всё равно очень небольшой.

Таблица 18

Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников государственных (муниципальных) вузов Псковской области и её структура, 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Работники всего	48,3	30,7	17,5	63,7	36,3
Руководители	74,3	50,1	24,2	67,4	32,6
ППС	73,4	44,5	28,9	60,6	39,4
Научные работники	76,6	37,7	38,9	49,2	50,8

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Свердловская область

В Свердловской области структура поступивших в 2022 г. в вузы данного региона средств из разных источников представлена в табл. 19. Эта область представляет особый интерес в силу того, что удельные веса вложений населения в государственные (муниципальные) вузы и частные вузы сопоставимы по величине. При этом в бакалавриате, а также в специалитете и магистратуре госвузов данного региона удельный вес вложений населения (оплата обучения) даже выше, чем в частных вузов. Аналогично дело обстоит и по вложениям в программы ДПО — в госвузах удельный вес вложений населения в оплату ДПО составил в 2022 г. 38,0% всех поступлений по этим программам, а в частных вузах — 10,6%. Что сильно различается, так это удельные веса вложений организаций в государственных и частных вузах: в 2022 г. в Свердловской области они вложили в образовательную деятельность госвузов только 3,0% от всех вложений в ОД, в частных вузах их вклад составил 66,5%. Обычно организации хорошо «инвестируют» в программы ДПО госвузов. Эта тенденция полностью проявила себя в Свердловской области: вклад организаций в указанные программы в 2022 г. составил 47,7%. В частных вузах на организации пришлось 89,1% всех вложений в ДПО. В госвузах Свердловской области организации профинансировали 68,4% расходов на НИОКР, в частных — 100%. Кроме организаций, в НИОКР госвузов поступили средства из внебюджетных фондов — их удельный вес достиг в 2022 г. 10,1%.

Такая структура поступления средств из различных источников в вузы Свердловской области во многом предопределила структуру средней зарплаты ППС, РП и НР как государственных, так и частных высших учебных заведений (табл. 20).

Среднемесячная начисленная зарплата ППС госвузов Свердловской области в 2022 г. на 41,7% состояла из внебюджетных средств, поступивших от населения

Таблица 19
Структура финансирования из основных источников государственных (муниципальных) и частных вузов Свердловской области в 2022 г., %

	Всего	ОД	Бакалавриат	Специалитет и магистратура	Аспирантура	ДПО	НИОКР
Государственные (муниципальные) вузы							
Федеральный бюджет	51,5	60,5	59,3	65,9	77,2	11,0	18,6
Население	26,3	33,0	36,4	27,7	15,6	38,0	2,3
Организации	18,0	3,0	1,1	3,0	3,5	47,7	68,4
Всего	95,8	96,6	96,8	96,7	96,3	96,7	89,3
Частные вузы							
Федеральный бюджет	11,6	14,8	24,2	11,7	44,9	0,0	0,0
Население	21,5	26,5	36,8	16,6	55,1	10,6	0,0
Организации	66,6	58,4	38,6	71,3	0,0	89,1	100,0
Всего	99,8	99,7	99,6	99,5	100,0	99,7	100,0

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

и в очень небольшой степени от организаций, вложившихся в ДПО их работников. Почти 50% зарплаты ППС получал из внебюджетных источников, т.е. от населения и организаций. А вот зарплата НР госвузов данного региона в 2022 г. почти на ¾ зависела от средств, поступающих на научные исследования от организаций и внебюджетных фондов (гранты на НИОКР). При этом среднемесячная начисленная зарплата НР

Таблица 20
Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников государственных и частных вузов Свердловской области и её структура, 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Государственные (муниципальные) вузы					
Работники всего	78,2	40,8	37,4	52,1	47,9
Руководители	122,3	64,4	57,9	52,6	47,4
ППС	103,5	60,4	43,2	58,3	41,7
Научные работники	146,1	38,3	107,8	26,2	73,8
Частные вузы					
Работники всего	59,4	5,6	53,7	9,5	90,5
Руководители	64,3	7,3	57,0	11,3	88,7
ППС	77,8	5,7	72,1	7,3	92,7
Научные работники	62,3	0,2	62,1	0,3	99,7

Источник: ВПО-2 2022, расчеты автора.

в госвузах Свердловской области была в 1,4 раза выше средней зарплаты ППС и почти на 20% выше средней зарплаты РП.

В частных вузах этой области в 2022 г. среднемесячная начисленная зарплата ППС, РП и НР была значительно ниже среднемесячной начисленной зарплаты соответствующей категории работников государственных высших учебных заведений: у ППС на треть, у РП — на 90,2%, у НР — в 2,3 раза. Это означает, что у частной системы высшего образования Свердловской области в целом необходимые средства на развитие отсутствуют (хотя у какого-то вуза они могут иметься) и встает вопрос о качестве реализуемых ею образовательных программ и научных исследований.

Новосибирская область

В Новосибирской области структура средств, поступивших в 2022 г. в вузы данного региона из разных источников, представлена в табл. 21. Тут специфика финансирования государственных (муниципальных) вузов состояла в том, что в аспирантуре (ординатуре, ассистентуре-стажировке), кроме трёх привычных источников, присутствовал ещё один — иностранные аспиранты, вклад которых в данный уровень высшего образования (оплата обучения) достиг в 2022 г. 11,0%. Что касается населения, то его вложения практически аналогичны вложениям в московские вузы: в бакалавриате средства населения составили треть, в специалитете и магистратуре — четверть, в аспирантуре — пятую часть. В программы ДПО вклад населения — почти 45% всех поступлений в эту деятельность вузов. Организации, как и в других регионах, вложились в НИОКР и программы ДПО. Вложения государства (ФБ) в 2022 г. в подготовку кадров в бакалавриате, специалитете и магистратуре, а также аспирантуре госвузов данного региона были близки к ⅔, но в ДПО из федерального бюджета поступило всего 15,6% от общего объёма всех вложений в ДПО.

Удельный вес государства (ФБ) в научных исследованиях госвузов Новосибирской области приблизился в 2022 г. к 55%. Вложения организаций составили 40% всех вложе-

Таблица 21
Структура финансирования из основных источников государственных (муниципальных) и частных вузов Новосибирской области, 2022 г., %

	Всего	ОД	Бакалавриат	Специалитет и магистратура	Аспирантура	ДПО	НИОКР
Государственные (муниципальные) вузы							
Федеральный бюджет	64,4	63,9	65,4	66,6	67,6	15,1	54,6
Население	23,2	30,2	32,3	24,6	20,9	44,8	1,9
Организации	9,2	2,1	0,5	1,0	0,5	36,7	40,3
Всего	96,8	96,2	98,2	92,1	89,0	96,7	96,8
Частные вузы							
Федеральный бюджет	3,3	3,4	3,5	14,2	0,0	0,0	0,0
Население	78,9	86,4	85,2	78,9	100,0	63,6	61,6
Организации	11,3	2,9	5,2	0,2	0,0	36,4	38,4
Всего	93,5	92,7	93,9	93,3	100,0	100,0	100,0

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

Таблица 22

Среднемесячная начисленная заработная плата разных категорий работников государственных и частных вузов Новосибирской области и её структура, 2022 г.

	Зарплата всего, тыс. руб.	Зарплата по бюджету, тыс. руб.	Зарплата из внебюджетных средств, тыс. руб.	Удельный вес бюджетных средств, %	Удельный вес внебюджетных средств, %
Государственные (муниципальные) вузы					
Работники всего	69,9	38,6	31,4	55,2	44,8
Руководители	103,9	58,3	45,6	56,1	43,9
ППС	95,4	58,2	37,2	61,0	39,0
Научные работники	149,0	49,1	99,9	32,9	67,1
Частные вузы					
Работники всего	71,4	4,3	67,1	6,0	94,0
Руководители	84,9	0,0	84,9	0,0	100,0
ППС	103,9	9,3	94,6	9,0	91,0
Научные работники	66,0	0,0	66,0	0,0	100,0

Источник: ВПО-2 2022, расчёты автора.

ний в НИОКР госвузов данного региона, что, например, сильно уступало аналогичному показателю Свердловской области. То, что Новосибирск — один из крупнейших научных центров России, выражалось лишь в получении в 2022 г. Новосибирским национальным исследовательским государственным университетом более 1 млрд 405 млн руб. на научные исследования и разработки[5].

В частных вузах Новосибирской области основные вложения осуществляло население. Организации, как и в госвузах, в 2022 г. в основном вложились в программы ДПО и НИОКР. Население также, минуя благотворительные фонды и фонды целевого капитала, вложило более 14 млн руб. в проведение научных исследований в частных вузах, что вызывает серьёзные вопросы. Но наиболее интересно, что в 2022 г. структура вложений организаций в частные вузы мало чем отличалась от структуры их вложений в госвузы Новосибирской области.

Величина и структура среднемесячной начисленной зарплаты в 2022 г. разных категорий работников государственных (муниципальных) и частных вузов Новосибирской области представлена в табл. 22. В государственных (муниципальных) вузах среднемесячная начисленная зарплата ППС на 39,0% состояла из внебюджетных средств, в основном это были средства населения, в очень небольшой мере — иностранных аспирантов, когда речь шла об аспирантуре (ординатуре, ассистентуре-стажировке), а также в несколько большей мере средства организаций, когда дело касалось программ ДПО. В заработной плате НР внебюджетные средства немного превысили ⅔ и они поступали, как и в других регионах, от организаций. При этом средняя зарплата ППС составляла 91,8% средней зарплаты РП, и она же была в 1,4 раза ниже средней зарплаты НР госвузов данной области.

[5] Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2023 г. (представляются данные предыдущего года). URL: https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo, дата обращения 04.06.2024.

В частных вузах рассматриваемого региона среднемесячная начисленная зарплата ППС, напротив, была выше и среднемесячной начисленной зарплаты РП (в 1,2 раза), и НР (в 1,6 раза). Другими словами, частные вузы данного региона ориентированы практически полностью на образовательную деятельность, а выполнение НИОКР выступает как небольшая подработка для ППС, а не как самостоятельная деятельность.

Обсуждение результатов

Проведённый анализ, хотя и затрагивает лишь несколько российских регионов, позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего, хотя государственные (муниципальные) высшие учебные заведения, за редким исключением, учреждены государством в лице его различных ведомств (в основном Минобрнауки, но также Минздрава, Минсельхоза, Правительство РФ и др.), в зарплате ПСС, РП и НР большую роль играют внебюджетные средства, преимущественно населения и организаций. В редких случаях к ним добавляются средства иностранных студентов, поступающие в качестве платы за обучение, а также средства внебюджетных фондов (гранты на научные исследования).

В среднемесячной начисленной зарплате ППС госвузов внебюджетные средства в 2022 г. составили от трети до 42%. Это означает, что, вообще говоря, государство, провозгласив задачу доведения средней зарплаты ППС государственных (муниципальных) высших учебных заведений до 200% от средней зарплаты в экономике соответствующего региона, финансово эту задачу обеспечивает в лучшем случае на ⅔. Это делает большинство вузов достаточно уязвимыми в данном вопросе и фактически вынуждает их руководство идти на выработку не всегда «здоровых» схем, чтобы добиться нужного показателя.

Поскольку именно за счёт средств населения производится треть или 42% оплаты труда ППС, а удельный вес населения в доходах госвузов последние годы снижается, то сделать это можно либо постоянно повышая нагрузку преподавателя (увеличение числа студентов на 1 преподавателя), либо формально переводя его на неполную ставку, но сохраняя неизменными его лекционные и семинарские часы, либо используя оба метода. ППС госвузов также вовлекается в научные исследования, но тогда их зарплата проходит в статистике как зарплата научных работников-совместителей. Да, если преподаватель помимо учебной работы выполняет и научную, то он получает более высокую зарплату, но это не решает задачу удвоения заработной платы ППС по сравнению со средней по региону. В какой-то мере при этом решается задача удвоения заработной платы НР, поскольку эта цель социальной политики также продолжает оставаться актуальной. Если сравнивать положение ППС и НР, то зарплата первых в большей мере находится в зоне риска по сравнению со вторыми. Вместе с тем для вузов важнее сохранение ППС, поскольку с ними связана основная функция вуза — образовательная деятельность.

НР госвузов из внебюджетных источников получают от половины до ¾ своей зарплаты. Здесь основным источником внебюджетных средств выступают организации, заказывающие высшим учебным заведениям научные исследования и разработки наряду с государством. Вместе с тем нередко средства организаций — это тоже, по сути, бюджетные средства, но поступающие в вузы по конкурсу из госкомпаний или государственных министерств и ведомств (в этом случае они также считаются внебюджетными, поскольку приходят в госвузы не напрямую, а опосредованно).

Достаточно большая зависимость средней зарплаты ППС госвузов от средств населения показывает, что в условиях, когда государство (федеральный бюджет) не сможет увеличивать расходы на высшее образование хотя бы с темпом инфляции, а население начнёт их сокращать (фактически это уже происходит, поскольку растет поток молодёжи в организации СПО, в том числе и платные), то выполнять майский указ (2012 г.) будет

становиться всё сложнее. Но очевидно, что вариантов у госвузов, как уже отмечалось, немного — повышать нагрузку преподавателей, снижая качество высшего образования, дробить ставки, сохраняя прежнюю нагрузку или реализовывать и то, и другое. При падении заказов на научные исследования со стороны организаций привлечение ППС к выполнению НИОКР также становится проблематичным, а «приписывание» преподавателей к научным исследованиям будет повышать нагрузку на научный персонал без адекватного увеличения зарплаты последнего. Кроме того, при сокращении объёмов средств, поступающих в госвузы на НИОКР от организаций, растёт риск сокращения численности НР, что также приведёт к росту нагрузки на оставшихся. Ещё одна проблема в этом случае состоит в том, что при сокращении численности НР из-за нехватки внебюджетных средств под ударом может оказаться выполнение госзадания на НИОКР, что будет рассматриваться как неэффективное расходование уже бюджетных средств. Сказать, как это скажется на качестве вузовских научных исследований сложно, поскольку в большинстве российских госвузов оно и так невысокое. Его повышение предполагало реализацию целого комплекса мер, включая рост бюджетного финансирования, закупку нового научного оборудования, привлечение известных учёных для курирования исследований, выстраивание сетевого взаимодействия с индустриальными партнёрами, а также с ведущими российскими высшими учебными заведениями и университетами других стран. В новых условиях государство вынуждено будет финансово поддерживать ограниченное число госвузов, стараясь сохранить потенциал развития системы высшего образования, а для остальных, скорее всего, ослаблять в той или иной форме требования по зарплате ППС и НР.

Анализ средней зарплаты ППС и научных сотрудников частных вузов показывает, что в настоящее время они сколько-нибудь конкурентны по зарплате только в регионах-донорах. В экономически слабых регионах они позволяют преподавателям госвузов подрабатывать, совмещая преподавание в государственном и частном секторах высшей школы. С одной стороны, это поднимает уровень жизни ППС и позволяет преподавателям госвузов оставаться в профессии, с другой — ведёт к ещё большему повышению их нагрузки, что негативно влияет на качество подготовки кадров как в частных, так и в государственных вузах.

Вместе с тем при сокращении доходов населения может начаться его движение в сторону частных вузов, поскольку там стоимость обучения будет, как и в настоящее время, оставаться более низкой по сравнению с госвузами. Это обстоятельство при возможном повышении платы за обучение в государственном секторе высшего образования подтолкнёт те семьи, которые пока еще стараются, чтобы их дети учились в государственных вузах, пусть и платно, так как считают, что качество образования в них выше, снизить свои притязания и переключиться на частные высшие учебные заведения.

Сокращение доходов организаций, например в силу роста налога на прибыль, может привести к снижению их вклада в финансирование не только государственных, но и частных вузов за исключением тех случаев, когда это неформальные (теневые) сделки. При этом теневая деятельность, которая не будет иметь никакого отношения ни к высшему образованию, ни к науке, может начать расти (например, получение небольших средств за написание отчётов по НИР, не имеющих никакой научной ценности, т.е. фактически плата за обналичку денежных средств через зарплату). Однако на зарплате ППС и НР этих вузов такая активность организаций скажется очень мало или не скажется совсем.

Если государство, как оно это делало в начале 2010-х гг., решит побороться за качество высшего образования и начнёт закрывать «неэффективные» вузы, то определённые каналы хоть небольшой, но подработки для ППС и научных работников через частные вузы могут оказаться закрытыми.

50% всего приёма в вузы приходится на 10–15 регионов России. На вузы Москвы и Санкт-Петербурга в последние годы приходилось от почти трети приёма в бакалавриат, четверти в специалитет и почти 36% в магистратуру. Отрыв вузов двух столиц от других регионов был и остаётся очень велик. Вместе с тем государство в условиях ограниченности бюджета высшего образования может начать всё более активно передавать контрольные цифры приёма (т.е. бюджетные места и идущие за ними бюджетные средства) в регионы с более низкой по сравнению с другими субъектами Российской Федерации средней зарплатой: ведь именно величина зарплаты ППС во многом определяет величину нормативов бюджетного финансирования в расчёте на одного бюджетного студента в том или ином российском регионе, а следовательно, и объёмы финансирования госвузов из федерального бюджета. В приведённых выше примерах это хорошо видно по среднемесячной начисленной зарплате ППС госвузов в Москве, с одной стороны, и Свердловской или Новосибирской областей — с другой, не говоря уже о госвузах Республики Дагестан или Псковской области. Другое дело, что качество высшего образования в перечисленных регионах очень разное, поэтому финансовый аргумент не может быть здесь самым главным. Но надо иметь в виду, что подготовка кадров по инженерным направлениям и специальностям для бюджета примерно на 30-50% дороже, чем по социально-экономическим и гуманитарным направлениям/специальностям, и требует, если говорить о технологическом лидерстве, очень высокой квалификации ППС. Поэтому просто так сократить приём, например, в МФТИ, МИФИ или МВТУ им. Баумана, и передать его часть в вузы даже Новосибирска или Екатеринбурга не удастся. Если поступить наоборот — расширить инженерную подготовку в Москве и Санкт-Петербурге, а в регионах, где она велась, заменить её на подготовку кадров социально-экономического, гуманитарного, педагогического и т.п. профилей, т. е. более «дешёвых» для федерального бюджета, то это приведёт к снижению удельного веса федерального бюджета в средней зарплате ППС этих субъектов Федерации. Соответственно, компенсировать это снижение вузы смогут только за счёт повышения вклада населения путём увеличения платного контингента. В противном случае зарплата ППС будет снижаться. Но население в основном и в настоящее время вкладывается именно в социально-экономические, гуманитарные, педагогические направления подготовки/специальности, следовательно, рост бюджетного приёма по ним приведёт, скорее всего, к снижению платного приёма, т.е. компенсационный маневр не удастся (про необходимость замены среди самих ППС «физиков» на «лириков» тоже забывать не стоит).

Поэтому любые развороты в структуре приёма могут проводиться достаточно медленно и займут 10-15 лет. В связи с этим в ближайшие годы можно ожидать некоторого роста платного приёма лишь в тех регионах, где в новых социально-экономических условиях стали расти доходы населения. Здесь семьи постараются оплатить обучение в вузах детей, если они не смогут поступить на бюджетные места. Поэтому в таких регионах зарплата ППС госвузов имеет шансы на рост. Из рассмотренных нами регионов к ним относятся Москва, Свердловская область и Республика Татарстан. Как будут развиваться вузы остальных регионов, зависит от миграционных возможностей населения.

Заключение

Финансирование вузов в Российской Федерации и, следовательно, заработная плата ППС, НР и РП в основном формируется из трёх основных источников — федерального бюджета, населения и организаций (предприятий). Доходы вузов от иностранных студентов не превышают 3%, хотя в некоторых вузах они могут доходить до 15–20%, но это — редкие исключения. Из рассмотренных выше региональных систем высшего образования

данный источник средств был значим только в Республике Татарстан. В Новосибирской области он был существенен только для аспирантуры.

В образовательной деятельности вузов значительную роль играет население, поскольку оно оплачивает обучение студентов на всех программах высшего образования — бакалавриата (как правило, наибольший вклад), специалитета, магистратуры и аспирантуры, а также на программах ДПО. Организации очень мало вкладываются в образовательные программы госвузов по собственно высшему образованию (не более 3-4%), но активно оплачивают повышение квалификации и профессиональную переподготовку своих работников. Кроме того, растёт вклад организаций в развитие вузовских научных исследований. Однако удельный вес населения как «инвестора» системы высшего образования снижается, а федерального бюджета и организаций, если и растёт, то незначительно. В результате зарплата ППС госвузов, которая в последние годы от трети до 42% обеспечивается за счёт средств населения, в условиях экономической турбулентности не может быть гарантирована. Тем более, что федеральный бюджет также, если и будет увеличивать расходы на высшее образование, то, скорее всего, лишь в пределах роста инфляции. Ещё более уязвимой представляется зарплата НР госвузов, в которой удельный вес внебюджетных средств (в основном средств организаций) доходит до ¾. Любое сокращение заказов на НИОКР от организаций может крайне негативно сказаться на финансовом положении НР. Повышение расходов на науку, как было объявлено, до 2% ВВП к 2030 г.[6], в том числе за счёт удвоения расходов на НИОКР со стороны частного бизнеса, можно только приветствовать, но в настоящее время не ясен механизм реализации данной меры, включая стимулы, побуждающие компании (организации) вкладываться в вузовские научные исследования и разработки. Возможно, эти вложения будут рассматриваться как инвестиции, что позволит бизнесу получать инвестиционный вычет, но в настоящее время детали ещё не проработаны и не просчитаны. Однако более вероятным представляется определённое снижение вложений организаций в НИОКР вузов вследствие роста налога на прибыль компаний с 20 до 25%.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Богатырева И.В., Динукова О.А. (2021). Пути оптимизации оплаты труда преподавателей высших учебных заведений в современных экономических условиях [*Bogatyreva I.V., Dinukova O.A.* (2021). Ways to optimize the remuneration of teachers of higher educational institutions in modern economic conditions] // *Экономика труда*. Т. 8. № 2. С. 143–157.

Вельмисова Е.И. (2019). Заработная плата педагогических работников сферы профессионального образования: новые стимулы и угрозы [*Velmisova E.I.* (2019). Salaries of teachers in the field of vocational education: new incentives and threats] // *Экономика труда*. Т. 6. № 2. С. 896–900.

Демьянова А.В. (2021). Динамика среднемесячной заработной платы работников в сфере образования [*Demyanova A.V.* (2021). Dynamics of average monthly wages of workers in the field of education] // *Мониторинг экономики образования.* — М.: НИУ ВШЭ.

Клячко Т.Л. (2023). Российская система высшего образования на переломе [*Klyachko T.L.* (2023). The Russian system of higher education is at a turning point] // *Вопросы теоретической экономики.* № 2. С. 35–51. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_35_51.

Курбатова М.В. (2013). Не только зарплата: преподаватели вузов на пути к превращению в «винтик» производства образовательных услуг [*Kurbatova M.V.* (2013). Not only salaries: university teachers on the way to becoming a "cog" in the production of educational services] // *ЭКО*. № 10. С. 110–122.

Оклады преподавателей профессоров, доцентов и других преподавателей в университетах США (2023). [*Salaries of professors, associate professors and other teachers at US universities* (2023)]. https://plattibos.com (дата обращения: 30.05.2024).

[6] См., например: https://nauka.tass.ru/nauka/20408131?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 11.06.2024).

Рудаков В.Н. (2020) *Различия в положении профессорско-преподавательского состава вузов по возрастным группам* [*Rudakov V.N.* (2020) Differences in the position of university teaching staff by age groups] // ИАМ МЭО. Вып. 13. https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354616421/release_13_2020.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

Рудаков В.Н. (2021). *Заработная плата преподавателей российских вузов и эффективный контракт:* Информ. бюл. [*Rudakov V.N.* (2021). Salaries of teachers at Russian universities and an effective contract: newsletter]. — М.: НИУ ВШЭ, 2021.

Рудаков В.Н. (2023). *Заработная плата российских преподавателей и учёных: дифференциация, структура и составляющие эффективного контракта: информационный бюллетень* [*Rudakov V. N.* (2023). Salaries of Russian teachers and scientists: differentiation, structure and components of an effective contract: newsletter]. — М.: НИУ ВШЭ.

Prakhov I. (2019). The determinants of academic salaries in Russia // *Higher Education.* Vol. 77. No. 5. Pp. 777–797.

Клячко Татьяна Львовна
tlk@ranepa.ru

Tatiana Klyachko
Doctor of sciences (Economics), professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration, tlk@ranepa.ru
tlk@ranepa.ru

SALARY OF TEACHING STAFF AND RESEARCHERS OF RUSSIAN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract. The article examines the main sources of income of Russian public and private universities. It is shown that the main "investors" in higher education are the state (investments from the federal budget and, in rare cases, significant investments from regional budgets), the population and organizations. At the same time, the contribution of these «investors» varies in educational programs at different levels of higher education, as well as in continuing professional education programs and university scientific research. Based on the analysis of these sources, it is shown how funds received by universities are converted into salaries of teaching staff, researchers and management personnel, and how this transformation is influenced by regional specifics.

Keywords: *higher education, universities, structure of financing of universities, salaries of university teaching staff, salaries of researchers*
JEL: O20, O21, O22, O28.

А.В. Галеев
к.э.н., старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

О.В. Черников
стажёр-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

«ЛЕКЦИИ ПО ЮРИСПРУДЕНЦИИ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АДАМА СМИТА

Аннотация. Противоречия во взглядах Адама Смита на человеческую природу, изложенных в работах, опубликованных при жизни автора: «Теория нравственных чувств» (1759) и «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), подтолкнуло экономистов к постановке вопроса о развитии идей шотландского экономиста. Представители старой немецкой исторической школы в середине XIX в. первыми предположили, что знакомство с идеями физиократов во время путешествия Смита во Францию оказало значительное влияние на формирование его экономических воззрений и объясняет различия между «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народов». Эта гипотеза получила название «French Connection Theory». Введение в научный оборот неопубликованных при жизни работ Смита позволяет значительно дополнить и расширить понимание развития идей Смита. Так, в 1896 г. впервые были опубликованы конспекты лекций, которые Смит читал в рамках курса моральной философии в университете Глазго, «Лекции по юриспруденции, полиции, доходам и обороне», где в том числе были изложены и его экономические воззрения. В данной работе представлен анализ развития экономической мысли Адама Смита на основании «Лекций по юриспруденции», который позволяет провести более ясное разграничение между оригинальными идеями Смита и теми, что он почерпнул у французских мыслителей, т.е. уточнить «French Connection Theory». Показано, что ещё до знакомства с идеями физиократов Смит сформулировал основные тезисы о разделении труда, механизме ценообразования и недостатках меркантилистской системы. Тем не менее данное исследование подтверждает значительное влияние физиократов на развитие экономической мысли Смита, в результате которого в «Богатство народов» вошли теории естественной цены, распределения и капитала, что не позволяет полностью отвернуть гипотезу «French Connection Theory».

Ключевые слова: *Адам Смит, Лекции по юриспруденции, физиократы, классическая политическая экономия, Das Adam Smith Problem, French Connection Theory.*
JEL: B12, B31
УДК: 330.83
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_122_138
© А.В. Галеев, О.В. Черников, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Галеев А.В., Черников О.В.* «Лекции по юриспруденции» в контексте развития экономической теории Адама Смита // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 122–138. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_122_138.
FOR CITATION: *Galeev A., Chernikov O.* «Lectures on Jurisprudence» in the Context of the Development of Adam Smith's Economic Theory // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 122–138. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_ 2024_3_122_138.

Введение

В середине XIX в. представители старой немецкой исторической школы впервые обратили внимание на противоречивость идей Адама Смита, изложенных в работах, опубликованных при жизни автора: «Теории нравственных чувств» [*Smith*, 1984] и «Исследовании о природе и причинах богатства народов» [*Смит*, 2019; *Смит*, 2020][1]. Так, в «Теории нравственных чувств» Смит объясняет человеческое поведение «сочувствием» (sympathy), которое индивид испытывает к своим собратьям. В то же время сердцем «Богатства народов» становится идея эгоистического «личного интереса» (self-interest), которым руководствуются все экономические агенты. Вопрос развития идей Адама Смита в целом и объяснение противоречия во взглядах на человеческую природу в частности получили название «Проблема Адама Смита» (Das Adam Smith Problem) [*Montes*, 2003. P. 66].

Карл Книс, один из основателей старой немецкой исторической школы, первым предложил объяснение такого изменения во взглядах шотландского экономиста [*Knies*, 1853; *Montes*, 2003. P. 71]. «Теория нравственных чувств» была написана под значительным влиянием идей Фрэнсиса Хатчесона, бывшего учителя моральной философии Смита, и Дэвида Юма, философа и друга. Однако в 1764 г. Смит, сопровождая юного герцога Баклю, отправился в двухлетнее путешествие во Францию, где познакомился с идеями физиократов (напр., Франсуа Кенэ) и французских материалистов (напр., Клода Гельвеция). Идеи французских мыслителей произвели на Смита неизгладимое впечатление и изменили его видение человеческой природы. Теория, согласно которой знакомство с идеями физиократов и французских материалистов оказало значительное влияние на формирование экономических воззрений Адама Смита и объясняет различия между «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народов», получила название «French Connection Theory» [*Nieli*, 1986. P. 612].

Луйо Брентано продолжил анализ Книса и значительно развил понимание «French Connection Theory» [*Brentano*, 1877]. Брентано обращал особое внимание на роль поездки во Францию и подчёркивал революционность перехода Смита от радикальной критики эгоистического поведения к принятию эгоизма как фундаментальной движущей силы человеческого поведения [*Nieli*, 1986. P. 613]. Позднее «French Connection Theory» приобрела более критический характер. Витольд Скаржинский представил уничижительную оценку работ Смита [*Skarzynski*, 1878]. Он видел шотландского экономиста «предметом идолопоклонства» и не считал Смита ни хорошим философом, ни оригинальным экономистом. По его мнению, «Теория нравственных чувств» и «Богатство народов» являлись не плодом труда и воображения Смита, а результатом взаимодействия последнего с Хатчесоном и Юмом в первом случае и физиократами — во втором. Скаржинский предполагал, что именно знакомство Смита с Гельвецием и физиократами подвигло его на принятие принципа «себялюбия» (self-love) [*Skarzynski*, 1878. P. 189; *Montes*, 2003. Pp. 71–72].

Анализ «Das Adam Smith Problem» и «French Connection Theory» получил своё продолжение в историко-экономической литературе как в XX, так и XXI вв. Более глубокое изучение трудов Смита приводит к формированию новых оптик для рассмотрения проблемы развития его идей (напр., [*Dickey*, 1986; *Otteson*, 2000; *Tribe*, 2008; *Witztum*, 1998]). В современной литературе можно выделить три взгляда на «Das Adam Smith Problem». С одной стороны, ряд учёных рассматривает «Das Adam Smith Problem» как «псевдопроблему, основанную на невежестве и непонимании» [*Montes*, 2003. P. 64] и полагает, что вопрос полностью исчерпал себя. С другой стороны, некоторые историки экономической мысли убеждены в актуальности «Das Adam Smith Problem», и что саму проблему «нельзя

[1] Впервые «Теория нравственных чувств» была опубликована в 1759 г., а «Исследование о природе и причинах богатства народов» — в 1776 г.

упускать из виду» [*Montes*, 2003. P. 79]. Наконец, третья группа учёных придерживается компромиссной позиции, склоняясь к тому, что или «проблема решена только частично, или решение просто не найдено» [*Montes*, 2003. P. 81], таким образом поощряя дальнейшие исследования в этой области, предполагая, что «Das Adam Smith Problem» не умерла и не исчезла [*Montes*, 2003. P. 82].

При обсуждении «Das Adam Smith Problem» следует отметить, что множество трудов Смита так и остались неопубликованными при его жизни. Тем не менее эти материалы издавались после смерти шотландского экономиста и постепенно входили в научный оборот, что позволяет дополнить и расширить понимание развития идей Смита в рамках «Das Adam Smith Problem» в целом и оценить корректность «French Connection Theory» в частности.

Как известно из биографии Адама Смита, в 1752 — 1764 гг. он занимал пост профессора моральной философии в университете Глазго [*Heilbroner*, 2024]. До конца XIX в. мало что было известно про этот период, так как перед смертью Смит приказал сжечь все свои рабочие рукописи [*Cannan*, 1896. Pp. xi–xii]. Однако сперва в 1896 г. [*Cannan*, 1896], а затем и в 1978 г. [*Smith*, 1978] были опубликованы конспекты лекций, которые Смит читал в рамках курса моральной философии («Лекции по юриспруденции, полиции, доходам и обороне» (Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms), далее — «Лекции по юриспруденции»). Свои экономические идеи Смит изложил в главе «О полиции»[2], которая является непосредственным предметом данной работы[3]. Содержание указанных лекций представляет неопровержимое доказательство того, что ряд экономических идей, изложенных в «Богатстве народов», был сформулирован ещё до поездки во Францию, и ставит под сомнение гипотезу о развитии экономической мысли Адама Смита, выдвинутую в рамках «French Connection Theory».

Ещё в конце XIX в. открытие «Лекций по юриспруденции» подтолкнуло экономистов к формулировке решения «Das Adam Smith Problem». Так, Онкен доказывает, что обе книги Смита («Теория нравственных чувств» и «Богатство народов») являются целостным представлением его мировоззрения и не противоречат друг другу, а «Лекции по юриспруденции» — лишь один из этапов эволюции экономической мысли Смита [*Onken*, 1897. Pp. 446–447]. Более того, А. Онкен обращает внимание, что «эгоизму» (self-love) в «Теории нравственных чувств» отводится то же место, что и в «Богатстве народов»: в обеих работах Смит указывает на то, что эгоизм является корнем не всех поступков людей, а только экономических [*Onken*, 1897. P. 447]. Автор приходит к выводу, что «Das Adam Smith Problem» возникла из-за неверной интерпретации развития мысли Смита, и призывает английских политэкономов отдать должное его интеллектуальному наследию [*Onken*, 1897. P. 449]. Следует отметить, что именно работа Онкена в большей степени сформировала господствующие в XX в. представления о «Das Adam Smith Problem» [*Dickey*, 1986. P. 581].

Целью данной работы является анализ развития экономической мысли Адама Смита на основании «Лекций по юриспруденции» в контексте «Das Adam Smith Problem». Особое внимание уделяется главе «О полиции», где Смит представил основные идеи в области экономики. Подобный анализ позволит уточнить «French Connection Theory»: провести более ясное разграничение между оригинальными идеями Смита и теми, что он почерпнул у французских мыслителей. Следует отметить, что в русскоязычной литературе отсутствует анализ «Лекций по юриспруденции» с точки

---

[2] Слово «полиция» в контексте лекций Адама Смита приобретает более широкий смысл, подразумевая регулирование низших подразделений правительства, обеспечивающих чистоту (дорог или улиц), безопасность и дешевизну (изобилие) [Smith, 1978. P. 331], что соответствует толкованию XVIII в. [*Johnson*, 1755].

[3] В дальнейшем при упоминании «Лекций» будет иметься в виду именно глава «О полиции».

зрения проблемы развития экономической мысли Адама Смита; в свою очередь, более ранние зарубежные исследования носят скорее обобщающий характер (напр., [*Bastable*, 1898; *Hasbach*, 1897]), а современные исследования в области истории экономической мысли фокусируются на конкретных аспектах теории шотландского экономиста и роли «Лекций» в их развитии (напр., на вопросе экономического роста [*Eltis*, 2000], контекстуализации понятия «полиция» Смита [*Cunha*, 2023] или эволюции понятия личного интереса [*Peters-Fransen*, 2001]).

Структура работы такова: в двух следующих разделах проводится сравнительный анализ «Лекций по юриспруденции» и «Богатства народов», подчёркиваются как сходства двух трудов (анализ влияния разделения труда на экономическую деятельность, анализ цен и критика меркантилизма), так и их различия (теории потребления, распределения и капитала). В заключительном разделе приводятся выводы относительно корректности гипотезы о степени влияния французских мыслителей на формирование экономической теории Адама Смита, высказанной в рамках «French Connection Theory».

Сходство «Лекций» и «Богатства народов»: разделение труда

Смит начинает анализ экономических вопросов в «Лекциях по юриспруденции» с рассуждений о разделении труда как о причине увеличения богатства в цивилизованном обществе [*Smith*, 1978. P. 340]. Он сравнивает обычного подёнщика и индийского принца, стоящего во главе 1 000 дикарей, и утверждает, что первый живёт лучше второго. Всё, чем обладает поденщик, — результат разделения труда; над его курткой, ботинками, инструментами трудилось огромное количество людей. Люди в цивилизованном обществе работают сообща, и тем самым зависимы друг от друга, в то же время дикари добывают всё лишь своим трудом, без взаимопомощи, и по этой причине обладают гораздо меньшими благами. Аналогичная точка зрения представлена и в начале книги 1 «Богатства народов»: «Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с каким он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда» [*Смит*, 2019. С. 13].

Далее в «Лекциях» Смит отмечает, как разделение труда умножает количество произведённого продукта, и приводит хрестоматийный пример булавочной мастерской. Он пишет, что один работник без всякой помощи едва сможет произвести одну булавку в год. Следовательно, цена такой булавки должна будет равняться годовой зарплате такого работника. Если предоставить ему сырье, за день он в одиночку сможет сделать около 20 булавок. Их стоимость будет равна дневной зарплате работника. Если же теперь разделить труд между 18 работниками, в день у них получится изготовить 36 000 булавок, по 2 000 на каждого. Как видно, это в 100 раз превышает производительность одного рабочего [*Smith*, 1978. Pp. 341–342]. Впоследствии этот пример был включён в «Богатство народов» [*Смит*, 2019. С. 14–15], а затем и вошёл в анналы истории экономической мысли.

И в «Лекциях», и в «Богатстве народов» Смит выделяет три фактора, оказывающие значительное влияние на производительность через разделение труда. Во-первых, он полагает, что при разделении труда увеличивается ловкость (dexterity) рабочего, тем самым увеличивая его производительность. В «Лекциях» он писал: «…когда работа разделена на множество самых простых операций, и один рабочий постоянно занят только одной из них, он достигает максимальной ловкости в ней и, значит, может делать во много раз больше работы, чем другие» [*Smith*, 1978. P. 345][4]. Аналогичное утверждение мы можем найти и в «Богатстве народов»: «Развитие ловкости рабочего обязательно

[4] Здесь и далее перевод подготовлен авторами.

увеличивает количество работы, которое он в состоянии выполнить, а разделение труда, сводя работу каждого рабочего к какой-нибудь простой операции и делая эту операцию единственным занятием всей его жизни, необходимо в значительной мере увеличивает ловкость рабочего» [*Смит*, 2019. С. 17–18].

Во-вторых, Смит отмечает, что разделение труда приводит к существенной экономии времени и, как следствие, увеличению производительности. «Совершенно очевидно, что в некоторых случаях, когда работа должна выполняться в разных местах, присутствует потеря времени» [*Smith*, 1978. P. 345]. Однако при разделении труда человек занят только одним видом деятельности, что уменьшает величину «потерянного времени» и увеличивает время, которое рабочий может потратить на труд. Схожие рассуждения представлены и в «Богатстве народов»: «Выгода, получаемая от экономии времени на переход от одного вида работы к другому, значительно больше, чем мы в состоянии с первого взгляда представить себе. Невозможно очень быстро переходить от одного вида работы к другому, поскольку она выполняется в другом месте и иными инструментами» [*Смит*, 2019. С. 18].

В-третьих, по мнению Смита, разделение труда приводит и к изобретению машин, что значительно увеличивает производительность. В «Лекциях» Смит иллюстрирует это несколькими примерами, которые, в свою очередь, отсутствуют в «Богатстве народов»: «Плуг с двумя мужчинами и тремя лошадьми вспашет больше земли, чем двадцать людей с лопатами. Ветряная или водяная мельница под управлением мельника сделает больше работы, чем восемь человек с ручными мельницами» [*Smith*, 1978. P. 346]. Также в «Лекциях» Смит замечает, что множество изобретений обязаны разделению труда: «Когда человек постоянно занят одним делом, его разум естественным образом занят разработкой путей его улучшения» [*Smith*, 1978. P. 346]. Так, Смит полагает, что фермер или пахарь является изобретателем плуга, а раб, которого посадили молоть кукурузу между двумя камнями, скорее всего изобрел ручную мельницу. Те же идеи присутствуют и в «Богатстве народов»: «Вследствие разделения труда всё внимание каждого работника, естественно, направляется на какой-нибудь один очень простой предмет. Естественно поэтому ожидать, что кто-либо из тех, кто занят в каждой специальной операции, скорее откроет более лёгкий и быстрый способ выполнения своей специальной работы, поскольку её характер допускает это» [*Смит*, 2019. С. 19–20].

В завершении Смит отмечает, что разделение труда — последствие склонности человека к мене, бартеру и обмену [*Smith*, 1978. P. 347]. Человек, по словам Смита, — единственное животное, имеющее понятие «соглашение» (contract). Заключая соглашение, человек не ожидает получить что-то даром, он отдаёт что-то взамен на то, что ему нужно. Люди, заключающие договор, в первую очередь ищут выгоды. «Когда вы приходите к пивовару или мяснику за пивом или мясом, вы объясняете им не то, насколько вы нуждаетесь в их товарах, а насколько это будет в их интересах позволить вам обладать их товарами за определённую цену. Вы обращаетесь не к их человеколюбию, а к их эгоизму» [*Smith*, 1978. P. 348]. Аналогичный пример можно найти и в «Богатстве народов»: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах» [*Смит*, 2019. С. 25–26].

Описанное позволяет утверждать, что Смит сформировал идею об эгоизме как ключевом факторе экономических отношений ещё до поездки во Францию и знакомства с физиократами. Таким образом, благодаря открытию «Лекций» гипотезу немецких экономистов о полном и безоговорочном влиянии Хатчесона и Юма на Смита в период до 1764 г. можно отвергнуть.

Сходство «Лекций» и «Богатства народов»: анализ цен

Анализ цен занимает важное место как в «Лекциях по юриспруденции», так и в главе 7 книги 1 «Богатства народов». В обеих работах Смит разделяет цену товара на естественную и рыночную [*Smith*, 1978. P. 356; Смит, 2019. С. 76–77].

В «Лекциях» Смит определяет естественную цену как цену, «необходимую для того, чтобы побудить человека заняться тем или иным ремеслом» [*Smith*, 1978. P. 356]. В этом случае естественная цена товаров отождествляется с естественной ценой труда, поэтому Смит продолжает рассуждения именно анализом цены труда, или заработной платы. Несмотря на то, что «каждое ремесло должно обеспечивать человека предметами первой необходимости», Смит отмечает, что этого «минимума» недостаточно: иначе все бы становились чернорабочими, которым не требуется никакого образования [*Smith*, 1978. P. 356–357]. Так, Смит вводит два фактора, влияющих на естественную цену труда или товаров: компенсацию за обучение и компенсацию за риск, связанный с профессией. «Заработная плата находится на своём естественном уровне, когда её вполне достаточно для содержания человека, покрытия расходов на образование и компенсации риска умереть до того, как эти издержки будут возмещены» [*Smith*, 1978. P. 355].

Следует отметить, что рассуждения о естественных ценах в «Богатстве народов» существенно отличаются по сравнению с более ранней версией[5]. Однако положения о компенсации обучения и риска, представленные в «Лекциях», затем вошли в главу 10 книги 1 «Богатства народов», посвящённую причинам неравенства заработной платы: «Пять следующих главных условий, насколько я мог наблюдать, компенсируют малый денежный заработок в одних занятиях и уравновешивают больший заработок в других: 1) приятность или неприятность самих занятий, 2) лёгкость и дешевизна или трудность и дороговизна обучения им, 3) постоянство или непостоянство занятий, 4) большее или меньшее доверие, оказываемое тем лицам, которые занимаются ими, и 5) вероятность или невероятность успеха в них» [*Смит*, 2019. С. 134]. Как видно, тезисы 2 и 5 совпадают с рассуждениями из «Лекций по юриспруденции». Таким образом, Смит впоследствии нашёл применение ранней версии теории естественных цен в новом качестве — теории заработной платы.

В то время как воззрения Смита о естественной цене претерпевали изменения, анализ рыночной цены, представленный в «Богатстве народов», повторяет его рассуждения о рыночной цене из «Лекций». Так, автор выделяет два фактора, влияющих на рыночную цену товара. Во-первых, Смит устанавливает зависимость рыночной цены товара от соотношения спроса и предложения: дефицит товара повышает его цену, а изобилие, наоборот, понижает [*Smith*, 1978. P. 358]. Во-вторых, он выделяет богатство или бедность спроса (riches or poverty of demand) (т.е. богатство покупателей) как фактор, определяющий рыночную цену в случае дефицита товара: если количество товара на рынке недостаточно для удовлетворения спроса, то происходит некое подобие аукциона, где стороны состязаются за право владения. Таким образом, «рыночная цена регулируется спросом и количеством, необходимым для удовлетворения этого спроса, и всякий раз, когда количества недостаточно, цена будет регулироваться богатством тех, кто являются покупателями» [*Smith*, 1978. P. 358]. Когда количество товара в избытке покрывает спрос, происходит обратный процесс: когда наиболее богатые люди удовлетворят свой спрос, товар все ещё будет представлен на рынке, а следовательно, станет доступен людям с более скромным состоянием. В результате именно последние будут определять цену товара [*Smith*, 1978. P. 359].

---

[5] Главное отличие заключается в анализе естественной цены: в «Лекциях» Смит отождествляет естественную цену товара с заработной платой, в то время как в «Богатстве народов» Смит делит её на три составляющие: заработную плату, ренту и прибыль. Подробный анализ представлен в разделе, посвящённом теории распределения.

Аналогичные суждения изложены и в «Богатстве народов»: «рыночная цена каждого отдельного товара определяется отношением между количеством, фактически доставленным на рынок, и спросом на него со стороны тех, кто готов уплатить его естественную цену» [*Смит*, 2019. С. 77]. Однако стоит отметить, что Смит уже не выделяет богатство покупателей как отдельный фактор и формулирует более общую зависимость рыночной цены от соотношения спроса и предложения: «Если количество товара, доставленного на рынок, не покрывает действительного спроса, то лица <…> не могут получить то именно количество товаров, которое им нужно. Не желая совсем остаться без него, некоторые из них предпочитают в таком случае заплатить за него несколько больше. Среди них начнется сейчас же конкуренция, и рыночная цена более или менее повысится в сравнении с естественной ценой в зависимости от того, насколько недостаток предложения товара, богатство и расточительность покупателей обострят конкуренцию» [*Смит*, 2019. С. 78]. Ситуация избытка товара на рынке рассмотрена в «Богатстве народов» со стороны предложения: «Рыночная цена падает сравнительно с уровнем естественной цены в зависимости от того, насколько избыток предложения товара обостряет конкуренцию между продавцами, или в зависимости от того, насколько им необходимо немедленно сбыть с рук этот товар» [*Смит*, 2019. С. 79].

Смит завершает рассуждения о ценах в «Лекциях по юриспруденции» анализом взаимосвязи между естественной и рыночной ценами. Поскольку в «Лекциях» естественная цена приравнивается к заработной плате, анализ сводится к вопросу определения равновесной заработной платы, в частности ситуации, когда одни профессии становятся более выгодными по сравнению с другими: «<…> если рыночная цена какого-либо ремесла будет значительно выше естественной, это ремесло будет невероятно прибыльным, и толпы людей начнут заниматься им с целью сколотить себе состояние. Соответственно тому, как будет увеличиваться число рук, будет увеличиваться и количество товаров, в результате товары станут доступнее, их смогут покупать люди классом ниже, и цена упадёт до уровня естественной. Так как изобилие и дешевизна — это одно и то же» [*Smith*, 1978. P. 359–360]. Смит обращает внимание на особый случай [*Smith*, 1978. P. 360]: в какой-то момент представителей особенно выгодной профессии может стать слишком много, рынок переполнится товарами, и вместо повышенной ставки эти рабочие будут получать меньше обычной (ordinary) оплаты труда в других занятиях. Это свидетельствует о том, что рыночная цена упала ниже естественной, и данное ремесло приносит меньше должного вознаграждения. В таком случае рабочий предпочтёт обучиться другому ремеслу, количество рук, занятых в данной профессии, уменьшится, уменьшится и количество товаров, а следовательно, рыночная цена возрастет до естественного уровня.

Эти наблюдения нашли место в главах о заработной плате в «Богатстве народов»: «Совокупность выгод и невыгод различных применений труда и капитала в одной и той же местности должна быть совершенно одинаковой или постоянно иметь тенденцию к равенству. Если бы в данной местности нашлось такое применение для труда и капитала, которое было бы очевидным образом более или менее выгодно, чем остальные применения, то к нему стремились бы в первом случае и покинули бы во втором случае столько людей и капитала, что в скором времени его выгоды снова оказались бы на одном уровне с другими применениями» [*Смит*, 2019. С. 133].

Таким образом, несмотря на некоторые отличия, большинство положений о ценах из «Лекций» нашли отражение и в magnum opus шотландского экономиста, что подчёркивает оригинальность идей Смита.

Сходство «Лекций» и «Богатства народов»: критика меркантилизма

Главу «О полиции» в «Лекциях» Смит завершает критикой меркантилистской системы, в «Богатстве народов» этому посвящена четвёртая книга.

В «Лекциях» Адам Смит подходит к разговору о меркантилизме со стороны анализа денег: «Деньги <…> служат двум различным целям. Во-первых, это измерение стоимости (value)[6]. <…> Во-вторых, это также инструмент коммерции, или средство обмена» [*Smith*, 1978. P. 368]. Смит видит деньги как особый товар, на который можно обменивать все другие товары. По этой причине богатство страны не измеряется только в деньгах. Несмотря на то, что товары, в отличие от золота и серебра, являются скоропортящимися, они, тем не менее, не уступают в стоимости драгоценным металлам, а наоборот, имеют более высокую реальную стоимость за счёт возможности их потребить (consumptibility): «Именно возможность потребить товар (потребляемость товара) делает его полезным» [*Smith*, 1978. P. 390]. Таким образом, товары — это цель любого человека, а деньги — средство её достижения. Следовательно, товары составляют основную часть богатства страны: «Не в деньгах состоит богатство <…>; оно состоит в изобилии предметов первой необходимости, жизненных удобств и в трудолюбии людей; деньги необходимы только для их обращения» [*Smith*, 1978. P. 378].

Характеристика денег, описанная в «Лекциях», совпадает с характеристикой, представленной в книге 1 «Богатства народов». Во-первых, Смит отмечает, что именно товар является конечной целью обладания деньгами: «Люди хотят обладать деньгами не ради них самих, а ради того, что они могут купить на них» [*Смит*, 2019. С. 22]. Во-вторых, он подчёркивает роль денег как инструмента обмена: «у всех цивилизованных народов деньги стали всеобщим орудием торговли, при посредстве которого продаются и покупаются всякого рода товары или же обмениваются один на другой» [*Смит*, 2019. С. 41]. Однако по сравнению с «Лекциями» Смит отказывается от рассмотрения денег как мерила стоимости. Он разделяет стоимость товара на потребительную и меновую. Первая из них отражает полезность предмета, а вторая — «возможность приобретения других предметов, которую даёт обладание данным предметом» [*Смит*, 2019. С. 41]. И несмотря на то, что «меновая стоимость каждого товара чаще расценивается по количеству денег, чем по количеству труда или какого-нибудь другого товара, которое можно получить в обмен на него» [*Смит*, 2019. С. 46], все же «именно труд составляет их действительную цену, а деньги составляют их номинальную цену» [*Смит*, 2019. С. 47]. Таким образом, в «Богатстве народов» Смит приходит к тому, что меновая стоимость товара может быть измерена только трудом, деньги, в свою очередь, лишь отражают эту величину количественно, или номинально. Подобный глубокий анализ ещё не был представлен в «Лекциях».

Анализ роли денег в экономической системе является необходимым фундаментом для критики меркантилизма, которая начинается в «Лекциях» с демонстрации несостоятельности запрета на вывоз монет. Как отмечает Смит, деньги не являются конечной целью людей [*Smith*, 1978. P. 384], поэтому их накопление в стране не принесет никакой выгоды. Деньги по Смиту — это в первую очередь средство обращения. Те деньги, которые не участвуют в обмене, являются «мёртвым запасом» (dead stock) и могли бы быть введены в оборот для получения прибыли, что, в свою очередь, привело бы к развитию производства и обогащению страны (increase the industry and wealth of the nation) [*Smith*, 1978. P. 384–385]. Без постороннего вмешательства, утверждает Смит, уровень денег в экономике будет всегда соответствовать равновесному, который необходим для её обслуживания: «Можно

[6] Несмотря на то, что «value» можно перевести и как «стоимость», и как «ценность», следуя устоявшейся терминологии, для описания идей экономистов классической школы здесь и далее используется именно первый вариант перевода [*История экономических учений*, 2000. С. 60–61].

не опасаться недостатка денег, потому что, если их будет слишком мало, они вскоре будут восполнены за счёт вывоза товаров, а если слишком много, они будут отправлены за границу за товарами либо в звонкой монете, либо в переплавке» [*Smith*, 1978. P. 386]. Таким образом, запрет на вывоз монет и слитков является пагубным для благосостояния страны, так как аккумулирует излишнее количество денег в экономике.

Похожие рассуждения о несостоятельности запрета на вывоз монет есть и на страницах книги 4 «Богатства народов». Идея о мёртвом запасе также нашла своё отражение в более поздней работе Смита: «Стоимость товаров, покупаемых и продаваемых в течение года в данной стране, требует определённого количества денег для обращения их и распределения среди соответствующих потребителей и не может дать применения добавочному количеству денег. Каналы обращения необходимо вбирают в себя сумму, достаточную для наполнения их, и никогда не вмещают сверх этого» [*Смит*, 2020. С. 25]. Опираясь на понятие мёртвого запаса, Смит в «Богатстве народов» критикует регулирование ввоза и вывоза валюты: «пытаться увеличить богатство страны посредством ввоза в неё или удержания в ней излишнего количества золота и серебра столь же нелепо, как нелепо было бы пытаться улучшить питание частных семей, заставляя их держать излишнее количество кухонной посуды. Подобно тому, как расход на покупку этой ненужной посуды понизит, а не повысит количество или качество пищи, употребляемой ими, так и расход на излишнее количество золота и серебра должен столь же необходимо уменьшить богатство, за счёт которого кормится, одевается, оплачивает свои жилища население страны и которое содержит его и даёт ему занятие» [*Смит*, 2020. С. 23–24]. Стоит также отметить, что в «Богатстве народов» Смит развивает аргумент об установлении равновесного количества денег в стране при отсутствии государственного вмешательства: «Когда количество золота и серебра, ввозимого в данную страну, превышает действительный спрос, никакие старания правительства не могут помешать их вывозу. <…> Напротив, если в какой-либо стране их количество окажется ниже действительного спроса, так что их цена превысит их цену в соседних странах, правительству не будет нужды прилагать усилий для ввоза их» [*Смит*, 2020, С. 17–18]; «количество звонкой монеты в каждой стране определяется стоимостью товаров, обращающихся в ней; достаточно этой стоимости возрасти, и немедленно часть товаров будет отправлена за границу для покупки, где это окажется возможным, добавочного количества монеты, необходимого для их обращения» [*Смит*, 2020. С. 23].

Рассуждение о торговом балансе страны является следующим этапом критики меркантилистской доктрины в «Лекциях по юриспруденции». Поскольку меркантилисты приравнивали богатство к деньгам, «все те отрасли, которые вывозили деньги из королевства, считались пагубными, а те, которые привозили деньги, считались весьма выгодными» [*Smith*, 1978. P. 389]. Смит сравнивает торговлю между странами с торговлей между индивидами. Если оба индивида разумны, их обмен будет выгоден обоим, «ибо сама причина обмена должна состоять в том, что вы нуждаетесь в моих товарах больше, чем я нуждаюсь в них, и что мне нужны ваши товары больше, чем вам самим» [*Smith*, 1978. P. 390]. Та же логика применима и к торговле между двумя странами: «если бы красное вино <в Шотландии> не ценилось больше, чем во Франции, <…> у <шотландца> не могло бы возникнуть искушения послать за ним. Возможно, он отдаст 1 000 фунтов во Франции за то, что здесь <в Шотландии> будет стоить 1 100» [*Smith*, 1978. P. 390]. Смит подчёркивает, что прямолинейное накопление звонкой монеты не улучшит как таковое благосостояние страны. Всё, чем владеет нация, прежде всего необходимо для обеспечения и поддержания её граждан, следовательно, конечной целью является потребление накопленных ресурсов, и не имеет значения, уходят ли деньги из страны или нет, если потребляется необходимое количество товаров. Ограничение торговли ведёт лишь к созданию мёртвого запаса, недопотреблению и, как следствие, ухудшению благосостояния страны: «Все эти национальные ревности, побуждающие <государства> злиться, недолюбливать друг друга и отказываться

от благ жизни, должны уменьшить обмен товаров, нанести ущерб разделению труда и уменьшить богатство обоих народов. <…> Из-за того, что мы запрещаем французские вина, мы полностью снабжаемся португальскими винами более низкого качества и по более высокой цене, чем мы могли бы получать из Франции» [*Smith*, 1978. Pp. 391–392].

В «Богатстве народов» Смит воспроизводит рассуждения об ограничении торговли из «Лекций»: «торговля, которая, помимо всяких искусственных воздействий или стеснений, естественно и нормально ведётся между двумя странами, всегда выгодна, хотя и не всегда одинаково, им обеим» [*Смит*, 2020. С. 89]. Пример с французским вином также вошёл в «Богатство народов»: «Если вина Франции лучше и дешевле португальских или если её полотно лучше немецкого, то для Великобритании выгоднее покупать нужное ей вино и заграничное полотно у Франции, а не у Португалии и Германии» [*Смит*, 2020. С. 70]. Смит дополняет свои рассуждения примером о выгоде торговли между Францией и Англией: «Если табак, стоящий в Англии только 100 тыс. фунтов, будучи отправлен во Францию, даст возможность приобрести вино, стоящее в Англии 110 тыс. фунтов, то такой обмен увеличит капитал Англии на 10 тыс. фунтов. Точно так же, если на 100 тыс. фунтов английским золотом можно купить вино, которое стоит в Англии 110 тыс. фунтов, то такой обмен тоже увеличит капитал Англии на 10 тыс. фунтов. Если купец, имеющий в своём погребе вина на 100 тыс. фунтов, богаче купца, имеющего у себя на складе табаку только на 100 тыс. фунтов, то он точно так же богаче того купца, который имеет в своих сундуках золота только на 100 тыс. фунтов» [*Смит*, 2020. С. 92].

Однако, если в «Лекциях» Смит фокусируется на обращении денег в экономике и характеристике денег как товара, то в «Богатстве народов» он глубже анализирует проблематику торгового баланса; этому посвящена вся третья глава книги 4. Смит рассматривает неразумность действий правительства с точки зрения самой меркантилистской системы. Во-первых, отрицательный торговый баланс ещё не означает, что торговля невыгодна, а общий баланс будет неблагоприятным: «Хотя и было несомненно, что при свободной торговле между Францией и Англией, например, баланс окажется в пользу Франции, это отнюдь не означало, что торговля будет невыгодна для Англии или что общий баланс всей её торговли окажется поэтому более неблагоприятным для неё» [*Смит*, 2020. С. 69–70]. Во-вторых, Смит обращает внимание на потенциальную возможность перепродажи товаров с выгодой, что приведёт к увеличению общего торгового баланса страны: «значительная часть этих товаров может быть снова вывезена в другие страны, где, будучи проданы с прибылью, они могут принести доход, равный по стоимости первоначальной цене всех вывезенных из Франции товаров» [*Смит*, 2020. С. 70]. В-третьих, Смит отвергает возможность точной оценки торгового баланса страны: «Не существует, наконец, надёжного критерия, при помощи которого мы можем определить, в чью пользу обращён так называемый баланс между данными двумя странами или какая из них вывозит на большую стоимость» [*Смит*, 2020. С. 70–71].

Таким образом, основные положения критики меркантилистской экономической политики были сформулированы ещё в «Лекциях». Аналогичные рассуждения представлены в книге 4 «Богатства народов», а значит, отношение Смита к меркантилизму было сформировано задолго до поездки во Францию.

Различие «Лекций» и «Богатства народов»: теория потребления

Говоря о различиях между работами Смита, в первую очередь следует обратить внимание на то, что подробный анализ теории потребления, представленный в «Лекциях по юриспруденции» в разделе «Дешевизна и изобилие» (Cheapness and Plenty), параграфах «О естественных потребностях человечества» (Of the Natural Wants of Mankind) и «О том,

что все умения подчинены естественным потребностям человечества» (That all the Arts are subservient to the Natural Wants of Mankind), отсутствует в «Богатстве народов». Смит пишет: «Человек — единственное существо на этой планете, обращающее внимание на отличия вещей, которые не влияют на их сущность или дают им какие-либо преимущества в удовлетворении природных потребностей» [*Smith*, 1978. P. 335]. В отличие от животных человек всегда стремится к улучшению потребляемых товаров, а не удовлетворяет свои потребности простейшими вещами. Смит выделяет три характеристики, которые делают вещь более или менее ценной для человека: цвет, форма, множество или редкость (imitation) [*Smith*, 1978. P. 335–336]. Продолжая рассуждения, Смит отмечает, что почти все существующие профессии были созданы и усовершенствованы человеком для удовлетворения своих главных потребностей (в пище, одежде и ночлеге). Таким образом, все умения (arts) подчинены естественным потребностям человека: «в определённой степени все искусства и науки, законы и государства, вся мудрость и добродетель имеют целью обеспечение едой, одеждой и жильем любого, даже самого простого, человека» [Smith, 1978. P. 338].

Подобный анализ теории потребления отсутствует в «Богатстве народов»; вместо этого Смит начинает работу с известного «Введения» и сразу переходит к исследованию стороны производства и влияния разделения труда. Редактор первого издания «Лекций» Эдвин Кеннан отмечает, что разделы о теории потребления исключены из позднейшего труда Смита, однако затрудняется объяснить причину данного изменения [Cannan, 1896. P. xxvii].

В свою очередь, сразу после публикации издания Кеннана были выдвинуты предположения, что раздел о теории потребления был исключён из «Богатства народов» вследствие влияния физиократов [*Bastable*, 1898, P. 206–209; *Hasbach*, 1897. P. 695–697]. Хасбах отмечал, что меркантилисты, предшественники Смита и физиократов, также начинали свой экономический анализ с аспекта потребления, полагая, что именно спрос определяет уровень занятости и экономического роста, является двигателем экономики. Так, спрос был лишь началом цепочки, а производство — её концом; интересы производителей ставились превыше интересов потребителей, а значит, промышленность и торговля должны были быть под защитой.

Теория физиократов радикально отличалась от идей меркантилистов[7]. В своей модели экономического кругооборота, «Экономической таблице», лидер французских физиократов Франсуа Кенэ определяет три социально-экономических класса: фермеров, собственников земли и ремесленников, занятых в производстве [*Кенэ*, 2008. С. 350]. Физиократы и Кенэ полагали, что только сельское хозяйство способно генерировать прибавочный продукт (излишек), и определяли фермеров как производительный класс. В «Экономической таблице» ремесленники играли важную роль, так как их продукция была необходима всей экономике, однако, по мнению Кенэ, их деятельность не создавала излишка, они лишь преобразовывали продукт фермеров, и поэтому рассматривались как «бесплодный класс». В свою очередь, собственники земли (государь, землевладельцы, аристократы) выступали как распределительный класс, обеспечивающий кругооборот продукта. Таким образом, вопреки мнению меркантилистов о том, что богатство состоит в деньгах, физиократы настаивали на том, что богатство создавалось в процессе сельскохозяйственного производства, а экономическая наука (science économique) должна начинаться с изучения производства, а не потребления.

---

[7] Экономические воззрения физиократов как в целом (см., напр. [*История экономических учений*, 2000. С. 53–56; *Demals, Faccarello*, 2016], так и их влияние на Адама Смита в частности (см., напр.: [*Eltis*, 2000. Pp. 68–70; *Peters-Fransen*, 2001; *Skinner*, 1997. Pp. 9–16]) подробно изучены в современной литературе, поэтому в данной работе упоминаются лишь те аспекты, которые позволяют уточнить развитие экономической теории Смита.

В «Богатстве народов» Смит принимает сторону физиократов и развивает их идеи. Так, он считает производительным не только сельскохозяйственный труд, но любой экономический труд, который «увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается» [*Смит*, 2019. С. 421]. «<…> главная ошибка этой теории <теории физиократов> состоит, как кажется, в изображении класса ремесленников, мануфактуристов и купцов как совершенно бесплодного и непроизводительного» [*Смит*, 2020. С. 339]. В глазах Смита двигателем экономики становится производительный труд, производство перестаёт быть целью проведения государственной политики, а интересы потребителей становятся важнее интересов производителей [*Hasbach*, 1897. P. 697]. «Потребление является единственной целью всякого производства, и интересы производителя заслуживают внимания лишь постольку, поскольку они могут служить интересам потребителя. Положение это настолько самоочевидно, что было бы нелепо даже пытаться доказывать его. Между тем при господстве меркантилистической системы интересы потребителя почти постоянно приносятся в жертву интересам производителя, и эта система, по-видимому, признаёт не потребление, а производство главной и конечной целью всякой промышленной деятельности и торговли» [*Смит*, 2020. С. 320–321].

Таким образом, опираясь на воззрения физиократов, Смит полностью отвергает меркантилистские идеи (считая их своего рода злом), и развивает теоретическую систему, где целью производства является потребление. Описанная логика, как нам представляется, подтолкнула Смита исключить раздел о теории потребления из «Лекций», сконцентрировавшись на анализе производства в начале «Богатства народов».

Различие «Лекций» и «Богатства народов»: теория распределения

Несмотря на описанные ранее сходства, Смит в «Богатстве народов» представил гораздо более развернутый теоретический анализ по сравнению с тем, что был изложен в «Лекциях по юриспруденции». Так, в «Лекциях» Смит отождествляет естественную цену товаров с заработной платой и, следовательно, естественной ценой труда.

Однако в «Богатстве народов» Смит рассматривает естественную цену по-другому; он разделяет её на три составляющие: заработную плату, ренту и прибыль на капитал. Если в «Лекциях» Смит приравнивал естественную цену товаров и естественную цену труда, то в «Богатстве народов» он отмечает, что цена товара находится на естественном уровне, лишь когда все три компонента тоже находятся на естественном: «Если цена какого-либо товара соответствует тому, что необходимо для оплаты в соответствии с их естественными нормами земельной ренты, заработной платы и прибыли на капитал, затраченной при добыче, обработке и доставке его на рынок, то товар этот продаётся, можно сказать, по его естественной цене» [*Смит*, 2019. С. 76]. Из существования трёх компонентов естественной цены Смит в «Богатстве народов» делает предположение о существовании трёх факторов производства: труда, земли и капитала: «Всякий человек, который получает свой доход из источника, принадлежащего лично ему, должен получать его либо от своего труда, либо от своего капитала, либо от своей земли. Доход, получаемый от труда, называется заработной платой; доход, получаемый с капитала лицом, которое лично употребляет его в дело, называется прибылью; доход, получаемый с него лицом, которое не употребляет его в дело, а ссужает его другому, называется процентом или денежным ростом <…> Доход, получающийся целиком с земли, называется рентой и достаётся землевладельцу» [*Смит*, 2019. С. 72–73].

Аналогичные рассуждения о заработной плате, ренте и прибыли на капитал как вознаграждении за факторы производства можно найти и в работах физиократов. Во-первых, Смит заимствует фундаментальную идею о разделении общества на три класса у Кенэ, что,

в свою очередь, позволяет определить три фактора производства и компонента естественной цены. Этот факт отмечают и ранние рецензенты «Лекций» [*Bastable*, 1898. P. 205].

Во-вторых, связь Смита и физиократов можно проследить и через работы Жака Тюрго[8]. Последний, по сравнению с Кенэ, разделяет предпринимателей и наёмных работников, а соответственно различает прибыль и заработную плату: «Весь класс, занятый изготовлением бесконечно разнообразных произведений промышленности для удовлетворения различных потребностей общества, распадается, так сказать, на два разряда: на предпринимателей-мануфактуристов, хозяев-фабрикантов; все они являются обладателями больших капиталов, которые они употребляют для получения прибыли, давая работу за счёт своих авансов. Второй разряд состоит из простых ремесленников, которые не имеют ничего кроме своих рук, которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и прибыль которых сводится к получению заработной платы» [*Тюрго*, 2008. С. 609].

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что элементы теории распределения Смит воспринял при знакомстве с физиократами во время поездки во Францию и в дальнейшем использовал их в «Богатстве народов».

Различие «Лекций» и «Богатства народов»: капитал

Концепция капитала в «Богатстве народов» стала действительно радикальным нововведением по сравнению с «Лекциями по юриспруденции». В ранней работе Смита можно усмотреть лишь наброски той теории, которая будет представлена в книге 2 «Богатства народов». Во-первых, ещё в «Лекциях» Смит отмечал, что разделению труда обязательно должно предшествовать накопление «запаса»: «пока не будет произведено некоторое количество запасов, не может быть разделения труда, а до того, как произойдёт разделение труда, накопление запасов может быть очень небольшим» [*Cannan*, 1896. P. 223]. Этим наблюдением Смит открывает и книгу 2 «Богатства народов», посвящённую всецело анализу капитала: «накопление запасов в силу естественного хода вещей должно предшествовать разделению труда» [*Смит*, 2019. С. 346]. Во-вторых, следующий отрывок можно интерпретировать, как рассуждение о капитале, затрачиваемом на содержание производительных рабочих: «количество занятых рабочих рук (the number of hands employed in business) зависит от складского запаса (stored stock) в королевстве, а в каждой отдельной отрасли — от складского запаса работодателей» [*Smith*, 1978. P. 365]. Однако приведённые цитаты — это скорее единичные и вырванные из контекста случаи, которые не складываются в полноценную теорию капитала. В «Лекциях» Смит не проводит границы между запасами и капиталом, как это сделано в «Богатстве народов». В последнем он разделяет запасы человека на две части: «та часть, от которой он ожидает получить доход, называется его капиталом» [*Смит*, 2019. С. 348]; другая же часть «идёт на непосредственное его потребление» [*Смит*, 2019. С. 348]. Само слово «капитал» ни разу не появляется в «Лекциях».

Таким образом, до поездки во Францию понятие капитала отсутствовало в работах Смита, а следовательно, можно предположить, что значительное развитие этой теории в «Богатстве народов» произошло именно под влиянием физиократов. Действительно, в «Экономической таблице» Кенэ вводит понятие затрат (авансов): первоначальных затрат (les avances primitives) — инвестиций в основной капитал и ежегодных затрат (les avances annuelles) — инвестиций в оборотный капитал: «Ежегодные затраты заключаются в расходах, производимых ежегодно на земледельческую работу; эти затраты должны быть

[8] Анн Робер Жак Тюрго (1727–1781) — французский экономист, философ и государственный деятель, занимавший в 1774–1776 гг. пост министра финансов Людовика XVI. Тюрго значительно развил идеи Кенэ. Взаимодействие Тюрго и Смита представляет отдельную научную проблему (см., напр. [*Groenewegen*, 1969; *Meek*, 1971]).

отличаемы от первоначальных затрат, которые составляют фонд земледельческого оборудования» [*Кенэ*, 2008. С. 351]. Кенэ отмечает, что ежегодные авансы в течение года переходят от одного класса к другому, в то время как первоначальные авансы всегда остаются во владении одного класса для воспроизведения производственного цикла, т.е. часть общественного продукта не может потребляться, она должна обеспечивать воспроизводство понесённых затрат и нормальное продолжительное функционирование экономической системы.

Опираясь на «Экономическую таблицу», Смит раскрывает концепцию капитала в главе 1 книги 2 «Богатства народов». Во-первых, он интерпретирует первоначальные авансы физиократов как основной капитал, т.е. капитал, который «может быть употреблён на улучшение земли, на покупку полезных машин и инструментов или других подобных предметов, которые приносят доход, или прибыль, без перехода от одного владельца к другому или без дальнейшего обращения» [*Смит*, 2019. С. 349]. Во-вторых, Смит, основываясь на понятии ежегодных авансов, определяет оборотный капитал как капитал, который «постоянно уходит от него <купца> в одной форме и возвращается к нему в другой, и только путём такого обращения или последовательных обменов он может приносить ему какую бы то ни было прибыль» [*Смит*, 2019. С. 349].

Работы Тюрго также оказали существенное влияние на развитие теории капитала в «Богатстве народов». Продолжая анализ факторов производства, Тюрго выделяет пять различных применений капитала: земля, торговля, производство, сельское хозяйство и ссуда под процент. Он также отмечает, что эти применения капитала имеют различную отдачу: «Различное употребление капиталов приносит, таким образом, весьма неравные <по количеству> продукты; но это неравенство не мешает им оказывать взаимное влияние друг на друга, так что между ними устанавливается своего рода равновесие, как между двумя жидкостями неравного веса в двух сообщающихся сосудах, соединённых внизу трубкой; жидкости не были бы на одном уровне, если бы уровень одной из них мог повыситься, не вызвав повышения уровня в другом сосуде» [*Тюрго*, 2008. С. 626]. Отсюда Тюрго делает вывод, если равновесие нарушается, то придут в движение силы, которые будут стремиться восстановить его: «Одним словом, по мере того как прибыли, получающиеся из какого-либо употребления денег, увеличиваются или уменьшаются, капиталы вкладываются в одни дела и извлекаются из других, а это неизбежно изменяет в каждом из этих употреблений отношение капитала к годичному продукту. Вообще деньги, превращённые в земельный фонд, приносят меньше, чем одолженные деньги, а одолженные деньги приносят меньше, чем деньги, вложенные в работающие предприятия, но продукт <т.е. доход от> денег, употреблённых любым способом, не может увеличиться или уменьшиться без соответствующего увеличения или уменьшения во всех других применениях <денег или капитала>» [*Тюрго*, 2008. С. 626].

Применения капитала, описанные Тюрго, нашли отражение в «Богатстве народов» [*Skinner*, 1997. P. 15]. Во-первых, в главе 5 книги 2 Смит пишет о четырёх различных видах применения капитала: «Капитал может затрачиваться четырьмя различными способами: он, во-первых, употребляется на добывание сырого продукта, требующегося ежегодно обществу для его потребления и нужд; он может, во-вторых, употребляться на выделку и переработку этого сырого продукта для непосредственного использования и потребления; в-третьих, он может употребляться на перевозку сырых или готовых продуктов из тех мест, где они имеются в избытке, в места, где их недостаёт; наконец, в-четвёртых, он может употребляться на разделение тех или других продуктов на такие малые партии, какие соответствуют нуждам их потребителей. Первым способом затрачиваются капиталы тех, кто занимается улучшением или обработкой земли, разработкой рудников или рыболовством; вторым способом употребляются капиталы всех предпринимателей в мануфактурах; третьим способом — всех оптовых торговцев и четвёртым — розничных торговцев» [*Смит*,

2019. С. 460]. Смит рассматривает возможность ссуды капитала под процент (пятый вариант применения капитала по Тюрго) в главе 4 книги 2: «На свои запасы, ссужаемые под проценты, заимодавец всегда смотрит как на капитал» [*Смит*, 2019. С. 448]. Таким образом, в «Богатстве народов» представлены всё те же применения капитала, которые были предложены в работах Тюрго.

Рассуждения Тюрго о различной отдаче от применения капитала также нашли отражение в «Богатстве народов». Смит, как и Тюрго, выделяет некоторые условия, которые в той или иной степени влияют на прибыль с капитала, а именно: «привлекательность или непривлекательность данного занятия и больший или меньший риск, связанный с ним» [*Смит*, 2019. С. 149]. Тем самым из этих условий возникает различие в отдаче от капитала.

Исходя из представленного анализа, можно сделать несколько заключений о развитии концепции капитала в работах Адама Смита. Во-первых, теория капитала ещё не была сформулирована до путешествия во Францию, о чём свидетельствует анализ «Лекций». Во-вторых, подтверждается гипотеза о значительном заимствовании идей о капитале из работ физиократов, с которыми Смит познакомился во время поездки. Однако не следует преуменьшать вклад Смита, идеи физиократов стали лишь основой для теории шотландского экономиста и претерпели ряд преобразований, прежде чем войти в «Богатство народов».

Заключение

С момента формулировки «Das Adam Smith Problem» и «French Connection Theory» прошло более 150 лет. За это время научная проблема приобретала новые подходы к рассмотрению, а введение в научный оборот ранее неизданных работ Адама Смита позволили уточнить процесс развития его идей. Изучение «Лекций по юриспруденции» позволяет провести более ясное разграничение между оригинальными идеями Смита и теми, что он воспринял во время путешествия во Францию.

Как было показано в данной работе, ещё до знакомства с идеями физиократов Смит сформулировал основные тезисы о разделении труда, механизме ценообразования и недостатках меркантилистской системы. Анализ «Лекций» позволяет, в частности, отвергнуть резкую критику Скаржинского об отсутствии оригинальных идей Смита в «Богатстве народов».

Тем не менее гипотезу о влиянии физиократов на воззрения Смита, высказанную в рамках «French Connection Theory», полностью отвергнуть невозможно. Действительно, знакомство с идеями французских мыслителей оказало огромное влияние на экономическую мысль Смита, а самого Кенэ он характеризовал как «одного из самых достойных людей во Франции и одного из лучших врачей, которого можно встретить в любой стране» [*Smith*, 1987. P. 120]. Несмотря на то, что Смит не был готов принять идеи физиократов в целом и «Экономическую таблицу» в частности в первозданном виде, он увидел фундамент для дальнейшего развития своей экономической теории [*Eltis*, 2000. P. 315]. Разделение общества на три класса, адаптация теории естественной цены, роль труда в теории стоимости, введение понятия капитала — всё это результаты восприятия теории физиократов [*Eltis*, 2001. Pp. 195–196].

Таким образом, изучение «Лекций по юриспруденции» позволяет провести относительно чёткую грань между тем, на каком этапе находилась мысль Адама Смита до и после поездки во Францию, и тем самым приблизить академическое сообщество к решению «Das Adam Smith Problem».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

История экономических учений (2000). / В.С. Автономов, О.И. Ананьин, Н.А. Макашева (ред.) [*History of Economic Thought* (2000). / V.S. Avtonomov, O.I. Anan'in, N.A. Makasheva (eds.)]. — М.: ИНФРА-М.

Кенэ Ф. (2008). Объяснение «Экономической таблицы» [*Quesnay F.* (2008). Explanation of the «Economic Table»] // *Физиократы. Избранные экономические произведения* / Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П. С. Дюпон де Немур — М.: Эксмо. С. 350–366.

Смит А. (2019). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Кн. 1-3 [*Smith A.* (2019). An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Books 1-3]. — М.: Азбука.

Смит А. (2020). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Кн. 4-5 [*Smith A.* (2020). An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Books 4-5]. — М.: Азбука.

Тюрго А.Р.Ж. (2008). Размышления о создании и распределении [*Turgot A.R.J.* (2008). Reflections on the Formation and Distribution of Wealth] // *Физиократы. Избранные экономические произведения* / Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П. С. Дюпон де Немур — М.: Эксмо. С. 578–635.

Bastable C.F. (1898). Adam Smith's Lectures on «Jurisprudence» // *Hermathena*. Vol. 10. No. 24. Pp. 200–211. URL: https://www.jstor.org/stable/23036559.

Brentano L. (1877). *Das Arbeitsverhaltniss Gemass dem Heutigen Recht: Geschichtliche und Okonomische Studien.* — Leipzig: Verlag von Duncker & Humbolt.

Cannan E. (1896). *Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Delivered in the University of Glasgow by Adam Smith. Reported by a Student in 1763 and Edited with an Introduction and Notes by Edwin Cannan*. — Oxford: Clarendon Press.

Cunha A.M. (2023). Smith At 300: Adam Smith and the Idea of «Police» // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 45. No. 2. Pp. 198–200. DOI: 10.1017/S1053837222000591.

Demals T., Faccarello G. (2016). Chapter 6: French Enlightenment // *Handbook on the History of Economic Analysis*. Vol. II / G. Faccarello, H. D. Kurz (eds.). — Cheltenham: Edward Elgar Publishing. Pp. 75–91.

Dickey L. (1986). Historizing the «Adam Smith Problem»: Conceptual, Historiographical, and Textual Issues // *Journal of Modern History*. Vol. 58. No. 3. Pp. 579–609. URL: https://www.jstor.org/stable/1880228.

Eltis W. (2000). *The Classical Theory of Economic Growth.* — Houndmills: Palgrave.

Eltis W. (2001). The French Foundations of the Classical Canon // *Reflections on the Classical Canon in Economics. Essays in honor of Samuel Hollander* / E. L. Forget, S. Peart (eds.). — London: Routledge. Pp. 185–204.

Groenewegen P. D. (1968). Turgot and Adam Smith // *Scottish Journal of Political Economy*. Vol. 16. No. 3. Pp. 271–287. DOI: 10.1111/J.1467-9485.1968.TB00017.X.

Hasbach W. (1897). Adam Smith's Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms // *Political Science Quarterly*. Vol. 12. No. 4. Pp. 684–698. DOI: 10.2307/2139691.

Heilbroner R.L. (2024). Adam Smith. // *Encyclopedia Britannica*. URL: https://www.britannica.com/biography/Adam-Smith (access date: 07.02.2024).

Johnson S. (1755). police, n.s. // *A Dictionary of the English Language*. URL: https://johnsonsdictionaryonline.com/1755/police_ns (access date: 04.03.2024).

Knies K. (1853). *Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der Geschichtlichen Methode*. — Braunschweig: C.A. Schwetschke und Sohn (M. Brunh).

Meek R.L. (1971). Smith, Turgot, and the «Four Stages» Theory // *History of Political Economy*. Vol. 3. No. 1. Pp. 9–27.

Montes L. (2003). Das Adam Smith Problem: Its Origins, the Stages of the Current Debate, and One Implication for Our Understanding of Sympathy // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 25. No. 1. Pp. 63–90. DOI: 10.1080/1042771032000058325.

Nieli R. (1986). Spheres of Intimacy and the Adam Smith Problem // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 47. No. 4. Pp. 611–624. DOI: 10.2307/2709721.

Onken A. (1897). The Consistency of Adam Smith // *The Economic Journal*. Vol. 7. No. 27. Pp. 443–450. DOI: 10.2307/2957137.

Otteson J.R. (2000). The Recurring «Adam Smith Problem» // *History of Philosophy Quarterly*. Vol. 17. No. 1. Pp. 51–74. URL: https://www.jstor.org/stable/27744839.

Peters-Fransen I. (2001). The canon in the history of the Adam Smith problem // *Reflections on the Classical Canon in Economics. Essays in honor of Samuel Hollander* / E. L. Forget, S. Peart (eds.). — London: Routledge. Pp. 168–184.

Skarzynski W. (1878). *Adam Smith als Moralphilosoph und Schopfer der Nationalokonomie: Ein Beittrag zur Geschichte der Nationalokonomie*. — Berlin: Verlag und Theobald Grieben.

Smith A. (1978). *Lectures on Juriceprudence* // R.L. Meek, D.D. Raphael, P.G. Stein (eds.). — Oxford: Claredon Press.

Smith A. (1984). *The Theory of Moral Sentiments* // D.D. Raphael, A.L. Macfie (eds.). — Indianapolis, IN: Liberty Fund.

Smith A. (1987). *The correspondence of Adam Smith* // E.C. Mossner, I.S. Ross (eds.). — Indianapolis, IN: Liberty Fund.

Tribe K. (2008). «Das Adam Smith Problem» and the origins of modern Smith scholarship // *History of European Ideas*. Vol. 34. No. 3. Pp. 514–525. DOI: 10.1016/J.HISTEUROIDEAS.2008.02.001.

Witztum A. (1998). A Study into Smith's Conception of the Human Character: Das Adam Smith Problem Revisited // *History of Political Economy*. Vol. 30. No. 3. Pp. 489–513. DOI: 10.1215/00182702-30-3-489.

Галеев Антон Владиславович
agaleev@hse.ru

Anton Galeev
Candidate of Sciences in Economics, Senior Lecturer, HSE University (Moscow)
agaleev@hse.ru

Черников Олег Владимирович
ovchernikov@edu.hse.ru

Oleg Chernikov
Research assistant, HSE University (Moscow)
ovchernikov@edu.hse.ru

"LECTURES ON JURISPRUDENCE" IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ADAM SMITH'S ECONOMIC THEORY

Abstract. The contradiction in Adam Smith's views on human nature, as outlined in his works published during his lifetime, "The Theory of Moral Sentiments" (1759) and "An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations" (1776), prompted economists to study the development of the ideas of the Scottish economist. Representatives of the Old German Historical School in the mid-19th century were the first to suggest that Smith's acquaintance with the physiocrats' ideas during his travels in France significantly influenced his economic theory and explains the differences between "The Theory of Moral Sentiments" and "The Wealth of Nations". This hypothesis became known as the "French Connection Theory". Significant development in understanding of the evolution of Smith's ideas comes from his previously unpublished works. Thus, the lecture notes that Smith delivered as part of his course on moral philosophy at the University of Glasgow were first published in 1896. Those "Lectures on Jurisprudence, Police, Revenue, and Arms" also included the early version of his economic theory. This paper studies the development of Adam Smith's economic ideas based on the "Lectures on Jurisprudence". The analysis results in a clearer distinction between Smith's original ideas and those he drew from physiocrats, thus refining the "French Connection Theory". The paper shows that even before becoming acquainted with the physiocrats' theory, Smith formulated the main theses on division of labor, pricing, and critics of the mercantilist system. However, the study confirms a significant influence of the physiocrats on the development of Smith's theory. The reception of French ideas resulted in formulation of theories of natural value, distribution, and capital in "The Wealth of Nations". Thus, we cannot completely refute the "French Connection Theory" hypothesis.

Key words: *Adam Smith, Lectures on Jurisprudence, Physiocrats, Classical Political Economy, Das Adam Smith Problem, French Connection Theory.*
JEL: B12, B31.

О.Н. Борох
к.э.н, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (Москва)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЧАН КАЙШИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (Часть 1. Китайские и зарубежные отклики 1940-х гг.)

Аннотация. В статье исследуются проблемы восприятия книги Чан Кайши «Китайское экономическое учение» (1943), обусловленные политическими подходами и академическим контекстом. Эта работа была одновременно частью пропаганды Гоминьдана и отражением научных поисков китайского экономического сообщества. До 1949 г. внутри Китая книгу хвалили сторонники официальной идеологии и критиковали марксистские экономисты. Публикация снабжённого крайне негативными по отношению к автору комментариями перевода книги на английский язык оказала значительное воздействие на иностранную аудиторию. Оценка научного содержания работы была подчинена осуждению Чан Кайши как политического деятеля. Критика взглядов лидера Гоминьдана вытеснила на задний план анализ его доводов в пользу разработки китайского экономического учения, опирающегося на древнюю традицию. Пояснения к английскому переводу принципиально отвергали возможность существования специфической китайской экономической теории, отличающейся от западной и тем более превосходящей её.

Ключевые слова: *Республиканский Китай, Чан Кайши, китайская экономическая мысль, перевод экономического текста, западная экономическая наука.*
JEL: B2, B31, A13
УДК: 330.83
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_139_150
© О.Н. Борох, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *: Борох О.Н.* Экономическое учение Чан Кайши: политические оценки и академические интерпретации (Часть 1. Китайские и зарубежные отклики 1940-х годов) // Вопросы теоретической экономики // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 139–150. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_139_150.
FOR CITATION: *Borokh O.* Economic Teaching of Chiang Kai-Shek: Political Assessments and Academic Interpretations (Part 1. Chinese and Foreign Reactions of the 1940s) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 139–150. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_139_150.

Введение

Чан Кайши вошёл в историю как глава Китайской республики и лидер партии Гоминьдан. Исследователи проявили интерес к его биографии, государственной деятельности и политическим воззрениям [*Воронцов*, 1974; *Панцов*, 2019; *Hahn*, 1955; *Furuya*, 1981; *Lattimore*, 1990; *Taylor*, 2009]. Особой темой стало обсуждение ответственности Чан Кайши за поражение гоминьдановской власти в гражданской войне [*Fenby*, 2003].

Советские авторы рассматривали экономические взгляды Чан Кайши прежде всего через призму анализа политики Гоминьдана [*Меликсетов*, 1977] и сопоставлений с социально-экономическими взглядами предшествовавшего и последующего лидеров Китая — Сунь Ятсена [*Бергер*, 1973; *Сухарчук*, 1983] и Мао Цзэдуна [*Сухарчук*, 1983]. Представления Чан Кайши о перспективах создания национально окрашенной китайской экономической теории в полной мере изучены не были. Однако предпринятые в этой сфере усилия стали важной частью наследия политика, попытавшегося внести свой вклад в китайскую экономическую науку.

Книга Чан Кайши «Китайское экономическое учение» вышла в свет ограниченным тиражом в 1943 г. [*Jiang Zhongzheng*, 1943] и была несколько раз переиздана в 1944 г. [*Jiang Zhongzheng*, 1944]. В подготовке черновика участвовал Тао Сишэн, в прошлом профессор Пекинского университета. Содержание работы стало доступно иностранному читателю после публикации в 1946 г. в американском журнале «Amerasia» перевода, сделанного без ведома автора. Книжное издание под названием «Китайская экономическая теория» вышло в 1947 г. с разоблачительными политическими комментариями [*Chiang Kai-shek*, 1947a].

Историческая судьба книги Чан Кайши «Китайское экономическое учение» может быть рассмотрена с нескольких точек зрения. Во-первых, эта работа характеризует политическую идеологию партии Гоминьдан в период Войны сопротивления Японии. Во-вторых, книга стала частью истории китайской экономической мысли первой половины двадцатого столетия. В-третьих, представляет интерес история восприятия её за рубежом.

В отличие от многих китайских политических и экономических текстов республиканского периода, долгое время остававшихся неизвестными в других странах, перевод на английский язык сделал «Китайское экономическое учение» доступным для иностранной аудитории, породив иллюзию ненужности обращения к китайскому оригиналу. Первоисточник требовал от исследователя хорошего знания древней китайской традиции, истории западной экономической мысли и китайской политической идеологии первой половины XX в. Доверившись американскому изданию, читатель воспринимал книгу Чан Кайши вместе с предельно негативными по отношению к автору политическими комментариями.

Пропагандирующая самобытную экономическую идеологию и политику книга была предназначена для партийной учёбы. Чан Кайши намеревался создать элементарное пособие по экономике, которое должно было стать дополнением к учебнику «Принципы политики». Отказ от первоначального названия — «Принципы экономики» в пользу «Китайского экономического учения» отразил важность историко-культурного пласта, нацеленного на поддержку патриотических чувств в годы войны и подготовку к послевоенному развитию с учётом национальной специфики.

С начала XX в. проблема соотношения экономических идей Китая и Запада занимала важное место в китайских спорах о пути развития экономического знания. Книга Чан Кайши стала частью этих поисков. Созданный с помощью хорошо образованных консультантов текст оказался достаточно весомым и глубоким, что позволяет рассматривать «Китайское экономическое учение» как научное произведение. Работа соединила политическую пропаганду с углублённой и профессиональной трактовкой истории китайской и зарубежной экономической мысли. Традиционные китайские экономические концепции были вплетены в канву «государственной экономической науки». Однако глубокий отпечаток официальной политической идеологии не позволил книге встать в один ряд с исследовательскими трудами и университетскими учебниками, подготовленными китайскими экономистами республиканского периода.

Целью статьи является выявление специфики трактовки «Китайского экономического учения» в английском переводе и её преломления в советских публикациях. Предпринята попытка продемонстрировать различия интерпретаций этой работы, обусловленные политическими взглядами и академическим контекстом. Поставлена задача

выявить влияние на перевод и оценки книги политических предпочтений, обусловленных отношением к Чан Кайши как к партийному и государственному деятелю.

В статье рассматривается специфика восприятия «Китайского экономического учения» отечественными авторами через призму советских представлений об экономической науке. Консультанты Чан Кайши в ряде случаев были знакомы с западными экономическими теориями лучше, чем советские востоковеды послевоенного периода. Это было заметно как во второй половине 1940-х гг., так и в 1970-е гг. при сохранении относительной интеллектуальной самоизоляции от мировой экономической науки в условиях господства советской политической экономии. Отечественные исследователи не всегда могли чётко понять, чем обусловлены оценки западных экономических идей в книге Чан Кайши, и потому стремились по возможности обходить эти вопросы стороной.

Китайские оценки книги Чан Кайши (1940-е годы)

Работа Чан Кайши отражала позиции достаточно влиятельного в 1920–1940-е гг. экономического течения народного благосостояния, выросшего из наследия Сунь Ятсена. Сторонники власти восприняли появление «Китайского экономического учения» как призыв к углублённой разработке теоретических аспектов идеологии народного благосостояния. Апологеты писали, что каждое слово книги «подобно жемчугу», её «можно перечитывать сотни раз, не уставая». Они призывали китайских экономистов изучать философию экономики и взять на себя миссию развития китайской экономической науки [*Lin Rong*, 1944. P. 31].

«Китайскому экономическому учению» приписывали роль «компаса» развития страны. Работу преподносили как изложение руководящих принципов экономического строительства, обладающих теоретической и даже практической ценностью — например, в осуществлении аграрной политики. Книга внушала уверенность в перспективах экономического развития Китая, стремившегося к обретению суверенитета и независимости. Появился тезис о прорывном идеологическом значении работы, ставшей символом превращения гоминьдановской экономической науки народного благосостояния в «государственную экономическую науку Китая» [*Yang Xuantang*, 1943]. Отмечалось, что экономическая наука появилась в Китае лишь после публикации книги Чан Кайши [*Li Zhongshu*, 1944].

Часть исследователей той эпохи поддержала усилия по созданию национальной экономической науки, призванной дать ответ на неэффективность использования в Китае западных теорий. В декабре 1943 г. экономист Чэнь Баоинь, предположительно участвовавший в написании черновика работы Чан Кайши [*Jaffe*, 1947a. P. 24], опубликовал статью «Особый характер и система экономической науки народного благосостояния» [*Zhang Shen, Xin Yaoyao*, 2020. P. 114]. Он полагал, что разработка этого теоретического направления поможет отсталой китайской экономике догнать передовые страны без больших страданий и бедствий капитализма.

Поддерживавшие гоминьдановскую власть влиятельные представители экономического сообщества собрались летом 1944 г. для обсуждения перспектив доработки и распространения книги Чан Кайши. Высокопоставленный деятель партии и государства Чэнь Лифу рекомендовал назвать работу «Принципы экономики». Экономисты предложили широкий спектр названий: Чэнь Баоинь советовал назвать книгу «Китайская экономическая наука», Су Чжэн — «Экономическая наука народного благосостояния», У Динчан — «Разъяснение принципа народного благосостояния» или «Экономика Китая». Пока одни участники обсуждения подчёркивали связь содержания книги с восходящим к Сунь Ятсену экономическим учением народного благосостояния, другие, напротив, предлагали удалить идеологическую окраску. Известный экономист Хэ Лянь предложил нейтральное название «Экономические идеи и экономическая политика» [*Chen Bulei*, 1944. P. 10]. В то же время, невзирая на поли-

тический авторитет автора, участники обсуждения выявили столь значительное количество неясностей и разночтений, что его итогом стала рекомендация отказаться от переиздания работы [*Chen Bulei*, 1944. P. 1]. После 1944 г. эту книгу в Китае больше не печатали.

С критикой «Китайского экономического учения» выступил марксист Ван Янань. В марте 1944 г. он опубликовал статью «Построение китайской экономической науки», в которой заявил, что практическое значение книги превосходит теоретическое: функция «политического руководства» стоит выше «научного разъяснения» [*Qiu Shijie*, 2021. P. 41]. Ван Янань не сомневался в необходимости создания «китайской экономической науки», с 1941 г. он выступал её активным пропагандистом. Принципиально важно было определить, кто возьмёт в свои руки построение «китайской экономической науки» — правящий Гоминьдан или оппозиционная КПК, и на каком теоретическом фундаменте будет основана эта наука.

Ван Янань утверждал, что «Китайское экономическое учение» лидера Гоминьдана не имеет права называться «китайской экономической наукой», поскольку олицетворяет попытку властей создать «китайскую государственную экономическую науку». Учёный пояснял, что «государственная экономическая наука» относится к сфере практики, это «искусство» (*шу*) политики. Никакого вклада в развитие теоретической науки (*сюэ*) она внести не может.

В 1946 г. в предисловии к монографии «Основы экономики Китая» Ван Янань указал на отличие своей концепции «китайской экономической науки» от гоминьдановской «китайской государственной экономической науки». Учёный отметил, что «государственная наука» переносит акцент из сферы теории в сторону политики и «принципов руководства экономикой». Такая постановка вопроса не имела ничего общего с проектом самого Ван Янаня [*Wang Yanan*, 1946. Pp. 7–8]. Он называл экономическую науку «китайской», чтобы привлечь внимание к применимости марксистской теории и формационного подхода к анализу проблем Китая.

Хотя Ван Янань настойчиво призывал соотечественников изучать экономическую науку с «позиции китайцев» и «в статусе китайцев», ему были чужды поиски источников «национальной формы» знания в традиционных идеях по примеру «Китайского экономического учения», заявлявшего об обнаружении экономических законов древнекитайскими мудрецами [*Qiu Shijie*, 2017. P. 33]. Попытку лидера Гоминьдана найти в древнекитайском наследии неизменные политические приоритеты и устойчивые экономические идеалы Ван Янань приравнял к «реставрационизму». Желая избежать смешения, Ван Янань, ради «научной аккуратности», назвал свою монографию «Основы экономики Китая», а не «Китайская экономическая наука» [*Qiu Shijie*, 2021. P. 42].

В изданной незадолго до создания КНР монографии «Китайская экономическая мысль за последние сто лет» другой учёный — Ся Яньдэ, близкий к экономическому течению народного благосостояния, — указал на значительные усилия Чан Кайши в деле построения системы экономической теории. Отмечалось, что Чан Кайши дал определение китайской экономической науки, наметил её цель и предложил план действий: извлечь экономический смысл из древнекитайских учений, обратить внимание на их использование в политике, руководствоваться этими учениями при строительстве государства [*Xia Yande*, 1948. P. 192].

Чан Кайши унаследовал высказанную Сунь Ятсеном критику в адрес либерализма и марксизма, дополнив её формулировкой трёх основополагающих ориентиров экономической политики Китая: вскармливание народа, экономическое планирование, единство народного благосостояния и обороны. Ся Яньдэ утверждал, что эти три цели являются прямым продолжением программы Сунь Ятсена. Разница в том, что создатель Китайской республики в основном использовал прогрессивные зарубежные учения Нового времени и редко ссылался на древнекитайские идеи, тогда как Чан Кайши сознательно обратился к традиционной мысли.

Ся Яньдэ признавал, что в богатом культурно-философском наследии китайских мудрецов трудно найти экономические идеи, соответствующие требованиям науки и при-

менимые в современных условиях. «Однако для тех, кто только и знает, что слепо следует пришедшим извне готовым учениям, не имея представления о традиции и ситуации собственной страны, сказанное в этой книге несомненно является хорошим лекарством для лечения болезни» [*Xia Yande*, 1948. P. 193]. Сформулированные Чан Кайши три цели экономической политики государства, по мнению Ся Яньдэ, представляют «непреложные истины», способные служить руководящими принципами экономического строительства. Учёный призвал поместить их в центр всеобщего внимания, «повесить их на воротах столицы», чтобы все люди в стране знали эти принципы и всеми силами способствовали их реализации [*Ibidem*]. Однако в преддверии близкого поражения Гоминьдана в гражданской войне этот совет был запоздалым и лишённым практической актуальности.

«Китайская экономическая теория»: перевод с политическим подтекстом

Неизгладимый отпечаток на зарубежное восприятие «Китайского экономического учения» наложили комментарии и трактовки английского перевода. Симпатизировавший китайским коммунистам Филипп Джаффе перевёл и опубликовал работы Чан Кайши «Судьба Китая» и «Китайское экономическое учение» [*Chiang Kai-shek*, 1947a] с целью разоблачения «авторитарных» устремлений лидера Гоминьдана.

В январе 1947 г. «Судьба Китая» с ведома гоминьдановских властей была издана на английском языке в США в издательстве Макмиллан в переводе Ван Чунхуэя [*Chiang Kai-shek*, 1947b]. В том же году вышел перевод этой книги с обличительными комментариями Джаффе.

Альтернативных переводов «Китайского экономического учения» не существует. Джаффе стал монополистом в трактовке содержания этой работы на английском языке. Он утверждал, что Чан Кайши стремился к построению в Китае патерналистского авторитарного государства [*Chiang Kai-shek*, 1947a. Footnote 1. P. 243]. С точки зрения Джаффе, ради достижения этой цели лидер Гоминьдана восхвалял традиционную китайскую экономическую этику и ставил национальную экономическую науку выше западного мейнстрима.

Научная сторона перевода «Китайского экономического учения» вызывает ряд вопросов. Обращение к оригинальному китайскому тексту позволяет выявить искажения и даже пропуски в английском переводе. Прежде всего это касается традиционных китайских экономических концепций. В отдельных случаях Джаффе использовал неточности английского перевода как подтверждение экономической безграмотности Чан Кайши. Слово «учение» (*сюэшо*) из китайского названия текста было переведено как «theory», что позволило искусственно завысить планку ожиданий читателя от научного содержания произведения.

Чан Кайши расценил публикацию Джаффе как инициативу китайских коммунистов. В качестве ответного шага лидер Гоминьдана предложил от имени официального Информационного агентства Китая опубликовать заявление о том, что «Китайское экономическое учение» и «Судьба Китая» представляют записи его выступлений в период войны, которые использовались для самостоятельного изучения китайскими чиновниками. Консул Китайской республики в Нью-Йорке Чжан Пинцюнь заявил, что «Судьба Китая» издана издательством Макмиллан с разрешения автора. Разрешения на перевод других книг отсутствовали. Было подчёркнуто, что «Китайское экономическое учение» — это не более, чем личные заметки Чан Кайши при обсуждении проблем экономической науки народного благосостояния, содержание которых нельзя приравнивать к политической позиции лидера [*Jiang Zhongzheng*, 2012. Pp. 469, 472–473].

В годы войны западные дипломаты восприняли появление книг Чан Кайши с настороженностью. Так, в июле 1944 г. посольство Великобритании отмечало, что «Китайское

экономическое учение» могло представлять незрелые точки зрения консервативной группы в Гоминьдане, а американский дипломат Дж. Сервис в октябре 1944 г. сообщал из Китая, что две книги Чан Кайши воплощают «антиамериканский и антидемократический» уклон в политике и в экономике [*The Amerasia Papers*, 1970. P. 1016]. Они якобы свидетельствовали о том, что Чан Кайши уже потерял доверие и уважение среди большинства получивших американское образование либералов и интеллигенции.

Позиция Сервиса могла стать стимулом для публикации Джаффе. Английский перевод появился в период гражданского конфликта между КПК и Гоминьданом, в котором США были на стороне Чан Кайши. В этой ситуации Джаффе хотел показать, что идейные устремления лидера Гоминьдана никак не соответствуют американским представлениям о демократии [*Klehr, Radosh*, 1996].

В январе 1946 г. журнал «Amerasia», издателем которого был Джаффе, впервые опубликовал английский перевод «Китайского экономического учения». Критические комментарии указывали на «феодальный привкус» и «ксенофобский окрас» книги, полностью противоречащей современной экономической науке [*Jaffe*, 1946. Pp. 3–5]. Заголовок журнальной публикации утверждал, что «экономическим кредо» Чан Кайши является построение «Китая дзайбацу», т.е. формирование монополий и олигархии японского образца [*Jaffe*, 1946]. Упоминание о японских финансовых группировках, способствовавших милитаризации страны и её внешней агрессии, уподобляло гоминьдановский Китай потерпевшему поражение военному противнику США.

В комментариях к книжному изданию перевода Джаффе утверждал, что «Китайская экономическая теория» излагает «фашистскую теорию», применённую к полуфеодальной аграрной экономике. Он указывал, что к индивиду и индивидуальным «желаниям» Чан Кайши относится с «благожелательным» презрением. Лидер Гоминьдана акцентирует внимание на подчинении личности патерналистскому авторитарному правительству, «управляющему делами народа». По мнению Джаффе, в книге обрисована система власти, мало отличавшаяся от «автократической земельной бюрократии», правившей в феодальном и императорском Китае [*Jaffe*, 1947b. P. 308].

Джаффе порицал обе книги Чан Кайши за «ярко выраженный шовинистический тон» заявлений о превосходстве древней китайской цивилизации над западной. Он истолковал «Китайскую экономическую теорию» как инструмент систематической кампании Гоминьдана по утверждению превосходства древнекитайского «образа жизни» над либеральным Западом [*Jaffe*, 1947b. P. 311].

Издатель отверг тезис о возможности существования особой китайской экономической теории, отличающейся от западной и даже превосходящей её. Джаффе настаивал, что современная экономическая наука является системой анализа, применимой во всех странах. Указанные же Чан Кайши преимущества китайского экономического учения над материалистичными и ориентированными на извлечение прибыли западными теориями относились к сфере этики и морали [*Jaffe*, 1947b. P. 309]. По мнению Джаффе, тезис о превосходстве китайских экономических идей остался в книге недоказанным, поскольку достоверность экономической теории невозможно оценить в морально-этических понятиях. «Неизбежный вывод состоит в том, что акцент книги на древних моральных добродетелях феодализма был создан намеренно для философского обоснования сохранения традиционной социальной структуры древнего Китая с монополией на богатство и власть со стороны правящей бюрократии, а также с упором на власть и подчинение как основу социального порядка и гармонии» [*Jaffe*, 1947b. P. 309].

Джаффе сосредоточил усилия на критике предложенной Чан Кайши экономической политики, как якобы нацеленной на осуществление контроля со стороны «централизованного феодально-фашистского правительства», идущего по пути милитаризации экономики, торгового протекционизма, развития крупных отраслей современной промышленности под бюрократическим контролем. Издатель предостерегал: движение в этом направлении превратит

китайскую экономику в подобие довоенной экономики Японии, ограничившей заимствования у Запада сферой технологий и сумевшей «привить бюрократическую, контролируемую государством тяжёлую промышленность на полуфеодальную аграрную базу» [*Jaffe*, 1947b. P. 320].

«Китайское экономическое учение» содержало большое количество цитат Сунь Ятсена, подтверждавших аргументацию Чан Кайши. Джаффе обвинил автора книги в намеренном искажении учения создателя Китайской республики. Издатель заявил, что Сунь Ятсен хотел освободить Китай не только от иностранного господства, но и от «мёртвой хватки феодализма», который руководство Гоминьдана стремится возродить в модернизированной форме. Попытки Чан Кайши представить Сунь Ятсена приверженцем древних китайских мудрецов Джаффе назвал безосновательными [*Jaffe*, 1947b. P. 327]. Фраза китайского текста о том, что Сунь Ятсен «критиковал в деталях теории либерализма и марксизма» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 57] была переведена как «комментировал в деталях» [*Chiang Kai-shek*, 1947a. P. 285]. Эта подмена акцента соответствовала идеологическим приоритетам издателя, стремившегося противопоставить воззрения Чан Кайши и Сунь Ятсена.

Помимо общего разоблачительного комментария, Джаффе добавил к переводу «Китайского экономического учения» подстраничные примечания, призванные восполнить «пропуски, искажения и неточности» текста [*Jaffe*, 1947a. P. 25]. Эти примечания отражают подходы издателя книги к частным аспектам наследия китайской традиционной культуры. В ряде случаев они свидетельствуют не только о политической предвзятости, но и о научных заблуждениях Джаффе.

В примечании к первому абзацу первой главы, содержавшему характеристику китайской экономической науки, Джаффе посетовал на трудность перевода западной научной терминологии на восточные иероглифические языки. По его словам, в книге Чан Кайши понятие «economics» передано с помощью сочетания «цзинцзи», используемого автором в буквальном смысле «management and supply» («управление и предложение»). Джаффе подчеркнул, что это определение невозможно сопоставить с содержанием и методами сформировавшейся на Западе современной экономической науки. «Управление и предложение» были важны в древнем Китае, но они далеки от точного определения сферы современной экономической науки [*Chiang Kai-shek*, 1947a. Footnote 1. P. 243]. Он попытался придать проблеме политическое истолкование: «Из такого ограниченного определения “экономической науки” легко вывести необходимость патерналистского правительства, сосредоточенного на самовоспроизводящейся бюрократии. В гитлеровской Германии такое теоретизирование привело к нацистскому режиму; в Китае это может привести только к феодально-фашистской бюрократической системе» [*Chiang Kai-shek*, 1947a. Footnote 1. P. 243].

Рассуждения издателя о «феодально-фашистской» подоплёке «цзинцзи» неубедительны и безосновательны. Споры о выборе термина для перевода на китайский язык названия пришедшей с Запада экономической науки завершились в начале XX в. После этого заимствованное из японского языка сочетание «цзинцзи» стало безальтернативным аналогом понятия «экономика». С добавлением иероглифа «сюэ» («наука») сочетание «цзинцзисюэ» стало эквивалентом «economics». В республиканском Китае были изданы фундаментальные экономические словари, зафиксировавшие стандарты научной терминологии. Иных вариантов перевода терминов «экономика» и «экономическая наука» на китайский язык ко времени написания книги Чан Кайши не существовало. Их использовали представители всех течений, включая и китайских сторонников западного мейнстрима, и марксистов. Буквальный перевод «цзинцзи» как «управление и предложение» нацелен на искусственную архаизацию лексики Чан Кайши.

Упрощения нюансов китайского текста в переводе Джаффе создавали предпосылки для искажения смысла. Слово «богатство» (*цай*) в цитате из классического конфуцианского текста «Дасюэ» переведено как «money» — «деньги» [*Chiang Kai-shek*, 1947a. P. 245]. В ряде

случаев переводу недоставало чёткости. Китайские слова «вещь» (*у*) и «товар» (*хо*) стали неразличимыми, так как для их перевода было использовано одно и то же слово «goods». В одинаковых фразах слово «вещь» (*у*) было переведено на английский язык и как «things», и как «goods» [*Chiang Kai-shek*, 1947a. P. 249].

Глава «Экономическая модель Китая» получила в английском переводе название «Экономические обязанности государства в древнем Китае». В комментарии к ней Джаффе заявил, что Чан Кайши вырвал цитаты древних мудрецов из исторического контекста «феодального аграрного общества» и произвольно применил их к современным условиям. По мнению издателя, это было сделано умышленно, чтобы отвлечь внимание от задач демократических преобразований «репрессивных» отношений между помещиками и арендаторами в деревне, а также от проблемы освобождения китайской промышленности от бюрократического контроля [*Chiang Kai-shek*, 1947a. Footnote 1. P. 264]. Джаффе вновь указал, что суждения китайских мыслителей и политиков о проблемах экономики никак не подтверждают существование в экономической науке «китайской школы», превосходящей современную, или «западную», экономическую теорию с её «систематическим подходом и научным анализом экономических данных» [*Chiang Kai-shek*, 1947a. Footnote 1. P. 264].

Похвала в адрес западного экономического мейнстрима сочеталась в комментарии к английскому изданию с резкими выпадами в адрес китайской традиции. Джаффе заявил, что политические и социальные концепции конфуцианства «представляют идеальную философскую базу для феодально-фашистского государства» [*Chiang Kai-shek*, 1947a. Footnote 1. P. 264]. Столь решительное осуждение конфуцианства соответствовало китайским антитрадиционалистским веяниям XX в., отразившим готовность части интеллигенции добиться модернизации ценой отказа от культурного наследия. Радикальная трактовка конфуцианства как реакционной силы царила в Китае в годы «культурной революции». В дальнейшем, в период реформ и открытости в китайской идеологии произошёл поворот к традиции, увенчавшийся призывом Си Цзиньпина соединить марксизм с лучшими достижениями традиционной культуры.

В заключительной главе «Китайского экономического учения» рассуждения об «экономическом идеале будущего» опираются на древний идеал «Великого единения» (Датун) из конфуцианского трактата «Ли цзи» («Записки о правилах благопристойности»). Чан Кайши заявил, что хотя «конкретные изменения реального мира предсказать невозможно, абстрактные принципы мировых изменений можно полностью познать» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 61]. В сфере экономики можно овладеть знанием восходящих к древности принципов «Великого единения». Лидер Гоминьдана рассказал об идеальном обществе без тунеядцев, в котором для сильных и здоровых людей труд станет долгом и одновременно возможностью предельной реализации человеческой природы. Общество сможет полностью использовать материальные ресурсы, направляя излишки не на извлечение частной выгоды, а на поддержку несовершеннолетних, старых и нетрудоспособных. «Единственный правильный путь достижения Великого единения — это [политика] народного благосостояния и [принцип] плановой экономики» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 63]. Книга призывала принимать во внимание человеческую природу и следовать политике народного благосостояния для того, чтобы вещи служили людям и не порабощали их. Лидер Гоминьдана заявил, что в Китае это уже поняли, а после войны это поймут во всём мире, что позволит миролюбивым странам реформировать идеи и институты мировой экономики таким образом, чтобы использовать науку и технику на благо человечества [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 65].

Эти рассуждения Чан Кайши Джаффе назвал поразительным примером трактовки древних мудрецов как первооткрывателей принципов экономической науки, утверждающей превосходство китайского над западным. Издатель подчеркнул, что древние авторы учения о «Великом единении» ничего не знали о проблемах современного индустриального общества, их теории были сформулированы в период феодальной раздробленности Китая и отражали стремление к усилению централизации [*Chiang Kai-shek*, 1947a. Footnote 1. P. 290].

Восприятие книги Чан Кайши на Западе

Политическая направленность английского перевода трудов Чан Кайши была замечена современниками. К. Латуретт подчеркнул, что комментарии Джаффе «решительно» направлены против Чан Кайши и «благоприятны для коммунистов» [*Latourette,* 1947. P. 166]. Касаясь намеченных Чан Кайши планов экономического развития Китая, Латуретт указал на недостаточно серьёзное отношение к проблеме будущего роста народонаселения. В стремлении Чан Кайши продемонстрировать важность морального строительства и ценность старых конфуцианских добродетелей рецензент увидел признаки поощрения оригинального мышления и стремление заменить негативное отношение к традиции позитивным. Книге Чан Кайши присущи обусловленные предвзятостью искажения, однако комментарии Джаффе страдают от искажения в ещё большей степени, представляя автора книги как «врага прогресса», «сторонника привилегированных имущих классов» и защитника «плохого реакционного порядка». Чан Кайши не идеален, но он «не является упрямым сторонником "феодализма", каким его изображает Джаффе» [*Latourette,* 1947. P. 167].

Рецензенты с разных сторон обсуждали присутствие в издании нацеленного против Чан Кайши «обширного комментария» Джаффе [*Lingard*, 1947/1948. P. 84]. Ф. Джонс отметил, что «Китайская экономическая теория» излагает тезис о том, что древний Китай разработал экономическую философию, применимую до сих пор. Благодаря этой философии современный Китай может избежать того, что Чан Кайши назвал материализмом, индивидуализмом и классовой войной Запада. «Самая жёсткая критика в адрес Президента Чана как политического и экономического теоретика исходит от китайских коммунистов. Их взгляды обобщены в примечаниях и комментариях г-на Джаффе, которые изобилуют расхожими эпитетами "реакционер", "феодальный фашист" и тому подобное» [*Jones*, 1948. Pp. 142–143]. Рецензент охарактеризовал Джаффе как проводника идеологии КПК.

Американский исследователь Н. Пеффер назвал переведённые труды китайского лидера «историческим курьёзом», отразившим дух современной политики и не вносящим вклад в понимание Китая. Чан Кайши написал эти книги в годы войны для того, чтобы вдохновить и подбодрить своих соотечественников. Его рассуждения похожи на проповедь, начинающуюся с осуждения греха виновного в страданиях Китая Запада и порицания Китая, соблазнившегося ложной привлекательностью Запада [*Peffer*, 1947. P. 598].

Сравнение с христианской проповедью нельзя назвать полностью надуманным. Ради женитьбы в 1927 г. на Сун Мэйлин — сестре жены Сунь Ятсена — Чан Кайши принял христианство, после жизненных потрясений во второй половине 1930-х гг. он начал включать религиозные темы в политические выступления [*Иванов*, 2005. С. 72–78]. Пеффер истолковал книги Чан Кайши как призыв к возвращению Китая к «проверенному истинному конфуцианскому образу жизни», дополненному западными технологиями производства и транспорта. Взаимное сочетание и примирение Конфуция с Генри Фордом становится возможным в условиях благожелательного патерналистского авторитаризма под властью Гоминьдана. Для этого потребуется конфуцианство без Конфуция и конфуцианского кодекса социальной этики. В Китае этот уклад называют демократией, однако у неё будет своеобразный окрас — не столько восточный, сколько средневековый [*Peffer*, 1947. P. 599].

Некоторые рецензенты (У. Толлер) оценивали содержание «Китайской экономической теории» с явным скепсисом, выражая очевидное сочувствие рассуждениям Джаффе о восхвалении экономических идей древности ради обоснования создания «феодально-фашистского государства» под властью Гоминьдана [*Toller*, 1947. P. 335]. Накал политических споров помешал рецензентам углубиться в содержание аргументов Чан Кайши. Достичь единодушия в оценке его произведений также не удалось. Сочувствовавшие Гоминьдану Латуретт и Джонс отвергали «коммунистическую» критику со стороны Джаффе. Пеффер и Толлер пересказали и развили идеологически близкие им разоблачительные аргументы издателя.

Эти упрёки в адрес Чан Кайши перекочевали в научную литературу. Известный американский синолог Дж. Фэрбэнк в книге «Америка и Китай» утверждал, что «Китайское экономическое учение» проповедует курс индустриализации, направленный на построение государства с мощной обороной, а не на благосостояние широких масс. Он отмечал, что Чан Кайши нашёл у древних китайских философов обоснования контроля государства над экономической жизнью, подчёркивал неприменимость для Китая западной экономической теории, стремился «воссоздать традиционную китайскую экономическую науку, ссылаясь на мудрецов» [*Fairbank*, 1983. P. 253].

Гоминьдановские пропагандисты активно доводили до американской аудитории содержание выступлений Чан Кайши, подчёркивавших роль Китая как военного союзника США. В сборник на английском языке вошла произнесённая в ноябре 1942 г. речь, в которой лидер Гоминьдана коснулся стратегии экономического развития. Он заметил, что Сунь Ятсен в конце жизни много размышлял об экономическом возрождении Китая и стремился к тому, чтобы оно принесло пользу всей нации, а не только «привилегированному меньшинству». Отсутствие сильной центральной власти, «кабала неравноправных договоров» и «завистливые махинации Японии» стали причинами торможения экономического развития страны. «Но по окончании нынешней войны Китай окажется освобождённым от рабства, с энергичным правительством и народом, горящим желанием восстановить свою страну. Я ощущаю силу этого желания как приливную волну, которая не только поглотит энергию нашего народа на целое столетие, но и принесёт долговременную пользу всему миру» [*Chiang Kai-shek*, 1942. P. 60].

Подробное изложение идей национального возрождения, основанное на предпосылке приоритета китайской специфики, могло стать для зарубежной аудитории настораживающим и подрывающим симпатии к Китаю. Биограф Чан Кайши Дж. Тейлор выделил в «Китайской экономической теории» призывы к смешанной плановой экономике, протекционистской торговой политике, государственной собственности в крупных отраслях промышленности, контролю над частным капиталом. Он отметил, что отражающая «сильные социалистические взгляды» книга призывает западных экономистов отказаться от материализма и эгоистичного индивидуализма в пользу «мира великой гармонии», где «человеческая природа развита до высшей точки... никто не сможет зарабатывать на жизнь, сидя без дела… никто не сможет не найти работу» [*Taylor*, 2009. Pp. 260–261]. Вместо фашизма Тейлор нашёл у Чан Кайши социализм.

Супруга китайского лидера Сун Мэйлин рекомендовала воздержаться от публикации «Судьбы Китая» за рубежом из-за опасений, что изложенные в книге «гордые, социалистические, антиимпериалистические и даже антикапиталистические взгляды», вызовут недовольство американцев и особенно британцев. «Можно утверждать, что экстравагантный моральный тон книги и идеализация китайской культуры представляли высокую степень наивности и самообмана, но не стремление к личной власти — не говоря уже об абсолютной власти, этнических чистках или территориальной экспансии. Тем не менее Джаффе, Джон Сервис и другие приравняли “Судьбу Китая” к “Майн кампф” Гитлера» [*Taylor*, 2009. P. 261].

Это суждение о «Судьбе Китая» можно распространить на оценку «Китайского экономического учения». В книге было много иллюзий и наивных суждений. Однако она не была китайским планом построения фашистской экономики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бергер Я.М. (1973). Об эволюции суньятсенизма в гоминьдановском Китае [*Berger Ya.M.* (1973). On the evolution of Sun Yat-senism in Kuomintang China] // *Китай: общество и государство*: Сб. статей. — М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы. С. 279–293.

Воронцов В.Б. (1974). *Дело «Амерейша»: политические столкновения в США по проблемам Китая.* [*Vorontsov V.B.* (1974). The Amerasia Case: Political Clashes in the United States over China's Issues]. — М.: Международные отношения.

Иванов П.М. (2005). *Из истории христианства в Китае*. [*Ivanov P.M.* (2005). From the history of Christianity in China]. — М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+.

Меликсетов А.В. (1977). *Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1949*). [*Meliksetov A.V.* (1977). Socio-economic policy of the Kuomintang in China (1927–1949)]. — М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы.

Панцов А. (2019). *Чан Кайши* [*Pantsov A.* (2019). Chiang Kai-shek]. — М.: Молодая гвардия.

Сухарчук Г.Д. (1983). *Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. Сравнительный анализ* [*Suharchuk G.D.* (1983). Socio-economic views of the political leaders of China in the first half of the 20th century. Comparative analysis]. — М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы.

Chen Bulei (1944). Chen Bulei cheng Jiang Zhongzheng youguan Tao Xisheng zhengli Zhongguo jingji xueshuo ge fang yijian zhi baogao [*Chen Bulei* (1944). Chen Bulei presented to Chiang Kai-shek a report on Tao Xisheng's compilation of opinions from all sides on «Chinese Economic Teaching»] // *Jiang Zhongzheng zongtong wenwu.* Taibei Guoshiguan cang (Digital collection number 002-080108-00010-005). (In Chinese).

Chiang Kai-shek (1942). *All We Are and All We Have: Speeches and Messages Since Pearl Harbor*. — New York: Chinese News Service.

Chiang Kai-shek (1947a). *China's destiny and Chinese economic theory*. With notes and commentary by Philip Jaffe. — New York: Roy Publishers.

Chiang Kai-shek (1947b). *China's Destiny*. Translated by Wang Chung-hui. — New York: The Macmillan Company.

Fairbank J.K. (1983). *The United States and China.* Fourth edition, Enlarged. — Cambridge, Mass.; London, England: Harvard University Press.

Fenby J. (2003). *Generalissimo: Chiang Kai-shek and the China he lost.* — New York: Simon and Schuster.

Furuya K. (1981). *Chiang Kai-shek, his life and times.* — New York: St. John's University.

Hahn E. (1955). *Chiang Kai-Shek: An Unauthorized Biography*. — New York: Doubleday.

Jaffe Ph. (1946). Chiang Kai-shek's economic credo: a zaibatsu China. Full text of «Chinese Economic Theory» by Chiang Kai-shek // *Amerasia: A Review of America and Asia*. Vol. X. No. 1 (Jan.). Pp. 3–36.

Jaffe Ph. (1947a). The secret of «China's Destiny» // *Chiang Kai-shek* (1947). *China's Destiny and Chinese Economic Theory*. With notes and commentary by Philip Jaffe. — New York: Roy Publishers. Pp. 11–25.

Jaffe Ph. (1947b). Commentary on «China's Destiny» and «Chinese Economic Theory» // *Chiang Kai-shek* (1947). *China's Destiny and Chinese Economic Theory*. With notes and commentary by Philip Jaffe. — New York: Roy Publishers. Pp. 295–332.

Jiang Zhongzheng (1943). *Zhongguo jingji xueshuo* [*Jiang Zhongzheng* (1943). Chinese Economic Teaching]. — [n.p.]: Guomin zhengfu junshi weiyuanhui weiyuanzhang shicongshi [Generalissimo's adjutant's office of the National military council]. (In Chinese).

Jiang Zhongzheng (1944). *Zhongguo jingji xueshuo* [*Jiang Zhongzheng* (1944). Chinese Economic Teaching]. — [n.p.]: Liansuo shudian [Chain Bookstore]. (In Chinese).

Jiang Zhongzheng zongtong dangan: shilüe gaoben (68). Minguo sanshi wu nian shier yue zhi sanshiliu nian er yue (2012). [Archives of President Chiang Kai-shek: Brief manuscript (68). December 1946 to February 1947 (2012)]. — Taibei: Guoshiguan [Academia Historica]. (In Chinese).

Jones F.C. (1948). China's Destiny and Chinese Economic Theory. by Chiang Kai-shek; Philip Jaffe // *International Affairs*. Vol. 24. No. 1 (Jan.,1948). Pp. 142–143. DOI: 10.2307/3017015 (access date: 20.03.2024).

Klehr H., Radosh R. (1996). *The Amerasia Spy Case: Prelude to McCarthyism.* — Chapel Hill and London: University of North Carolina Press.

Latourette K.S. (1947). China's Destiny by Chiang Kai-Shek; Wang Chung-Hui; China's Destiny and Chinese Economic Theory by Chiang Kai-Shek // *Far Eastern Survey*. Vol. 16. No. 14 (Jul. 23, 1947). Pp. 166–167. DOI: 10.2307/3021350 (access date 20.03.2024).

Lattimore O. (1990). *China Memoirs: Chiang Kai-shek and the War Against Japan*. — Tokyo: University of Tokyo Press.

Li Zhongshu (1944). Zhongguo congci youle jingjixue: gongdu zongcai xin zhu «Zhongguo jingji xueshuo» [*Li Zhongshu* (1944). China has economics from now on: Respectfully Reading the President's new book «The Chinese Economic Teaching»] // *Gansu minguo ribao*, April 17. (In Chinese).

Lin Rong (1944). Gong du zongcai «Zhongguo jingji xueshuo» shu hou [*Lin Rong* (1944). After respectfully reading the President's book «Chinese Economic Teaching»] // *Guoshi*. No. 4. Pp. 31–33. (In Chinese).

Lingard C.C. (1947/1948). Review: [Untitled] // *International Journal.* Vol. 3. No. 1 (Winter, 1947/1948). Pp. 82–86. DOI: 10.2307/40197624 (access date 20.03.2024).

Peffer N. (1947). China's Destiny. by Chiang Kai-shek, Wang Chung-hui, Lin Yutang; China's Destiny & Chinese Economic Theory. by Chiang Kai-Shek, Philip Jaffe // *Political Science Quarterly*. Vol. 62. No. 4 (Dec., 1947). Pp. 598–599. DOI: 10.2307/2144894 (access date: 20.03/2024).

Qiu Shijie (2017). Chongwen jingjixue de minzu xingshi [*Qiu Shijie* (2017). Revisiting the national form of economics] // *Du shu* [*Reading*]. No. 6. Pp. 27–34. (In Chinese).

Qiu Shijie (2021). «Zhongguo jingji yuanlun» yanjiu fangfa de xingcheng [*Qiu Shijie* (2021). The formation of the research method of «The Origin of China's Economy»] // *Zhongguo jingjishi yanjiu* [*Researches in Chinese Economic History*]. No. 2. Pp. 38–51. (In Chinese).

Taylor J. (2009). *The Generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China*. — Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.

The Amerasia Papers: A Clue to the Catastrophe of China. Prepared by the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and Other Internal Security Laws of the Committee on the Judiciary, United States Senate. Vol. II (1970). — Washington, DC: U.S. Government Printing Office.

Toller W.S. (1947). China's Destiny. by Chiang Kai-Shek; China's Destiny and China's Economic Theory. by Chiang Kaishek; Philip Jaffe // *Pacific Affairs*. Vol. 20. No. 3 (Sep., 1947). Pp. 331–335. DOI: 10.2307/2752170 (access date: 20.03.2024).

Wang Yanan (1946). *Zhongguo jingji yuanlun*. [*Wang Yanan* (1946). On the origin of China's economy]. — Fuzhou: Jingji kexue chubanshe [Economic Science Press]. (In Chinese).

Xia Yande (1948). *Zhongguo jin bai nian jingji sixiang* [*Xia Yande* (1948). Chinese economic thought over the past century]. — Shanghai: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. (In Chinese).

Yang Xuantang (1943). Zhongguo guojia jingjixue yinlun (yi): du zongcai zhu «Zhongguo jingji xueshuo» hou xin de [*Yang Xuantang* (1943). Introduction to Chinese state economics (1): Thoughts after reading president's book «Chinese Economic Teaching»] // *Dongnan ribao* [*Southeast Daily*], November, 2. (In Chinese).

Zhang Shen, Xin Yaoyao (2020). Zhongguo jingjixue tixi goujian de jindai tansuo — jiyu yanjiu neirong de shijiao [*Zhang Shen, Xin Yaoyao* (2020). Exploration on the construction of Chinese economics system in early modern times: based on the perspective of research content] // *Caijing yanjiu* [*Journal of Finance and Economics*]. Vol. 46. No. 9. Pp. 108–122. (In Chinese).

Борох Ольга Николаевна
borokh@hotmail.com

Olga Borokh
PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of sciences (Moscow)
borokh@hotmail.com

ECONOMIC TEACHING OF CHIANG KAI-SHEK: POLITICAL ASSESSMENTS AND ACADEMIC INTERPRETATIONS (Part 1. Chinese and foreign reactions of the 1940s)

Abstract. The paper examines the problems of perception of the content of Chiang Kai-shek's book «Chinese Economic Teaching» (1943), shaped by political approaches and academic context. This book was both part of the political propaganda of the Kuomintang and a reflection of the scholarly pursuits of the Chinese economic community. Until 1949, inside China, the book was praised by supporters of the official ideology and criticized by Marxist economists. The publication of the English translation of the book, with comments extremely negative towards the author, had a significant impact on foreign audiences. The assessment of the academic content of the book was subordinated to the condemnation of Chiang Kai-shek as a political figure. Criticism of the Kuomintang leader's views overshadowed the analysis of his arguments in favor of developing a Chinese economic teaching based on ancient tradition. The commentaries to the English translation fundamentally rejected the possibility of the existence of a specific Chinese economic theory different from, much less superior to, Western economic theory. In addition to political biases, inaccurate interpretations were due to terminological differences and the limits of theoretical horizons.

Keywords: *Republican China, Chiang Kai-shek, Chinese economic thought, translation of economic text, Western economics.*
JEL: B2, B31, A13.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Э.А. Паин
д.полит.н., канд. истор. наук (этнология), ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

ПОЗИТИВНОЕ ВЫРАВНИВАНИЕ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ». ОПЫТ СССР, СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ[1]

Аннотация. В статье показана динамика за последнее столетие политики позитивного выравнивания (affirmative action) в сфере сохранения и возрождения языков меньшинств и коренных народов. Анализ основан на сравнении языковых политик Советского Союза, постсоветской России и ряда зарубежных стран. Советская политика «коренизации» (1920-х — начала 1930-х гг.) была первым в мире опытом создания преимуществ для развития языков меньшинств и коренных народов, а также полной противоположностью политики запретов на использование таких языков, характерной в то время для многих стран мира. Ситуация радикально изменилась в современных условиях. Большинство государств с либеральным режимом и рыночной экономикой проводят политику, похожую на советскую «коренизацию» в отношении возрождения языков ранее колонизированных народов, тогда как Россия с 2010 гг. всё дальше отходит от советской политики коренизации. Основной вопрос статьи связан с анализом противоречия между достоинствами «позитивного выравнивания» в сфере языковой политики и её недостатками в сфере социальных и межэтнических отношений.

Ключевые слова: *языковая политика, позитивное выравнивание, национальные меньшинства, коренные народы, титульные национальности республик.*
JEL: A12, A13, I24, Z10
УДК: 323.1
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_151_170
© Э.А. Паин, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *: Паин Э.А.* Позитивное выравнивание в языковой политике: «за» и «против». Опыт СССР, современной России и других государств // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 151–170. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_151_170.
FOR CITATION: *: Pain E. Positive* Alignment in Language Policy: Pros and Cons. The experience of the URSS, Modern Russia and Other States // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 151–170. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_ 2024_3_151_170.

[1] Исследование выполнено в рамках «Программы научных исследований 2023–2025 гг., связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности» (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

Введение

В настоящее время нет общепринятого определения понятия «языковая политика», хотя большинство авторов используют его для обозначения совокупности целенаправленных действий государства и общества по решению какого-то круга языковых проблем. Чаще всего языковая политика призвана регулировать отношения между различными этническими языками в полиэтническом, многоязычном обществе [*Алпатов*, 2013]. В эпоху колониальных завоеваний нарушения этого соотношения могло быть обусловлено насильственным подавлением языков покорённых народов, запретами на их использование за пределами домашнего обихода. Ныне же баланс между языками в многоязычном государстве чаще всего нарушается в результате ненасильственной, хотя почти всегда вынужденной, утраты языковой лояльности представителями коренных народов и этнических меньшинств к своему родному языку (mother tongue). У родного (материнского) языка есть изначальные преимущества, поскольку для людей привычнее и психологически удобнее разговаривать на языке, известном с раннего детства, но некие социально-экономические обстоятельства могут вынуждать представителей этнических меньшинств осваивать язык окружающего населения — этнического большинства.

На протяжении нескольких веков в мире господствовала политика культурной ассимиляции этнических меньшинств и малочисленных коренных народов, их поглощение более сильными конкурентами — крупнейшими и политически доминирующими народами. Однако на рубеже XX–XXI вв. стал усиливаться интерес мирового сообщества к сохранению и возрождению традиционного культурного наследия, в том числе и в языковой сфере. Исчезновение тех или иных этнических языков перестало рассматриваться в качестве неизбежности и нормы и всё чаще воспринимается человечеством как неприемлемая угроза. На это обращает внимание резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, провозгласившая 2022-2032 гг. *Международным десятилетием языков коренных народов мира,* чтобы «привлечь внимание мировой общественности к бедственному положению многих языков коренных народов и мобилизовать заинтересованные стороны и ресурсы для их сохранения, возрождения и продвижения».

Эксперты ЮНЕСКО создали мировой Атлас угроз языкам коренных народов. Международная классификация угроз языкам основывается, главным образом, на анализе состояния межпоколенной трансляции языковых навыков. Эксперты полагают, что разрыв такой трансляции, когда дети перестают воспринимать этнический язык родителей (mother tongue) в качестве значимого для их социальной практики, является важнейшим индикатором угрозы исчезновения этнического языка.

Целесообразность сохранения языкового разнообразия ныне считается аксиомой в современной академической науке и принята в политических кругах [*Алпатов*, 2013; *Ginsburgh, Weber*, 2016]. По этому поводу нет различий между официальными политическими установками России и международных организаций. Вместе с тем декларативная поддержка идеи сохранения языкового многообразия не во всём сопровождается готовностью некоторых государств или региональных администраций осуществить эту целевую установку на практике. Особенно в случаях, если такая цель требует введения государственного протекционизма в отношении обязательного использования языка меньшинств в государственном управлении и в системе образования, а также применения других элементов политики позитивного выравнивания, которую не случайно называют и «позитивной дискриминацией».

В современном мире хорошо известен феномен *affirmative action (меры позитивного выравнивания или позитивной дискриминации).* Это социальная политика, которая предполагает создание преимущества для представителей меньшинств (этнических, расовых, гендерных и др.), облегчая им достижение фактического равенства в социальной мобиль-

ности, уровне образования, доходах и в ряде других сфер, включая и возможность сохранения родного языка. Ныне такая политика стала нормой, но в 1920–1930-х гг. она проявилась только в одном государстве — Советском Союзе. Начавшийся со времён советской политики «коренизации» мировой опыт использования позитивного выравнивания для сохранения и возрождения языков меньшинств и коренных малочисленных народов указывает на эффективность такой практики для перелома тенденций исчезновения этнических языков. Вместе с тем модель *affirmative action* может рассматриваться, по крайней мере, как дискуссионная в социальном и политическом отношении, прежде всего при рассмотрении её последствий в сфере межэтнических отношений. Эта дискуссионность — один из основных предметов нашего анализа. Другой его стороной выступают исследования сходства и различий между опытом позитивного выравнивания в разных государствах, при различных политических режимах.

Советская политика «коренизации» — первый в мире опыт «позитивного выравнивания»

Американский историк Т.Мартин, называя СССР 1920–1930-х гг. «Affirmative action empire», подчёркивал этим названием не столько имперское прошлое страны, сколько факт уникальности её этнической политики в первые 15 лет жизни после образования Союза ССР [*Мартин*, 2011]. Политика преимущественного культурного развития этнических меньшинств и коренных малочисленных народов проводилась тогда в какой-то мере в ущерб интересам этнического большинства страны — русских. И это противопоставление не скрывалось, а подчёркивалось в политических заявлениях лидеров большевиков. В. И Ленин сформулировал основы этой политики ещё в 1913 г. Её главный признак — классовый подход к этно-национальной проблематике, подчёркивающей различия между «*угнетёнными нациями*» и «*нациями угнетателей*». Такими понятиями Ленин характеризовал как внутреннюю раздвоенность этнических общностей (по его мнению, в каждой из них «есть две нации» — нация угнетённых и нация угнетателей), так и различия двух типов национализма [*Ленин*, 1913. С. 129]. Национализм меньшинств в ленинской интерпретации чаще определялся как «национально-освободительная борьба». Термин «национализм» он обычно использовал в сугубо негативном значении и относил его к деятельности политических сил, защищавших царскую власть и империю от имени этнического большинства — русских, или великороссов/великорусов, как их тогда называли. Такой национализм, именовавшийся в среде большевиков не иначе, как «великорусский шовинизм», решительно осуждался.

В ходе подготовки к образованию СССР Ленин развил свою концепцию «угнетённых наций», предложив проводить по отношению к ним политику «*…создания преимущества, которое бы возмещало со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически*» [*Ленин*, 1922 С. 359].

Исторические факты не подтверждают представлений о преимущественном положении этнических русских в Российской империи, по крайне мере, в социальном отношении. По переписи 1897 г. доля русских, умеющих читать, среди взрослого населения, составляла всего 29,3%, это немного превышало средний показатель по стране (21,1%), но было существенно ниже, чем у финнов — 98,3%, эстонцев — 94,1%, латышей — 85%, немцев — 78,5%, евреев — 50,1%, литовцев — 48,4%, поляков — 41,8% и др. Средняя продолжительность жизни у русских составляла (28,7 лет) и была ниже, чем у многих «угнетённых наций», по крайней мере у общностей, связанных с протестантской и католической религией, а также у молдаван (40,5), евреев (39), украинцев (38,1), башкир (37,3), белорусов (36,2), татар (34,9), чувашей (31) [*Миронов*, 1999 Т. 2. С. 152].

Ленин мог не знать этого, а если бы и знал, то вряд ли придал бы значение этим фактам, поскольку руководствовался тем же подходом, что и его идейные учителя. К. Маркс и Ф. Энгельс выступали против национального неравенства не всегда, а только в том случае, если борьба с ним имела, по их мнению, «классово прогрессивный» характер. Например, в 1848 г. они по-разному оценили два национальных восстания в рамках «Весны народов» — поддержали выступление ирландцев против англичан и осудили аналогичное словацкое восстание в Австро-Венгрии, которое, по их мнению, не было прогрессивным. Вот и провозглашённая Лениным политика «устранения былого неравенства меньшинств» оправдывалась им в политическом отношении. Напомню, что в 1918 г. из состава бывшей Российской империи вышли не только Польша, Финляндия и Украина, но и все государства балтийского, кавказского и среднеазиатского регионов.

После гражданской войны перед большевиками стояла задача вернуть доверие национальных окраин к центральной власти путём создания для меньшинств некоторых преимуществ. В этих же целях великорусский шовинизм объявлялся большевиками главной политической угрозой. Маловероятно, что лидеры большевиков считали такую «позитивную дискриминацию» заведомо бесконфликтной, поскольку уже в 1920-е гг. появились свидетельства недовольства ею русских людей в автономиях России и в республиках Советского Союза [*Аршин*, 2023 С. 333-348]. Однако уровень недовольства преимуществами, предоставляемым меньшинствам в культуре, был, несомненно, ниже, чем неприятие русскими людьми последующих политических кампаний (коллективизации и раскулачивания), которые проводились большевиками, несмотря на серьёзное общественное сопротивление.

На идею позитивного выравнивания долгое время опирался и И.В. Сталин, который отразил эту точку зрения в качестве политической стратегии на XII съезде РКП(б), проходившем уже без участия Ленина (17–25 апреля 1923 г.). В докладе Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» подчёркивались три основные идеи: а) решительное осуждение «русификаторской политики царизма»; б) поддержка борьбы «зависимых национальностей за освобождение от империалистического гнёта»; в) необходимость активной борьбы партии с пережитками «великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великорусов» [*Сталин*, 1923]. Сталин предложил: «*принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной <…> Советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и международной, родной для крестьян ранее угнетённых национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке <…> Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс*». [Там же].

Считается, что именно этот доклад положил начало политике «коренизации» — одной из важнейших политических кампаний Советской власти в 1923–1936 гг. В советской политической практике она выражалась в: продвижении представителей национальных меньшинств на руководящие посты в партии и государстве; создании национальных автономий; а главное — в форсированном развитии национальной (этнической) культуры: языка, образования, искусства и т.д. С 1923 г. лозунги о помощи «нацменам» замелькали в агитационно-пропагандистской литературе.

Современный китайский историк Лю Сяньчжун отмечает, что за 5–7 лет политика «коренизации» обеспечила такие успехи в развитии национальных языков, о которых десятилетиями мечтали выдающиеся деятели культуры многих народов Российской империи. Уже к 1925 г. в начальных школах РСФСР «преподавание велось на 68 языках… К 1927 г. 90% белорусских, 94% киргизских и почти 96% татарских учеников на территориях своих республик использовали родной язык при обучении в начальной школе [*Лю Сяньчжун,* 2014].

Большинству из этих народов, в том числе и таким крупным, как белорусы, впервые была предоставлена возможность получения начального образования на родном языке, что было особенно важно для ликвидации безграмотности в сельской местности.

Помимо создания национальных школ и популяризации языков малочисленных народов и этнических меньшинств, «Советское правительство требовало вести официальный документооборот и издавать учебную литературу на национальных языках. Например, в ЗСФСР в 1925 г. большинство официальных документов центральных ведомств составлялось на местных языках; <…> Если 1922 г. на Украине лишь 20% документов составлялось на украинском языке, то в 1927 г. их доля возросла до 70%» [*Лю Сяньчжу*, 2013]. В эти годы было создано более 60 этнических алфавитов (хотя не все из них прижились) и свыше 40 народов СССР впервые обрели свою письменность. У общностей, не имевших своих республик в составе СССР (поляков, евреев, цыган и др.), в 1920-х гг. появились свои школы, газеты, театры, вузы. Всё это — несомненные достижения «коренизации». Однако очень скоро обнаружились и её недостатки.

В ходе повальной кампании «коренизации», национальные школы зачастую открывали до того, как успевали подготовить преподавателей для работы в них. Если в сёлах всегда не хватало учителей, то во многих городах количество школ превосходило количество учеников, которые могли бы в них учиться. Запись в национальные школы проходила на основе принудительной этнической идентификации по происхождению родителей, хотя ребёнок по языку и культуре мог относить себя к другой этничности. Это создавало проблемы, особенно для детей из смешанных семей.

Перевод делопроизводства на национальные языки в южных республиках происходил в условиях почти тотальной неграмотности местного населения и первоначально был сугубо фиктивным. По переписи 1897 г. на Южном Кавказе доля неграмотных составляла 83%, а в Средней Азии — 94%, поэтому даже при форсированной мобилизации в государственное управление местных национальных кадров этих людей было недостаточно для обеспечения в 1920-е гг. работы республиканских учреждений на национальных языках.

В сфере поощрения карьерной мобильности национальных кадров проявились наибольшие проблемы «коренизации». Продвижение во власть одних групп национальных меньшинств, как правило, происходило за счёт вытеснения из неё других меньшинств: в Грузии — армян, абхазов, осетин; в Азербайджане — грузин, армян, лезгин; в Украине — русин; в Узбекистане — таджиков и т.д. Однако всё это лишь в малой степени повлияло на торможение, а затем и свёртывание политики «коренизации». Главной причиной её пробуксовки стало растущее разочарование (уже к началу 1930-х гг.) партийного руководства в политике поддержки «угнетённых народов» при столкновении этой кампании с другими, более значимыми для большевиков кампаниями коллективизации и раскулачивания. Назову лишь несколько факторов, обусловивших перемену политических настроений.

Во-первых, в ходе начавшейся в 1928 г. коллективизации, повлекшей за собой и раскулачивание, выяснилось, что некоторые «угнетённые нации» оказались более экономически обеспеченными, чем великорусские крестьяне. Уже по этой причине во многих регионах доля так называемых кулаков среди представителей национальных меньшинств была зачастую значительно выше, чем у этнического большинства. Так, в Ленинградской области в первой группе крестьян, репрессированных в 1930–1931 гг. как кулаков, более половины составили ингерманландцы (ингерманландские финны), хотя доля этой этнической группы в составе населения области была менее 2% [*Мусаев*, 2004. С 222].

Во-вторых, именно в национальных регионах сильнее всего проявилось сопротивление населения коллективизации и раскулачиванию. Это обстоятельство в наибольшей мере повлияло на полное свёртывание «коренизации» к 1939 г. и уже в 1937–1938 гг. начались репрессии против многих партийных функционеров, проводивших эту политику в союзных республиках [*Борисенок*, 2006].

В конце 1930-х годов вектор национальной политики начал круто меняться: от создания преимущественных условий для представителей национальных меньшинств до их массового выселения в ходе политических депортаций. В это время тотальной депортации были подвергнуты не менее десяти народов СССР: балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, корейцы, крымские татары, немцы, ингерманландцы, финны, чеченцы. При этом семь народов (немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары) лишились тогда и своих национальных автономий [*Депортации…*, 2005]. В той или иной мере депортациям в СССР подверглось ещё множество этнических групп — поляки, азербайджанцы, курды, иранцы и др.

В конце 1930-х — начале 1940-х гг. проявились перемены в позиции Советской власти и по отношению к «великорусскому шовинизму». Это явление не только перестало рассматриваться в качестве главной проблемы национальной политики, но и вовсе исчезло из советского политического дискурса. В это время словосочетание «великая Россия» или «великая Русь» приобрело исключительно позитивное значение как фактор сплочения всех остальных народов. Появляются новые политические метафоры: «СССР — семья народов»; «Россия — старшая сестра»; «русский народ — старший брат», «русские — народ-организатор» и др.

Эволюция зарубежный языковой политики: от запрета языков меньшинств к позитивной дискриминации

В 1920–1930-е гг. в большинстве стран мира господствовала этноязыковая политика, являвшаяся полной противоположностью советской «коренизации». Это была политика либо прямых запретов на использование тех или иных языков меньшинств, либо политика косвенных форм их ассимиляции.

В Испании с конца 1930-х гг. и на протяжении всего первого десятилетия правления каудильо Ф.Франко любые языки, отличавшиеся от испанского (кастильского), были запрещены для использования в публичном пространстве и «ограничены исключительно частным пространством» [*Shabad, Gunther,* 1982]. Речь шла в том числе об ограничениях для баскского и каталонского языков, имевших свои многовековые литературные традиции. В Японии в 1937 г. был запрещён для преподавания и публичного использования язык народа айна — древнейшей этнической общности на японских островах. Запрет публичной трансляции языка айнов, при отсутствии у этого языка письменной основы, привёл его к быстрой деградации и почти полному забвению. По экспертным оценкам 1960-х гг. из 30 тыс. чел., идентифицирующих себя как айны, лишь несколько десятков людей пожилого возраста, обладали тем или иным уровнем знания айнского языка [*Gayman*, 2011]. Те или иные запреты на использование языков коренных народов в Испании сохранялись до середины 1970-х, а в Японии — до 1990-х гг.

Американская аннексия Гавайских островов сопровождалась тотальным запретом гавайского языка (1893). Он стал быстро чахнуть, хотя ранее это был развитый язык, использовавшийся на всех уровнях образования, в юриспруденции и в художественной литературе. В 1993 г. Конгресс США принял специальную резолюцию с извинениями перед коренными гавайцами за свержение их королевства и связанные с этим ограничением прав коренного народа [*Siler*, 2012].

В колониях Великобритании действовали неодинаковые нормы в отношения языков коренных народов. Так, колониальные власти Новой Зеландии приняли в 1867 г. Закон о школах для коренных народов (The Native Schools Act), который предусматривал обучение детей маори исключительно на английском языке и отражал господствующую в Британской империи политику ассимиляции коренных народов [*Barrington*, 2008].

Языковая ситуация в Новой Зеландии стала радикально меняться лишь в середине 1970-х гг. В это же время начались перемены и на Британских островах, где существовали ограничения на использования языков кельтской семьи (ирландского, шотландского и уэльского/валлийского), не имевших легального статуса до начала XX в, а затем долгое время отсутствовали какие-либо формы их защиты от сильнейшего ассимиляционного воздействия английского языка [*Davies*, 2014].

Итак, лишь в 1970–1990-е гг. обозначились серьёзные перемены в этно-языковой политике США, Японии, Великобритании, Новой Зеландии и ряда других государств. Перемены были не одинаковы в разных государствах, а причины их появления разнообразны.

В Испании изменения в языковой политике стали следствием смены политического режима после смерти Франко в 1975 г. Мирная смена власти позволила сравнительно быстро разработать и принять (в декабре 1978 г.) новую Конституцию, закрепившую статус кастильского (испанского) языка как официального на всей территории страны, но одновременно признавшую официальными на территории испанских автономий языки их титульных национальностей. Первыми такой статус получили баскский и каталонский языки. С тех пор в Каталонии сохраняется, несмотря на периодически вспыхивающие серьёзные политические столкновения с центральным правительством королевства, испано-каталонское двуязычие, при котором испанский и каталонский языки понимаются в равной мере и используются почти в равной мере. Так, по состоянию на 2011 г. в Каталонии испанский язык понимали 99% и могли говорить на нём 96% населения, а каталонский язык понимали около 96% и могли говорить на нём 75% населения. Причём в этой автономии численно преобладают испанцы (кастильцы) [*Алос-и-Фонт*, 2017].

Испано-каталонское двуязычие в Каталонии, как и англо-французское в канадском Квебеке или финно-шведское в отдельных районах Финляндии, — случаи примерно равного освоения разных языков на одной территории. Они относятся к весьма редким явлениям в языковой ситуации глобального мира. Чаще языки коренных народов и/или этнических меньшинств не могут конкурировать с государственным языком страны, поэтому для их сохранения недостаточно обеспечение равных прав и нужны дополнительные средства защиты культуры меньшинств. В экстраординарных ситуациях, сложившихся с гавайским языком в США, языком маори в Новой Зеландии или с уэльским в Великобритании, возникает потребность не только в сохранении, но и в возрождении языков. А в случае с языком айнов в Японии была необходима ревитализация практически «мёртвого» языка с помощью сильнодействующих средств «позитивного выравнивания».

Во всех упомянутых случаях (Великобритании, Новой Зеландии, США и Японии) поворотным пунктом в возрождении рассматриваемых языков стало принятие правовых норм, обеспечивавших особый статус языка на территории некой автономии, либо на всей территории страны (как в случае с языком маори). Поправки к конституции штата Гавайи (1978) положили начало возрождению гавайского языка, обеспечив ему статус официального языка штата, наряду с английским, хотя основные перемены в этой сфере проявились позднее — в 1990-е гг.[2] [*Saving* …, 2012]. В Новой Зеландии «Закон о языке маори» (1987) признал этот язык в качестве официального, наряду с английским, в этой стране [*Maori…*, 2018].

В Уэльсе с 1960-х гг. стали расширяться права этой автономии, после чего местное правительство начало принимать меры по развитию валлийского языка, но в наиболее

[2] Лишь в конце 1990-х гг. после публичного признания Конгрессом США вины за колониальные авантюры столетней давности, федеральное правительство выделило ассигнования на возрождение гавайского языка и культуры этого народа. После этого правительство штата приняло ряд мер по обеспечению возможности изучения этого языка на всех уровнях образования, начиная со школ и заканчивая университетом Гонолулу [*Saving…*, 2012].

последовательной форме они проявились лишь в 1990-е гг. Два закона — Уэльский языковой акт (1993) и Уэльский правительственный акт (1998) — закрепили равенство валлийского и английского языков в качестве официальных в этой автономии. Законы обязали местное правительство и законодательные органы автономии разработать и реализовать Программу валлийского языка. С тех пор все официальные материалы распространяются на двух языках. Более того, даже письма из школы родителям и библиотечная информация должны использовать как английский, так и валлийский язык [*Davies*, 2014. Pp. 69–114]. Но языковая политика Уэльса не остановилась на закреплении равенства языков и включает в себя элементы «позитивного выравнивания» не только в сфере выделения дополнительных материальных ресурсов для валлийского языка. Например, эта политика предусматривает обязательное преподавание валлийского языка для всех учеников школ Уэльса в возрасте до 16 лет, вне зависимости от их этнической принадлежности. Кроме того, в Уэльсе есть школы, где всё обучение ведётся на валлийском языке, но запись в них сугубо добровольна [*де Барра*, 2022].

«Закон о культуре айнов» (1997 г.), впервые признавший этот народ коренной этнической группой Японии и закрепивший особый статус его языка на острове Хокайдо, положил начало формированию государственных и частных программ возрождения языка айнов [*Gayman*, 2011]. Эти программы ближе других к советской политике «коренизации», поскольку они также начинались с создания алфавита и письменности коренного малочисленного народа. К началу 2000-х гг. основные грамматические ресурсы языка айнов были созданы, и усилия государства и общественных организаций расширились, включив в себя создание системы айнского образования. Община айнов на Хокайдо стала играть ведущую роль в усилиях Японии по возрождению айнского языка. На острове все общеобразовательные школы включили уроки языка айнов для желающих. Опрос, проведённый здесь в 2017 г., указал на переход от почти полного забвения языка народа айна ещё в конце 1990-х гг. к различным формам его освоения почти половиной опрошенных, идентифицирующих себя с народом айны [*Hokkaido Ainu*…, 2017].

Ещё большие успехи в возрождении языка отмечены в других упомянутых государствах и регионах. В 1997 г. на гавайском языке говорило около 2 тыс. чел., а за 10 лет эта численность выросла более, чем в 10 раз. Уже по переписи населения 2010 г. 24 тыс. жителей штата назвали его своим основным языком [*Saving*…, 2012]. Развивавшееся в ходе возрождения языка маори этническое самосознание этого народа привело к изменениям демографических тенденций — начался рост численности народа маори и его доли в составе населения Новой Зеландии. В 2013 г. маори составляли 3,7% населения страны, а в 2018 г. 15% и стали второй по численности национальной группой страны [*Maori*…, 2018].

Валлийский язык подвергся меньшей деградации, чем вышеупомянутые языки. К концу прошлого века он оставался живым и разговорным языком более чем полумиллиона коренных жителей Уэльса. Политика «позитивного выравнивания» способствовала остановке сокращения доли использующих этот язык в повседневный жизни. С 1911 по 1991 гг. доля владеющих этим языком упала более чем вдвое (с 43 до 18,5%), а в 2004 г. она выросла до 21,7%. Правда, за следующие 20 лет эта доля снова стала медленно снижаться (20,8% в 2011 г., 20,0 в 2021 г. и 17,8% в 2023 г.). Однако при этом абсолютная численность владеющих валлийским за те же годы выросла: с 503,5 до 538.3 тыс. человек [*Welsh language…,* 2024]. Снижение удельного веса носителей этого языка произошло на фоне огромного притока переселенцев из других районов Великобритании, составивших к 2023 г. свыше 25% населения Уэльса.

Во всех упомянутых государствах процесс перехода от политики ассимиляции языков коренных народов к политике их возрождения занял около полувека, тогда как аналогичный процесс в СССР совершился революционно в течении двух-трёх лет.

О двух формах внедрения политики позитивного выравнивания: «сверху» и «снизу»

Политика «коренизации» была создана лидерами большевиков и внедрялась в жизнь «сверху» как политический проект, не зависящий от отношения к нему населения (как внедрялись тогда и другие проекты — коллективизации, раскулачивания, индустриализации). В странах же, ставших в 1990-е гг. образцами режима либеральной демократии, политика позитивного выравнивания в языковой сфере медленно прорастала «снизу», становясь частью государственной политики постепенно, под давлением общества. Вот несколько важных факторов, обусловивших переход упомянутых государств Северной Америки, Западной Европы, Новой Зеландии и Японии от политики ассимиляции к политике поддержки культурного разнообразия. Перечислю их в произвольном порядке, не ранжируя по значимости и не претендуя на исчерпывающий анализ эволюции языковой политики

Возросший интерес. Спрос на культурную самобытность. Процесс унификации культуры, сопровождающий глобализацию, породил и мощную ответную волну подъёма интереса людей к возрождению своей культурной идентичности, своих культурных традиций [*Паин,* 2010]. В Новой Зеландии начала 1980-х гг., ещё до юридического закрепления статуса языка маори, возникло общественное движение Kohanga Reo за его возрождение. Именно оно активнее всего выступало за принятие закона о языке маори. В рамках этого движения родилась и сравнительно быстро стала внедряться новейшая методология возрождения языка («language nest» — «языковое гнездо») — освоение забытого языка методом погружения детей дошкольного и раннего школьного возраста в среду носителей языка коренного народа. Такое же общественное движение за возрождение гавайского языка возникло в 1985 г. в штате Гавайи. Оно во многом воспользовалось языковой технологией, изобретённой в Новой Зеландии и получившей на Гавайях название Punana Leo (по-гавайски «языковое гнездо»). С конца 1990-х гг. община айнов на Хокайдо стала играть ведущую роль в усилиях Японии по возрождению айнского языка.

Впоследствии не только представители ранее колонизированных народов вовлеклись в движения за возрождение своей культурной идентичности. Немецкий политолог К. Зегберс, характеризуя ситуацию в ЕС 2010-х гг., отмечал: «Во множестве стран люди активно начинают задумываться о том, что они именуют “политиками идентичности” — те видятся им более важными, чем экономическая политика. Политика идентичности — это то, что я чувствую себя обделённым, я чувствую себя маргинализированным, я чувствую себя утратившим политический голос, я чувствую себя разорённым. И единственный способ с этим справиться — чувство культурной идентичности» [*Зегберс*, 2019].

Подъём движений этнических и расовых меньшинств за свои гражданские права. Во многом он стал реакцией на потрясения конца 1950-1960-х гг., вызванные движением за гражданские права чернокожих в США. Так или иначе, но спустя несколько лет (а иногда и десятилетий) аналогичные, хотя и не столь массовые и менее радикальные движения охватили множество групп этнических меньшинств. Даже крайне малочисленное движение айнов в Японии в 1980-е гг. обратило на себя внимание японского общества громкими требованиями равных гражданских прав и возрождения своей национальной культуры. Ещё более заметными были движения гавайцев в США и маори в Новой Зеландии. О схожих процессах в Уэльсе написал К. де Барра. Он отмечал, что «ключевой поворот в общественном сознании произошёл в 1962 г., когда известный валлийский писатель и националист Сандерс Льюис произнёс знаменитую речь на радио на родном языке, в которой сказал: “Если вы посмотрите на данные переписи, то увидите, что валлийский умирает, его не будет к 2000 году, если мы что-то не сделаем!” <…> После этого языковое движение стало активным и в некоторых случаях даже воинственным» [*де Барра*, 2022].

Деколонизация сознания этнического большинства. Движения за гражданские права меньшинств не смогли бы обеспечить принятие общенациональных законов, предполагающие элементы позитивной дискриминации меньшинств и отчасти ущемляющие интересы этнического большинства, если бы подобные законопроекты не опирались на поддержку общественного мнения жителей. Эти перемены были связаны с тремя этапами деколонизации (позволю себе такую спекулятивную идею). В 1950-е гг. начался первый этап — бывшие колонии обретали государственную независимость. Спустя одно-два десятилетия (1960–1970 гг.) жители стран-колонизаторов смирились со случившимся (назовём это вторым этапом). И, наконец, спустя ещё два-три десятилетия жители бывших имперских метрополий стали массово признавать колониализм и насильственную ассимиляцию колонизированных народов как зло, пагубное для внутренней жизни самих стран — бывших метрополий. Эти перемены привели к юридическому признанию правительствами ряда государств (например, США и Японии) ошибочности и преступности своей прошлой колониальной политики. Параллельно в мире укреплялась поддержка концепции культурного многообразия. К началу XXI в. она стала вытеснять господствующую веками идею культурного однообразия, культурного доминирования и связанную с ней ассимиляционную политику. В ноябре 2001 г. ЮНЕСКО приняло первую декларацию о культурном разнообразии как целевую стратегию мирового сообщества.

Эволюция концепции гражданских прав и изменение сущности либерализма. Для того чтобы принцип «позитивного выравнивания» утвердился в странах с либерально-демократическим режимом, должен был измениться сам либерализм — он должен был полеветь. Принцип affirmative action имеет несомненно социалистическое происхождение, он направлен на защиту коллективных прав, тогда как классический либерализм отдавал приоритет индивидуальным правам, индивидуальной инициативе и частному интересу в сравнении с ценностями социальной справедливости. Разумеется, я не имею возможности и не буду в этой статье говорить о всём многообразии факторов, обусловивших появление социального либерализма ещё в XIX в., а отмечу лишь два частных примера этого процесса, проявившихся в 1980–1990 гг. Первый связан с деятельностью канадского исследователя В. Кимлика, внёсшего значительный вклад в интеграцию концепции культурного разнообразия и защиты прав меньшинств в ядро идей современного социального либерализма [*Kymlicka*, 1989–1990]. Второй аспект напоминает о вкладе чешско-французского юриста К. Васака в современное представление о либерализме и его подхода к правам человека. В 1979 г. он предложил новую классификацию прав человека, разделив их на три поколения. Для нас особый интерес представляет последнее, третье, поколение прав. Они выходят за рамки простых гражданских и социальных прав отдельного человека: это коллективные права, относимые к таким социальным субъектам, как сообщество, нация, этническая группа, меньшинства и др. [*Domaradzki*, *Khvostova*, *Pupovac*, 2019]. Концепция третьего поколения прав стала нормативной для международных правозащитных организаций в 1990-е гг. На её основе была разработана «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» (1992), а затем «Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств» — конвенция Совета Европы (СЕ), подписанная 1 февраля 1995 г.

Политика позитивного выравнивания сыграла немалую роль в изменении мировой культурной нормы — в переходе от ассимиляции к поддержке культурного разнообразия. За 40-50 лет принцип affirmative action доказал возможность стать проявлением свободного выбора граждан, по крайней мере, в ряде государств мира.

Эволюции этноязыковой политики постсоветской России

Существует множество подтверждений тому, что этническая и этноязыковая политики Российской Федерации в 1990-е гг. развивались в направлении, близком тому, который тогда наблюдался в государствах с либерально-демократическим режимом. Первым в сфере национальной политики новой России был принят закон «О реабилитации репрессированных народов»[3]. Во многом по своей идейной направленности он аналогичен законодательным или политическим актам, принятым в США и в Японии[4]. Во всех случаях в этих документах признаётся несправедливость прошлой политики своих государств по отношению к народам, подвергшимся (в той или иной форме) репрессиям. Все эти акты отражали процесс деколонизации сознания бывших имперских обществ, проявившийся во многих странах мира. В октябре 1991 г. в России был принят закон «О языках народов Российской Федерации»[5]. Закон соответствовал мировым стандартам того времени и с определёнными поправками действует до сих пор. Он гарантирует равноправие языков народов Российской Федерации, которое «охраняется законом» (Статья 2, п. 4), но вместе с тем в нём содержатся и признаки «позитивной дискриминации». Так, он предоставляет только республикам право устанавливать свои государственные языки (Статья 3, п. 2), хотя по Конституции все типы субъектов РФ (республики, края, области, города федерального значения, автономные округа и автономные области) имеют равные права. Принятая двумя годами позднее (1993) Конституция Российской Федерации подтвердила и закрепила права республик на установление своих государственных языков. Это право сохраняется и в новом тексте Конституции (2020). Статья 68 закрепила такой статус за 37 языками в республиках страны[6].

Конституция отразила приверженность России к культурному разнообразию и к гарантиям прав этнических меньшинств на использование родных языков в общественной жизни. Ориентация федеральной власти на поддержку культурного и языкового многообразия выражена и в других государственных документах 2000-х гг. В Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. (в редакции от 06.12.2018) отмечается, что «Этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации защищено государством. В Российской Федерации используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 — в качестве языка обучения, 81 — в качестве учебного предмета[7]. Наша страна была одним из инициаторов упомянутой выше резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о «Международном десятилетии языков коренных народов мира (2022–2032)»[8].

Можно привести и другие примеры официальной поддержки федеральной властью идеи сохранения культурного и языкового многообразия России в 2000-е гг. Вместе с тем как в массовом сознании россиян, так и во мнении многих экспертов преобладает

---

[3] Закон РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 (ред. от 01.07.1993) «О реабилитации репрессированных народов». ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/10200365 (дата обращения: 20.05.2024).

[4] Российский закон был принят на два года раньше, чем упоминавшееся выше заявление Конгресса США с извинениями перед гавайцами за имперскую авантюру 1893 г.

[5] Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-I «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). ГАРАНТ. URL: https:// base.garant.ru/10148970 (дата обращения: 20.05.2024).

[6] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 20.05.2024)

[7] Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/70284810// (дата обращения: 29.05.2024).

[8] Глава ФАДН ещё 23 апреля 2019 г. предложил в ООН объявить десятилетие языков коренных народов. Национальный акцент. URL: https://nazaccent.ru/content/29731-glava-fadn-predlozhil-v-oon-obyavit.html, (дата обращения: 10.04.2023).

представление, что ценность сохранения культурного разнообразия была характерна для политики 1990-х гг., а затем стала угасать. Например, этносоциолог Л.Р. Низамова полагает, что этническую и языковую политику России 1990-х гг. можно назвать мультикультурализмом, поскольку этот термин позволял «обозначить особого рода либеральную идеологию и политику социального включения и признания прав меньшинств и дискриминируемых групп», а после 2010 г., по её мнению, произошёл некий идейный поворот. Упоминание поворота вынесено в название статьи Низамовой, но в её тексте не разъясняется, в чём суть поворота. Можно лишь догадаться о его связи с представлением об изменении акцентов российской этнической и языковой политики — от проекта позитивного выравнивания в отношении меньшинств к большему упору на развитие идеи В.В. Путина, упомянутой в статье, о «русском культурном ядре» [*Низамова*, 2017. С.155].

Я не в полной мере солидаризируюсь с выводами Низамовой; по крайней мере, иначе оцениваю этническую и языковую политику России 1990-х гг. На мой взгляд, политика мультикультурализма в Российский Федерации не проводилась ни в 1990-е, ни в последующие годы.

Основное содержание политики (или проекта) мультикультурализма направлено прежде всего на интеграцию культурных меньшинств, будь то иммигранты или местные национальные меньшинства, в полиэтническое сообщество некоего государства. Такая задача в 1990-е гг. не была приоритетной для России. Основной её этнополитической проблемой в то время было укрепление целостности государства в условиях «парада суверенитетов» российских республик. В целях снижения угрозы сепаратизма, исходившей от некоторых республик, федеральная власть предоставила республиканским политическим элитам (а вовсе не меньшинствам) различные преференции в сфере социально-экономических и федеративных отношений. Такая политика не соответствует понятию «мультикультурализм». Сам этот термин был в то время новым, непривычным и по большей части неприемлемым для политиков, особенно для лидеров республик. Сошлюсь на свой опыт советника Президента РФ по национальной политике (1996–1999). В процессе разработки и обсуждения различных вариантов Концепции государственной национальной политики (1996) звучали предложения включить в этот документ идеи или, по крайней мере, упоминание мультикультурализма, но этого не произошло. Этот термин не появился ни в одном из документов российской национальной политики. Причин тому множество, об одной из них писал В.А. Тишков (в 1992 г. министр по делам национальностей). Он показал, что в 1990-е гг. эта концепция трудно приживалась в большинстве стран мира, а на постсоветском пространстве вызывала «реакцию отторжения» [*Тишков*, 2003. С 24].

Мультикультурализм в качестве часто употребляемого термина пришёл в российский публичный дискурс лишь в 2000-е гг., причём время восприятия этой идеи как интеллектуально респектабельной оказалось в России очень коротким. Уже в 2011 г. российские политики заговорили о неприемлемости мультикультурализма для нашей страны [*Зорькин*, 2011]. Произошло это после публичного осуждения мультикультурализма лидерами Германии, Франции и Великобритании (2010) как политики, которая привела Европу к миграционному кризису. При такой «рекламе» этот концепт не мог прижиться в России в 2000-е гг., поскольку к тому времени он был уже перегружен негативными коннотациями. Правда, в 2011 г., неожиданно для многих Президент России Д.А. Медведев публично выразил своё несогласие с заявлениями некоторых европейских лидеров о «крахе мультикультурализма» и выступил в его защиту, понимаемого им как проявление исторического культурного многообразия России, её «мультикультуры» [*Медведев*, 2011]. Впрочем, этот всплеск невольной политической поддержки спорной политической модели оказался весьма непродолжительным. Уже спустя несколько месяцев, в январе 2012 г., В.В. Путин дал иную оценку мультикультурализму.

Статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» (23 января 2012) была программным заявлением по национальной политике кандидата в Президенты РФ. В ней «мультикультурный проект» оценивается сугубо негативно: во-первых, как «провал»; во-вторых, как неприемлемая для России модель национальной политики, строившаяся «исключительно на основе этнической идентичности». По мнению Путина, «в России — исторически сложилась другая ситуация, уникальная в своем роде: на территории страны издревле взаимодействовали и развивались сотни народов и общностей, каждая из которых имела свои национальные традиции…» [*Путин*, 2012].

В этой статье В.В. Путин подчёркивал культурную уникальность России «как самобытной полиэтнической цивилизации, которая скреплена русским культурным ядром и следует по особому пути развития…» [*Путин*, 2012]. С тех пор идеи об уникальности России и её русской культурной основы стали доминирующими при формировании стратегий национальной и языковой политики. Показательно в этом отношении сравнение двух документов: «Концепции государственной национальной политики РФ» (Концепция) и «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Стратегия).

Концепция 1996 г. была первым комплексным документом национальной политики Российской Федерации[9]. Её авторы опирались на общемировую методологию nation building и концепции федерализма. В Стратегии (особенно в последних её версиях 2018 и 2024 гг.) не только подчёркивается уникальность России, но и используется цивилизационный подход, если и не уникальный, то во всяком случае весьма редко применяемый в мировой методологии стратегического планирования. В соответствии таким подходом в Стратегии даётся следующее определение: «Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации…»[10]. В Концепции 1996 г. отмечалась «объединяющая роль русского народа», но при этом подчёркивалось, что «преобладающее большинство народов страны сыграли историческую роль в формировании российской государственности». Эта мысль совпадает с основной политической формулой российской Конституции: весь многонациональный народ является «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации» и, следовательно, весь многонациональный народ страны — государствообразующий. В Стратегии же (в редакции 2018 и 2024 гг.) выделяется особое положение русского народа, который определяется в качестве «системообразующего звена», а о политической субъектной и иной роли других народов в образовании российского государства не упоминается. Особая роль русского народа подчёркивается и в других документах 2020-х гг. В новом тесте Конституции России в редакции 2020 г. появляется определение «русский язык как язык государствообразующего народа» (статья 68), а в мае 2024 г. в официальный политический дискурс России вводится понятие «*государствообразующего русского народа*»[11].

Важные перемены в российском подходе к этнической и языковой политике в сравнении с 1990-ми гг. обозначились и на стадии реализации Стратегии. 20 июля 2017 г. в Йошкар-Оле состоялось заседание президентского Совета по межнациональным отноше-

---

[9] Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (утратил силу). URL: https://base.garant.ru/1548081/ (дата обращения: 29.05.2024).

[10] Указ Президента России от 08 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408897564 (дата обращения; 29.05.2024).

[11] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» от 8 мая 2024 г. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?index=5 (дата обращения: 4.06.2024).

ниям, на котором Президент России заявил, что заставлять «человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации»[12]. В 2018 г. Госдума приняла Закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"». Эти поправки фактически предусматривают отмену обязательного изучения государственных языков республик РФ и их преподавание исключительно на добровольной основе, с учётом потребностей школьников и их родителей[13]. На мой взгляд, необязательность изучения языков титульных национальностей фактически лишает их статуса государственных, поскольку трудно представить государственный язык, не обязательный для изучения, а следовательно, и для его знания.

Новые веяния, предусматривавшие изменения в формате преподавания национальных языков, возникли не спонтанно, они были обусловлены многочисленными жалобами русских семей в республиках РФ, требовавших отменить обязательное изучение неродного языка. Эти жалобы были услышаны представителями законодательной и исполнительной власти России. Первый зампред комитета по образованию и науке Госдумы О. Смолин заявил: «Принудительное изучение русскими и другими нетитульными народами национальных языков — это слишком большая плата за то, чтобы представители титульной национальности изучали свой язык»[14]. Не буду дискутировать со Смолиным, отмечу лишь, что и русский язык для многих народов России является не родным и зачастую трудным для изучения, особенно в сельских школах (например, в тувинской глубинке или в горных аварских селениях). Однако трудности освоения русского языка не ставят под сомнение обязательности изучения как не родного, но государственного языка страны.

Во вводной части действующего Федерального закона о языках сказано, что «Государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия»[15]. Однако пока многоязычие и двуязычие, о котором говорится в федеральном законе, характерно в России только для этнических меньшинств, при этом у русских жителей республик Российской Федерации стремление к освоению языков титульных национальностей не просматривается. Это показывают исследования социальных лингвистов по итогам Переписи населения 2020 г. Авторы исследования отмечают «Больше всего русских знают национальный язык в Чечне — 6,7%, в Осетии — 4,25%, в Чувашии — 3,9% и в Татарстане — 3,6%. В восьми республиках языком титульной нации владеет менее 1% русского населения: минимум Бурятия (0,41%), следом идёт Карелия (0,35%) и рекордно низкий уровень знания русскими государственного языка республики в Хакасии — 0,11%»[16].

Почему доля, владеющих чеченским языком среди русских в Чеченской республике на порядок больше аналогичной доли владеющих языком титульной национальности среди русских жителей Хакасии? Вряд ли это можно объяснить меньшей сложностью для русских людей освоить язык вайнахской группы, чем хакасский, представляющий весьма распространённые в России тюркские языки. Ответ на это вопрос понятен: русские в Чечне — этническое меньшинство и жизненные обстоятельства подвигают их к осознанию того

---

[12] Заседание Совета по межнациональным отношениям 20 июля 2017. Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109 (дата обращения: 18.05.2024).

[13] Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408131681/ (дата обращения: 25.05.2024).

[14] Обязательное изучение госязыков республик отменено (2017) // Независимая газета. 28 декабря 2017 // https://www.ng.ru/politics/2017-12-28/3_7146_learning.html (дата обращения: 18.06.2024).

[15] Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-I «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). ГАРАНТ. URL: https:// base.garant.ru/10148970 (дата обращения: 20.05.2024).

[16] Свои и свои: на каких языках (не) говорит Россия. 18 октября 2022. Изборник. URL: https://www.izbornik.ru/special_project/about_sociolinguistics/na_kakih_jazykah_ne_govorit_rossija (дата обращения: 18.06.2023).

факта, что освоение языка этнического большинства — не такая уж непомерная плата за необходимость жизни в Чеченской республике, а в Хакасии — русские абсолютное большинство, и ничто не подталкивает их к изучению хакасского языка. Но и хакасы, в свою очередь, особенно молодые, проявляют все меньший интерес к изучению своего языка, по мере того как уменьшается их численность в родной республике и сужается сфера использования этого языка даже в местах их компактного расселения и численного преобладания.

Ещё в 1970-е гг. в Хакасии обучение во всех школах велось на родном языке. К началу 1990-х гг. в республике осталось 14 школ, в которых хакасский язык был средством обучения различным предметам, а к 2010-м гг. хакасский из языка обучения превратился в предмет изучения, при этом не обязательный, а по выбору родителей [*Боргояков, Боргоякова*, 2016]. С каждым годом этот выбор становится все более редким. Хакасы являются меньшинством в одноимённой республике, составляя 12,1% её населения, и уже три десятилетия подряд переписи фиксируют устойчивое сокращение численности этой этнической общности. Одновременно снижается и численность владеющих хакасским языком, следуя инерции этно-демографических процессов и, в свою очередь, усиливая их[17]. Такая взаимосвязь лингвистической и демографической динамик, весьма характерна для процесса культурной ассимиляции народа. Ассимиляционные тенденции в Хакассии подтверждаются и социологическими исследованиями, указывающими на устойчивую тенденцию нарушения передачи языковых компетенций между поколениями. Уже к 2014 г. менее половины (47,2%) хакасских респондентов в возрасте до 20 лет в какой-либо мере понимали хакасский язык, не говоря уже об умении говорить на нём, хотя уровень владения хакасским языком их родителей был весьма высок — у респондентов в возрасте свыше 40 лет он превысил 90% [*Гусейнова*, 2014]. Со временем уровень владения родным языком среди хакасской молодёжи ещё более снизился, и большинство хакасской молодёжи перестали использовать родной язык даже при общении в своих семьях [*Боргоякова*, *Гусейнова*, 2017].

В соответствии с классификацией ЮНЕСКО хакасский язык оценивается как находящийся «под угрозой исчезновения» (definitely endangered). К этой же категории, по уровню угроз, относились к началу 1990-х гг. языки маори, ирландский и валлийский, а язык народа айны находился «на грани исчезновения», однако все эти языки удалось возродить, в той или иной мере. Опыт возрождения всех перечисленных языков показывает, что возможность перелома инерции затухания языков была связана с использованием политики позитивного выравнивания (affirmative action). Маловероятно, что такая политика будет использована для возрождения хакасского языка и ещё менее вероятно, что эта идея может быть одобрена большинством населения Хакасии.

Цели поддержки языкового многообразия заявлены в важнейших государственных документах РФ и ясно сформулированы в политических выступлениях российских лидеров. Цели поставлены, но пока они не достигнуты, и угрозы существованию языков многих народов России сохраняются. Судя по материалам Атласа угроз языкам коренных народов ЮНЕСКО на 2023 г., лишь 8% языков народов России относятся к категории «безопасный — не находящийся под угрозой исчезновения», ещё 43% языков эксперты относят к категории «уязвимый» и почти для половины языков народов России (49%) характерны разные уровни «угроз исчезновения» [*Атлас языков*…, 2010 (в ред. 2023)]. Всё это дало основание некоторым авторитетным экспертам для характеристики современной языковой политики Российской Федерации как двойственной, по-разному проявляющейся в двух своих измерениях: «De jure конструируется политика языкового единства в разнообразии — многоязычие в приоритете, наделение языковых общностей правами на использование языков во всех сферах жизнедеятельности при ведущей роли

[17] Всероссийская перепись населения. 2020. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 03.05.2024).

общегосударственного русского языка. De facto имеет место политика языковой централизации — создание моноязычного пространства <…> формирование языковой иерархии, что ведёт к языковой монополии, доминированию русского языка во всех сферах функционирования» [*Биткеева*, *Вингендер,* 2020. С.46].

Заключение

Итак, мы проанализировали два типа моделей позитивного выравнивания в языковой политике. Советская политика «коренизации» была сконструирована властью и ею же отменена. Однако в период её действия (1920–1930-е гг.) эту политику можно определить как несравнимо более благоприятную для меньшинств и коренных малочисленных народов, чем политику в этой же сфере других государств. В большинстве из них в 1920–1930-е гг. господствовала политика насильственной ассимиляции меньшинств, запретов и ограничений на функционирование их этнических языков. Ситуация изменилась в 1990-е гг., когда в развитых государствах с демократическими режимами парадигма ассимиляции меньшинств постепенно была вытеснена парадигмой поддержания культурного разнообразия. В таких условиях появился и новый тип позитивного выравнивания в языковой сфере, опирающийся не только на государственный протекционизм по отношению к меньшинствам, но также и на инициативу «снизу». Такая модель affirmative action продвигается усилиями общественных групп, добивающихся реального равенства языковых и культурных возможностей представителей меньшинств и этнического большинства.

Законодательная норма о статусе государственного языка была введена в 1991 г. и формально сохраняется, однако реальные возможности применения государственного статуса языков титульных национальностей в 2010-е гг. снизились, прежде всего в сфере школьного образования. В 2018 г. были приняты правовые нормы, отменяющие обязательное изучение государственного языка республики. На практике эти изменения почти не повлияли на языковую ситуацию в тех республиках, где титульные национальности являются абсолютным большинством населения (например, в Чеченской и Ингушской республиках). Совершенно иная ситуация сложилась в республиках, в которых титульные народы составляют меньшинство населения (это все народы финно-угорской языковой семьи и многие народы тюркской языковой семьи) У них уже несколько десятилетий наблюдаются заметные ассимиляционные процессы в языковой сфере. И они усиливаются под воздействием правовых и политических действий, ослабляющих престиж этих языков в качестве государственных.

Я отметил различия форм появления моделей affirmative action policy в языковой политике разных государств и разных регионов внутри них. Вместе с тем можно увидеть и некоторые общие свойства этой модели, начиная с советского эксперимента «коренизации» и заканчивая современными проявлениями позитивного выравнивания. Назову некоторые из таких универсальных черт.

1. В СССР и в других государствах стартом политики позитивного выравнивания, выступало принятие политических деклараций о целях государственного протекционизма и защиты прав и интересов различных групп меньшинств в социально-экономических и в культурных сферах, а также введение государством соответствующих правовых норм.

2. Во всех известных случаях в целях устранения фактического неравенства в языковой сфере государство гарантировало меньшинствам и малочисленным коренным народам право на сохранение, изучение и развитие родного языка. Это право обычно сопровождалось созданием для представителей меньшинств и коренных малочисленных народов преимущественных условий для получения образования на национальном языке или, по крайней мере, обеспечением возможности изучения самого национального языка.

3. Советская политика «коренизации» включала и перевод делопроизводства на национальные языки. Позднее в СССР в делопроизводстве параллельно использовались русский и национальные языки союзных республик. Похожая практика использования двух и более языков в делопроизводстве широко применяется во многих государствах современного мира, где существуют территориальные автономии.

4. Политика «позитивного выравнивания в СССР сопровождалась созданием национально-территориальных автономий, начиная с уровня «национальных сельских советов» и вплоть до союзных республик. В других странах, проводивших политику affirmative action, в этих целях создавались либо территориальные, либо экстерриториальные культурные автономии для этнических общин.

5. Политика «коренизации» и все её современные аналоги позволили многим народам возродить родные языки. При этом наибольший успех в сохранении и развитии национальных языков проявился в тех случаях, когда государственный протекционизм в развитии культуры меньшинств опирался на широкую поддержку общественного мнения.

6. Политика affirmative action во многих государствах доказала свою эффективность с точки зрения развития культуры меньшинств и коренных малочисленных народов. Но уже советский опыт показал, а затем зарубежный опыт подтвердил, что такая политика имела и свои недостатки, особенно в сфере межэтнических отношений.

7. Наиболее конфликтогенными оказались мероприятия, предусматривавшие привилегии в получении работы и в карьерном росте для представителей ранее «угнетённых наций». Скоро выяснилось, что позитивная дискриминация превращается в обычную дискриминацию граждан по этническому признаку. При этом такой дискриминации подвергались не только представители «нации угнетателей», но и многие меньшинства, если они были не титульными, «неосновными» на данной этнической территории.

8. Заметные межэтнические проблемы возникали в связи с созданием этно-территориальных автономий. Даже национальные сельсоветы зачастую охватывали территории с этнически смешанным населением, поэтому однородные в социальном отношении группы имели неравные возможности в реализации своих законных интересов в ряде сфер труда и быта. Чем выше был территориальный уровень национальных автономий, тем большим мог быть масштаб такого неравенства. Эта же проблема в той или иной мере существует в территориальных автономиях с этнической спецификой и в ряде других стран мира (в Бельгии, в Нидерландах, Великобритании и др.)

9. Привилегии в сфере развития этнических языков не вызывали в Советском Союзе таких конфликтов, как раскулачивание, коллективизация и протекционизм в карьерном росте. Тем не менее и языковая политика порой вызывала недовольство как социальных, так и этнических групп, особенно в случае введения обязательного изучения национального языка. В СССР периода «коренизации» 1920–1930-х гг. изучение родного языка обязательным было только для представителей той или иной этнической группы. Но уже это принуждение могло вызывать недовольство у людей с неопределённой или множественной этнической идентификацией. Ещё более конфликтогенной являлась норма об обязательном изучении государственного языка республики для всех жителей этой территории. Такая норма в Российской Федерации действовала с 1991 по 2018 гг. для жителей республик, и примерно с 2010-х гг. она стала вызывать заметное сопротивление в русской среде, особенно в идеологически мотивированных сообществах. Нечто похожее проявляется и в некоторых других странах. Например, не все англичане, живущие в Уэльсе, одобряют необходимость обязательного изучения в школе валлийского языка[18]. Впрочем, это недо-

[18] Изучают ли англичане валлийский язык? URL: https://yandex.ru/q/language/11188937729 (дата обращения: 27.05.2024)

вольство не вызывает массового оттока англичан из Уэльса, напротив, наблюдается устойчивый их приток в этот регион.

10. Отмена обязательного изучения какого-либо этнического языка быстро и неизбежно приводит к его деградации, если численность этой этнической группы устойчиво сокращается. Так было в бывших союзных республиках после 1991 г., так происходит ныне в тех российских республиках, где титульные национальности составляют меньшинство населения. В то же время внедрение практики обязательного обучения какому-либо языку неоднократно приводило в мировой практике к перелому негативных лингвистических процессов и возрождению угасающих языков. При этом почти всегда недобровольность изучения языка порождала недовольство каких-то групп населения.

У меня нет готового ответа на вопрос, как общество должно относиться к этому противоречию.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Алос-и-Фонт Э. (2017). Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании [*Alos i Font E.* (2017). Language policy in Catalonia and the nationalist conflict in Spain] // *Языковая политика, конфликты и согласие*. — М.:ИЭА РАН. С. 162–199.

Алпатов В.М. (2013). Языковая политика в современном мире [*Alpatov V.M.* (2013). Language policy in the modern world] // *Научный диалог*. №5 (17). С. 8–28.

Аршин К.В. (2023). Русские как «государствообразующий народ» или «государствообразующий народ» как русский (ответ на статью А. Ачкасова) [*Arshin K.V.* (2023). Russians as «state-forming people» or «state-forming people» as Russians (response to article by A. Achkasov)] // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. Т. 19. № 2. С. 333–348.

Атлас языков мира (2010). [Atlas of the World's Languages 2010).] // UNESCO. URL: https://en.wal.unesco.org/ (дата обращения 05.03.2023).

Биткеева А., Вингендер М. (2020). Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии [*Bitkeeva A., Wingender M.* (2020). Scenarios in Russian language policy: issues of concept and methodology] // *Языковое планирование и прогнозирование*. № 1. С. 34–48.

Борисенок Е. (2006). *Феномен советской украинизации, 1920–1930-е годы* [*Borisenok E.* (2006). The phenomenon of Soviet Ukrainization, 1920–1930s]. — М.: Европа.

Боргояков С.А., Боргоякова Т.Г. (2016). Языковая ситуация и проблемы обучения хакасскому языку в республике Хакасия [*Borgoyakov S.A., Borgoyakova T.G.* (2016). Language situation and problems of teaching the Khakass language in the Republic of Khakassia] // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. № 3. С. 12–23.

Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. (2017). *Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири* [*Borgoyakova T.G., Guseinova A.V.* (2017). Status and functioning of the Turkic languages of Southern Siberia]. — Абакан: ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова».

Гусейнова А.В. (2014). *Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия* [*Guseinova A. V.* (2014). Dynamics of the language situation in the Republic of Khakassia] Дис… канд. филол. наук. — Абакан: Изд. ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

де Барра К. (2022). *«Чтобы возрождать язык, нужно иметь политическую автономию»* [*de Barra C.* (2022). «To revive a language, you need to have political autonomy»]. Деловая электронная газета «Бизнес Online». URL: https://www.business-gazeta.ru/article/538534

Депортации и этничность. Сталинские депортации. 1928–1953 (2005). / П.М. Полян (сост.). [*Deportations and ethnicity. Stalin's deportations*. 1928-1953 (2005) / P.M. Polyan (ed.)]. — М.: МФД, Материк.

Зегберс К. (2019). *Этика «базовых нужд» и современная Европа* [*Zegbers K.* (2019). The ethics of "basic needs" and modern Europe] // [Электронный ресурс] Фонд Либеральная миссия. 06.05. (http://www.liberal.ru/articles/7361 (дата обращения 20.05.2024).

Зорькин В. (2011). *Нам предстоит найти работающие концепции интеграции этнообществ в государство* [*Zorkin V.* (2011). We have to find working concepts for the integration of ethnic communities into the state] // Российская газета. URL: https://www.rg.ru/2011/09/07/zorkin-site.html (дата обращения: 19.05.2024).

Ленин В.И. (1913). *Критические заметки по национальному вопросу* [*Lenin V.I.* (1913). Critical notes on the national question]. Ленин В.И. ПСС. Т. 24. С. 113–150.

Ленин В.И. (1922). *К вопросу о национальностях или об автономизации* [*Lenin V.I* (1922). On the issue of nationalities or autonomization] — В.И. Ленин ПСС Т. 45. С. 356–362.

Лю Сяньчжун (2014). *Плюсы и минусы политики «Коренизации» СССР в 1920-е годы* [*Liu Xianzhong* (2014). *Pros and cons of the policy of "indigenization" of the USSR in the 1920s*] // *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* №1 (28). С. 41–49.

Мартин Т. (2011). *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939* [*Martin T.* (2011). Empire of "positive activity". Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939]. — М.: Фонд Президентский центр Б.Н.Ельцина: РОССПЭН.

Медведев считает опасными рассуждения о «крахе мультикультуры» (2011). [*Medvedev considers discussions about the "collapse of multiculture"* dangerous (2011)]. ИА РИА Новости URL: http://ria.ru/politics/20110211/333250655.html (дата обращения: 19.05.2024).

Миронов Б.Н. (1999). *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.)* [*Mironov B.N.* (1999). Social history of Russia during the imperial period (XVIII – early XX centuries)]. – СПб.: Дмитрий Буланин, Т. 2.

Мусаев В. И.(2004). *Политическая история Ингерманландии в конце XIX—XX веке* [*Musaev V.I.* (2004). Political history of Ingria at the end of the 19th–20th centuries]. — СПб: ИИ РАН «Нестор-История», 2004.

Низамова Л.(2010). Смыслы и дилеммы мультикультурализма в России: идеологический поворот 2010-х гг. [*Nizamova L.* (2010). The meanings and dilemmas of multiculturalism in Russia: the ideological turn of the 2010s.] // *Вестник экономики, права и социологии*. № 1. С. 155–156. УДК 316.4.06 DOI: 10.18454/VEPS.2017.1.5518.

Паин Э.А. (2010). О природе процесса этнического и религиозного возрождения [*Pain E. A*. (2010). On the nature of the process of ethnic and religious revival] // *Ценности и смыслы*. № 5(8). С. 33–49.

Путин В.В. (2012). *Россия: национальный вопрос.* 23 января. 12:33 [*Putin V.V.* (2012). Russia: the national question. January 23. 12:33]. URL: https://moscow.er.ru/activity/news/vladimir-putin-rossiya (дата обращения 30.04.2024).

Сталин И.В.(1923). Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии [*Stalin I.V.* (1923). National moments in party and state building. Theses for the XII Congress of the RCP(b), approved by the Central Committee of the party] // *Правда*. 24.03. № 65. URL: http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-11.html (дата обращения: 30.04. 2024).

Тишков В.А.(2003). *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии* [*Tishkov V.A.* (2003).Requiem for Ethnicity: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. — М.: Наука.

Barrington J.(2008). *Separate but equal?: Māori schools and the Crown, 1867–1969*. — Wellington: Victoria University Press.

Davies J. (2014). *The Welsh Language: A History*. — Cardiff: University of Wales Press.

Domaradzki S, Khvostova M., Pupovac D. (2019). Karel Vasak's Generations of Rights and the Contemporary Human Rights Discourse // *Human Rights Review.* Vol.20 (4). Springer: 423–443. DOI:10.1007/s12142-019-00565-x.

Gayman J. (2011). Ainu Right to Education and Ainu Practice of «Education»: Current Situation and Imminent Issues in Light of Indigenous Education Rights and Theory // *Intercultural Education*. Vol. 22, No 1. Pp. 15–27. DOI: 10.1080/14675986.2011.549642.

Ginsburgh V., Weber S. (Eds.) (2016). *The Palgrave Handbook of Economics and Language.* — London: Palgrave Macmillan.

Hokkaido Ainu Living Conditions Survey (2017). / Kanako, Uzawa. Crafting Our Future Together.

Kymlicka W. (1989–1990). *Liberalism, Community, and Culture.* — Oxford: Oxford University Press.

Maori Language, Once Shunned, Is Having a Renaissance in New Zealand (2018). // The New York Times, September 16, 2018 // https://www.nytimes.com/2018/09/16/world/asia/new-zealand-maori-language.html (дата обращения 20.04.2024).

Saving the Hawaiian Language (2012). University of Hawai'i Foundation (uhfoundation.org) // URL: https://www.google.com/url?q=https://www.uhfoundation.org/saving-hawaiian-language&source=gmail&ust=1695287182310000&usg=AOvVaw2-3AN-H_B5Djsblkw_4niu (access date: 20.05.2024).

Shabad G., Gunther R. (1982). Language, Nationalism, and Political Conflict in Spain // *Comparative Politics*. Vol. 14 No. 4. City University of New York: 443–477. DOI: 10.2307/421632.JSTOR421632.

Siler J.F. (2012). *Crime of the Century, 1893. Lost Kingdom: Hawaii's Last Queen, the Sugar Kings and America's First Imperial Adventure*. — New York: Atlantic Monthly Press.

Welsh language data from the Annual Population Survey: 2023. GOV.WALES (2024). URL:www.gov.wales. 18 April 2024. Retrieved 18 April 2024 (access date: 27.05.2024).

Паин Эмиль Абрамович
painea@mail.ru
Emil A. Pain
Doctor of Political Science, Candidate of History (Ethnology) Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow)
painea@mail.ru

POSITIVE ALIGNMENT IN LANGUAGE POLICY: PROS AND CONS. THE EXPERIENCE OF THE USSR, MODERN RUSSIA AND OTHER STATES[19]

Abstract. The article shows the dynamics over the last century of the affirmative action policy in the field of preservation and revival of minority and indigenous languages. The analysis is based on a comparison of the language policies of the Soviet Union, post-Soviet Russia and a number of foreign countries. The Soviet policy of "korenization" (1920s — early 1930s) was the world's first experience of creating advantages for the development of minority and indigenous languages, as well as the complete opposite of the policy of prohibitions on the use of such languages, typical at that time for many countries of the world. The situation has changed radically in modern conditions. Most states with a liberal regime and a market economy are pursuing a policy similar to the Soviet "korenization" in relation to the revival of the languages of previously colonized peoples, whereas Russia has been moving further away from the Soviet policy of korenization since 2010. The main issue of the article is the analysis of the contradiction between the merits of "positive alignment" affirmative action in the field of language policy and its shortcomings in the field of social and interethnic relations

Keywords: *language policy, affirmative action, national minorities, indigenous peoples, titular nationalities of the republics.*
JEL: A12, A13, I24, Z10.

[19] The study was done out within the framework of the «Program of Scientific Research for 2023–2025, Related to the Study of the Ethnocultural Diversity of Russian Society and Aimed at Strengthening the All-Russian Identity» (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский
д. филос. н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ПОСТГУМАНИЗМ: НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ ИЛИ НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ ГОСПОДСТВА? (Часть I)

Аннотация. Постгуманизм переосмысливает современную социальную ситуацию, поставив под сомнение многие важные парадигмы науки и технологии. Среди них: гуманистическая концепция человека, антропоцентрическое видение природы и истории, отношения человечества с другими живыми существами и неживыми объектами, роль новых научных открытий в трансформации человечества в отношении биологической формы, идентичности и будущего выживания. Проделывая эту работу, различные теоретики постгуманизма или трансгуманизма обсуждают вклад когнитивных наук, биоэтики, искусственного интеллекта, правовых установлений и соответствующих технологий в конструирование нового человека, семьи, собственности, общества и политического порядка, который, как предполагается, станет более справедливым, инклюзивным и процветающим. Автор подвергает этот комплекс теорий критическому анализу, показывая меняющееся место таких компонентов, как наука, технология, идеология и политическое воздействие постгуманистического движения с точки зрения его вклада в формирование принципиально новой концепции социальной иерархии, власти и доминирования, возможно, потенциально более авторитарных, чем все предшествующие. Среди его важных выводов предложение нового понятия рационализированного гуманизма в качестве альтернативы дефиниции постгуманизма.

Ключевые слова: *гуманизм, постгуманизм, трансгуманизм, антропоцентризм, права человека, права животных, искусственный интеллект, био-роботы, социальная иерархия, власть, господство, рационализированный гуманизм.*
JEL: B59, K19, O10
УДК: 008
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_171_185
© А.Н.Медушевский, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Медушевский А.Н.* Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть I) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 171–185. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_171_185.
FOR CITATION: *Medushevskiy A.* Post-humanism: Academic Theory, Social Utopia or the New Ideology of Political Dominance? (Part I) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 171–185. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_ 2024_3_171_185.

Введение

В условиях глобализации возникают учения, направленные на ниспровержение основ классического гуманитарного познания, ставящие под сомнение доказательность добытых им методов и аргументов при объяснении мира. Одно из таких учений — постгуманизм с его претензией на новый синтез знаний о природе, обществе и человеке. Основная гипотеза этого учения заключается в предположении, что человечество как биологический вид достигло предела своей эволюции, когда оно вынуждено либо исчезнуть, либо подвергнуться радикальной трансформации с учётом новых экологических, технических и когнитивно-информационных вызовов, радикально изменив свою биологическую природу. Эта трансформация определяется отношением к центральному принципу гуманистической философии — антропоцентризму, его воспроизводством в новых формах (что предлагает трансгуманизм), пониманием современности как процесса перехода от гуманизма к постгуманизму или радикальным отказом от гуманизма (что постулирует антигуманизм) вплоть до полного исчезновения человечества с заменой его другими «нечеловеческими» формами разумного существования.

Проект постгуманизма, при кажущейся утопичности его предположений имеет признаки вполне рациональной научной гипотезы и не может быть просто отброшен, а заслуживает критического анализа. Этот проект продвигает переосмысление современной научной картины мира с позиций новой системы координат; предлагает собственную концепцию познания, ориентированную на критику нашей способности суждения; отстаивает общественный идеал и программу социальных реформ, ориентированных на ревизию исторически сложившихся параметров иерархии, господства и власти. Наконец, он позиционирует себя как новую критическую теорию — полный пересмотр таких традиционных категорий гуманитарной мысли, как человек и его место в мире, во имя достижения более справедливого, устойчивого и разумного общественного устройства. Критике подвергается как ценностная основа гуманизма, так и социологическая теория культуры, общества, семьи, собственности, права и власти, доминирующая в современной науке.

В данной статье нас интересует следующая совокупность вопросов: в чём смысл диагноза перехода человечества к постгуманистическому состоянию; каковы социологические параметры социального проекта постгуманизма; насколько обоснованы предложения принципиально новых форм господства и власти и их возможные непредвиденные следствия. Статья разделена на две части — в первой проведена реконструкция основных теоретических установок данного течения, во второй — упор сделан на вклад технологий в представления о социальном устройстве будущего.

Постчеловеческое состояние как категория познания

Постгуманизм — это *философская концепция*, описывающая мир исходя из предположения, что люди утратили в нём положение центральных персонажей; междисциплинарная *область исследований*, интегрирующая взаимосвязи человеческой и внечеловеческой совокупности объектов природы; *моральное учение*, апеллирующее к защите альтернативных (нечеловеческих) форм живой природы и населяющих её существ; *социологическая теория*, конструирующая понятия за пределами традиционных категорий социальной иерархии, расы, национальности, класса и пола во имя преодоления традиционных разделительных линий между человеком, животным и машиной, наконец, *сфера культуры и искусства*, в центре которой оказывается конструирование образа будущего без людей — в научной фантастике, литературе, средствах массовой информации и образовании.

Позиционируя себя как философию XXI в., постгуманизм отвергает классический гуманизм — представление о мире, сформировавшееся в эпоху Возрождения и Просвещения, отрицает главенство человека, основанное на представлении о нём как центре вселенной и «мериле всех вещей» (фраза, приписываемая Протагору), и выдвигает категорию постчеловеческого состояния. Постгуманизм представлен направлениями, различающимися трактовкой этого состояния — *культурный постгуманизм* (пересмотр гуманистической философии с позиций распространения человеческой субъектности за пределы человеческого рода); *трансгуманизм* (технологии, обеспечивающие расширение человеческих способностей во времени и пространстве); *технологический постгуманизм* (потенциальная замена человека как биологического вида его модификациями или искусственным интеллектом); *антигуманизм* (отрицание гуманизма как такового); различные *апокалиптические теории* — добровольное вымирание или уничтожение человека (путём его трансформации в информацию или цифру). Все эти подходы выдвигают интегрирующую конструкцию *постчеловеческого состояния* — мира без людей или их коренного перевоплощения в биологическом и технологическом смысле [*Wolfe*, 2010; *The Bloomsbury Handbook…*, 2020; *Cabinet of Imaginary…*, 2021; *Palgrave Handbook…*, 2022]. Но они формировались в разное время, опирались на разную методологию и социальные ориентиры и далеки от единства в понимании перспектив человеческой цивилизации[1].

В основе постгуманизма лежит деконструкция человеческого состояния. Постгуманизм отрицает традиционные границы познания (выводя их за рамки человеческого конструирования); подвергает радикальному сомнению само понятие знания; выдвигает новые эмпирические методы изучения взаимодействия различных форм восприятия мира и настаивает на пересмотре смысла жизни как творчества (воли к знанию). Появление постгуманизма как направления мысли связано прежде всего с технологическими вызовами цивилизации: «Современные технологические достижения ставят нас перед жёстким выбором — сохранять традиционные представления о человеке как вершине творения и природы, или низвести его до уровня одного из элементов природы. Должен он сохраняться в своём традиционном понимании или преодолеть его, став единством биологических и технических элементов (киборг) или вообще перевести свою природу в техническую форму и цифру. Если встать на последнюю точку зрения, то можно достичь нового уровня слияния с природой, не противопоставляя себя ей» [*Oberauer*, 2021].

Очевидно противоречие постгуманистического подхода как научной теории и формирующейся идеологии. Позитивный вклад состоит в постановке новых вопросов. Методологическое сомнение в ценности гуманизма определяет внимание к соотношению органической и технологической материи, расширению границ субъективности восприятия, позволяя преодолеть традиционные дихотомии научного сознания — человек и природа, человеческое и нечеловеческое, мужское и женское, естественный и искусственный интеллект — конструкции, которые становится возможным пересмотреть и изменить. Негативная сторона связана с превращением данной теории в новую социальную утопию или, скорее, антиутопию — конгломерат достаточно неопределённых представлений о будущем, объединяемый страхом перед худшими сценариями развития человеческого общества и его зловещими проблемами [*How The Posthuman…*, 2023]. Трансформация постгуманизма в идеологию способна сделать его самореализующимся прогнозом, т.е. материализовавшейся социальной антиутопией.

---

[1] Обзор основных направлений постгуманизма см.: Постгуманизм. URL.: https://en.wikipedia.org/wiki/Posthumanism; *Марков С.* Постгуманизм. История, основные положения и представители. 21.12. 2021. URL.: https://creativeabs.com/absolyut-v-zapadnoj-filosofii/postgumanizm.html; Постгуманизм / Сост. И. Жужгин. // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2022. № 4 (75). URL.: https://dfnc.ru/arhiv-zhurnalov/2022-4-75/kontseptsiya-postgumanizm/; (дата обращения: 26.06.2024).

Разум и эволюция: гуманизм, трансгуманизм, постгуманизм

Революция в изучении мозга продвинула наше понимание его деятельности по конструированию реальности, внеся вклад в когнитивные исследования. Они концентрируются на способности мозга перерабатывать данные посредством восприятия, кодирования, фиксации, классификации, обеспечивая ретроспективную и упреждающую деятельность мозга на всём протяжении человеческой жизни. Однако любое когнитивное нарушение модифицирует этот процесс и меняет порядок вещей. Если предположить, что познание существует не в мозге, а в его взаимодействии с материальным миром, то разные формы материальной культуры активизируют эти познавательные способности и процессы или изменяют их в разные периоды. В центре, следовательно, должен находиться сам процесс соединения, в котором все мобилизованные элементы обретают свободу действий через свои связи.

Рассуждая таким образом, постгуманисты обращаются к процессу конструирования сознания — эпистемологии того, как материальные «вещи» (или технологии) приобретают значение в формировании памяти и занимают определённое положение в картине мира субъекта. Это определяет внимание к ситуативности, практическому знанию, воплощённому в эстетических, технологических, нормативных, дискурсивных и социальных инфраструктурах [*Gherardi*, 2019; *Parolin*, 2019]. Постгуманитарная наука выступает как наддисциплинарная область современного гуманитарного знания, вдохновлённая неоматериалистической этикой, актуализирующей разные типы взаимосвязей, включая отношения современной цивилизации с пропавшими без вести народами, кочующие знания и их влияние на возможное будущее. Критические постгуманистические науки, по мнению Р.Брайдотти, могут стать эпистемологическим средством реализации этого проекта [*Braidotti*, 2018, *Брайдотти*, 2021]. Альтернативный подход, так называемый «витализм», расширяет границы этой эпистемологии с учётом всего диапазона факторов, т.е. «всего, что делает нас живыми существами» — от биологических параметров (включая болезни и ошибки) до исторической и культурной динамики, определяющей степень, в которой всем людям доступно социальное, юридическое и политическое признание как личности [*Osborne, Rose*, 2023].

Тема поиска взаимосвязей объединяет широкий круг вопросов — природа разума, познания и знания, понятие границ субъектности; социальное и биологическое бытие человека; соотношение человека и нечеловека; биологические и правовые аспекты взаимодействия видов; функциональные параметры; информационно-когнитивные аспекты деятельности. Представлено альтернативное видение будущего человечества как биологического вида — от констатации его трансформации до исчезновения или самоубийства человечества как финальной точки всего процесса. В сфере внимания постгуманизма стоят вопросы антропоцена, различные формы постантропоценной жизни — жизнь животных и жизнь неорганических объектов; соотношение прав человека и прав иных объектов — природы, животных и даже неживых физических объектов, исследования технологий, окружающей среды и космологии, новые онтологии и новый материализм, информационная политика и пересмотр образовательных подходов с позиций постгуманизма, критики капитализма и постколониальных устремлений [*Du Preez, Simmonds*, 2022].

Общим для всех течений, объединяемых понятием постгуманизма, становится идея о том, что человеческая эволюция подошла к рубежу качественных изменений, за которыми следует принципиальное изменение природы человека. Масштабы этого изменения, однако, определяются по-разному, выявляя соотношение понятий — гуманизм, трансгуманизм и постгуманизм. Трансгуманизм по большей части принимает традиции классического гуманизма, опираясь на его рационализированную трактовку — расширение человеческих возможностей путём их комбинирования с новыми технологиями или выступает как переходная стадия от гуманизма к постгуманизму. Постгуманизм — означает тотальный отказ от гуманизма в силу исчезновения человека как биологического вида и настаивает на переходе к качественно новым биологическим или технологическим формам существования интеллекта.

Природа и человек: критика антропоцентризма

Постгуманизм постулирует идею природы как целостного явления, где человек является не её вершиной и повелителем, но лишь малой частью. Эта идея раскрывается по трём направлениям — обоснование возможности жизни «за пределами антропоцена»; раскрытие «взаимодействия человека и нечеловека»; реконструкция «форм жизни и новых онтологий» в очень разных констелляциях [*Life in a Posthuman*…, 2023].

Первое направление критики выдвигает отказ от гуманистического антропоцентризма. Антропоцентризм — это система представлений о человеке как единственном субъекте (рациональной автономной личности), которая определяет все онтологические, эпистемологические и этические обязательства. Данная система, по мнению критиков, утверждает дуализм разума и природы, ведёт к увековечиванию иерархии, господства и контроля над иными людьми и другими существами, выступающими исключительно средствами для достижения человеческих целей. Поэтому с позиций постгуманизма она не может быть основой отношения общества к окружающей среде, другим видам и представляется этически неправильным и прагматически неэффективным подходом [*Kopnina*, 2018].

Второе направление — отношения человека с другими формами жизни. Постгуманизм, по мнению его сторонников, устраняет разрыв между человеком и нечеловеческим — преодолевает эксплуатацию природы и отрыв человека от неё, основанный на высокомерном противостоянии ей. Это заставляет пересмотреть само понятие жизни, тех её форм, которые ранее не исследовались в силу представлений о том, что является «научным». К ним относятся — постантропоценовая жизнь, жизнь нечеловеческих существ (животных) и «жизнь неорганических объектов». В связи с этим предпринимаются попытки реконструировать воспринимаемый мир животных и взглянуть на их «субъектность», понять, что происходит с неорганической материей (например, цифровыми объектами), когда она больше не используется каким-либо субъектом, или установить, можем ли мы думать о неорганической материи с точки зрения субъективного самосознания.

Третье направление — отрицание иерархической видовой логики в стремлении изменить онтологическую позицию человеческого вида и создать более справедливые условия для всех видов. Многовидовые отношения становятся предметом изучения в культуре, истории, городском пространстве, практиках современного искусства. Они создают живые рамки, фиксирующие встречи разных цивилизаций, встречи людей с нечеловеческими «культурами животных», овеянные историями, ритуалами и представлениями о справедливости. «Неприкосновенность Земли» — обязательное требование к архитектуре, городскому строительству, проектированию, которое дополняется набором пересекающихся инновационных космологий, установок, действий и способов осуществления проектов.

В отличие от традиционной иерархии, вытекающей из гуманизма, антропоцентризма и колониализма, утверждают критики, «постлюди» неоднородны и приобретают разнообразный диапазон сознательных взаимодействий с иными формами материи. Некоторые из этих способностей (такие, как сочувствие, альтруизм, концептуальное мышление и моделирование будущего) весьма необычны и, как ни парадоксально, могут иметь ключевое значение для преодоления упадка окружающей среды и антропогенного изменения климата. В постчеловеческой теории противовесом антропоцену выступает концепция альтернативного юридического субъекта — Космической Личности. Космический Человек в этом понимании есть конструируемый правосубъект, который непосредственно учитывает нужды и интересы всего сообщества жизни на Земле [*Norman*, 2022].

Западная правовая традиция: параметры критики с позиций постгуманизма

Правовой гуманизм, лежащий в основе юридической традиции Запада, исторически связан с господством римского права [*Legal Humanism*, 2020], поддержанием преемственности в форме его рецепции в национальных государствах Европы и актуализацией в Новое время «догматического» римского права в противовес «антикварному» римскому праву [*Reassessing Legal…*, 2015]. Для этой традиции характерно жёсткое постулирование «прав человека» с позиций его исключительности, основанной на идеалах индивидуализма, рациональности, иерархии и достоинства. Постгуманизм противопоставляет этой традиции отрицание «самопровозглашённой универсальности» прав человека, закладывающей, по его мнению, несправедливые критерии и границы их защиты в интересах ограниченного меньшинства.

Преодоление этого противоречия усматривается в создании новой онтологической структуры, позволяющей включить все нынешние и будущие формы «человеческого» в «постчеловеческое», в идеале предотвратив дарвинистическую борьбу за существование формирующихся новых видов. Предлагается заново обосновать теорию субъектных прав в юридической категории «личность» с учётом расширения объёма этого понятия и его соответствия технологическим изменениям [*Siddiqui*, 2021]. Данная онтологическая структура так называемой «постгуманной легальности» связывает воедино экологические и социально-биологические факторы, стремясь разрешить смысловые противоречия, связанные с кризисами экологии, климата, бедности и миграций, исчезновения видов и технологических разработок, которые всё больше усложняют само понятие «жизнь».

Постчеловеческая теория выдвигает программу реформ международного и конституционного права, основанную на признании природы источником права и отрыве последнего от концепции государственного суверенитета. Этот подход включает экологическое право, морское право, права человека, конфликты и влияние науки и технологий [*International Law…*, 2024]. Он выступает за международное право окружающей среды, транснациональное правосудие в этой области, трактовку прав человека, исключающую продолжение текущей практики «избыточного давления на природу» и социальных меньшинств, права которых исторически дискриминировались [*Медушевский*, 2022]. В основе лежит требование экологической справедливости — выполнение «экологического долга» (или климатического долга) человечества во имя преодоления «исторической несправедливости» по отношению к окружающей среде. Он связан с пересмотром баланса прав по трём направлениям — территориальному (неравный обмен ресурсами между центром и периферией мировой экономики); социальному (неравный доступ различных социальных групп к ресурсам) и временному (перерасход ресурсов нынешним поколением за счёт будущих) [*Burdon*, 2015].

Общим выражением конфликта становится долг человечества перед природой, для преодоления которого требуется обеспечить, с одной стороны, справедливый (равный) доступ к природным ресурсам и преимуществам экосистем, с другой — справедливое распределение обязательств по их использованию человечеством. Этот подход охватывает вопросы публичных прав на землю, добываемые геоэнергетические ресурсы и способы их распределения.

Направления пересмотра международного права и глобального управления

Международное право — область, основательно затронутая постгуманистической философией с позиций критики его устоявшихся представлений о справедливости, экологии, государственном суверенитете и правах меньшинств [*International Law…*, 2024]. Глобальный конституционализм ставит проблему переосмысления границ интеграции

и фрагментации в создании нового мирового порядка [*Медушевский*, 2023]. На этой основе предлагается разрешение конфликта двух конкурирующих принципов международного права — суверенного права собственности государств на их территорию и обеспечения коллективной собственности человечества на землю и ресурсы во имя разрешения социально-экономических проблем глобализации (диспропорции глобальных регионов и бедности) [*Burdon*, 2015; *Davis*, 2021; *Alix*, 2023; *Käll*, 2023]. В этом контексте выдвигаются предложения по установлению международного контроля по осуществлению государствами прав собственности на естественные ресурсы — включением их в минимальный стандарт прав. Предлагаемый пересмотр основ конституционализма усматривается в отказе от рассмотрения природы как нейтрального (лишённого субъектности) понятия и возвращении к традициям естественного права в буквальном смысле (как права природы) — введении концепции единой геогуманитарной цивилизации для защиты экосистемы Земли [*Carducci, Castillo Amaya*, 2016]. Это означает принятие природы как «основной нормы» конституционализма, отказ от антропоцентризма, европоцентризма и индивидуализма, свойственных западному либеральному мейнстриму.

Данная программа включает пересмотр иерархии прав: на первое место должна быть поставлена экология во взаимодействии с правами человека, защита коллективных, а не индивидуальных прав. Частью этой программы становится выработка условий для достижения разумного баланса «исторических» и «современных» прав. Эта программа включает новый подход к экологии и публичной собственности, выдвигает «постлиберальный конституционный дизайн, включающий приоритеты дискриминируемых меньшинств, парадигмы развития, вдохновлённые аборигенами, — коренными народами (например, американскими индейцами или африканскими племенами), децентрализацию управления (за счёт традиционной конфигурации институтов местного самоуправления), изменения стандартов международного правосудия. Примером практической реализации данных представлений стал «новый конституционализм», отражающий вопросы экологии, права природы и постгуманистических прав — опыт Эквадора, Боливии и Новой Зеландии [*Kent*, 2017].

Обращение к правам природы выступает центральным элементом реформы международного права [*Jones*, 2021]. Констатируя «системное насилие» в отношении природы (в частности почвы), сторонники этой позиции предлагают трансформировать правосудие, основанное на частно-правовом регулировании отношений человека с почвой в публично правовые отношения (которые уже формируются в виде регенеративного фермерства и возникающего сотрудничества между фермерами и художниками-визуализаторами). Природа и Земля выступают уже не только как объекты права, но и как его субъекты — правообладатели. В центре — такие понятия, как права природы, экологическая справедливость, общее достояние, биоцентризм. Наделение субъектов природы (например, природоохранных или культурных зон, заповедников и проч.) этим правом и новой легитимностью включает переосмысление места общества и человека — разрушение индивидуалистической, антропоцентрической, европоцентрической и основанной на собственности точки зрения прав [*Posthuman Legalities…*, 2021].

Переосмысление западной правовой традиции с позиций постгуманизма ставит под вопрос концепцию человеко-центрированных знаний в целом и управление в частности. Проводится разделение между людьми и нечеловеческими субъектами по следующим параметрам: кто контролирует нормативную власть, как осуществляется правовое регулирование внутри и извне этих субъектов, как трансформируются описательные и нормативные взгляды на право в привычных либеральных позициях. Характерно противопоставление постгуманистической трактовки права и справедливости той, которая доминирует в теории и судах [*Käll*, 2022]. Этот круг вопросов постчеловеческого права становится темой многочисленных современных исследований [*Pasquale*, 2020; *Pugliese*,

2020; *Cabinet of Imaginary…*, 2021]. Выводя «закон за пределы человеческого», это направление стремится найти правовое выражение факторам, которые ранее игнорировались, но определяют само понятие «жизнь». Это — экология, почвы, реки, коренные народы, животные, собственность как среда обитания, искусство, встречи цивилизаций и вообще «необычные постчеловеческие способности». Взаимодействия этих факторов сигнализируют о необходимости вывести понятие «закона» за пределы «человеческого» с позиций постгуманизма и нового материализма. Ответ на новую реальность состоит в разрушении барьеров в экологическом и климатическом праве, в области прав человека, а также в обсуждении новых подходов к планетарной справедливости [*Cullian*, 2011; *Posthuman Legalities…*, 2021].

Предлагается переосмысление того, как западное право и правовая теория структурируют отношения человека и Земли. Эти отношения в западной культуре, по мнению пост-гуманистов, несправедливы. Натурализованная иерархия человек – природа в западном социальном воображении совсем не естественна. Требуется создание контрнарратива. «Космический Человек» в качестве альтернативного, недуализированного человеческого правового субъекта прокладывает путь для трансформации западного культурного понимания отношений человека и Земли — от господства и контроля к идеальному сосуществованию [*Norman*, 2022].

Конвергенция прав — человека, животных и роботов?

Постгуманизм ставит вопрос о правах в пересекающихся человеческих, нечеловеческих и технологических мирах — от ушедших в небытие народов и социальных меньшинств, пребывающих в состоянии «голой жизни»[2], до животных и биороботов. Легитимность этих существ, ещё не защищённых законом, не может быть подтверждена антропоцентрической риторикой идеологов прав человека, но требует включения ассоциаций людей и вещей, нечеловеческих *живых* существ и даже будущих поколений. С этих позиций уже с начала 2000-х гг. выдвигается тезис о «конце прав человека» в эпоху постгуманизма [*Posthumanism*, 2000; *Douzinas*, 2000; *Baxi*, 2009]. Именно здесь усматриваются пути регуманизации закона, основанного на постчеловеческом «праве на права» [*Gruber*, 2020].

Критике подвергается неспособность права реагировать на «инаковость» нечеловеческих существ как живых, так и не живых (искусственный интеллект). Предлагается признать факт появления «права за пределами человеческого», тезис о «нечеловеческой субъектности», формирование системы понятий и речевых коммуникаций, способной отразить новую трактовку прав человека и политику права. Эти конфигурации выходят за рамки схемы ответственности и защиты, которая организует даже самые прогрессивные теории и практики международного экологического права, такие как предоставление «прав на природу».

Важное самостоятельное направление постгуманистической мысли представлено изучением живых организмов — от высокоразвитых животных до бактерий. В рамках этого подхода отвергается утилитарное отношение к животным как простому ресурсу для человеческого использования и получения выгод (экологических, социальных, экономических), ведущему к их эксплуатации и убийству для удовольствия

[2] Голая жизнь — термин Дж. Агамбена и других левых теоретиков, означающий понимание социального и правового бытия через призму биологии. Обсуждаются, в частности, возможности установления контроля государства над человеком как биологическим существом и, следовательно, способность власти манипулировать и управлять им на ином качественном уровне (медицинских параметров), что не исключает нового тоталитаризма [*Агамбен*, 2011].

(например, на охоте) или превращению в товар для рекреационных целей, отстаивается более сострадательное и уважительное отношение к нечеловеческим живым существам [*Lopez, Quintero Venegas, Gutierrez*, 2023]. Сторонники этого подхода предприняли проекты конструирования прав отдельных видов высокоразвитых животных, в частности, человекоподобной обезьяны[3]. В конечном счёте, однако, эти проекты опирались на либеральный гуманизм и строили свои аргументы (чрезвычайно спорные) на основе заявления о близости некоторых животных к человеку. Их авторы исходят из того, что они заслуживают правового рассмотрения, поскольку сходны с людьми [*McLaughlin*, 2019]. Критики признают это недостаточным, настаивая на создании целостной постгуманистической теории защиты прав всех животных, полагая возможным сделать это через законодательство[4].

Существующие гарантии прав животных признаются недостаточными. Гуманное отношение к животным стало темой правовых изменений. В некоторых странах (например, Швейцарии) конституции уже определяют животных не в качестве вещей (как было ранее), но существ[5]. Вопрос о том, могут ли они получить полноценную защиту прав остаётся открытым. Главное препятствие — вопрос о существовании у животных свободы воли, отсутствие которой — аргумент, отрицающий их правоспособность. По мнению постгуманистов, в основу решения вопроса должен быть положен не факт наличия у них свободы воли, но, как утверждал еще И. Бентам, существование у животных способности страдать. Обсуждается влияние тел человека и животных в создании восприятия и вводится понятие «животной субъектности», предположительно характерной даже для большинства многоклеточных животных [*Smith*, 2023].

Humanimalia — особое направление исследований (и название журнала), где изучается взаимоотношение людей и животных. Переломным моментом в сознании сообщества признается публикация книги П. Сингера «Освобождение животных» в 1975 г. [*Сингер*, 2021], раскрывшего чудовищную жестокость людей в обращении с ними, и начало движения за права животных. Отношения человека с животными стали предметом изучения в самых разных дисциплинах: от археологии до литературоведения, от социобиологии до постколониальной теории. Социальные и правовые отношения с животными стали объектом пристального внимания из-за возросшей активности в защиту прав животных, перехода от дискурса «домашних животных» к разговору о «видах-компаньонах» и расширения репрезентации животных через средства массовой информации, поскольку, как констатировалось, животные всё чаще исчезают из повседневного опыта на Западе [*Vint, Csiscery-Ronay*, 2009].

С этих позиций обращается внимание на изменение природы самого человека под воздействием природных факторов. Примером служит влияние пандемии 2020 г. на человека: некоторые воспользовались изоляцией как возможностью, чтобы бродить в тишине относительно свободных от людей пространств, другие — предпочли замкнуться дома,

---

[3] Рассматриваются два проекта. Первый — Nonhuman Rights Project (реализован в США), второй — The Great Ape Project (реализован преимущественно в Новой Зеландии и Испании). Их методология такова: первый стремился использовать аргументы существующей правовой парадигмы, чтобы побудить суды признать шимпанзе в качестве «личности»; второй — намеренно избегал судов (из страха создать нежелательные прецеденты) и предпочитал стимулировать изменения через законодательство.

[4] Для позиции автора (McLaughlin) характерно то, что он благодарит за поддержку в написании работы не только жену и детей, но также многочисленных собак и других животных, обсуждая возможности правовой защиты и иных живых организмов (например, такого высокоразвитого существа, как осьминог).

[5] В Швейцарии, которая пошла далее всех в правовой защите животных, в 1999 г. в конституцию включена защита животных (но не права), в 2002 г. — животные определяются в ГК как существа, а не вещи, это положение в 2009 г. включено в конституцию. В других странах (США) говорится о гуманном отношении к животным и разделяются их виды с точки зрения уровня защиты. В России этот подход также получает развитие — правда, пока только в виде правовых норм и реальных судебных наказаний людей за жестокое обращение с животными.

третьи оказались восприимчивы к вирусу [*Posthuman Legalities…*, 2021. Pp. 1–2]. Впрочем, в массовой культуре взаимодействие человека и животных приобретает иногда гротескные формы, что демонстрируется попытками легализации браков людей с животными или появление так называемых «зверо-людей»[6].

Технологии и магическое мышление

Ключевое направление постгуманистической теории — реконструкция отношений человека с неживой природой и, в частности, техническими системами. В этическом и психологическом плане, полагают сторонники этого направления, важно преодоление разделения понятий «человеческой» и «нечеловеческой» субъектности, традиционного для гуманистической мысли. С позиций постгуманизма разделение между человеческими и нечеловеческими агентами (телами) — всегда следствие дифференцированного набора сил. По этой причине границы между человеком и нечеловеком никогда не остаются неизменными. Как утверждают теоретики постгуманизма, это изменение границ можно чётко представить в отношении цифровых технологий. Сегодня такие технологии стирают границы между людьми и вещами, что иллюстрируется тремя наиболее распространёнными примерами — широким использованием смартфонов, социальных сетей и онлайн-поисковиков [*Käll*, 2017].

Постгуманизм и трансгуманизм переосмысливают права человека с позиций соотношения прав людей, людей с встроенными техническими приспособлениями (своего рода «андроидов») и роботов (искусственного интеллекта). Речь идёт о двух процессах — когда человек включает в своё тело элементы машины и когда робот обретает чувства человека [*Human rights*, 2023]. Этот процесс конвергенции человека и машины, полагают они, создаёт новое качество — появление акторов, определяемых категорией «больше, чем человек», что предполагает альтернативы в таких областях, как экологическое право и права природы, автономное машинное обучение и искусственный интеллект [*More-than-human…*, 2023], теоретически способный обрести автономную систему субъективного восприятия. Теория «прав человека» с этих позиций ограниченна и должна быть расширена правами иных сообществ и агентов. Поэтому постгуманизм предлагает определить перспективы постепенного стирания границ между человеком и машиной, включая в том числе апокалиптические конструкции постчеловеческого состояния, целиком основанного на вытеснении человека машинами [*Baxi*, 2009].

Противоречие, заключённое в философии постгуманизма — соединение новейших технологий с социальной архаикой. Подъём постгуманизма происходит с 1970-х гг., но имеет длительную предысторию философских дискуссий [*Guesse*, 2020], где наука встречалась с фантастикой для решения актуальных проблем, стоящих перед современным обществом [*Posthumanism*, 2000], и левой критической теорией, стремившейся преодолеть дискриминацию в области социальных, расовых, гендерных и неоколониальных практик [*Jones H., Jones N.*, 2020], настаивая на том, что человек должен стать соучастником творения и проч.[*An interview*, 2020]. Этим определяется тренд постгуманизма на соединение новых технологий с демодернизацией, выраженной в интересе к традиционным культурам и антропологическим данным, в том числе в массовой культуре и изобразительном искусстве — от Африки, Индии и Океании до латиноамериканских индейцев и ушедших древних цивилизаций. Смысл этих инициатив — уйти от европоцентризма и переосмыслить уни-

[6] Зверо-люди (Beastman, Homo Sapiens Variatis) — получеловек-полузверь, чудовище, присутствующее в разных мифах (минотавр, кентавр, сатир, оборотень) или фантастических романах (человек-невидимка, человек-амфибия, человек-волк, человек-паук, человек-мотылёк и проч.). Реальные примеры таких перевоплощений под влиянием легенд или фильмов (в виде, например, человека-собаки) выглядят, конечно, как формы психических отклонений.

версальные категории культуры и технологии, поместив их в гетерогенную домодернистскую традицию философии и искусства (например, в виде кино) [*Srinivas*, 2023].

Констатировалось, что некоторые процессы постгуманизации, очевидно, имеют более древнее происхождение — семьи, включавшие домашних животных, общества, считавшие реальным существование нечеловеческих существ, где призраки, монстры, ангелы и герои имеют для них реальное значение. О реальности этих представлений говорят объекты — храмы, кладбища, зоопарки, отражённая в них космогония [*Mbembe*, 2019]. Популярная культура, в частности, создала химер, гибридов человека и животных и техноантиутопии (сосредоточенные на буйном искусственном интеллекте и киборгах), сделав их обычным мотивом. Критический постгуманизм выдвигает синтез традиции и новизны — предлагает работать над планом имманентности пропавших без вести народов, переосмыслить взаимосвязь людей с другими формами жизни, вернувшись к представлениям, отражённым в азиатских, африканских и вообще племенных мифах аборигенов, историях творения, фольклоре и литературе коренных народов разных континентов и с этих позиций отстаивает понимание многомерности современных форм существования, включая такие параметры, как информационные коды и бионетика, выявление многослойности власти [*Braidotti*, 2018].

Власть человека и власть технологий, по мнению некоторых постгуманистов, — сфера взаимодействия рационального и иррационального. С одной стороны, технологии — триумф рациональности. С другой стороны, это иллюзия, поскольку само понятие рациональности неоднозначно в разных культурах. Сам способ мышления архаичных народов демонстрирует иную картину мира и искусства, определяемую таким понятием, как магический реализм. Не существующие в реальности объекты обретают реальность постольку, поскольку люди верят в их существование и определяют своё поведение в соответствии с этими представлениями. В редакционной статье для «*Журнала постчеловеческих исследований*» цитируется один из трёх законов Артура Кларка, гласящий, что любая достаточно развитая технология неотличима от магии. В отношении культурной роли, степени воздействия и целей применения отмечается структурная аналогия между магией и достаточно развитыми технологиями. Конкретные технологии уже будто бы помогли реализовать определённые магические цели, стимулируя принятие вымышленных сущностей как реальных [*Sorgner*, 2023]. Впрочем, для доказательства этого тезиса нужны, по-видимому, более сильные научные аргументы.

Сегодня технологический прогресс, действительно, достиг степени, позволяющей увидеть рациональность некоторых мифических и сказочных представлений — перемещение в пространстве по воздуху и под водой; возможность общения людей, находящихся на разных континентах; полёты в космос; дизайн человеческих организмов (рождение в пробирке); возможность чтения мыслей (сканирование мозга) и резкого увеличения продолжительности жизни (биотехнологии); увеличение возможностей человека техническими методами (трансплантология) и т.д. Означает ли это, что можно реализовать всё, что можно представить? Если это так, то не утрачивает ли человек собственной идентичности, оказываясь перед дилеммой столкновения консервативной этики и технологического нигилизма?

Дилемма человечества: следует ли отказаться от гуманизма?

При изучении постгуманизма как течения социальной мысли возникает устойчивое психологическое противоречие. С одной стороны, эмоциональная привлекательность этого учения, роднящая его с гуманизмом, а также бесспорность констатируемых им противоречий современного существования человека. Всё более отрываясь от своей биологической основы, он сталкивается с трансформацией себя как биологического вида,

решая вопросы гибкой адаптации к технологическим изменениям. Не вызывает сомнений и ряд рекомендаций по пониманию сложности экосистемы, сближению с природой, и важность социальной программы преодоления дискриминации во всех известных формах. С другой стороны, очевиден идеалистический характер выводов и рекомендаций данного учения, аккумулировавшего представления почти всех утопических проектов прошлого. Мессианский характер устремлений постгуманизма сближает его с рядом предшествующих идеологий, отстаивавших способность решить едва ли не все фундаментальные проблемы человечества.

Как все понятия, оснащённые приставкой «пост» (постиндустриализм, постмодернизм, посткоммунизм и т.д.), постгуманизм — учение, которое стремится объяснить всё, но в действительности объясняет очень немногое. В какой мере «постчеловек» остаётся человеком, а в какой уже перестал им быть —не определено. Речь идёт о конгломерате представлений, описывающих сложные проблемы адаптации человечества к новым вызовам эпохи глобализации и технологических инноваций. В основе лежит психологическая травма, связанная с дезориентацией человечества в условиях масштабной эрозии привычных традиционных ценностных и социальных ориентиров. В рамках учения постгуманизма ответ найден в отказе от человеческой идентичности — постулировании нового постчеловеческого состояния, которое автоматически противопоставляется гуманизму с его верой в центральное положение человеческой личности и её творческих возможностей.

Критический анализ постгуманизма как научной теории и проекта социального переустройства возможен с позиций гуманизма, поскольку у нас просто нет иной разработанной системы координат. Антигуманизм — в известной мере также гуманизм, поскольку мыслит в установленной им системе координат. Прежде всего система понятий, разработанная данным учением, в сущности, воспроизводит все категории гуманизма, давая им противоположную (негативную) ценностную интерпретацию — вплоть до понятия антигуманизма. Отрицая состоятельность (человеческого) познания, постгуманизм ориентируется тем не менее на основные выводы гуманистической философии — рациональное конструирование и идею научного прогресса, технологии и медицину.

Продвигая новое понимание места человечества и его эволюции в истории, природе и информационном обмене, постгуманизм опирается, в сущности, на традиционалистские представления доиндустриальной эпохи. Позитивный идеал постгуманизма, как и многих предшествующих утопических теорий, устремлён не в будущее, но в прошлое — возвращение человека к первозданной гармонии с природой, включая воспроизводство мифов и даже стоящих за ними сверхъестественных сущностей, бытие которых едва ли доказуемо научными методами. В качестве теории познания он возвращает нас к вполне материалистической версии восприятия мира, усиленной технократически-биологическими аргументами. В качестве онтологической теории — это воспроизводство циклических идей Руссо, Маркса и Кропоткина — о создании будущего путём возвращения в прошлое и взаимопомощи как факторе социальной эволюции. Золотой век (первобытной гармонии) сменяется — в этой трактовке — эпохой конфликта человека с природой, порождающей социальное (классовое) неравенство и дискриминацию, но в будущем эта гармония, разрушенная капитализмом и индустриализацией, может быть восстановлена — путём отказа от антропоцентризма, иерархии, доминирования человека над другими людьми и видами и технологических достижений.

Выдвигая отказ от антропоцентризма в качестве приоритета, постгуманизм не противопоставляет ему никакой другой шкалы оценочных координат, предлагая вместо них неопределённый тезис о понимании сложности взаимодействий человеческого и нечеловеческого миров. Но человек никуда не исчезает: несмотря на изменения стиля мышления, которые ставят под вопрос уникальность «человека», и несмотря на новые технологические разработки по корректировке человеческих тел, мы остаёмся, по сути, личностями. На

деле, люди как личности по-прежнему встроены в материальные, социальные, семантические и культурные ниши, которые они для себя построили и поддерживаются ими, требуя расширения диапазона возможностей для них поверх традиционных ограничений.

Констатация наступления постчеловеческого состояния выглядит, как минимум, преувеличением: человеческая идентичность остаётся частью нашего самоощущения, а все изменения осмысливаются в его категориях, выйти за пределы которых оказывается невозможно. Даже предположив возможность понимания самоощущения других живых организмов (с помощью технической реконструкции их сенсорного аппарата и познавательных возможностей), мы едва ли сможем переключать когнитивную систему человека на системы восприятия других существ (например, почувствовав себя летучей мышью). Космический человек — категория, определяющая скорее этическую ответственность за судьбы природы, чем возможность встать над системой взаимодействий всех её элементов — живых и неживых объектов. Наконец, отрицание постгуманизмом разума и рационализма тяготеет к индифферентности, убивая волю к жизни, неотделимую от воли к познанию.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

Агамбен Дж. (2011). *Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь* [*Agamben J.* (2011). HOMO SACER. II potere sovrano e la nuda vita]. — М.: Европа.

Брайдотти Р. (2021). *Постчеловек* [*Braidotti R.* (2021). Posthuman]. — М.: Изд. Института Гайдара.

Медушевский А.Н. (2023). *Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка* [*Medushevskiy A.*(2023).Global Constitutionalism: Processes of Integration and Fragmentation in the Creation of Future World Order]. — М.: DirectMEDIA.

Медушевский А.Н. (2022). Насколько универсальны «универсальные стандарты» прав человека: переоценка критической школы международного права [*Medushevskiy A.* (2022). How Universal are "Universal Standards" of Human Rights: Rethinking of the Critical School of International Law] // *Международное правосудие*. № 1(41). С. 3–31.

Сингер П. (2021).*Освобождение животных* [*Singer P.* (2021).Liberation of Animals]. — М.: Синдбад.

Alix L.L. (2023). A Post-humanist and Anti-capitalist Understanding of the Rights of Nature (with a coda about the commons) // *Oñati Socio-Legal Series*. Vol. 13. No. 3 (2023). Pp. 1003–1035.

An Interview about Posthumanism in a Time of Crisis. 9.11.2020. URL.: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://hal.science/hal-03551855v1/file/europenowjournal.org-An%20Interview%20about%20Posthumanism%20in%20a%20Time%20of%20Crisis.pdf (access date: 25.06.2024).

Baxi U. (2009). The Posthuman and Human Rights. // *Human Rights in a Post-human World.* — Oxford: Oxford University Press. Pp. 197–239.

Braidotti R. (2021). *Posthuman Feminism*. — Cambridge: Polity Press.

Braidotti R. (2018). A Theoretical Framework for the Critical Posthumanities // *Sage Journals. Theory, Culture and Society*. Vol. 36. No. 6. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0263276418771486 (access date: 25.06.2024).

Braidotti R. (2019). *Posthuman Knowledge.* — Cambridge: Polity Press.

Burdon P.D. (2015). *Earth Jurisprudence: Private Property and the Environment*. — New York: Routledge.

Cabinet of Imaginary Laws. (2021) / P. Goodrich, T. Zartaloudis (Eds.). — New York: Routledge.

Carducci M., Castillo Amaya L.P. (2016). Nature as «Grundnorm» of Global Constitutionalism: Contributions from the Global South // *Revista Brasileira de Direito.* Vol. 12. No. 2. Pp. 154–165.

Cullian C. (2011). *Wild Law. A Manifesto for Earth Justice.* — London: Chelsea Green Publishing.

Davies M. (2021). Re-forming Property to Address Eco-social Fragmentation and Rift // *Journal of Human Rights and the Environment*. Vol. 12. Special Issue. Pp. 13–37. URL.: https://www.elgaronline.com/edcollchap/edcoll/9781802203332/9781802203332.00005.xml (access date: 25.06.2024).

Douzinas C. (2000). *The End of Human Rights*. — Oxford: Hart Publishing.

Du Preez P., Simmonds S. (2022). Rethinking Curriculum Inquiry in the Posthuman Condition: A Critical Posthumanist Stance // *Education as Change.* Vol. 26. Pp. 1–20. URL.: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://www.scielo.org.za/pdf/eac/v26n1/18.pdf (access date: 25.06.2024).

Gherardi S. (2019). *How to Conduct a Practice-based Study: Problems and Methods*. — Cheltenham, UK: Edward Elgar.

Gruber M-Ch. (2020). Why Non-Human Rights? // *Law and Literature*. Vol. 32. No. 2. Pp. 263–270.

Guesse C. (2020). *Fictions and Theories of the Posthuman: From Creature to Concept*. URL: https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/241983/1/Thesis_CaroleGuesse.pdf (access date: 25.06.2024).

How The Posthuman Helps Us Respond to a Changing World (2023) / Ivan Allen College of Liberal Arts. URL: https://iac.gatech.edu/featured-news/2023/11/posthuman-helps-respond-changing-world (access date: 25.06.2024).

Human Rights, Transhumanism and Posthumanism. (2023). URL.: https://www.academia.edu/49966990/HUMAN_RIGHTS_TRANSHUMANISM_AND_POSTHUMANISM (access date: 25.06.2024).

International Law and Posthuman Theory (2024). / M. Arvidsson, E. Jones (Eds.) — New York: Routledge.

Jones E. (2021). Posthuman International Law and the Rights of nature // *Posthuman Legalities: New Materialism and Law Beyond the Human* / A. Grear, E. Boulot, I.D. Vargas-Roncancio, J. Sterlin (Eds.) — Cheltenham. UK, Northampton, Mass.: Edward Elgar. Pp. 82–101. URL.: https://www.elgaronline.com/edcollchap/edcoll/9781802203332/9781802203332.00008.xml (access date: 25.06.2024).

Jones H.F., Jones N. (2020). Race, Technology and Posthumanism // *The Bloomsbury Handbook of Posthumanism.* / M.R. Thomsen and J. Wamberg (Eds.) — New York: Bloomsbury Academic Pp. 161–170. URL: https://philarchive.org/archive/JONRTA-3 (access date: 25.06.2024).

Käll J. (2022). Critical Posthumanism, Justice, and Law // *Palgrave Handbook of Critical Posthumanism* / S. Herbrechter, M. Rossini, M. de Bruin-Mole, C. Muller (Eds.) — Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 1–21. URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-3-030-42681-1_48-1 (access date: 25.06.2024).

Käll J. (2017). A Posthuman Data Subject? The Right to Be Forgotten and Beyond // *German Law Journal*. Vol. 18. No. 5: Special Issue Traditions, Myths, and Utopias of Personhood. P. 1145–1162.

Käll J. (2023). *Posthuman Property and Law. Commodification and Control Through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence*. — N.Y.: Routledge.

Kalpokiene J., Kalpokas I. (2023). Creative Encounters of a Posthuman Kind — Anthropocentric Law, Artificial Intelligence, and Art // *Technology in Society.* Vol. 72. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160791X23000027 (access date: 25.06.2024).

Kent J. (2017). *Rights of Nature and the Political Implications of Post-ecologies.* Theses and dissertations. 686. URL: https://ir.library.illinoisstate.edu/etd/686 (Access date: 25.06.2024).

Kopnina H. (2018). Anthropocentrism and Post-Humanism // *The International Encyclopedia of Anthropology. John Wiley and Sons*. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118924396.wbiea2387 (access date: 25.06. 2024).

Legal Humanism. Research Project (2020). Max Planck Institute for Legal History and Legal Theory. URL: https://www.lhlt.mpg.de/research-project/legal-humanism?c=2113109&page=1 (access date: 25.06.2024).

Life in a Posthuman Condition: Critical Responses to the Antropocene (2023) / S.E. Wilmer, A Zukauskaite (Eds.) — Edinburgh: Edinburgh University Press.

Lopez L.L., Quintero Venegas G.J., Gutierrez I.G. (2023). Hunting Tourism in Mexico from the Perspective of Philosophical Posthumanism // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 51–69.

McLaughlin B.E. (2019). A Conspiracy of Life: A Posthumanist Critique of Approaches to Animal Rights in the Law // *University of Massachusetts Law Review*. Vol. 14. No. 1. Pp. 150–179. URL: https://scholarship.law.umassd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=umlr (access date: 25.06.2024).

Mbembe A. (2019). *Necropolitics.* — Durham/London: Duke University Press.

More-than-human in the Law. Workshops (2023). Max Planck Institute Luxembourg for International, European and Regulatory Procedural Law. 23.11.2023. URL.: https://www.mpi.lu/news-and-events/upcoming-events/detail/detail/workshop-more-than-human-in-the-law/ (access date: 25.06.2024).

Norman J. (2022). *Posthuman Legal Subjectivity. Reimagining the Human in Anthropocene.* — N. Y.: Routledge.

Oberauer A.N. (2021). *Posthumanism: A Philosophy for the 21st Century? Digitalization, Gene-edited Babies and Climate Crisis: is Humanity Doomed or Simply Outdated?* Posthumanism's philosophical framework asks these questions. 5.09.2021 URL.:https://www.thecollector.com/posthumanism-philosophy-of-the-21st-century/ (access date: 25.06.2024).

Osborne T., Rose N. (2023). Against Posthumanism. Notes towards an Etnopolitics of Personhood // *Sage Journals. Theory, Culture and Society*. Vol. 41. No. 1. URL:https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/02632764231178472 (access date: 25.06. 2024).

Palgrave Handbook of Critical Posthumanism (2022) / S. Herbrechter, M. Rossini, M. de Bruin-Mole, C. Muller (Eds.). — Cham: Palgrave Macmillan.

Parolin L.L. (2019). A posthumanist approach to practice and knowledge // *Ephemera: Theory and Politics in Organization*. Vol. 22. No. 2. Pp. 129–138. URL: https://ephemerajournal.org/contribution/posthumanist-approach-practice-and (access date: 25.06.2024).

Pasquale F. (2020). *New Laws of Robotics, defending human Expertise in the Age of AI*. — Cambridge: Harvard University Press.

Posthumanism (2000). / N. Badmington (Ed.) — New York: Palgrave.

Posthuman Legalities: New Materialism and Law Beyond the Human (2021). / A. Grear, E. Boulot, I.D. Vargas-Roncancio, J. Sterlin (Eds.). — Cheltenham. UK, Northampton, Mass.: Edward Elgar.

Pugliese J. (2020). *Biopolitics of the More-than-human: Forensic Ecologies of Violence.* — Durham/London: Duke University Press.

Reassessing Legal Humanism and its Claims. Petere Fontes? (2015). / P.J. Du Plessis, J.W. Cairns (Eds.) — Edinbourg: Edinbourg University Press.

Siddiqui M. (2021). *Who is the «Human» of Human Rights? A Critical Ontological Inquiry*. URL:https://globalhorizonsjournal.wordpress.com/portfolio/who-is-the-human-of-human-rights-a-critical-ontological-inquiry/ (access date: 25.06.2024).

Smith S.-A. (2023). Temporal Subjectivity // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 80–90.

Sorgner S.L. (2023). Editotial // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 1–6.

Srinivas V. (2023). Towards a Decolonial Cinematic Imagination: A Posthuman Intervention // *Journal of Posthuman Studies.* Vol. 7. No. 1. Pp. 70–79.

The Bloomsbury Handbook of Posthumanism (2020) / *M.R. Thomsen, J. Wamberg* (Eds.) — N.Y.: Bloomsbury Academic.

Vint Sh., Csiscery-Ronay I. (2009). *Humanimalifesto*. URL: https://humanimalia.org/humanimalifesto (access date: 25.06.2024).

Wolfe C. (2010). *What is Posthumanism?* — Minneapolis, London: University of Minnesota Press. URL: https://www.filosoficas.unam.mx/docs/611/files/Sesion%2016/Wolfe_What_Is_Posthumanism.pdf (access date: 25.06.2024).

Медушевский Андрей Николаевич
amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy
Doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor. Higher School of Economics (Moscow)
amedushevsky@mail.ru

POST-HUMANISM: ACADEMIC THEORY, SOCIAL UTOPIA OR THE NEW IDEOLOGY OF POLITICAL DOMINANCE?

Abstract. The Post-humanist rethinking of the current social condition put under question many important paradigms of science and technologies. Among them: the humanistic concept of man, anthropocentric vision of nature and history, relations of humanity with other living beings and non-living objects, the role of the new scientific discoveries in radical transformation of humankind regarding its biological form, identity, and future survival. By doing this critical work, different post-humanist, or trans-humanist theorists argues the impact of cognitive sciences, bioethics, artificial intellect, new legal regulations and respective technologies in construction of a new man, family, property, society, and political order, presumably more fair, inclusive, and prosperous. The author put this complex of theories under critical analysis showing the changing place of such components as science, technology, ideology, and political implications of post-humanist movement regarding its impact in the formation of principally new concept of social hierarchy, power and dominance, perhaps, potentially more authoritarian than ever before. Among his important conclusions is the proposal of rationalized humanism notion as theoretical alternative to post-humanism definition.

Keywords: *humanism, post-humanism, trans-humanism, anthropocentrism, human rights, animal's rights, artificial intellect, bio-robots, social hierarchy, power, dominance, rationalized humanism.*
JEL: B59, K19, O10.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Татарко
д.психол.н., проф., руководитель Центра социо-культурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Е.В. Бушина
к.психол.н., ведущий научный сотрудник Центра социо-культурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

А.А. Миронова
к.социол.н., научный сотрудник Центра социо-культурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ОНЛАЙН[1]

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о взаимосвязи различных видов институционального доверия и политической активности онлайн. Для оценки политической активности онлайн авторы разработали оригинальную методику «Опросник оценки политической активности онлайн», включающую две субшкалы «Политическое самовыражение в интернете» и «Политический онлайн активизм». Для оценки институционального доверия использовались вопросы из анкеты Европейского социального исследований (ESS). Выборка включала 502 респондента (60% составили женщины). Исследование показало, что политическое самовыражение в интернете оказалось не связанным с общим индексом институционального доверия, хотя предполагалось наличие отрицательной связи. При этом мы обнаружили, что институциональное доверие позитивно связано с политическим онлайн-активизмом. То есть люди с более высоким институциональным доверием будут чаще голосовать через интернет, участвовать в различных интернет-кампаниях, инициированных государством или структурами (например, волонтёрскими), поддерживаемыми государством. Мы приходим к важному выводу, что поддержка цифровых инициатив государства и готовность ими пользоваться в повседневной жизни в значительной мере сопряжена с институциональным доверием людей.

Ключевые слова: *институциональное доверие, интернет, политическая активность онлайн, политическое самовыражение.*
JEL: Z13
УДК: 159.9, 316.6
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_186_199
© А.Н. Татарко, Е.В. Бушина, А.А. Миронова, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Татарко А.Н., Бушина Е.В., Миронова А.А.* Взаимосвязь институционального доверия и политической активности онлайн // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 186–199. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_186_199.
FOR CITATION: *Tatarko A., Bushina E., Mironova A. The Relationship between Institutional Trust and Online Political Activity* // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 186–199. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_ 2024_3_186_199.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-18-00119.

Введение

В последние годы цифровизация ключевых процессов в российском обществе стремительно нарастает. Наиболее заметны изменения в таких сферах, как экономическая, политическая, образовательная. В частности, появилось большое количество платформ и возможностей, позволяющих получить образование удалённо. Центробанк России запустил и тестирует цифровой рубль. Что касается политики, то мы наблюдаем всё более активное использование в период избирательных кампаний цифровых технологий, предназначенных для более удобного голосования. Интернет используется и для многих других действий, связанных с политикой, — сбор подписей, информирование, планирование политических мероприятий и т.п. В целом использование цифровых технологий упрощает участие в политических процессах для граждан и ускоряет многие процедуры, связанные с ними.

Политика и экономика теснейшим образом переплетены. Поэтому цифровизация политических процессов в конечном итоге будет влиять и на экономические процессы в обществе. В рамках данной работы, опираясь на теорию социального капитала, мы рассматриваем следующую проблему: могут ли некоторые из элементов социального капитала, в частности институциональное доверие, способствовать более активному участию граждан в цифровых политических процессах.

Данная работа находится на пересечении экономики и политики, поскольку, с одной стороны, оперирует одним из понятий, входящим в структуру социального капитала общества, — институциональным доверием. С другой стороны, рассматривается политическая активность в интернете как один из результатов усиливающейся цифровизации.

Основной вопрос настоящего исследования поставлен следующим образом: как связано институциональное доверие россиян с политической активностью в интернете?

Цифровизация политических процессов

В современном обществе наблюдается постоянный рост интереса к онлайн-платформам как средству для политического обсуждения и активизма. Это привлекает внимание исследователей, политиков и общественности. В результате вопрос онлайн-политической активности становится одним из наиболее актуальных в текущем научном поле.

Онлайн политическая активность включает в себя разнообразные формы участия, такие как обсуждение политических новостей в социальных сетях, участие в онлайн-голосованиях и организация виртуальных митингов. Эти механизмы активизируют общественное участие и обогащают политический дискурс.

В изучении ранних форм онлайн политического взаимодействия можно выделить несколько ключевых этапов. Первоначально, с развитием Интернета в 1990-х гг., началась активизация политической жизни в сети. Электронные форумы и бюллетени стали местом для обсуждения политических вопросов и организации действий. Одним из первых примеров использования Интернета в политических целях были выборы в США в 1996 г., когда кандидаты использовали веб-сайты для продвижения своих программ [*Turner*, 2008]. В России активизация онлайн политического участия началась позже и получила развитие в начале 2000-х гг., когда интернет стал более доступным [*Громов*, 2004]. Эти ранние формы взаимодействия заложили основу для современных методов онлайн политической активности, таких как использование социальных сетей, блогов и других платформ. Они обозначили начало новой эры в политической коммуникации. Эти процессы продолжают развиваться и преобразовываться в наши дни.

Развитие социальных сетей в начале XXI в. стало значительным фактором в онлайн политической активности. С появлением социальных сетей политическое обсуждение

стало более широкодоступным и динамичным. Согласно исследованию Г. Ховарда, социальные сети играют ключевую роль в мобилизации граждан и формировании общественного мнения в разных странах [*Boyd*, *Ellison*, 2007]. В России аналогичный процесс был описан В.К. Барановым. Он акцентировал внимание на влиянии социальных сетей на политическую агитацию и кампании [*Овчинникова*, 2018] Эти исследования подтверждают, что социальные сети — не просто платформы для общения, но и инструменты, способные влиять на политические процессы. Они позволяют политикам и активистам обращаться непосредственно к избирателям, минуя традиционные СМИ, что в корне меняет характер политического взаимодействия.

Для глубокого понимания развития онлайн политической активности необходимо рассмотреть конкретные примеры действий и событий, оказавших значимое влияние на политическую сферу. Это:

1) Протесты 2011-2012 гг. Начало 2010-х гг. в России отметилось масштабными оппозиционными протестами. Социальные сети, в частности ВКонтакте, стали основной платформой для координации действий участников протеста. Группы и страницы, созданные активистами, собирали десятки тысяч подписчиков и стали источником информации о времени и месте сбора протестующих, а также способами взаимодействия активистов между собой [*Малькевич*, 2020].

2) Медиа-активизм становится все более успешной и популярной формой гражданской активности в России, особенно после вынужденной цифровизации многих сфер жизни общества. К быстрому росту влияния медиа-активизма привели расширение возможностей и способов информирования о событиях онлайн и увеличение количества пользователей социальных сетей [*Панкратов, Макаренко, Панкратова,* 2022].

Оба эти примера являются хорошей иллюстрацией того, как интернет и онлайн-платформы стали ключевыми инструментами для мобилизации гражданской активности в России. Они показывают, что сеть может служить не только средством обмена информацией, но и инструментом влияния на общественное мнение и формирования политической агенды.

Политический дискурс, идущий в интернете, безусловно, оказывает влияние на доверие государственным институтам или институциональное доверие. Институциональное доверие представляет собой убеждённость в том, что определённый институциональный субъект соответствует ожиданиям других субъектов доверительных отношений [*Донцов, Перелыгина, Гайдамашко, Костина*, 2017]. К субъектам институционального доверия могут относиться правительство, политические партии, средства массовой информации, образовательные учреждения, а также другие институты. Институциональное доверие способствует социальной стабильности и сплочённости. Высокий уровень институционального доверия в обществе связан с готовностью граждан соблюдать установленные законы и правила и признавать решения, принимаемые органами государственной власти.

Институциональное доверие и активность использования интернета — два важных фактора, которые могут влиять друг на друга в современном обществе.

В современном научном дискурсе нет единого представления о том, как использование интернета связано с институциональным доверием. С одной стороны, есть свидетельства того, что в демократических обществах граждане, которые пользуются интернетом, больше удовлетворены работой правительства по сравнению со своими согражданами, не пользующимися интернетом. Это может быть связано с тем, что использование интернета облегчает взаимодействие между гражданами и государственными структурами за счёт различных электронных сервисов [*Huang et all*., 2020].

С другой стороны, интернет изобилует множеством разнообразной критической информации о деятельности государственных институтов, которая находится вне государственного контроля [*Tang, Huhe*, 2014]. В отличие от телевидения и других средств мас-

совой информации, которые зачастую в значительной степени контролируются государством [*Zheng*, 2007], интернет — более свободное информационное пространство, так как гораздо труднее поддаётся государственному регулированию [*Howard*, 2010]. Исследования показывают, что распространение интернета способствует развитию критической гражданственности и улучшению качества демократии [*Lei*, 2011]. Кроме этого, интернет расширяет возможности проявления гражданской активности, позволяет гражданам с минимальными издержками вести дискуссии и объединяться в сообщества, способствует эффективной организации коллективных действий и политической мобилизации [*Hussain, Howard*, 2013]. Всё это может способствовать формированию критической гражданственности [*You, Wang*, 2020].

В связи с этим активное использование интернета гражданами может способствовать росту неудовлетворённости деятельностью государственных институтов. Это может приводить к снижению институционального доверия [*Newton, Norris*, 2000].

Кроме того, не только использование интернета может влиять на уровень институционального доверия в обществе, но также и уровень доверия к институтам может быть фактором, влияющим на активность использования интернета. Так, высокий уровень институционального доверия может положительно сказываться на активности использования интернета. Это происходит, когда индивиды доверяют институтам, которые управляют и регулируют онлайн-пространство. Тогда эти индивиды с большей вероятностью будут активно и уверенно участвовать в онлайн-деятельности. В частности, люди могут быть более склонны делиться личной информацией в интернете и пользоваться онлайн сервисами, если они доверяют институтам, регулирующим политику защиты персональных данных в интернете. Пользователи интернета могут проявлять большую активность в онлайн-дискуссиях и социальных сетях, если доверяют точности и достоверности информации, предоставляемой СМИ. Граждане могут чаще пользоваться онлайн-услугами правительства, если верят в способность правительства предоставлять надёжные и эффективные услуги. И наоборот, низкий уровень институционального доверия может привести к снижению участия в онлайн-деятельности. Опасения по поводу конфиденциальности данных, дезинформации и онлайн-безопасности могут удерживать людей от активного использования интернета.

В целом институциональное доверие, активное использование интернета и политическая активность взаимосвязаны и дополняют друг друга. Укрепление институционального доверия и обеспечение ответственного и этичного использования интернета необходимы для развития современного цифрового общества.

В рамках настоящего исследования мы сосредоточились на рассмотрении связи институционального доверия и политической активности в интернете (онлайн).

Методика

Выборка исследования

Всего в рамках исследования было опрошено 502 респондента. Опрос проводился с использованием платформы Anketolog.ru в мае-июне 2022 г. Выборка формировалась случайным образом. Около 60% выборки представлено женщинами. В опросе принимали участие респонденты от 14 до 73 лет включительно. Наибольший вклад среди выделенных возрастных групп вносят респонденты в возрасте от 35 до 39 лет. Их доля в общей выборочной совокупности составляет около 20%. Также заметный вклад вносят респонденты в возрасте от 30 до 34 лет (17%) и от 40 до 44 лет (16%). Таким образом, лица среднего возраста (от 35 до 44 лет) составляют более половины от общего числа опрошенных. Ещё 15% полученной выборки представлено лицами в возрасте от 45 до 49 лет. Примерно пятая часть опрошенных — лица старшего возраста (от 50 лет и старше). Молодые люди до 30 лет составляют лишь чуть более десятой части опрошенных.

Распределение респондентов по уровню доходов близко к нормальному. Модальным значением уровня среднемесячного дохода является диапазон «15 001–25 000 руб.» в расчёте на одного члена семьи. Данный уровень дохода получают чуть больше четверти лиц, принявших участие в опросе. Ещё около четверти респондентов, попавших в выборку, имеют среднемесячный доход в диапазоне от 40 001 до 60 000 руб. Заметная часть респондентов (около 20%) относится к группе с доходом от 75 001 до 150 000 руб. Низкодоходные и высокодоходные группы населения в выборке представлены слабо. Лица с доходом менее 7 500 руб. в месяц в расчёте на одного члена семьи составляют менее 10%. Также менее 10% от общей выборки составляют те, у кого доход превышает 60 000 руб. в месяц в расчёте на одного члена домохозяйства.

Более 60% респондентов, попавших в выборку исследования, имеют высшее образование, в том числе 1,4% — учёную степень. Ещё около четверти опрошенных имеют среднее профессиональное или незаконченное высшее образование. Лица с более низким уровнем образования (начальное профессиональное образование и ниже) составляют около 12% выборки.

Подавляющая часть респондентов (61%), попавших в выборку, — наёмные работники, не находящиеся на пенсии. Около десятой части выборки представлено самозанятыми и индивидуальными предпринимателями. Ещё около 10% выборки составляют неработающие пенсионеры. Примерно 6% опрошенных относятся к работающим пенсионерам. Учащиеся школ, ПТУ, колледжей ВУЗов (работающие и не работающие) составили около 5% от общего числа респондентов. Чуть больше 4% респондентов оказались безработными, находящимися в поисках работы. Примерно такая же доля приходится на тех, кто находится в официальном отпуске по беременности, родам, уходу за ребёнком. Оставшаяся часть респондентов занята ведением домашнего хозяйства или другой деятельностью.

Инструментарий исследования

1. *Институциональное доверие*. Институциональное доверие оценивалось при помощи методики, используемой в рамках Европейского социального исследования (European social survey). Методика, содержащаяся в опроснике этого исследования, позволяет с помощью семибалльной шкалы оценить уровень доверия следующим институтам: президенту, правительству, судебной системе, законодательной власти, полиции, армии, налоговым органам, государственным СМИ. Индекс институционального доверия рассчитывается как среднее арифметическое доверия каждому из перечисленных институтов.

2. *Политическая активность онлайн*. Для её оценки был разработан авторский опросник. Проведя обзор эмпирических исследований в данном научном направлении, мы обнаружили ряд методик по изучению онлайн активности (Ruess, Hoffmann, Boulianne, Heger, 2021). Анализ методик дал основания для разработки авторской методики по изучению политической онлайн активности, которая будет релевантна российскому контексту. Методика состоит из семи вопросов, затрагивающих основные векторы онлайн коммуникации о политике. Ознакомиться с вопросами методики можно в Приложении 1. В результате эксплораторного факторного анализа и конфирматорного факторного анализа было выделено два фактора, которые получили следующие названия: «Политическое самовыражение в интернете» и «Политический онлайн-активизм». На основе этих двух факторов были созданы две субшкалы опросника с аналогичными названиями. Надёжность-согласованность α Кронбаха для шкалы «Политическое самовыражение» составляет 0,92. Надежность-согласованность α Кронбаха для шкалы «Политический онлайн-активизм», составляет 0,76. Политический онлайн активизм — это конвенциональные действия, характеризующие поведение в интернете, например голосование, пожертвование и т.п. Политическое самовыражение в интернете — действия, носящие, более амбивалентный характер.

3. Также в исследовании оценивались *социально-демографические характеристики респондентов: пол, возраст, образование, уровень дохода*.

Переменная, отражающая пол респондента, кодировалась следующим образом: 1 — мужской пол, 2 — женский пол. Возраст фиксировался в виде числа исполнившихся лет.

Образование оценивалось на основе вопроса: «Укажите, пожалуйста, уровень вашего образования»:

- основное общее образование (8 классов школы по старой системе, 9 классов — по новой);
- законченное среднее общее образование (10 классов школы по старой системе, 11 классов — по новой);
- начальное профессиональное образование (ФЗУ, ПТУ, РУ, СПТУ);
- среднее профессиональное образование (техникум, училище, колледж);
- незаконченное высшее образование;
- высшее образование (диплом бакалавра, диалом специалиста, диплом магистра);
- учёная степень (кандидат наук, доктор наук).

Уровень дохода респондентов оценивался с использованием вопроса «Каким примерно был ваш доход из расчёта на одного члена семьи в прошлом месяце»?

1. Меньше, чем 2 500 руб.;
2. 2 500–7 500 руб.;
3. 7 501–15 000 руб.;
4. 15 001–25 000 руб.;
5. 25 001–40 000 руб.;
6. 40 001–60 000 руб.;
7. 60 001–80 000 руб.;
8. 80 001–100 000 руб.;
9. Более 100 000 руб.

Результаты

Среди представленных в табл. 1 видов институционального доверия, самые высокие значения демонстрирует доверие армии. Это неудивительно в условиях специальной военной операции, проводимой Россией на Украине. Армия защищает Россию, солдаты жертвуют жизнями, что поднимает престиж российской армии в обществе в целом. Традиционно в России (см., например [*Трофимова*, 2017]) на первом месте в иерархии видов институционального доверия был всегда Президент. Однако на момент проведения опроса, на котором основано данное исследование, как видно в табл. 1, он оказывается на втором месте по уровню доверия после доверия российской армии.

На низших ступенях иерархии различных видов институционального доверия традиционно находятся государственные СМИ, судебная система, Государственная Дума, полиция.

Далее мы оценили при помощи однофакторного дисперсионного анализа вклад уровня дохода респондентов в политический онлайн-активизм и политическое самовыражение в интернете. Табл. 2 показывает, что вклад уровня дохода респондентов в политический активизм значим на уровне тенденции $p<0,01$.

Чтобы оценить в чём заключается обнаруженный эффект, обратимся к рис. 1. На нём можно видеть, как варьируют средние значения политического онлайн-активизма в группах респондентов разным доходом. В частности, мы видим тенденцию к тому, что респонденты с более высоким уровнем дохода (80–100 тыс. руб. на человека в семье) демонстрируют более высокую склонность к политическому онлайн-активизму. Минимальный политический онлайн-активизм отмечается у людей либо с очень низкими доходами (ниже 7 тыс. руб. на человека), либо с очень высокими доходами (более 100 тыс. руб. на человека).

Таблица 1
Дескриптивные статистики различных видов институционального доверия

№ п/п	Виды доверия	M	SD
1.	Президенту страны	4,71	1,92
2	Правительству страны	4,21	1,82
3	Судебной системе	3,71	1,68
4.	Законодательной власти (Государственная дума)	3,75	1,72
7	Полиции	3,89	1,70
8	Армии	4,82	1,78
9	Налоговым органам	4,22	1,61
10	Государственным средствам массовой информации (федеральные телеканалы и т.п.)	3,45	1,83

Примечания: M — среднее значение, SD — среднеквадратическое отклонение.
Источник: расчёты авторов.

Таблица 2
Уровень дохода и политический онлайн-активизм

Источник	Сумма квадратов типа III	Степени свободы	Средний квадрат	F	Значимость
Свободный член	1416,923	1	1416,923	828,745	0,001
Доход	23,227	8	2,903	1,698	0,096
Ошибка	839,473	491	1,710		

Примечание: F — значение критерия Фишера.
Источник: расчёты авторов.

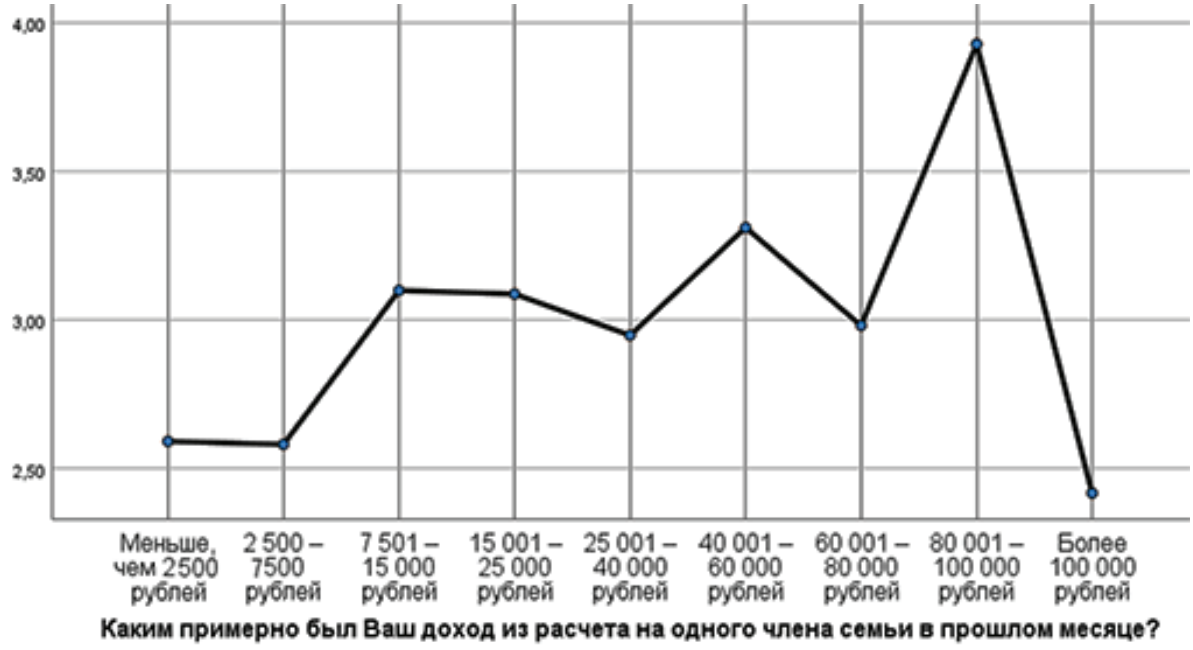

Рис. 1. Уровень дохода и политический онлайн-активизм
Источник: расчёты авторов.

Табл. 3 показывает, что уровень дохода респондентов имеет статистически значимый эффект на политическое самовыражение в интернете. Чтобы понять смысл данного эффекта, обратимся к рис. 2.

Таблица 3
Уровень дохода и политическое самовыражение в интернете

Источник	Сумма квадратов типа III	Степени свободы	Средний квадрат	F	Значимость
Свободный член	959,369	1	959,369	736,858	0,001
Уровень дохода	25,811	8	3,226	2,478	0,012
Ошибка	639,269	491	1,302		

Источник: расчёты авторов.

На рис. 2 мы видим чёткую тенденцию к тому, что респонденты с уровнем дохода 80-100 тыс. руб. на человека в семье демонстрируют более высокую склонность к политическому самовыражению в интернете. Эта категория людей выбивается из общей тенденции и значимо отличается от других категорий респондентов по уровню политического самовыражения в интернете.

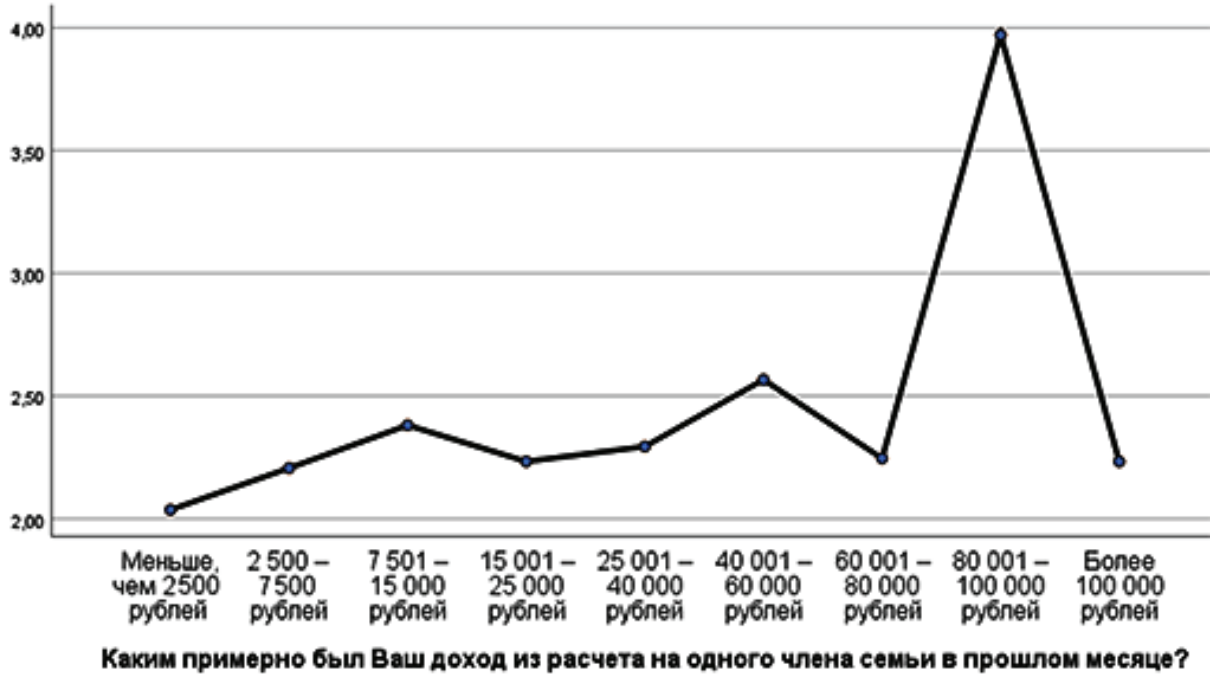

Рис. 2. Уровень дохода и политическое самовыражение в интернете
Источник: расчёты авторов.

Далее был проведён множественный регрессионный анализ с целью установления связи между институциональным доверием и показателями социально-политической активности в интернете.

В табл. 4 представлен иерархический линейный регрессионный анализ связи индекса институционального доверия и политического онлайн-активизма при контроле социально-демографических характеристик респондентов. В данной регрессионной модели социально-демографические характеристики респондентов не продемонстрировали статистически значимых связей.

Таблица 4

Иерархический линейный регрессионный анализ связи индекса институционального доверия и политического онлайн-активизма

Предиктор	Модель 1		Модель 2	
	β	SE		SE
Социально-демографические характеристики				
Доход	0,055	0,040	0,076	0,039
Образование	0,078	0,044	0,078	0,043
Пол	0,054	0,121	0,057	0,120
Возраст	0,086	0,005	0,059	0,005
Предиктор				
Индекс институционального доверия			0,26***	0,039
R^2	0,013		0,08	
F	2,68*		35,71***	

Примечания: β — стандартизованный коэффициент регрессии, SE — стандартная ошибка, R^2 — доля объяснённой дисперсии.

*** $p < 0{,}001$; ** $p < 0{,}01$; * $p < 0{,}05$.

Источник: расчёты авторов.

Из табл. 4 видно, что индекс институционального доверия позитивно связан с политическим онлайн-активизмом. Другими словами, те люди, которые характеризуются более высоким институциональным доверием, демонстрируют более активное политическое поведение в интернете: они более активно участвуют в различного рода голосованиях, а также в выборах, реализуемых при помощи онлайн средств.

Таблица 5

Иерархический линейный регрессионный анализ связи индекса институционального доверия и политического самовыражения в интернете

Предиктор	Модель 1		Модель 2	
	β	SE	β	SE
Социально-демографические характеристики				
Доход	0,079	0,035	0,070	0,126
Образование	0,001	0,039	–0,013	0,784
Пол	–0,087	0,106	–0,096*	0,039
Возраст	–0,036	0,005	–0,021	0,649
Предиктор				
Индекс институционального доверия			0,010	0,035
R^2	0,015		0,015	
F	1,89		1,52	

*** $p < 0{,}001$; ** $p < 0{,}01$; * $p < 0{,}05$.

Источник: расчёты авторов.

В табл. 5 представлен иерархический линейный регрессионный анализ связи отдельных показателей институционального доверия и политического самовыражения в интернете. В таблице видно, что среди демографических переменных только пол как-то связан политическим самовыражением в интернете. Что касается индекса институционального доверия, то он оказался не связан с показателем политического самовыражения в интернете.

Обсуждение результатов

Напомним, что политический онлайн-активизм — это конвенциональные действия, характеризующие поведение в интернете, например голосование, пожертвование и т.п. Политическое самовыражение в интернете — это действия, носящие более амбивалентный характер. Например, участие в подписании петиций, ведение блогов, телеграмм-каналов, которые могут иметь весьма различное содержание. Мы зафиксировали, что данные виды поведения в интернете имеют различную связь с институциональным доверием. Политическое самовыражение в интернете оказалось не связанным с институциональным доверием. Было бы логично предположить, что эта связь будет носить отрицательный характер. Другими словами, люди, которые не доверяют государственным институтам, будут канализировать свою неудовлетворённость институтами в протестную деятельность в интернете. Однако оказалось, что такой связи нет. Вероятно, это связано с тем, что политическое самовыражение в интернете включает в себя широкий спектр различных действий и не все они могут отражать низкое институциональное доверие. Например, ведение блогов или телеграмм-каналов по политической тематике может вполне отражать и прогосударственную позицию и, соответственно, не предполагает низкого институционального доверия.

С другой стороны, мы увидели, что институциональное доверие позитивно связано с политическим онлайн-активизмом. Другими словами, люди с более высоким институциональным доверием будут чаще голосовать через интернет, участвовать в различных интернет-кампаниях, инициированных государством или структурами (например, волонтёрскими), поддерживаемыми государством. Соответственно, мы приходим к важному выводу, что поддержка цифровых инициатив государства и готовность ими пользоваться в повседневной жизни в значительной мере спряжена с институциональным доверием людей.

Среди социально-демографических характеристик респондентов самым значимым фактором в отношении политической активности в интернете оказался доход. Роль пола, возраста, образования незначительна, хотя и присутствует, но в очень небольшой мере. Доход сопряжён и с политическим онлайн-активизмом, и с политическим самовыражением в интернете. Однако данная сопряжённость носит нелинейный характер. Было обнаружено, что наибольшей политической активностью в интернете отличаются люди с высокими доходами (80-100 тыс. руб. на человека в семье). Эта сопряжённость справедлива и для политического онлайн-активизма, и для политического самовыражения в интернете. Соответственно, мы можем ожидать, что при повышении доходов россиян их политическая активность в интернете будет расти, а при снижении доходов россияне станут, видимо, переключаться на другие проблемы и их политическая активность в интернете упадёт.

Также стоит отметить, что среди рассматриваемых политических институтов с политическим онлайн-активизмом связано только доверие российской армии. С политическим самовыражением в интернете доверие Президенту России было связано отрицательно.

В целом наше исследование позволяет прийти к заключению, что для поддержки цифровых инициатив государства институциональное доверие — довольно важный фактор, поскольку оно обусловливает то, насколько люди будут принимать данные инициативы. Например, насколько люди примут и будут использовать цифровой рубль. В данном случае более важным является не доверие к технологии цифрового рубля, а доверие к госу-

дарству, которое эмитирует эту цифровую валюту. И если институциональное доверие в целом будет велико, то принятие данной цифровой валюты также в целом в обществе пройдет сравнительно гладко. Однако институциональное доверие в целом (за исключением доверия армии и Президенту) в России нельзя назвать высоким. Соответственно, цифровые инновации государства, затрагивающие интересы граждан, отнюдь не всегда будут легко приниматься российским обществом.

Заключение

В настоящем исследовании были рассмотрены предикторы и последствия социально-политической активности в интернете.

Прежде всего оценивалось, как влияют социально-демографические переменные (пол, возраст, образование, уровень дохода) на показатели социально-политической активности в интернете (политический онлайн-активизм и политическое самовыражение в интернете). Результаты оценки эффектов влияния социально-демографических характеристик респондентов показали, что образование не имеет статистически значимых эффектов на оба показателя социально-политической активности в интернете. Аналогичную картину мы наблюдаем в случае с возрастом респондентов. Что касается пола и уровня дохода, то было обнаружено, что мужчины демонстрируют более высокие значения политического самовыражения в интернете по сравнению с женщинами. Также мы обнаружили, что респонденты с относительно высокими ежемесячными доходами (80-100 тыс. руб. на человека в семье) также демонстрируют более высокие значения политического самовыражения в интернете по сравнению с респондентами как с более низким, так и с более высоким (более 100 тыс. руб.) доходом.

При оценке связи социально-политической активности в интернете с институциональным доверием было обнаружено, что общий индекс институционального доверия позитивно связан с индексом социально-политической активности в интернете. При более детальном анализе было обнаружено, что из двух показателей социально-политической активности в интернете институциональное доверие связано позитивно только с политическим онлайн-активизмом (голосование в интернете, участие в избирательных кампаниях в интернете). С политическим самовыражением в интернете (протестная активность, подписание петиций в интернете и т.п.) институциональное доверие не было связано.

Ограничение исследования

Основное ограничение исследования обусловлено выборкой, которая не является репрезентативной для России и сильно смещена в сторону россиян, активно использующих интернет. Большая часть выборки представлена женщинами. Также полученная выборка смещена в пользу лиц среднего возраста (30-49 лет) со средним уровнем дохода и высшим образованием. Данные ограничения важно учитывать при интерпретации полученных результатов.

Приложение 1

Методика оценки политической активности онлайн

Пожалуйста, отметьте насколько для Вас свойственно проявлять онлайн-активность в следующих мероприятиях:

№ п/п		Абсолютно не свойственно	Не свойственно	Отчасти не свойственно	Отчасти свойственно	Свойственно	Очень свойственно
1	Онлайн-голосование	1	2	3	4	5	6
2	Предвыборная и избирательная активность	1	2	3	4	5	6
3	Участие в деятельности политических и общественных движений, целью которых является влияние на процесс принятия правительственных решений	1	2	3	4	5	6
4	Протестная активность, выражающая политические ориентации	1	2	3	4	5	6
5	Участие в мероприятиях, направленных на выражение своей позиции	1	2	3	4	5	6
6	Подписывать петиции по политическим или экономическим вопросам онлайн.	1	2	3	4	5	6
7	Быть членом (состоять в) онлайн-группы, которая занимается политическими или социальными проблемами.	1	2	3	4	5	6

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Громов Г.И. (2004). *История российского интернета: десять лет спустя* [*Gromov G.I.* (2004). History of the Russian Internet: ten years later]. — М.: АСТ.

Донцов А.И., Перелыгина Е.Б., Гайдамашко И.В., Костина Г.А. (2017). Развитие институционального доверия и его регулирование [*Dontsov A.I., Perelygina E.B., Gaidamashko I.V., Kostina G.A.* (2017).Development of institutional trust and its regulation] // *Человеческий капитал*. №. 6. С. 3–6.

Малькевич А.А. (2020). Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан [*Malkevich A.A.* (2020). The role of social networks in protest political participation of citizens] // *Управленческое консультирование*. Т. 1 С. 35–42. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-1-35-42.

Овчинникова К.А. (2018). Социальные сети как инструмент политической агитации: российский и зарубежный опыт [*Ovchinnikova K. A.* (2018). Social networks as a tool of political agitation: Russian and foreign] // *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий*: Материалы IV Международн. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 23–24 апреля 2018 г. / К.А. Овчинникова, С.В. Кульпин. В 2-х т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. Т. 1. С. 46–50.

Панкратов С.А., Макаренко К.М., Панкратова Л.С. (2022). Протестный медиа-активизм в современной России и перспективы его развития [*Pankratov S.A., Makarenko K.M., Pankratova L.S.* (2022). Protest media activism in modern Russia and prospects for its development]. // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. Т. 22. № 3. С. 331–337. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-3-331-337.

Трофимова И.Н. (2017). Институциональное доверие в современном российском обществе: причины и факторы [*Trofimova I.N.* (2017). Institutional trust in modern Russian society: causes and factors] // *Политика и Общество*. № 9. С. 1–11. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.24107 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24107

Boyd D., Ellison N. (2007). Social network sites: Definition, history, and scholarship // *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 13. No. 1. Pp. 210–230.

Howard P. N. (2010). *The digital origins of dictatorship and democracy: Information technology and political Islam.* — Oxford: Oxford University Press.

Huang C., Wang Y., Li X., Ren L., Zhao J., Hu Y., Zhang L., Fan G., Xu J., Gu X., Cheng Z., Yu T., Xia J., Wei Y., Wu W., Xie X., Yin W., Li H., Liu M., Xiao Y., … Cao B. (2020). Clinical features of patients infected with 2019 novel coronavirus in Wuhan, China // *The Lancet*. Vol. 395(10223). Pp. 497–506. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30183-5 (access date: 28.05.2024).

Hussain M. M., Howard P. N. (2013). What best explains successful protest cascades? ICTs and the fuzzy causes of the Arab Spring // *International Studies Review*. Vol. 15. No. 1. Pp. 48–66.

Lei Y.-W. (2011) The political consequences of the rise of the Internet: political beliefs and practices of Chinese netizens // *Political Communication*. Vol. 28. Pp. 291–322.

Newton K., Norris P. (2000). Confidence in public institutions // *Disaffected democracies. What's troubling the trilateral countries* / S. Pharr, R. Putnam (Eds.).. — New York, NY: Springer-Verlag. Pp. 52–73.

Ruess C., Hoffmann C. P., Boulianne S., Heger, K. (2021). Online political participation: the evolution of a concept // *Information, Communication & Society.* Vol. 26. No 8, Pp. 1495–1512. DOI: 10.1080/1369118X.2021.2013919.

Tang M., Huhe N. (2014). Alternative framing: The effect of the Internet on political support in authoritarian China // *International Political Science Review*. Vol. 35. No 5. Pp. 559–576.

Turner F. (2008). *From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism*. — Chicago: University of Chicago Press.

You Y., Wang Z. (2020). The Internet, political trust, and regime types: A cross-national and multilevel analysis // *Japanese Journal of Political Science*. Vol. 21. №. 2. Pp. 68–89.

Татарко Александр Николаевич
tatarko@yandex.ru

Alexander Tatarko
PhD (psychology), Director of the Center for Socio-Cultural Research at the National Research University "Higher School of Economics" (Moscow)
tatarko@yandex.ru

Екатерина Валерьевна Бушина
evbushina@hse.ru

Ekaterina Bushina
PhD (psychology), Leading Research Fellow of the Center for Socio-Cultural Research at the National Research University "Higher School of Economics" (Moscow)
evbushina@hse.ru

Анна Алексеевна Миронова
nusa13@rambler.ru

Anna Mironova
Ph.D. (Sociology), Research Fellow of the Centre for Comprehensive Social Policy Studies at the National Research University "Higher School of Economics" (Moscow)
nusa13@rambler.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN INSTITUTIONAL TRUST AND ONLINE POLITICAL ACTIVITY[1]

Abstract. This article examines the relationship between different types of institutional trust and online political activity. To assess online political activity, the authors developed an original methodology (questionnaire) "Online Political Activity Assessment Questionnaire", including two subscales "Political self-expression on the Internet" and "Online political activism". Questions from the European Social Survey (ESS) questionnaire were used to assess institutional trust. The sample included 502 respondents (60% were women). The study found that online political expression was unrelated to the overall index of institutional trust, although a negative relationship was expected. At the same time, we found that institutional trust is positively associated with online political activism. That is, people who have higher institutional trust will more often vote via the Internet, participate in various Internet campaigns initiated by the state or structures (for example, volunteer) that are supported by the state. We come to the important conclusion that support for the state's digital initiatives and willingness to use them in everyday life is largely associated with people's institutional trust.

Keywords: *institutional trust, Internet, online political activity, political self-expression.*
JEL: Z13.

[1] The research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00119.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Оболонский
д.ю.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ, ИЛИ «НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ» (Статья первая)[1]

Аннотация. В работе рассмотрен ряд факторов нематериального характера, прежде всего, идеологических и морально-этических, включая исторические и религиозные, поскольку они оказывают комплексное влияние на социально-экономические процессы, на мотивации и экономическое поведение субъектов соответствующих отношений. Их недооценка, приведшая к однобокости российских реформ, имела серьёзные негативные последствия. При этом автор подчёркивает отсутствие у России какого-либо «цивилизационного запрета» на перемену траектории развития и критикует подобную позицию. Рассмотрены как положительные стороны реформ 1990-х гг., так и их ограниченность, а также юридический детерминизм. Основная по объёму часть статьи посвящена анализу идеологических и морально-этических детерминант экономического поведения. Первые рассматриваются на основе обзора работ современных российских философов, определяющих идеологию как «веру в упаковке знания», отмечающих её неустранимость, а также соотношение официальной и теневой идеологий. Затронута и религиозная идеология[2]. В разделе о морально-этических факторах напоминается, что важность роли внеинституциональных, моральных факторов экономического поведения является мейнстримом современной экономической науки. Описана идущая от античности категория тимоса и её современное воплощение в категории человеческого достоинства. Затронуты влияние факторов доверия, совести, стыда, благодарности. Отдельный раздел посвящён важной для понимания современных реалий философской идеологии[3] кинизма и её моральной противоположности – цинизму. Статью завершает кантовская максима об этике как спасательном круге человечества, особенно в тёмные времена.

Ключевые слова: *экономическая реформа, нематериальные факторы, идеология, мораль, этика, цинизм.*
JEL: D01, K15, Z10
УДК: 334.021, 122, 171,177
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_200_215
© А.В. Оболонский, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Оболонский А.В.* Нематериальные детерминанты социально-экономического поведения, или «Не хлебом единым» (статья первая) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 200–215. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_200_215.
FOR CITATION: *Obolonsky A.* The Non-Material Determinants of Socio-Economical Behavior, or «Not by the Bread Alone» (Part I) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 200–215. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_ 2024_3_200_215.

---

[1] Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

[2] «Религиозная идеология» – бессмысленное с точки зрения политической теории словосочетание. Если автор отождествляет ее с политической теологией, то такое отождествление некорректно в принципе. — *Замечание рецензента.*

[3] Столь же ненаучно выглядит словосочетание «философская идеология». Из той или иной философии могут вырастать идеологические построения, но выражение «философская идеология» — псевдонаучный новояз. — *Замечание рецензента.*

Задача настоящей работы — рассмотреть ряд факторов нематериального характера, прежде всего, идеологических и морально-этических, а также связанных с ними исторических, религиозных, политических, технократических, поскольку они оказывают комплексное влияние на социально-экономические процессы, на мотивации и экономическое поведение субъектов соответствующих отношений. Это представляется весьма, если не критически, важным, ибо их недооценка, доходившая порой вплоть до пренебрежения, стала, по моему мнению, одной из причин ряда болезненных провалов постсоветских десятилетий, включая и нынешние времена. И на очередном историческом перекрёстке, когда многие, как и я, возлагали большие надежды на выход страны из известной «колеи», обусловленной предшествующим развитием, и в меру сил старались подтолкнуть страну на новую дорогу, страна вернулась в прежнюю историческую «колею» и движется по ней с нарастающей скоростью.

Почему так случилось? Почему вновь захватил бразды правления государственный Левиафан, причём с целями, предельно далёкими от идеалов и наивных мечтаний времён перестройки и начала девяностых? (К слову, те годы были, по моему мнению, самым морально достойным и светлым периодом в жизни страны за весь XX в., исключая, может быть, годы Отечественной войны, которые, как время чрезвычайное, следует оценивать по другим критериям, и потому я здесь вывожу его за скобки.) Почему опять сработал «эффект колеи»? Ведь он, отнюдь не фатален и не предопределяет будущее развитие любой страны, в отличие от мнения и заклинаний сторонников идеи «особого пути», причём как её адептов, так и проклинающих её пессимистов. Как известно, в истории различных стран есть множество примеров успешной смены траектории развития.

Разумеется, исторический путь каждой страны обладает собственной спецификой. К тому же движение по нему порой бывает и попятным, когда на социальную поверхность всплывают старые, казалось бы, уже преодолённые стереотипы массового сознания. В том числе и агрессивные, даже античеловеческие, как произошло, например, в Германии в 20-40 годы прошлого века. А Япония, начиная с революции Мэйдзи 1868г., меньше чем за столетие несколько раз весьма радикально меняла вектор своего исторического развития. Так что и Россию нет оснований исключать из подвластности общим историко-культурным закономерностям. Другое дело, что они иногда проявляются в довольно продолжительной перспективе, за пределами жизни отдельных поколений. Хотя иногда — и очень быстро. А современные темпы жизни, когда века сжимаются до десятилетий, а те — до нескольких лет, тому способствуют.

Впрочем, я довольно много об этом писал, даже издал с несколькими соавторами небольшую книжку [*Особый путь*…, 2018]. Поэтому не стану здесь вновь развивать эту очень больную тему. Лишь оговорюсь, что я категорически не приемлю модные ныне ламентации о якобы имманентно ущербной российской национальной ментальности, которая принципиально блокирует тот «человекоцентричный» путь и способ социальной организации, который характерен для жизни большинства успешных стран. Для меня он сродни тезису о нашей национальной неполноценности, если использовать фрейдистскую терминологию. Или самоуничижительному культурному расизму. И «белый флаг», выбрасываемый сейчас многими либералами и демократами, на мой взгляд, содержит элемент самооправдания, пусть и неосознанный. Не говоря уже о его деморализующем влиянии. Я считаю, что у России нет «цивилизационного запрета» на перемену траектории развития. Да, мы отстали от многих других, а последнее время к тому же пытаемся лишь технологически модернизировать, «оживить» архаичные по сути модели правления и социальной организации. Но не вижу ни теоретических оснований, ни эмпирических доказательств, что мы отстали навсегда.

Да, есть существенно отягчающие обстоятельства из области исторической психологии и господствовавшей общественной морали, но и они не уникальны. К тому же

мы обладаем странной особенностью — избирательно заимствовать из чужого опыта не лучшее, а худшее[4]. Что видно, например, при заимствовании из гибридного, отчасти противоречивого в своей основе мегапроекта Нового времени Высокого Модерна только одной его стороны — позаимствовали не правовые механизмы обеспечения свободы личности, не лежащие в его основе просветительские и гуманистические идеалы, а лишь его техницистский рационализм и тотальный дисциплинирующий порядок и контроль, вплоть до мобилизационной логики. При этом заложенные в Модерне предохранительные механизмы против крайностей в виде синтеза порядка и права, самоорганизации, а также интеллектуальной самокритики и самоиронии, у нас фактически не были востребованы. То же произошло и с последующим, уже практически современным, гносеологическим проектом — постмодерном, из которого у нас лучше всего прижились моральный релятивизм и доходящий до цинизма скептицизм.

К тому же не следует забывать, что и Запад тоже не всегда был «западом» в том смысле, который вкладывают в это слово крайние европоцентристы (см. об этом, например, богато фундированные и, на мой взгляд, во многом прорывные, работы Д. Травина [*Травин,* 2021; *Травин,* 2023] и др[5].). Признаюсь, я не до конца согласен с некоторыми его концептуальными выводами, особенно относительно их категоричности и претензии на универсальность, но то особая тема, выходящая за пределы настоящей статьи. А если уж прибегнуть к терминологии «особого пути», то он, на мой взгляд, как раз и состоит в острой необходимости найти способ вырваться из порочного исторического круга, воспроизводящего, пусть на новом технологическом уровне, но всё те же ретроградные, исторически бесперспективные модели управления, взаимодействия властей и народа.

Наиболее популярные авторитетные объяснения феномена наших провалов связывают его с нереформированностью государственных институтов. Или их неполной реформированностью, как предпочитают говорить более осторожные авторы. Что является важной, несомненной и печальной истиной. Но, как представляется, она обладает существенной неполнотой. Разумеется, характер и состояние институтов — фактор не просто важнейший, но иногда и ключевой. Было бы странно с этим спорить, особенно глядя «окрест себя». Однако он далеко не единственный в общественной жизни. К тому же и в модель большинства институтов заложен довольно существенный люфт, позволяющий лицам, обладающим теми или иными властными правами, по-разному действовать при реализации формально закреплённых и за институтом, и за ними лично полномочий. Наиболее очевидный, хотя и далеко не единственный пример — функционирование судов и правоохранительных органов. Не говоря уж о широко расплодившихся у нас, к несчастью, в разных областях институционных симулякров, которые лишь имитируют исполнение социальных функций и полномочий, возложенных на них Конституцией и иными законами. И очень важен человеческий фактор, ибо в конечном счёте действуют именно люди с их конкретными мотивациями, представлениями и т.д.

Так что *хорошие институты — фактор необходимый, но недостаточный*. А люди с деформированной шкалой моральных ценностей находят способы даже неплохие институты использовать во зло. Плюс к этому, они наполняют ключевые звенья этих институтов себе подобными. И происходит негативная селекция, негативный отбор, понижающийся самоотбор. В то же время и в рамках несовершенных институтов люди морально полно-

---

[4] Чуть выше в работе утверждается: «я категорически не приемлю модные ныне ламентации о якобы имманентно ущербной российской национальной ментальности». — *Прим. ред.*

[5] Автор обходит критику работ Д. Травина. См.: *Заостровцев А.П.* Постигающие историю: обзор концепций развития (О книге Д.Я. Травина «Как государство богатеет… Путеводитель по исторической социологии») // Вопросы теоретической экономики. 2023. №1. С. 142–155. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_142_155. — *Прим. ред.*

ценные, да и просто честные с точки зрения своей профессиональной этики могут сделать немало позитивного. Так что человеческий фактор может отчасти компенсировать несовершенство институтов, а может и неплохие институты свести к симулякрам. При порочных базовых ценностях исполнителей даже хорошие институты в их руках могут стать имитационными или даже контрпродуктивными. Собственно, о различных аспектах, связанных с мыслями, чувствами, поведением людей в социуме в основном и пойдет речь в статье. Иными словами, тема её — не факторы объективные, формально закреплённые, а аспекты субъективные, человеческие.

И, учитывая профиль журнала и его основную аудиторию, начну с экономики.

Рыночный детерминизм

В общем плане описание отхода от парадигмы экономического детерминизма в современной экономической теории и свой взгляд на это я уже имел случай представить на страницах журнала [*Оболонский,* 2022. С. 129–132]. Поэтому, чтобы не повторяться, ограничусь несколькими замечаниями о нашей специфике. По ряду причин так случилось, что в первом постсоветском правительстве, как и в целом в философии реформ, тон задавали экономисты. Что, вероятно, представлялось тогдашнему политическому руководству единственно возможным, ибо положение в экономике страны было близким к катастрофическому. Мы находились на грани экономического коллапса с соответствующими последствиями. И пришедшая к руководству команда высококвалифицированных учёных-экономистов сумела в условиях жесточайшего дефицита времени и ресурсов не только спасти страну от катастрофы, но и заложить основы рыночной экономики, благодаря чему мы в экономическом отношении, несмотря на все последующие политические и социальные перемены и откаты, остаёмся более или менее «на плаву». Думаю, за популистской риторикой о «лихих девяностых» мы до сих пор не оценили по справедливости заслуг этих людей перед страной и всеми нами.

Однако в планах политическом, а также человеческом цена этого оказалась чрезвычайно высокой. И, как представляется, она не во всём была такой уж неизбежной. Сработал феномен экономического детерминизма в сознании идеологов и проводников реформ, в итоге оказавшийся неадекватным. Можно в духе Д. Рикардо назвать его более «ласково» — экономическим романтизмом, но суть от этого не изменится. Г. Гегель, напротив, был по отношению к нему весьма жесток и уничижителен. Он с презрением писал об «алиментарной культуре», подразумевая под этим культуру, в центре которой стояли вопросы производства и распределения продуктов питания, и считал единственно достойным занятием для подлинного учёного феноменологию духа. Хорошо, на мой взгляд, отреагировал на гегелевскую одномерность американский историк Ф. Мэньюэл: «В защиту своей идеалистической теории Духа как сущности человеческого существования Гегель с величайшим презрением писал об алиментарной истории. Теперь же, когда мы вопреки Гегелю признали права рук и желудка на участие в человеческой истории, будем же готовы ввести в её храм и другие, более скрытые тайники человечества» [*Мэньюэл,*1977. С. 288]. Правда, для Гегеля именно борьба за призвание была движущей силой истории. В современной политической науке ту же мысль достаточно категорично проводит и Ф. Фукуяма: «Я бы даже рискнул утверждать, что изрядная часть так называемой экономической мотивации зиждется на стремлении к признанию и потому не может быть удовлетворена только экономическими средствами», а потому мы должны расширить понимание человеческой мотивации за пределы простой экономической модели, доминирующей в нынешнем дискурсе» [*Фукуяма*, 2019. С. 23-24].

Наша отечественная концепция реформ исходила из ограниченной предпосылки, согласно которой введение полноценного рынка более или менее автоматически решит и остальные проблемы, хоть, возможно, и в неявном виде. И соответствующие надежды возлагались именно на этот путь модернизации. Так произошло потому, что наша прекрасная команда экономистов, при всём их знакомстве с фундаментальными западными концепциями, была не очень осведомлена об уже начавшихся к тому моменту переменах в мейнстриме, определявшем направление мысли ведущих мировых специалистов в области экономической теории, которое обрело общеизвестность несколько позднее. К тому же часть его получила вводящее в некоторое заблуждение наименование «экономического империализма». А наши учёные, взвалившие на себя тяжелейшую и неблагодарную практическую работу по спасению страны, при всех своих знаниях конкретных механизмов, в плане глобальном, концептуальном, руководствовались уже несколько устаревшей «классикой», которая, помимо прочего, в общем, согласовывалась с их первоначальным сугубо марксистским образованием в советских вузах.

Они в явном или неявном виде исходили из концепции экономического человека, вопреки тому, что о её ограниченности, неполной адекватности говорили многие, а наш великий философ В.С. Соловьев и вообще сформулировал максиму, согласно которой «признавать человека лишь как деятеля экономического — производителя, собственника, и потребителя вещественных благ — есть точка зрения ложная и безнравственная» [*Соловьев*, 1988. Т. 1. С. 407]. Наши же идеологи и проводники реформ исходили из того, что «невидимая рука рынка» расставит всё по местам и в других сферах. В результате, как неоднократно подчёркивала в своих публичных выступлениях Т.Е. Ворожейкина, демократический проект был сведён к проекту рыночному, в рамках которого рядовым гражданам, как и в советские времена, отводилась роль «винтиков», объектов происходящих процессов, а не их полноправных субъектов, активных участников[6]. И больнее всего реформы ударили по тем слоям общества, которые наиболее активно поддерживали реформы, по их интеллектуальному активу. Они до какого-то момента, в ущерб своим материальным потерям вплоть до грани обнищания, всё же поддерживали политику реформ. Однако не беспредельно. Люди, поверившие в «волшебную палочку» либерализма, были готовы терпеть материальные лишения, но не до фанатизма. Довольно скоро «красная черта» терпения была перейдена. К тому же на их глазах буквально из ничего, причём довольно мутными способами, возникали многомиллионные состояния, что отнюдь не соответствовало возвышенным романтическим ожиданиям времён перестройки и тоже не способствовало поддержке провозглашённым либеральным идеалам. И утопические ожидания скорого наступления «всеобщего счастья» сменили ностальгические чувства по отношению к хоть и дурной, но знакомой и понятной прежней стабильности. Люди почувствовали себя обманутыми. Пожалуй, здесь уместно вспомнить афористическое описание консервативного синдрома массового сознания, данное еще Н.М. Карамзиным, что зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового добра, а новому добру как-то и не верится (цит. по: [*Ключевский,* 1958. С. 317]).

Словом, за *экономическую одномерность* первого поколения постсоветских реформаторов мы заплатили высокую социально-политическую цену — фактическое *сохранение и даже реставрацию ряда изживших себя институтов* советских времен. Да, благодаря мерам Е.Т. Гайдара и его команды Россия не только избежала падения в пропасть, но и значительно отодвинулась от её края. Однако платой за это стало массовое разочарование

[6] Защищая реформаторов команды Гайдара как людей, спасших страну от катастрофы, автор противоречит сам себе, утверждая, что теоретические положения, на которые опирались реформаторы, устарели к моменту начала реформы, а в ходе преобразований демократические реформы были подменены рыночными. Если последние два утверждения верны, то реформаторы не спасли Россию, а поставили её на край пропасти. — *Замечание рецензента.*

в либеральных ценностях. Жёсткие экономические меры стали ассоциироваться в массовом сознании с либерализмом. И последствия его дискредитации в глазах людей оказались, как мы теперь видим, очень тяжёлыми. К тому же до реформ в сферах, не представлявших, по мнению реформаторов, первостепенной важности (в частности, в культуре и науке[7]), у них, как говорится, не дошли руки. Они сохранились в практически неизменном виде, с большими трудностями стараясь просто выжить в радикально изменившейся системе экономических «правил игры». И подстраивалось уже под иные групповые интересы уже следующего, во многом реставрационного, поколения оказавшегося у власти слоя так называемой новой «элиты».

А реформаторы первого «призыва», будучи высококлассными экономистами, хотя порой и выходили за рамки рыночных схем и рассуждений (например, заговаривали о свободах и правах человека), но делали это недостаточно аргументированно и убедительно. Чувствовалось, что это не их сфера и что сами они в душе не верят в древнюю мудрость — «не хлебом единым жив человек»[8]. Они не были гуманитариями по своему профессиональному опыту и мировоззрению. И это, независимо от их личных взглядов и надежд, оказало негативное, если не драматическое, влияние на последующее развитие жизни страны.

В какой-то мере плохую службу сослужил и другой вид догматической одномерности — *одномерность юридическая*. Она воплотилась в подходе юридических нормативистов, исходивших из кельзеновской парадигмы, независимо от того, что многие из них, возможно, никогда не слышали имени австрийского теоретика права Г. Кельзена. В этой логике любой юридический акт подчиняется и действует в соответствии со своей внутренней иерархией нормативов. А проблемы правоприменения, соответствия или несоответствия актов правовой культуре практически не рассматриваются. Адекватность подобного подхода долгие десятилетия оставалась предметом широких и горячих дискуссий учёных-юристов. А К. Маркс даже однажды обронил замечание о «юридическом кретинизме».

Пожалуй, в этом контексте стоит вспомнить и толстовское отрицание даже принципиальной возможности восстановления нарушенной справедливости через юридические механизмы. Наиболее яркое выражение этого в художественной форме мы видим в романе «Воскресение». Оно встретило тогда достаточно резкое общественное неприятие и возражения. Не углубляясь в полемику на сей счет, замечу лишь, что перечитав роман, я нашёл там не отрицание ценности права (что, конечно, было бы абсурдом), а картину внутренних механизмов юридической корпорации и поведения её членов на разных уровнях. Их приоритетом действительно было не восстановление справедливости по отношению к героине, а следование совсем другим ценностям и обстоятельствам. И когда видишь нашу современную практику действий органов данной сферы, возникает «крамольная» мысль: а может быть, Лев Николаевич был не так уж неправ в своём отношении к юридической машине? Однако подробное рассмотрение связанного с этим комплекса вопросов находится за рамками темы статьи. Так что перейдём к другим намеченным к рассмотрению проблемам. И представляется логичным начать с самого высокого уровня — с философского, на котором субъективность раскрывается через проблему идеологии.

---

[7] Член «команды Гайдара», Б.Г. Салтыков, осуществлял руководство министерством науки и технической политики России в 1991–1996 гг. Одним из результатов его деятельности является появление Высшей школы экономики, где ныне трудится А.В. Оболонский. — *Прим. ред.*

[8] «Государство должно… обеспечить неприкосновенность частной собственности… брать на себя заботы об экологии, образовании и здравоохранении, о развитии науки и культуры, о бедных и нетрудоспособных. Важнейшая задача государства сегодня — борьба с уличной преступностью, запугивающей людей, и с мафией… Государство должно ограничить и свой “рэкет”, свои аппетиты по части налогов». — Гайдар Е. Государство и эволюция // Е. Гайдар. Власть и собственность. — СПб.: Норма, 2009. С. 367. — *Прим. ред.*

Идеологический аспект

Вопросам соотношения философии и идеологии, а также роли последней в познавательных процессах, ценностях, мыслях и действиях людей посвящена фундаментальная коллективная монография ведущих отечественных философов «Философия и идеология: от Маркса до постмодерна» (2018). Она, на мой взгляд, представляет своего рода синтез современных взглядов в данной проблемной области. Поэтому есть смысл в данном разделе опираться на суждения и формулировки её авторов[9].

Прежде всего о самом понятии идеологии. Существует немало её определений. Но в данном случае нет необходимости углубляться в нюансы философских рассуждений, а можно исходить из её краткого «рабочего» определения как *«веры в упаковке знания»*. Она воплощается в некой относительно единой системе идей и представлений. Группы же, находящиеся у власти или близкие к ней, стремятся институционализировать эту систему идей и представлений посредством прямого или косвенного включения их в инфраструктуру институтов. Наиболее яркие примеры в этом отношении дают тоталитарные и авторитарные политические режимы[10]. Х. Арендт в разных своих работах проводит мысль, что идеология как таковая изначально является не теоретической философской доктриной, а практическим политическим оружием. А Э. Соловьев прямо называет идеологию «доктринально оформленным ложным, фальшивым сознанием, которое, как всё фальшивое, не имеет никакого онтологического достоинства… Парадоксальность идеологий в том, что они представляют собой правдоподобные — порой высоко правдоподобные — и удивительно стойкие обманы и самообманы» [*Философия и идеология*…, 2018. С. 84]. Такое оформление выдаёт частный, групповой интерес за всеобщий. Из этого взгляда на идеологию и вытекает её категоричное, резко отрицательное к ней отношение со стороны большинства учёных и научного сознания в целом.

К тому же она служит своего рода маркёром, идентифицирующим людей по принципу «свой–чужой». А отсюда неизбежно вытекает наличие в ней репрессивного компонента по отношению к «чужим», что точно описал Л. Гудков* на примере смены у нас, начиная с 2000-х гг., идеологического тренда: «Постепенно стали возвращаться практики идеологического контроля (борьба с фальсификациями истории, с экстремизмом, “защита чувств верующих”, традиционных ценностей и пр.). К концу 2010-х гг. усилились репрессии против инакомыслия. Консервативная или охранительная идеология, в отличие от советской идеологии, ориентирована не на “светлое будущее”, а на “светлое прошлое”... Скрепляющей осью идеологического синтеза становится сознание национальной исключительности» [*Философия и идеология…*, 2018. С. 403]. Единственное, что вызывает у меня некоторые сомнения в этом описании, — излишне расширительное использование понятия «консерватизм»[11]. Ведь консерватизм не эквивалентен ретроградству, впадению в архаику, иногда он даже носит поступательный характер. Вспомним хотя бы случаи умеренных

---

[9] Составители монографии применили любопытный приём подачи материала: после всех авторских текстов было сделано обширное заключение под названием «тематический конструктор», в котором основные мысли и оценки каждого из авторов были поимённо воспроизведены. Кстати, это упростило и ссылочный аппарат при изложении их позиций.

[10] Автор не поясняет, что именно он считает «ярким». «Однополые браки во Франции были узаконены 18 мая 2013 г. Вступивший в этот день в силу закон дал однополым супругам также право на усыновление детей. Параллельно однополые пары (также как и разнополые) уже с 1999 г. во Франции могут заключать «облегчённую версию брака» — так называемый гражданский договор солидарности». Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Однополые_браки_во_Франции. По-видимому, указанный закон А.В. Оболонский не относит к «ярким примерам» идеологии. Или «режим не тот»? — *Прим. ред.*

[11] Институт национальной памяти (Польша) — 1998 г. Законы о большой и малой люстрациях в Чехословакии — 1991–1992 г. Запрет на отрицание Холокоста (но: против аналогичной резолюции о героизации нацизма выступили США и Украина, 2019) — ФРГ, Франция, ООН (резолюция 61/25), и т.д. Видимо, эти учреждения и нормативные акты консервативны, но не реакционны. — *Прим. ред.*

*** Лев Дмитриевич Гудков включен в реестр иностранных агентов 14.02.2025**

консервативных реформ, которые сыграли исторически прогрессивную роль. Мне кажется, что к картине, описанной Гудковым*, больше подходит понятие «реакционность», даже если воздержаться от использования более сильных и эмоционально окрашенных слов.

Отсюда, казалось бы, вытекает отрицание за идеологией как таковой какого-либо позитивного значения. Так и кажется на первый взгляд в свете нашего знания обо всех пороках идеологического сознания. Но лишь на первый. Понятно, что перманентное навя-зывание единой обязательной идеологии, как было в СССР, набило у людей оскомину. Возникла своего рода идеологическая идиосинкразия. И психологически объяснимо про-явившееся в начале 1990-х гг. стремление вообще обойтись без идеологии. Что оказалось самообманом, пусть во многих случаях и благонамеренным. В частности, ведь и тот эконо-мический детерминизм, о котором шла речь выше, — тоже своего рода идеология. В этой связи любопытно мнение ведущего специалиста в области банковского права, т.е., казалось бы, ультраэкономиста Г. Тосуняна: «В силу усталости от лицемерной и лукавой идеологии советского периода в постперестроечный период была сформулирована философия абсо-лютных приоритетов материальных ценностей. И это было сделано во многом неосознанно при участии тех, кто причислял себя, искренне или из конъюнктурных соображений, к либералам... и которые ныне отдают отчёт в том, как много было допущено ошибок, в том числе в вопросе толерантности... чрезмерное доминирование материальных приоритетов оказывается тесно сплетено с идеологией удержания власти любой ценой» [*Философия и идеология*…, 2018. С. 408]. Так что, думаю, можно с определённой долей условности ска-зать, что если уж и считать идеологию лишь злом, то это «зло неизбежное и лишь порой нестерпимое» (если использовать по аналогии отношение к государству в парадигме ран-него либерализма в формулировке В. Гумбольдта [*Гумбольдт*, 1985. С. 133]).

Следовательно, та или иная идеология имманентно присуща массовому обще-ственному сознанию. Его полная деидеологизация — иллюзия. И кажущееся отсут-ствие идеологии — тоже своего рода идеология. Как отмечает А. Гусейнов, «общество без идеологии так же невозможно, как невозможна человеческая жизнь без сознания» [*Философия и идеология*…, 2018. С. 393]. А. Рубцов замечает, что «без идеологии, нравится нам это или нет, немыслимы многие базовые институты общества и государства [Там же. С. 394]. А. Архангельский категорично предостерегает: «Отменить идеологию невозможно. Возможна только критика её, в том числе с позиций философии права, философии исто-рии. Более того, можно и нужно бороться с единой идеологией как таковой, потому что за этой чертой начинается новый тоталитаризм» [Там же. С.395] Ту же мысль проводит и В. Лекторский: «Важно только, чтобы идеологические концепции не навязывались средствами государственного принуждения и массовой информации (дезинформации), а могли свободно и критически обсуждаться» [Там же. С.398]. Иначе они становятся конъ-юнктурным орудием в руках политиканствующих манипуляторов. Например, случаев, когда основой идеологии является неизменность, сохранение власти, подаваемое в камуф-ляже «стабильности».

Использование идеологии в качестве инструмента мобилизации масс бывает довольно эффективным и потому опасным. Чтобы убедиться в этом, не надо углубляться ни в библейские времена, ни в эпоху крестовых походов и т.п. История XX в. и современная политическая жизнь дают к тому немало примеров. Нацистский и социалистический про-екты ещё не стёрлись в массовой памяти. Хотя и тот и другой в значительной мере мифо-логизированы, а советский ещё в какой-то мере и «облагорожен» (если уместно применить к нему такое слово). Это стало важным элементом пропаганды, особенно в нынешней ситуации реинкарнации геополитики. Причины её эффективности — вопрос отдельный. Здесь отмечу лишь, что «шахматная», по сути, социал-дарвинистская логика геополитики весьма удобна как для её выразителей, так и для обслуживающего их идеологического про-пагандистского персонала.

***Лев Дмитриевич Гудков включен в реестр иностранных агентов 14.02.2025**

Пропагандистское идеологическое воздействие со стороны властей, как минимум, двухслойно. Наряду с идеологией официальной, прямо и открыто выражаемой устами политиков и ангажированных ими для этих целей узнаваемых медийных персонажей, учёных, других публичных лиц, существует и другой слой воздействия. Скрытый, теневой, латентный. Он обычно используется для продвижения идей и образов, чересчур одиозных для их прямой пропаганды. Например — персонажей, отметившихся в истории крайними, патологическими жестокостями и массовыми убийствами даже по меркам своих времен. Таких, например, как Иван Грозный и Иосиф Сталин[12]. Для этого используется набор косвенных средств, своего рода «намёков» — установки памятников, управляемых телевизионных шоу с «голосованиями», других «выражений массовых чувств», работающих на идеалы авторитарной власти. Дескать, «вы всё понимаете, просто нам политически неудобно (пока) об этом прямо говорить». Для него создаются и латентные институты в виде разного рода групп «активистов». Вспомним хотя бы про отряды гитлерюгенда в 1930-е гг. Парадоксально, что и те, кто до конца «не понимают» данных «намёков», тоже подпадают под действие такого массового гипноза.

По своему воздействию *теневая идеология эффективнее явной пропаганды*. Она носит скрытый, но проникающий характер. А. Рубцов отмечает: «Её организованности и механизмы обычно скрыты, но, подобно бессознательному в психоанализе, фиксируются по действиям и результатам. ...Всё это подтверждает “вертикальное” разделение функций между символическими жестами власти в режиме алиби и теневой политикой на низовом уровне. Однако интегральный результат в итоге важнее любых идеологических сигналов сверху. Теневая идеология востребована и там, где позиции не могут быть открыто артикулированы, например, из-за политической стеснительности или в силу одиозности мотивов и самого контента. Такие идеи транслируются через специализированные иносказания, чаще всего через исторические оценки и нарративы. Выявление и реконструкция такого рода неявных иносказаний — насущная аналитическая и политическая задача, требующая честной артикуляции теневых и латентных установок — вплоть до идеи эмансипации идеологии и политики от “истории”, от её лукавой метафорики» [*Философия и идеология*…, 2018. С. 413]. Он полагает, что диффузное идеологическое обнаруживает себя в самых неожиданных критических зонах, в том числе в тех, что в теории и аналитике обычно считаются пространствами идейной эмансипации — «уклонения и ускользания от идеологии, даже активного противостояния с ней (например, в науке)» [Там же].

К проблеме «идеологического бессознательного» мы ещё вернёмся. А пока немного о другом виде идеологии, не о светской, а о религиозной, которая до некоторых пор вообще занимала главное место в сознании людей. Сейчас времена изменились, но она по-прежнему остаётся весьма действенным идеологическим мотивационным фактором, хотя порой больше на уровне риторики, нежели реального поведения. Разумеется, я ни в коей мере не претендую на какой-либо религиоведческий разговор и тем более анализ, а лишь обращу внимание на некоторые моменты, непосредственно связанные с нашей темой.

В текстах христианских писателей, современных и близких к нашим временам, обращает на себя внимание близость их логики, а отчасти и терминологии к текстам светским — философским и даже политологическим. Так, книга Ж. Маритена, основателя неотомизма (официальной доктрины современного католицизма), «Народ и государство» даже по своему названию вполне может оказаться на книжной полке с политологической

[12] Об оценке исторических деятелей споры идут подолгу. Следует напомнить, что ещё полвека назад Николая II (причислен к лику святых) называли «Кровавым», причём эта характеристика, данная ему в 1905 г., долгое время разделялась всеми советскими прогрессивными и либеральными деятелями, а некоторыми разделяется и сейчас. Кроме того, указанных А.В. Оболонским исторических деятелей по степени «патологической жестокости» если и не превосходил, то уж никак им не уступал император Пётр I, ставший самым популярным правителем для отечественной интеллигенции. — *Прим. ред.*

литературой. А по названиям глав — «понятие суверенитета», «нация, политическое общество и государство», «права человека» — тем более. Авторские рассуждения о росте государства в Новое время, о тоталитарных государствах, о сущности демократии и т.д. вполне релевантны языку современной политической философии. Да и по существу высказываемых мыслей тоже. Например, демократия, определяемая как «рациональное упорядочение свобод, основанных на праве» [*Маритен,* 2000. С. 61–62], описывается как «единственно верный путь моральной рационализации политической жизни, путь, ведущий к высшим земным достижениям, на которые способно разумное животное. Демократия несёт в хрупком сосуде земную надежду, я бы сказал, биологическую надежду человечества» [Там же]. При этом, продолжает Маритен, «демократия может быть неудобной, грубой, несовершенной, подверженной риску изменить самой себе, поддавшись инстинкту страха или подавляющей силы. Она может заслуживать суровой оценки своих способностей в сфере внешней политики… И всё же демократия — единственный путь, которым могут следовать силы прогресса в истории человечества. Сходным образом мы можем оценить и ту ответственность, которой облечена демократия. Мы можем понять уникальную, драматическую значимость проблемы цели и средств для демократии. В ходе моральной рационализации политической жизни средства с необходимостью должны быть моральными. Целью для демократии являются справедливость и свобода. Если демократия будет пользоваться средствами, в своей основе несовместимыми со свободой и справедливостью, это в равной степени станет для нее актом саморазрушения» [Там же. С. 62].

Чем не текст для написанного либералом современного политологического учебника? А замечательное определение макиавеллизма как «иллюзии немедленного успеха как успеха для одного человека, а не для государства или нации», переходящее в рассуждения о том, что «громадная машина насилия гигантских макиавеллистских роботов есть признак их внутренней человеческой слабости, и всё больше и больше походит на гиганта в отношении внешних или технических сил и всё больше и больше — на карлика в том, что касается внутренних, человеческих, реальных жизненных сил»» [Там же. С. 60]. Это заслуживает, по-моему, особого внимания. Равно как и рассуждения Маритена о гибком, но морально оптимальном модусе поведения в ситуации «краха политики» в репрессивном обществе на примерах концлагерей и движения Сопротивления нацистам в годы Второй мировой войны [Там же. С. 74].

Любопытен также феномен резкой эволюции взглядов некоторых политиков в сторону моральной религиозной идеологии[13]. Хотя, конечно, и тут не обходится без порой пустой и даже лицемерной риторики «на потребу публики».

Православная традиция религиозной мысли также отнюдь не сторонилась рассуждений на политически острые темы, в частности, от религиозного обоснования правильного для праведного православного человека того или иного варианта экономического поведения (см., напр.: [*Флоровский*, 1988]). Порой это порождало поистине масштабные экономические последствия, в том числе и парадоксального характера. Так, старооб-

[13] Яркий пример в этом отношении — фигура и духовная трансформация Ч. Колсона, бывшего советника президента США Р.Никсона. Большую часть своей жизни он был «обычным» политиком тех времён, прагматичным и не без цинизма. Достигнув «степеней известных», оказался замешан в Уотергейтском скандале, был осуждён судом, провёл семь месяцев в тюрьме, а после этого в корне пересмотрел всю свою прежнюю жизнь и целиком посвятил себя попыткам соединить политические «правила игры» с нормами христианской нравственности. Написал несколько книг, где, в частности, говорит о ведущей роли нравственных ценностей в конфликте личности и государства: «Церковь — главный институт, чей нравственный авторитет позволяет играть связующую роль между личностью и государством, институт, который обязывает государство исполнять свой долг по отношению к личности… достигнутое общественное согласие в большой степени обязано опоре на трансцендентные ценности. Когда государство забывает об этих ценностях или открыто попирает их, оно, по существу, нарушает договор со своими согражданами» [*Колсон,*1996. С. 270].

рядцы, базовой отправной идеологической посылкой мировоззрения которых было стремление к максимальной дистанцированности от «погрязшего во грехе мира», казалось бы вопреки этому породили слой крайне успешных предпринимателей и купцов, ставших на рубеже XIX–XX вв. едва ли не ведущей силой в экономической и социальной модернизации России. Официальная РПЦ, в силу ряда причин как исторического, так и более близкого происхождения, ведёт себя более осторожно, особенно по сравнению с протестантскими деноминациями. Сопоставим для примера позицию знаменитого пастора М.Л. Кинга, призывавшего христиан подчиняться лишь справедливым законам, ставя тем самым нравственность выше права, и довольно конформистские рассуждения наших иерархов, легитимирующие, по сути, любое исходящее от властей повеление, ибо «нет власти не от Бога». Но оставим эту антиномию более тонким и квалифицированным в данной области комментаторам и от сюжетов, связанных с религией, перейдём к моральным факторам в целом.

А в качестве перехода еще раз обратимся к Маритену и Ганди. Первый, говоря о трудности, но и особой важности соблюдения неизменных моральных принципов во враждебной морали политической среде, допускал определённую гибкость в средствах их реализации. Ганди же, соединявший в себе философа и политика, был более решителен. Он сформулировал принцип добровольности страдания как высшего оружия в политической борьбе, как средство, доступное лишь «сильнейшим из сильных». Реалистичность следования этому средству Ганди доказал своей жизнью и смертью. Можно найти и другие, более близкие его образцы. Но перейдем к моральным факторам воздействия на экономические процессы уже в чистом виде.

Морально-этический аспект

Ещё в XVIII в. учёные рассматривали фактор экономической выгоды хозяйственной деятельности как неотделимый от морали действующих лиц. Вспомним хотя бы заглавие знаменитой книги А.Смита «Теория нравственных чувств». А Д. Юм, сам именовавший себя «анатомом морали», называл в качестве равноправных три мотива, управляющих поступками людей: интересы (подразумевая, прежде всего, интересы экономические), привязанности (т.е. семейные, родственные и дружеские чувства) и моральные принципы. Отнюдь не идеализируя какие-либо «времена и нравы», полагаю, однако, что для религиозного бизнесмена тех времён всё же было важно желание «жить в мире со своей совестью». Более того, считаю, что сама категория «совесть» имманентно имеет и экономический смысл, поскольку связана со способами приобретения материального благополучия, общественного признания их нравственными или безнравственными. А по Гегелю, борьба за признание присуща любому человеку. Потребность в признании со стороны «значимых других», была и остаётся важной частью морального сознания. Её формы и деформации — вопрос отдельный. Отсюда и Гегель, и Кант выходили на категорию достоинства как некую универсальную человеческую потребность.

В современной экономической науке моральный тренд в качестве неотъемлемого компонента модели экономического поведения, перешагнув ограниченную экономическую прагматику, господствовавшую в XIX и большей части XX вв., получил новое развитие. Думаю, можно сказать, что отчасти начало этому положил Л. фон Мизес. Впрочем, я довольно подробно изложил своё понимание этого процесса в упомянутой выше статье [*Оболонский*, 2022. С. 129–132]. Не могу лишь не назвать имя Д. Макклоски как наиболее последовательного и убедительного оппонента экономического редукционизма, считающей, что «не собственно экономические, *не институциональные и не технологические, а субъективные человеческие факторы — породили беспрецедентный в мировой истории*

прогресс (выделено мной. — *А.О.*) последних двух веков». [*McCloskey,* 2010. P. 397]. Свой подход она называет «гуманомика», т.е. экономика с человеческим лицом.

О моральных факторах можно говорить много. Да и написано немало. Ограничусь некоторыми, как представляется, наиболее важными соображениями для темы статьи. И прежде всего о такой ключевой в данном отношении категории, как *достоинство*.

Достижение материального благополучия, а в идеале процветания, при всей его важности, не исчерпывает человеческих потребностей, а, если следовать пирамиде А. Маслоу, представляет лишь один, причём не самый высокий, её уровень. Ещё от Платона и Аристотеля идет *понятие «тимоса»* как очень важной части человека, выражения некого духа справедливости как фактора, определяющего наличие или отсутствие уважения со стороны других. То есть, переводя на современный язык, общественного признания. Именно тимос подвигает человека на совершение поступков, никак не связанных с его материальными интересами, а в предельных случаях заставляет и жертвовать жизнью. Для Аристотеля его основой был долг гражданина по отношению к полису. Христианская концепция достоинства, во всяком случае в теории, строится не на долге, а на свободе воли, на возможности нравственного выбора между добром и злом. То есть мораль не утилитарное достижение результатов, в том числе экономических, а сам акт такого выбора. Это прослеживается в философских конструкциях Гоббса, Канта, Гегеля, Локка, Спинозы и др. По Гегелю, вся история человечества движима борьбой за признание. А, по Канту, это впрямую связано с одной из формулировок его категорического императива, согласно которому человек никогда не только средство, но и цель. В упомянутой пирамиде Маслоу это описывается через категорию потребности в самореализации или «смысла жизни». Ф. Фукуяма, следуя гегелевской парадигме, поднимает тему потребности человека в признании его наделённым равными правами с другими людьми, придавая борьбе за такое признание статус одной из вечных мотиваций человеческого поведения [*Fukuyama,* 1992. P. 143].

Любопытен пример попытки придать движению за самоуважение даже квазиюридическую форму, предпринятую одной из комиссий штата Калифорнии, принявшей специальную Хартию. В основе идеологии движения лежит взгляд на человека, согласно которому он может успешно действовать в жизни, только если обладает сознанием ценности собственной личности, тогда как в противном случае его вера в собственную ничтожность оказывает деструктивное влияние на его действия, становясь негативным самоорганизующимся прогнозом, или, в терминологии Селигмана-Майера, выученной беспомощностью.

Существенно иной, по сути, аморальный взгляд воплощает в себе *цинизм*. В основе его лежит принципиально иная логика. Из многочисленных определений цинизма наиболее чёткими и научными, как ни странно, оказались два из изданий глубоко советских времен. Ими и воспользуемся. Лишь в немного сокращённом виде. Итак, «цинизм — нигилистическое отношение к достоянию общечеловеческой культуры, особенно к морали, идее достоинства человека, иногда — к официальным формам господствующей идеологии, выраженное в форме издевательского глумления. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, стремящихся достигнуть своих эгоистических целей любыми средствами. В социальном плане явления цинизма имеют двоякий источник. Во-первых, это “цинизм силы”, характерный для практики господствующих... групп, осуществляющих свою власть и своекорыстные цели откровенно аморальными методами.... Во-вторых, это бунтарские настроения и действия (напр., вандализм) социальных слоёв, групп и индивидов, испытывающих гнёт несправедливости и бесправия, идеологическое и моральное лицемерие эксплуататорского класса, но не видящих выхода... и повергнутых в состояние духовной опустошённости»[14]. И определение, данное И. Коном: «Цинизм — моральное качество, характеризующее презрительное отношение к культуре общества, к его духов-

[14] Большая советская энциклопедия. Т. 28. М.: Советская энциклопедия. С. 570.

ным, и в особенности нравственным ценностям… — возврат к “естественному состоянию”. Впоследствии цинизмом стали называть слова и деяния, в которых совершается надругательство над тем, что составляет исторические достижения культуры человечества, глумление над нравственными принципами, осмеяние идеалов, попрание человеческого достоинства. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, преследующих свои эгоистические интересы всеми возможными средствами, включая и аморальные» [*Кон,* 1975. С. 342–343].

Однако тут есть важная для нашей темы тонкость. Существует терминологическая путаница, смешивающая два слова — циник и киник, отличающиеся в русском языке лишь одной первой буквой, но описывающие явления, не только различные, но во многом и противоположные по своему значению. Ведь цинизм, как и немало другого в жизни человечества, родился из языковых парадоксов. И один из таких парадоксов — этимология слова. Оно произошло от самоназвания древнегреческих киников — людей, для которых главным было не философствование, не игра с понятиями, а «кинический» образ и стиль жизни. И если считающегося теоретическим основоположником кинизма Антисфена можно назвать философом, то уже Диогена с его скандально популярными и провокативными эпатажами вряд ли можно отнести к данной почтенной категории[15]. Как и других его уличных последователей. Впрочем, и тогда, и позднее, существовали и философы, которые во внешнем поведении были далеки от диогеновых эпатажных манер, но, по существу, разделявшие кинические ценности. Кинизм перешагивал и через века, и через границы античных государств. Уже в новой эре он возродился в морали римского стоицизма. Вспомним, например, Эпиктета.

Киники были своего рода нигилистами. Они отвергали государство, политические институты, нормы как якобы противные природе человека. «Киники отрицали всё, что противопоставляется человеку. Как враждебную, внеположенную силу — государство с его институтами, законами, политикой, демагогами, правителями, диктаторами и т.п.» [*Нахов*, 1982. С. 99]. Законы государства для них — антагонисты природы. Разумеется, в столь радикальной форме киническая идеология в политическом плане не могла приобрести сколько-нибудь широкую популярность и выполняла роль своего рода эпатажного «антитезиса». Однако, преодолев свой изначально скандально максималистский характер, она вписалась в, говоря современным языком, либеральное видение соотношения личности, общества, государства. Хотя порой с сохранением пафоса либертарианства.

Так или иначе, но в философском, идейном отношении кинический взгляд на «правила жизни» вышел далеко за пределы не только Греции, но и античного мира в целом. Явным или неявным образом он вошёл в целый ряд как философских течений, так и стилей поведения по многим своим параметрам очень разных — от древнеримской стои и раннехристианского аскетизма и жертвенности до современности. Его можно обнаружить и в экзистенциалистской философии, и в контркультурах XX–XXI вв. в формах хипстерства, дауншифтинга, акционизма. Ведь «классические» хиппи по типу поведения и идеологии тоже были близки к киникам, даже по стилю жизни и манерам в чём-то походя на Диогена. Мне когда-то довелось наблюдать их и даже немного с ними пообщаться в паре районов «современных Афин» — Сан-Франциско, а также в Вашингтоне, во время протестных маршей вокруг Белого дома. Да и на современный акционизм тоже можно посмотреть в киническом контексте; хотя его порой открыто провокативный, скандальный характер, вплоть до демонстративного отвержения элементарных норм морали и даже гигиены, при-

[15] Тем не менее в истории философии Диогена (Синопского) относят именно к школе киников (*лат*. Cynici) и не разделяют «циников» и «киников». Такое разделение произошло гораздо позднее, в бытовой речи. Циники имеют такое же отношение к киникам, как корыстолюбивые люди к философам-материалистам. — *Прим. ред.*

ближает его к цинизму в негативной коннотации слова. Но в целом соотношение кинизма и цинизма в истории и современности многопланово, довольно сложно и неоднозначно.

Совокупность связанных с этим вопросов подробнейшим образом рассмотрел П. Слодердайк в ставшей научным бестселлером книге «Критика цинического разума» [*Слодердайк*, 2009], противопоставляющий эти два явления как в историческом, так и в смысловом отношениях. Его рассмотрение кинизма и цинизма во все времена и в широчайшем аспекте проявлений претендует на исчерпывающий характер. А в самом общем плане, кинизм и цинизм в трактовке Слодердайка — две полемические формы сознания «верхов» и «низов». Античный киник — анархист, провокатор, диссидент, который либо демонстративно, как Диоген, отвергает принятые в окружающем его обществе нормы и стандарты благополучия, житейского комфорта и даже просто приличного поведения, либо, как Лукиан, подвергает их издевательскому осмеянию в публичных лекциях перед согражданами. Иными словами, киник — человек идейный. Он либо своим прямым поведением, либо вербально, но в любом случае демонстративно противопоставляет себя общественным нормам и морали, открыто их презирает и готов испытывать за это разного рода лишения и опасности. Так сказать, «пострадать за идею». Циник же, напротив, старается, не привлекая к себе лишнего внимания, вписаться в общий «строй» и, внешне играя по правилам, на самом деле им презираемым, стремится использовать своё неприятие общественных норм себе во благо.

Поэтому ранние киники были, как почти все ранние протестанты, «штучным товаром», отнюдь не массовым типом. Но потом происходили перемены, о которых в силу периферийности темы ограничусь несколькими словами. По Слодердайку, первый народ киников это — евреи до их изгнания из Палестины, когда в борьбе с оккупировавшим её Римом, в отчаянных восстаниях против явно превосходивших их в военном отношении римских легионов, они продемонстрировали образ героизма, пусть слабого и обречённого на физическое поражение враждебной силе, но утверждающее своей жертвенностью собственное моральное над ней превосходство[16]. Сходным образом Слодердайк трактует и раннее христианство как великую школу сопротивления насилию, воплощённую в вере. (Тут приходит аналогия из совсем другой эпохи — В. Гавел с его концептом «власти бессильных».) Рим сперва подавлял христиан, но, начиная с Константина, стал «приручать» христианский кинизм, тем самым осуществив преломление кинического импульса с превращением его в цинизм. Таким образом, в политическом отношении *кинизм имманентно противоборствует власти и противостоит цинизму, использующему его в своекорыстных целях*, представляя собой интегрированный в общество антиобщественный тип морали и поведения. В этом состоит их принципиальное различие. То есть мы видим, что *кинизм — это протест,* а *цинизм — лукавое приспособление*.

К числу влияющих на бизнес-поведение моральных феноменов можно, на мой взгляд, отнести такие категории, как *доверие, совесть, стыд, благодарность*, поскольку

---

[16] «После того как Юлий Цезарь облегчил налоговое бремя, наложенное римлянами на евреев, в Иудее, к её несчастью, оставалось много возможностей для постоянных злоупотреблений. Перед Великим восстанием 66 г. н.э. еврейские налогоплательщики уже несколько лет проводили всеобщую забастовку, и римский прокуратор Гессий Флор был готов применить силу. Назначенный римлянами царь Ирод Агриппа убеждал евреев заплатить недоимки и предотвратить карательные меры римлян…

Доводы царя подействовали, и евреи заплатили недоимки. Однако Гессий Флор на самом деле хотел не этого. Восстание дало бы ему возможность захватить золото из иерусалимского храма, который был одной из самых богатых сокровищниц римского мира…

…Когда Тит подошёл к Иерусалиму, окружённому восстановленными стенами, он попробовал договориться с зилотами, чтобы предотвратить резню, неизбежную в противном случае… Тит согласился отменить осаду при выполнении двух условий: евреи признают римское владычество над Иудеей (которое было уже свершившимся фактом) и обязуются регулярно платить налоги римлянам. Оставшиеся в живых потом, должно быть, сильно жалели, что не приняли предложение Тита…» (*Адамс Ч.* Влияние налогов на становление цивилизации. — М., Челябинск: Социум, 2022. С. 69–70). — *Прим. ред.*

их наличие либо дефицит формируют и общую атмосферу деловой жизни, часто определяют выбор конкретных решений и действий её участников. Поскольку проблема доверия стала в последние десятилетия почти дежурной темой в любой экономической дискуссии и серьёзной работе, не буду на ней останавливаться, а скажу несколько слов о факторе стыда, который в некоторых культурах тоже довольно существенен. Так, в деловой культуре японского предпринимательства считается стыдным, морально ущербным получать незаработанное честным трудом. Конечно, как и всюду, случаются исключения. Существует и мафиозная сеть организованной преступности — якудза. Но в целом в культуре деловых отношений в Японии стыд и совесть — факторы, реально работающие и влияющие на деловое поведение. Такие вещи положительно воздействуют на моральный климат в бизнес сообществе, формируют дух здоровой корпоративности, чувства взаимной ответственности, взаимосвязанности. Впрочем, и Запад отнюдь не чужд этому. Вспомним, хотя бы по названию, теорию «моральной доброты», автором которой был не кто иной, как М. Лютер, и которая в разных формах присутствует во многих порождённых Европой философских концепциях. И, может быть, «чудо» быстрого по историческим меркам послевоенного возрождения Японии и Германии не в последнюю очередь связано именно с морально-этическими факторами?

С другой стороны, Ф. Фукуяма, приступая к анализу деформаций государственных институтов в разных странах, писал, что в отсутствие моральных стимулов «само государство превращается в косную структуру, не способную к самообновлению» [*Фукуяма*, 2019 С. 15]. Тут вспоминается и Ф. Бастиа с его оценкой «государства как громадной фикции, где все стараются жить за счёт всех» [*Бастиа,* 2021. С. 31] Думаю, здесь можно вспомнить и о проводимом многими достаточно жёстком различии между либеральным и антилиберальным капитализмами, хотя в целом к США клеймо экономического антилиберализма применимо меньше, чем к любой из западноевропейских стран с рыночной моделью развития.

Пожалуй, уместно завершить этот текст кантовской максимой, согласно которой «этика это — спасательный круг человечества, особенно в тёмные времена». Понятно, что в ней звучит пафос моралистической идеализации. Но на то она, как говорится, и максима.

Разбору других — собственно психологических и политических — факторов влияния на экономическое поведение я предполагаю посвятить следующую статью.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCE

Бастиа Ф.(2021). *Грабёж по закону*. [*Bastia F.* (2021). Robbery by Law]. — М.: Социум.

Гумбольдт В. фон. (1985). Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства [*Humboldt V. fon* (1985). Ideas for experience that defines the boundaries of state activities] // Гумбольдт В. фон. (1985). *Язык и философия культуры.* — М.: Прогресс. С. 25–141.

Ключевский В.О. (1958). *Сочинения.* Т.5. [*Kluchevskiy V.* (1958). Essays. Vol. 5]. — М.: Издательство социально-экономической литературы.

Колсон Ч. (1996). *Конфликт царств* [*Colton Ch.* (1985). Conflict of Kingdoms]. — М.: Гендальф.

Кон И. (1975). *Словарь по этике* [*Коп I.* (1975). Dictionary on Ethics]. — М.: Издательство политической литературы.

Маритен Ж. (2000). *Человек и государство* [*Maritenne J.* (2000). The Man and State]. — М.: Идея-Пресс.

Мэньюэл Ф. (1977). О пользе и вреде психологии для истории [*Manuel F.* (1977). On Benefit and Harm of Psychology for History] // *Философия и методология истории.* — М. Прогресс.

Нахов И.М. (1984). *Философия киников [Nakhov I.* (1984). The Philosophy of Kinics]. — М.: Наука.

Оболонский А.В. (2022). Человеческий фактор в государственном управлении периода транзита в свете концепций новой институциональной теории [*Obolonsky A.* (2022). A Hunan Factor in Public Administration during the Transit Period in light of Concepts of New Institutional Theory] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 126–145.

«Особый путь» страны: мифы и реальность (2018). / Под ред. А. Оболонского [*«A Special Path» of country: Myths a Realities* (2018), ed. A. Obolonsky]. — М.: Мысль.

Соловьев В.С. (1988). Оправдание добра. Нравственная философия [*Soloviev V.S.* (1988). Justification for good. Moral philosophy] // В.С. Соловьев (1988). *Сочинения.* В 2-х т. Т. 1. — М.: Мысль. С. 47–548.

Слодердайк П. (2001). *Критика цинического разума.* [*Sloderike P.* (2001). The Critics of Cynical Reason]. — М.: У-Фактория Екатеринбург, АСТ.

Травин Д.Я. (2021). *Почему Россия отстала?* [*Travin D.(2021)* Why Russia is Lag Behind?]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д.Я. (2023). *Русская ловушка* [*Travin D.*(2023). The Russian Trap]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Философия и идеология: от Маркса до постмодерна (2018) / Под ред. А.В. Рубцова и А.А. Гусейнова *[Philosophy and Ideology: from Marx till Postmodern* (2018). / A. Rubtsov, A. Guseynov (eds.)]. — М.: Прогресс-Традиция.

Флоровский Г. (1983). *Пути русского богословия* [*Florovsky V.*(1983). Ways of the Russian Orthodoxic Thought]. — Paris: YMCA-Press.

Фукуяма Ф. (2019). *Идентичность.* [*Fukuyama F.* (2019). *Identity*]. — М.: Альбина Паблишер.

Fukuyama F. (1992). *The End of History and the Last Man*. — N.Y.: Free Press.

McCloskey D. (2010). *Bourgeois Dignity: Why Economists Can't Explain the Modern World.* — Chicago and London: Chicago University Press.

Оболонский Александр Валентинович
aobolonsky@hse.ru

Alexander V. Obolonsky
Doctor of Sciences (Law), professor, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow)
aobolonsky@hse.ru

THE NON MATHERIAL DETERMINANTS OF SOCIO ECONOMICAL BEHAVIOR, OR «NOT BY THE BREAD ALONE» (Part I)

Abstract. The article devoted to consideration of some nonmaterial factors, ideological and morally ethical especially, including historical and religious ones, and their complex influence on social-economic process, on motivations and economic behavior of subjects. because underestimation of their importance had serious negative consequences. Author stresses the absence for Russia of any civilization "prohibition" for change its way of development and criticize the opposite position. Both positive sides of economic reforms and narrow-minded character of them, including juridical determinism, are discussed. However, the main portion of the article devoted to analysis of ideological and morally-ethical determinants of economic behavior. Analysis of the first ones based of review of contemporary Russian philosophers, who name ideology as a "believes in package of knowledge". They also assume impossible to remove ideology as such and also discuss differences between official and shadow ideologies. The religious ideology is also touched. An important role of noninstitutional, moral factors of economic behavior as a mainstream in modern economic science is mentioned in the section on moral ethical factors. Originally antic category of Tymos as soon and a moral incarnation of it in the notion of human dignity, problems of trust, consciousness, feelings of shame and gratitude are considered. A special section devoted to important problem of Kinism and cynicism as morally opposing each other in historical and philosophical aspects. Article is concluded by Kantian maxim on ethic as a lifejacket for humanity, in dark times especially.

Keywords: *economic reform, nonmaterial factors, ideology, morality, ethics, cynicism.*
JEL: D01, K15, Z10.

В.Л. Степанов
д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ТАМОЖЕННАЯ ОХРАНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ТРУДАХ И ПОЛИТИКЕ Н.Х. БУНГЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию взглядов видного ученого-экономиста и государственного деятеля Н.Х. Бунге (1823–1895) на вопросы таможенной охраны и его политики в этой области на посту министра финансов в 1881–1886 гг. Отмечается влияние различных направлений в политэкономии на формирование позиции Бунге, прослеживается эволюция его воззрений от фритредерства к умеренному протекционизму.

Рассматриваются меры Бунге в качестве главы финансового ведомства по повышению ввозных пошлин с целью поддержки отечественной промышленности, увеличению доходов казны, сбалансированию торгового и платежного балансов. Этот курс находился в русле общего усиления этатистских тенденций в экономике в царствование Александра III. Вместе с тем Бунге стремился ввести ужесточение таможенной охраны в определённые пределы, чтобы минимизировать неизбежные издержки протекционизма, который вел к монополизации отдельных отраслей, подавлял развитие свободной конкуренции, тормозил технический прогресс, препятствовал улучшению качества отечественной продукции, искусственно взвинчивал цены на импортные товары и тем самым сокращал внутренний спрос и потребление. Констатируется, что осторожная позиция министра финансов не встретила поддержки в верхах, и в дальнейшем при его преемнике И.А. Вышнеградском продолжилось дальнейшее усиление таможенного обложения, завершившееся принятием в 1891 г. самого высокого в Европе протекционистского тарифа.

Ключевые слова: *экономика, промышленность, торговля, фритредерство, протекционизм, таможенная политика.*
JEL: B12; B15; B31; F13; G28
УДК: 338(091)
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_216_224
© В.Л. Степанов, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Степанов В.Л.* Таможенная охрана отечественной промышленности в трудах и политике Н.Х. Бунге // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 216–224. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_216_224.
FOR CITATION: *: Stepanov V. Customs Protection of Domestic Industry in the Works and Politics of N.H. Bunge* // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 216–224. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_216_224.

Николай Христианович Бунге (1823–1895) принадлежал к плеяде видных российских экономистов, долгие годы был профессором и ректором Университета св. Владимира в Киеве, избирался действительным членом Императорской Академии наук (1890 г.). Как авторитетный знаток проблем народного хозяйства он неоднократно приглашался для работы в правительственных комиссиях, принимал активное участие в подготовке отмены крепостного права. В 1881–1886 гг. Бунге занимал пост министра финансов и стал иници-

атором податных реформ, принятия фабрично-заводского законодательства, учреждения ипотечного Крестьянского банка и ряда других преобразований. Его деятельность ознаменовалась и серьёзными переменами во внешнеторговой политике. Среди современников и в научной литературе он заслужил репутацию основоположника протекционистского курса. Однако взгляды Бунге в этой области на протяжении многих лет претерпели определённые изменения, связанные в том числе и с эволюцией его теоретических установок. В 1850-х гг. он колебался между двумя направлениями в политэкономии. Бунге явно тяготел к либеральной концепции английской классической школы А. Смита, но вместе с тем указывал на использование дедуктивного метода для выработки «абстрактных формул», далёких от реалий хозяйственной жизни [*Бунге*, 1852. С. VII–VIII]. Он испытывал также интерес к индуктивному методу немецкой исторической школы, представители которой ставили на первое место изучение конкретных экономических явлений, хотя позднее порицал свойственный ей релятивизм и недооценку значения универсальных законов [*Бунге*, 1857а. С. 752, 753].

Тем не менее в эти годы Бунге отстаивал лозунг свободы торговли и учение «классиков» о международном разделении труда. Вопросы таможенной политики в предреформенный период приобрели особую актуальность. Ещё в 1840-е гг. начался постепенный отход от установленной в 1822 г. запретительной системы во внешней торговле к менее жёсткой охранительной, при которой оказывалась поддержка отечественной промышленности, но в то же время принимались во внимание интересы казны и потребителей. Тариф 13 октября 1850 г. предусматривал сдерживание импорта предметов потребления с целью активизации торгового баланса и понижение пошлин на сырье и полуфабрикаты, необходимых для развития внутреннего производства. В правительстве рассчитывали также на рост таможенных доходов, однако эти ожидания не оправдались. Тем не менее, в первые годы тариф сыграл положительную роль в развитии промышленности [*Соболев*, 1911. С. 8–83]. Крымская война 1853–1856 гг. подорвала финансы империи и дала импульс пересмотру экономического законодательства, в том числе в области таможенной охраны. В верхах началось обсуждение новой редакции тарифа, что вызвало бурную дискуссию в печати. Фритредеры видели в понижении пошлин стимул для развития промышленности и одно из основных условий прогресса народного хозяйства России. Протекционисты, отстаивавшие интересы предпринимательских кругов, напротив, заявляли, что низкий тариф уничтожит отечественное производство [*Соболев*, 1911. С. 361–401].

В обширной статье, опубликованной в журнале «Отечественные записки», Бунге раскритиковал протекционизм, который «разъединяя государства, осуждает их на отдельное существование», «ослабляет внешние торговые сношения и уменьшает финансовые силы страны», «увеличивает временно запрос на труд, но делает его менее плодотворным», «возбуждает новую деятельность, но ослабляет старую», «не пробуждает дремлющих сил народа, но усыпляет их». Он утверждал, что «меры, предложенные протекционистами, не ведут к предположенной цели, что вместо обещанного благоденствия, они лишают народ известной доли того, что он имеет, что, разводя тощие растения на неблагодарной почве, они разоряют финансы». По словам Бунге, запретительная система может стимулировать производство товаров, которые ранее ввозились из-за границы, однако опыт её применения в течение целых столетий доказывает, что она не создаёт ни «народного капитала», ни «технических искусств». Высокие пошлины вызывают рост дороговизны товаров, ограничивают потребление, истощают средства налогоплательщиков и тем самым сокращают доходы казны. В итоге протекционизм лишь позволяет производителям получать «премию» за счёт потребителей, которая «выражает собой бесполезную трату народного богатства, трату, происходящую от недостатка хороших орудий, машин и от невежества трудящихся» [*Бунге*, 1857б, № 2. С. 710, 725, 726; № 11. С. 2, 7, 8, 10, 11].

Напротив, полагал Бунге, свобода внешней торговли, «сближая развитые политические общества, сродняет интересы их», доставляет народу «дружеское расположение соседей» и «охраняет его от войны». По его мнению, «умеренный тариф, при успехах промышленности, есть признак начинающегося экономического международного единства, которое поставляет в распоряжение каждого отдельного государства то, что составляет результат всемирной исторической деятельности человека: накопленные капиталы, истины науки, творения искусства, открытия техники, наконец, формы частной гражданской жизни, начиная от простого страхового товарищества до сложного механизма кредитных учреждений». Низкие пошлины, писал он, способствуют увеличению потребления, росту народного благосостояния и повышению доходов казны. Бунге уверенно предсказывал, что «государства, которые опередят других на поприще свободы промышленности, которые дадут наилучшее обеспечение правам как личным, так и по имуществам, пойдут гигантскими шагами вперёд, независимо от чужой помощи, и привлекут к себе капиталы и искусство из других стран» [*Бунге*, 1857б, № 2. С. 733; № 11. С. 2, 7, 8, 10, 14].

Однако Бунге подчёркивал, что свобода торговли отнюдь не предполагает отсутствия таможенной охраны и взимания сборов с импортируемых товаров. С его точки зрения, главная задача экономической науки и правительств всех стран — превратить пошлины в выгодный финансовый источник, по возможности не стесняющий ни промышленность, ни внутреннее потребление. При этом он предостерегал от какой-либо поспешности при смягчении российской таможенной политики, которая могла бы нанести ущерб действующим предприятиям: «Существующие фабричные интересы, созданные прежней протекционистской системой не могут быть внезапно принесены в жертву общественному благу и, может быть, многие из попыток улучшить положение потребителей останутся безуспешными до тех пор, пока у нас не выработаются новые условия, более благоприятные для внутреннего промышленного развития». Бунге отмечал, что этого невозможно достичь только путём повышения пошлин, так как необходим целый комплекс факторов: накопление капиталов, образование частной собственности, создание рынка вольнонаёмной рабочей силы, преобразование прямого налогообложения, становление частного кредита и т.п. [*Бунге*, 1857б, № 2. С. 710; № 6. С. 473, 474, 482].

Новый тариф, утверждённый 27 мая 1857 г., стал очередным шагом в переходе от запретительной таможенной системы к умеренно-охранительной. Он зафиксировал понижение пошлин по многим статьям и в том числе на ввоз жизненных припасов, сырья, полуфабрикатов, изделий и оборудования. Вместе с тем тариф, вопреки опасениям предпринимателей, сохранил таможенные ставки достаточно высокими и не причинил им ущерба [*Соболев,* 1911. С. 100–177]. Оценивая подобный акт как «положительное отрицание протекционизма», Бунге полагал, что он будет способствовать торговле России с развитыми странами и «содействовать пробуждению нашему от продолжительного застоя, освобождению от духа привычки и любви к старине», «иметь самое благотворное влияние на экономическое положение народа, содействуя дешевизне и домашнего производства, и привозных товаров», и тем самым увеличивать внутреннее потребление. При этом, отмечал он, законодатели не принесли в жертву принципу свободной торговли фабрики и заводы, возникшие под влиянием тарифа 1822 г., которые смогут работать даже при менее выгодных хозяйственных условиях [*Бунге*, 1857б, № 12. С. 617–619]. Бунге, как и другие фритредеры, вполне сознавал невозможность быстрой либерализации таможенной политики, так как крепостническая Россия была не в состоянии выдержать конкуренцию с передовыми европейскими странами. Он указывал на отсталость сельскохозяйственного производства, низкий уровень доходов основной массы населения, узость внутреннего рынка для потребления иностранных товаров, слабость внешнеторговых оборотов, плохие пути сообщения [*Бунге*, 1857б, № 6. С. 477–479, 507].

Спустя десятилетие Бунге пересмотрел свои взгляды на характер таможенной охраны. К тому времени он заметно отошёл от прежнего увлечения идеями экономического либерализма и стал в ещё большей степени опираться на труды теоретиков немецкой исторической школы. Бунге подчёркивал, что многообразные экономические явления и процессы «не укладываются в тесные рамки априорических выводов» А. Смита и его последователей [*Бунге*, 1868. С. 99]. «И в практической деятельности, и в науке, — писал он, — является мысль о необходимости ограничений свободы и об устройстве народного хозяйства при участии государства» [*Бунге*, 1869. С. 12]. Перемены в воззрениях Бунге оказали влияние и на его отношение к таможенной политике. После Крымской войны тариф 1857 г. явно нуждался в корректировке. Он не оправдал надежд правительства на значительное приращение доходов казны по мере увеличения внешнего товарооборота. Этому воспрепятствовали падение курса бумажного рубля, разгул контрабанды и медленный рост внутреннего потребления в связи с трудными условиями переходного времени после отмены крепостного права. Кроме того, из-за возрастания импорта сократился активный итог торгового баланса [*Соболев*, 1911. С. 178–185].

В своих работах второй половины 1860-х гг. Бунге признал за протекционизмом «историческое значение», так как «можно быть приверженцем свободы промышленности и свободы торговли уже ни во что бы то ни стало, а насколько допускает их развитие общества и положение промышленности». Вспоминая о своей статье десятилетней давности, он отверг возможные обвинения в отступничестве: «мысли мои с тех пор не изменились, но изменилось многое в условиях русской жизни и разработке науки; изменился мой взгляд на применение к делу теоретических истин» [*Бунге*, 1867, № 10. С. 431, 432]. При этом Бунге ссылался на английского экономиста Дж. С. Милля, который, опровергая доводы меркантилистов и протекционистов, вместе с тем «допускает временное покровительство в странах молодых и развивающихся в видах водворения производства» [*Бунге*, 1868. С. 93]. Вопреки своим прежним утверждениям, он писал, что статистические исследования не подтверждают вывод об увеличении таможенных поступлений при низком тарифе в результате расширения внутреннего потребления. Для этого необходимо соответствующее повышение производительности труда и уровня благосостояния населения. Между тем с момента введения в действие тарифа 1857 г. нельзя говорить о каком-либо росте «народного богатства» в России [*Бунге*, 1867, № 11. С. 44].

С точки зрения Бунге, таможенная политика должна разрабатываться при непременном учёте её влияния на производство, торговлю и потребление. «Нисколько не разделяя протекционистических взглядов, — утверждал он, — нельзя, однако же, допустить такие пошлины, которые сделали бы некоторые из существующих отраслей промышленности невозможными». При этом Бунге критиковал теоретика протекционизма Ф. Листа за абсолютизацию значения таможенной охраны: «Упрекая экономистов в космополитизме, он забывает, что истина никогда не бывает одной для одного, другой для другого народа. Формы хозяйственного устройства, подобно всем общественным явлениям, имеют, без сомнения, и общечеловеческую, и национальную стороны, и в этом смысле совмещают в себе обе стихии» [*Бунге*, 1869. С. 41, 256, 258]. По его словам, запретительная система, как и фритредерская, также не может служить надёжным средством для увеличения таможенных поступлений. Поэтому тариф, построенный в финансовом отношении на чисто протекционистской основе, «повторяет известную басню о зарезанной курице, которая несла золотые яйца». Пока отрасли производства, ограждаемые таможенным покровительством, не получили должного развития внутри страны, доходы могут быть значительными, но они неизбежно падают в связи с успехами отечественной промышленности [*Бунге*, 1867, № 11. С. 45].

Очередной тариф, утверждённый 5 июля 1868 г., также носил умеренно-охранительный характер: были понижены пошлины на многие сырьевые и потребительские товары с целью поощрения их ввоза, увеличения таможенных поступлений и противодействия

контрабанде, но вместе с тем повышены ставки на некоторые виды продукции, чтобы соблюсти интересы российских предпринимателей. В последующее десятилетие это способствовало бурному развитию промышленности и железнодорожной сети. Правительству удалось также добиться существенного увеличения таможенного дохода. Однако применение нового тарифа привело к значительному преобладанию импорта над экспортом и пассивному сальдо торгового баланса [*Соболев*, 1911. С. 303–312]. В дальнейшем в верхах сложилось убеждение в невозможности дальнейшего понижения таможенного обложения без нанесения ущерба внутреннему производству. Более того, во второй половине 1870-х гг. начался постепенный возврат к протекционистскому курсу. По закону 10 ноября 1876 г. пошлины с 1 января 1877 г. стали взиматься в золотой валюте, что по тогдашнему курсу кредитного рубля означало их повышение на 48%. Это было продиктовано острыми фискальными нуждами накануне войны с Турцией, необходимостью активизации торгового баланса и пополнения металлического денежного фонда для платежей по внешним государственным займам [*Соболев*, 1911. С. 417–423]. После разразившегося в 1873 г. мирового экономического кризиса усиление таможенной охраны стало устойчивой тенденцией. В 1879 г. Германия ввиду появления на европейском рынке огромного количества дешёвого хлеба из Австралии, Индии и Северной Америки установила высокие пошлины на ввоз сельскохозяйственных товаров. Её примеру последовали Франция, Италия, Австро-Венгрия и другие западные страны.

В мае 1880 г. Бунге стал товарищем (заместителем) министра финансов А.А. Абазы. Он занял этот пост в крайне сложной экономической ситуации, когда после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в стране началось финансовое расстройство: бюджет из года в год сводился с дефицитом, возрос государственный долг, произошло падение курса рубля и российских ценных бумаг за границей. К моменту назначения Бунге вышла в свет его брошюра о мерах по упорядочению денежного обращения, в которой были затронуты и вопросы таможенной политики. Он подтвердил свою «центристскую» позицию между фритредерами и протекционистами, критически оценивая крайности обоих учений: «Если ошибаются фритредеры, полагая, что всякое понижение таможенного налога способствует дешевизне и потребления, и производства, то не менее ошибаются и протекционисты, заботясь о создании производства, не обращая внимания на то, во что оно обходится». Применительно к сложившейся ситуации в России Бунге рекомендовал повысить пошлины и установить «строго-охранительный» тариф, чтобы сбалансировать торговый и платёжный балансы, поднять курс рубля до номинала, увеличить государственные доходы и оживить промышленность [*Бунге*, 1880. С. 8, 9, 39].

В своей программной записке 20 сентября 1880 г., адресованной Александру II, Бунге настаивал на принятии мер по обеспечению индустриального роста: «Обращаясь к средствам для содействия обрабатывающей промышленности, заводским и торговым предприятиям, нельзя не признать, что от правительства требуется для сего не столько материальная помощь, сколько установление лучшего порядка посредством издания законов, применённых к современному развитию народного хозяйства. Россия отстала от всей Западной Европы в этом отношении почти на полстолетия» [*Бунге*, 1960. С. 136]. В рамках этого направления в экономической политике особое значение Бунге придавал усилению таможенного покровительства. Законом 16 декабря 1880 г., принятым по инициативе министра финансов и его товарища, с 1 января 1881 г. пошлины на все импортируемые товары были повышены на 10% для компенсации убытков, понесённых в результате отмены соляного налога, но вместе с тем учитывалось и возможное положительное влияние этой меры на состояние внутреннего производства [*Соболев*, 1911. С. 429–431].

В мае 1881 г. Бунге сменил Абазу в должности министра финансов. Ему сразу же пришлось приступить к стабилизации положения в промышленности. После оживления 1878–1880 гг., вызванного благоприятной военной конъюнктурой, появились первые при-

знаки спада, а в 1882 г. ведущие отрасли охватил кризис перепроизводства, переросший в депрессию, которая затянулась до 1887 г. Предпринимательские организации неоднократно обращались к правительству с просьбами о помощи. Министерство финансов способствовало размещению на фабриках и заводах выгодных казённых заказов, выделяло значительные ссуды из Государственного банка, принимало меры для ограничения импорта. 2 января 1882 г. Бунге в докладе императору указал на необходимость «поддержки тех отраслей промышленности, которые наиболее нуждаются в таможенной защите» [*Всеподданнейший доклад*, 1882а. С. 13–14]. В своей политике ему приходилось учитывать целый ряд факторов — усиление протекционистских тенденций в странах Запада, необходимость увеличения налоговых поступлений для пополнения дефицитного бюджета и активизации торгового и платёжного балансов, без чего было невозможно добиться упорядочения денежного обращения и укрепления рубля. Министр финансов должен был принимать во внимание призывы консервативных кругов к всемерной защите интересов отечественных предпринимателей, а также позицию самого Александра III, который был убеждённым протекционистом.

В своём представлении в Государственный совет 27 февраля 1882 г. Бунге писал, что введение золотых пошлин в 1877 г. и 10%-го дополнительного сбора в 1881 г. позитивно отразились на развитии фабрично-заводского производства, но эти меры недостаточны, так как ввоз иностранных товаров за этот период не уменьшился, а увеличился. По его мнению, ещё большее усиление таможенной охраны позволит оградить промышленность от иностранной конкуренции, достичь более выгодного соотношения между импортом и экспортом, а также увеличить государственные доходы. Однако Бунге возражал против общего пересмотра тарифа 1868 г. и предложил внести в него лишь частичные изменения, опасаясь «потрясения торговых сделок» и застоя во внешней торговле. Он отметил нежелательность каких-либо поспешных шагов без тщательного изучения потребностей торгово-промышленного развития и учёта пожеланий предпринимательских кругов [*РГИА*, 1882. Л. 3–4, 5 об.].

1 июня 1882 г. было проведено «огульное» (общее) повышение таможенных ставок на сырьё, полуфабрикаты и готовые изделия [*Соболев*, 1911. С. 431–471]. В декабре, докладывая императору о бюджетной росписи на 1883 г., министр финансов вновь поставил задачу «обеспечить правильный рост промышленности достаточным для неё покровительством» [*Всеподданнейший доклад*, 1882б. С. 16]. Спустя год он сообщил Александру III о положительных результатах изменений в тарифе: активизации торгового баланса, возникновении новых фабрик и заводов, увеличении выпуска продукции на ранее действовавших предприятиях. «К сожалению должно признать, — писал Бунге, — что покровительство, оказываемое производству, способствовало доселе водворению новых отраслей промышленности более на окраинах, нежели в средоточии России, и что не все покровительствуемые отрасли производства довели цены своих произведений до умеренных размеров» [*Всеподданнейший доклад*, 1883. С. 14].

В дальнейшем финансовое ведомство продолжило курс на ужесточение таможенной охраны. 13 мая 1883 г. по настойчивым просьбам предпринимателей был прекращён существовавший с 1864 г. беспошлинный транзит иностранных товаров через Закавказье в Иран [*ПСЗ-III*, 1886. № 1581], 16 июня 1884 г. увеличены пошлины на чугун, уголь и торф, 15 января 1885 г. — на рыбу, чай, вина, шёлк, растительное масло [*Соболев*, 1911. С. 525–535, 562–575; *ПСЗ-III*, 1887. № 2663]. В декабре 1884 г. Бунге докладывал императору, что «результаты, уже достигнутые, начиная с 1877 года, со времени введения золотой пошлины путём последовательного возвышения таможенного тарифа оправдывают принятый образ действий». Он проинформировал Александра III о новых повышениях ряда пошлин, которые планируются в Министерстве финансов. «Когда наиболее настоятельные потребности отдельных отраслей промышленности по надлежащем специальном их изучении будут удовлетворены, — продолжал Бунге, — тогда можно будет немедленно приступить к пересмотру тарифа в видах согласования его отдельных статей при участии заинтересованных

в деле лиц. Общий пересмотр тарифа в настоящее время отдалил бы только решение вопросов неотложных» [*Всеподданнейший доклад*, 1884. С. 15].

9 марта 1885 г. Бунге представил Александру III обзор деятельности Министерства финансов за предшествовавший период, в котором обозначил основные задачи торгово-промышленной политики: совершенствование действовавшего законодательства, облегчение условий возникновения предприятий и акционерных компаний, развитие технического образования, усиление таможенного покровительства. «Пошлины, взимаемые с товаров, привозимых из-за границы, — подчёркивал он, — имеют первостепенное значение как меры, ограждающие отечественную промышленность от иностранного соперничества и способствующие развитию внутреннего производства. Независимо от этого таможенный тариф должен иметь в виду, с одной стороны, приращение государственных доходов, а с другой — улучшение платежного баланса России и сообщение большей устойчивости цены кредитного рубля» [*РГИА*, 1885а. Л. 25, 25 об., 30].

В дальнейшем пошлины были повышены: 19 марта 1885 г. — на сельскохозяйственные машины, 20 мая 1885 г. — на металлы и металлические изделия [*ПСЗ-III*, 1887. № 2822, 2958]. 21 марта 1885 г. Бунге внёс в Государственный совет представление о новом «огульном» увеличении ставок на 10–20% в связи с ужесточением таможенной охраны в крупнейших европейских странах. «В видах самосохранения, — писал он, — необходимо общее возвышение тарифа. Если прибавка пошлин во многих случаях нежелательна для отдельных частных лиц, то её нельзя не признать необходимой в общем государственном интересе; но она должна быть настолько умеренна, насколько это оказывается возможным при данных обстоятельствах». Это предложение было поддержано Государственным советом и 3 июня 1885 г. одобрено императором [*РГИА*, 1885б. Л. 2 об.–3, 45–49, 50–73 об., 74]. 28 мая 1885 г. по инициативе министра финансов состоялось утверждение нового положения о торговле с Великим княжеством Финляндским, так как ввоз из него стал превышать российский экспорт. Для ряда финских товаров были установлены «уравнительные» пошлины с целью сглаживания неравенства таможенных тарифов обеих стран [*ПСЗ-III*, 1887. № 2987]. В 1886 г. были подняты ставки на уголь, медь, кирпич, купорос, серную кислоту, соду, клей, древесную массу, литографские изделия [*Соболев*, 1911. С. 535–541, 615–620, 635–638, 660–665, 668–671, 675–676].

За годы своей министерской деятельности Бунге удалось добиться определённых результатов. Если в 1881 г. пошлины по всем границам империи составляли 16,5% стоимости ввезённых товаров, то в 1886 г. — 27,8% [*Соболев*, 1911. С. 822]. Путём ограничения импорта и форсирования вывоза хлеба министр финансов сумел с 1882 г. обеспечить России небольшое, но стабильное активное сальдо торгового баланса [*Покровский*, 1902. С. 117, 141]. Правда, ему не удалось добиться сколько-нибудь значительного приращения таможенного дохода, который в 1881–1886 гг. возрос лишь с 85,8 млн до 112,4 млн руб. [*Министерство финансов*, 1902. С. 640]. Выступая за повышение пошлин, Бунге, вместе с тем, был против возврата к прежней запретительной системе. «В деле покровительства русской фабричной и заводской промышленности, — вспоминал один из его подчинённых Е.Э. Картавцов, — Николай Христианович был протекционист, но протекционист умеренный, всегда сопоставлявший интерес промышленности с нуждой потребителя и готовый поступиться потребителем для производителя в том только случае, когда можно было ожидать серьёзного развития промышленности и благоприятных для общества результатов» [*Картавцов,* 1897. С. 17].

Осторожная политика Бунге вызвала сильное недовольство консерваторов. Влиятельный редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков и его единомышленники среди общественности и высшей бюрократии требовали от министра финансов более радикальных действий для охраны отечественной промышленности от иностранной конкуренции, но тот не стал следовать их указаниям. В конце декабря 1886 г. Бунге писал Александру III, что «таможенный тариф за сделанными и проектированными в нём возвышениями не требует коренного изменения» [*Всеподданнейший доклад*, 1886. С. 14]. Катков

развернул в печати целую кампанию против непокорного министра, обвиняя его в незнании особенностей народного хозяйства России и следовании «чужеродным» западным теориям [*Степанов*, 2020. С. 125]. В начале 1887 г. под давлением своих противников Бунге получил отставку и был перемещён на почётный, но менее значимый пост председателя Комитета министров. Его преемником стал близкий к консервативным кругам, руководитель нескольких крупных акционерных компаний И.А. Вышнеградский.

Занимая промежуточную позицию между экономическим либерализмом и концепцией исторической школы, Бунге пытался каким-то образом синтезировать дедуктивный и индуктивный методы, а также выявить оптимальное соотношение между государственным вмешательством и частным предпринимательством в развитии народного хозяйства. В области таможенной охраны Бунге эволюционировал от прежнего увлечения фритредерством к умеренному протекционизму. Но в большей степени на его деятельность в качестве министра финансов повлияли не теоретические предпочтения, а конкретные экономические потребности страны: необходимость путём повышения пошлин поддерживать находившуюся в депрессии промышленность, решать фискальные проблемы и добиваться превышения экспорта над импортом. Ограничение ввоза иностранных товаров способствовало росту внутреннего производства и индустриализации страны. Курс Министерства финансов находился в русле общего усиления этатистских тенденций в экономике в царствование Александра III. При этом Бунге стремился ввести ужесточение таможенной охраны в определённые пределы, чтобы минимизировать неизбежные издержки протекционизма, который вел к монополизации отдельных отраслей, подавлял развитие свободной конкуренции, тормозил технический прогресс, препятствовал улучшению качества отечественной продукции, искусственно взвинчивал цены на импортные товары и тем самым сокращал внутренний спрос и потребление. Однако после вынужденного ухода Бунге из финансового ведомства Вышнеградский продолжил дальнейшее усиление таможенного обложения, завершившееся принятием в 1891 г. самого высокого в Европе протекционистского тарифа.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бунге Н.Х. (1852). *Теория кредита* [*Bunge N.Kh.* (1852). Credit theory]. — Киев: В университетской типографии.

Бунге Н.Х. (1857a). О месте, занимаемом политической экономией в системе народного образования и об отношении её к практической деятельности [*Bunge N.Kh.* (1857a). About the place occupied by political economy in the public education system and its relation to practical activity] // *Экономический указатель*. № 32. С. 752–756.

Бунге Н.Х. (1857б). Промышленность и её ограничения во внешней торговле [*Bunge N.Kh.* (1857b). Industry and its limitations in foreign trade] // *Отечественные записки*. № 2. С. 709–734; № 6. С. 473–508; № 11. С. 1–28; № 12. С. 589–620.

Бунге Н.Х. (1867). Общий оборот внешней торговли, торговый баланс и таможенные пошлины первостепенных держав в XIX столетии [*Bunge N.Kh.* (1867). The total turnover of foreign trade, the trade balance and customs duties of the major Powers in the XIX century] // *Русский вестник*. № 10. С. 431–462; № 11. С. 5–47.

Бунге Н.Х. (1868). Джон Стюарт Милль как экономист [*Bunge N.Kh.* (1868). John Stuart Mill as an Economist] // *Журнал Министерства народного просвещения*. Т. 140. № 10. Отдел педагогии и наук. С. 1–100.

Бунге Н.Х. (1869). *Полицейское право. Введение и государственное благоустройство* [*Bunge N.Kh.* (1869). Police law. Introduction and state improvement]. Т. I. — Киев: В университетской типографии.

Бунге Н.Х. (1880). *Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к её улучшению* [*Bunge N.Kh.* (1880). A note on the current state of our monetary system and the means to improve it]. — Киев: В типографии В. Безобразова и К°.

Бунге Н.Х. (1960). О финансовом положении России [*Bunge N.Kh.* (1960). About the financial situation of Russia] // *Исторический архив*. № 2. С. 130–144.

Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1882 год. (1882a). [The most comprehensive report of the Governor of the Ministry of Finance on the state registration of income and expenses for 1882. (1882a)]. — СПб.: [б. и.].

Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1883 год. (1882б). [The most comprehensive report of the Minister of Finance on the state registration of income and expenses for 1883. (1882b)]. — СПб.: [б. и.].

Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1884 год. (1883). [The most comprehensive report of the Minister of Finance on the state registration of income and expenses for 1884. (1883)]. — СПб.: [б. и.].

Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1885 год. (1884). [The most comprehensive report of the Minister of Finance on the state registration of income and expenses for 1885. (1884)]. — СПб.: [б. и.].

Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1887 год. (1886). [The most comprehensive report of the Minister of Finance on the state registration of income and expenses for 1887. (1886)]. — СПб.: [б. и.].

Картавцов Е.Э. (1895). Николай Христианович Бунге: Биографический очерк [*Kartavtsov E.E.* (1895). Nikolai Khristianovich Bunge. Biographical sketch] // *Вестник Европы.* № 5. С. 5–39.

Министерство финансов. (1902). [The Ministry of Finance. (1902)]. Ч. 2. — СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг.

Покровский В.И. (1902). *Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России* [*Pokrovsky V.I*. (1902). Collection of information on the history and statistics of Russian foreign trade]. Т. 1. — СПб.: Департамент таможенных сборов. Таблицы.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (ПСЗ-III). (1886). [The complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly III (CCL–III). (1886)]. Т. 3. — СПб.: В Государственной типографии.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (ПСЗ-III). (1887). [The complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly III (CCL–III). (1887)]. Т. 5. — СПб.: В Государственной типографии.

Российский государственный исторический архив (*РГИА*). (1882). [The Russian State Historical Archive (RSHA) (1882)]. Фонд 1152. Опись 9. Дело 178.

Российский государственный исторический архив (*РГИА*). (1885а) [The Russian State Historical Archive (RSHA) (1885a)]. Фонд 560. Опись 22. Дело 164.

Российский государственный исторический архив (*РГИА*). (1885б). [The Russian State Historical Archive (RSHA) (1885b)]. Фонд 1152. Опись 10. Дело 282.

Соболев М.Н. (1911). *Таможенная политика России во второй половине XIX века* [*Sobolev M.N*. (1911). Customs policy of Russia in the second half of the XIX century]. — Томск: Типолитография Сибирского товарищества печатного дела.

Степанов В.Л. (2020). М.Н. Катков о проблемах таможенной политики в России: фритредерство или протекционизм? [*Stepanov V.L*. (2020). M.N. Katkov on the problems of customs policy in Russia: free-trade or protectionism?] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 116–129.

Степанов Валерий Леонидович
valerij-stepanov@mail.ru

Valerii Stepanov
doctor habilitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow

CUSTOMS PROTECTION OF DOMESTIC INDUSTRY IN THE WORKS AND POLITICS OF N.H. BUNGE

Abstract. The article is devoted to the study of the views of the prominent economist and statesman N.H. Bunge (1823-1895) on the issues of customs protection and his policy in this area as Minister of Finance in 1881–1886. The influence of various trends in political economy on the formation of Bunge's position is noted, and the evolution of his views from free-trade to moderate protectionism is traced. Bunge's measures as head of the finance department to increase import duties in order to support domestic industry, increase treasury revenues, and balance trade and balance of payments are being considered. This course was in line with the general strengthening of statist trends in the economy during the reign of Alexander III. At the same time, Bunge sought to introduce stricter customs protection within certain limits in order to minimize the inevitable costs of protectionism, which led to the monopolization of certain industries, suppressed the development of free competition, hindered technological progress, hindered the improvement of the quality of domestic products, artificially inflated prices for imported goods and thereby reduced domestic demand and consumption. It is stated that the cautious position of the Minister of Finance did not meet with support at the top, and in the future under his successor I.A. Vishnegradsky region continued to further strengthen customs taxation, culminating in the adoption in 1891 of the highest protectionist tariff in Europe.

Keywords: *economics, industry, trade, free trade, protectionism, customs policy.*
JEL: B12; B15; B31; F13; G28.